

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ

Фрагменты
этнических историй

Москва
2014

ББК 63.3+63.4+63.5
УДК 397+904
Т 98

Редколлегия

*Громов Д.В., Губогло М.Н. (отв. ред),
Остапенко Л.В., Старченко Р.А, Чешко С.В.*

Рецензенты

*Доктор исторических наук В.В. Карлов
Доктор исторических наук Г.А. Комарова*

*Книга издается при финансовой поддержке РГНФ:
11-01-00534-а «Этногенез. Воображаемые пращуры и
реальные потомки» (Руководитель М.Н. Губогло)*

Т 98 **Тюркские народы. Фрагменты этнических историй** / Отв.
ред. М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 2014. – 442 с.

ISBN 978-5-4211-0123-9

Книга посвящена историографическим и источниковедческим аспектам изучения этногенеза некоторых тюркских народов. Особый интерес в этом плане представляют узловые вопросы этнической истории современных гагаузов, казахов, киргизов, тувинцев, туркмен, уйгур, а также ряд спорных вопросов, касающихся средневековых кипчаков.

ББК 63.3+63.4+63.5
УДК 397+904

ISBN 978-5-4211-0123-9

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2014

© Коллектив авторов, 2014

Содержание

<i>М.Н. Губогло</i> Контрапункты межэтнического синтеза	4
<i>М.Н. Губогло</i> Этническое обрамление Черного моря: времена и берега	25
<i>Н.А. Дубова</i> Сложение туркменского народа	60
<i>С.Ш. Казиев</i> Проблемы этногенеза и этнической истории казахов	97
<i>З.В. Анайбан, М.Х. Маннай-оол</i> Этногенез тувинцев. Историография вопроса	151
<i>С.Ш. Казиев</i> Уйгуры: проблемы историографии этнической истории	175
<i>С.Ш. Казиев</i> Кыргызы: дискурсы этногенеза и этнической истории	233
<i>С.Ш. Казиев</i> Кипчаки: концепции этнической истории	282
<i>С.С. Булгар</i> Гагаузы Греции и Бессарабии. Историко-культурный сравнительный анализ	423

Контрапункты межэтнического синтеза*

В соответствии с задачами исследовательского проекта «Этногенез: воображаемые прашуры и реальные потомки», поддержанного РГНФ (11-01-00534а), была сделана попытка составить компендиум «происхождений» на примере некоторых тюркских народов. Наряду с содержательной стороной (описание процесса этногенеза) одновременно возникла идея выдвинуть теоретически актуальную и практически важную проблему, в чем состоит суть этногенеза как длительного динамического процесса, имеющего начало, продолжение и конец.

Эта задача вполне корреспондирует с размышлениями С.А. Арутюнова, во-первых, касательно того, что «в последнее десятилетие XX в. наметилась тенденция применять термин “этногенез” лишь к такому процессу, в результате которого из ряда существовавших этносов, этнических общностей или их частей складывается новый этнос, осознающий себя как нечто отличное от любых ранее существовавших групп и выражающий это самоосознание через новое самоназвание» [Арутюнов, 2012: 50].

Первые итоги исследований, проведенных сотрудниками ЦИМО по плану вышеназванного проекта, нашли отражение в нескольких ранее опубликованных статьях, были озвучены в ряде устных выступлений на общероссийских конференциях, международных научных симпозиумах, использованы в лекциях по этносоциологии, прочитанных для студентов и аспирантов Комратского государственного университета (Республика Молдова) и Института этнологии и антропологии РАН.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ: грант 11-01-00534а «Этногенез: воображаемые прашуры и реальные потомки» и при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», направление 3: «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре», проект «Этносоциология гостеприимства: дрейф от солидарности к антропоцентризму».

Через призму этнической истории нескольких десятков тюркских народов оказалось возможным рассмотреть, как «работают» традиционные концепции этногенеза. При генеалогической концепции происхождения наивно интерпретируется путем выяснения связи между современным народом и каким-либо легендарным родоначальником. Таким, мягко говоря, «донаучным» способом делаются неуклюжие попытки установления некоей прямой непрерывной связи, как, например, между средневековым Огуз-ханом и некоторыми современными тюркскими народами, или между сельджукским султаном Кейкавусом Изеддином II и современными гагаузами.

Наукообразный вид имеют теории выведения современного народа из какого-либо конкретного «пранарода»: средневекового или народа древнего мира. Проблема состоит, во-первых, в том, насколько правомерен подобный подход, во-вторых, какие представлены серьезные аргументы, в-третьих, в какой мере тот или иной народ является продуктом непрерывного однолинейного или длительного и сложного историко-культурного процесса, в-четвертых, насколько перспективными или бесперспективными выступают попытки объяснить «чистоту» или «смешанность» этнического ядра народа и его этнополитических и этнокультурных связей с другими народами.

Для выяснения исторических связей между прошлым и настоящим, между *«пращурами»* и *потомками*, между древними и современными народами важное значение имеет еще одна группа теорий этногенеза, суть которых сводится к поискам *прародины*. Стратегия и практика исследований по логике такой теории обычно сводится к анализу передвижений конкретных народов с одних на другие места обитаний и связанной с передвижениями динамике численности народов.

При этом основное внимание уделяется пространственным перемещениям, порой в ущерб вертикальной мобильности и в ущерб социодинамике культурных ценностей.

Принципиальная теоретическая проблема заключается в экспертном определении времени, пространства и причин ста-

новления этнической общности в качестве самостоятельной и самодостаточной единицы. Иными словами, нужным оказывается ответ на вопрос, существует или отсутствует воображаемая или реальная грань между свершившимся или продолжающимся процессом становления, формирования или разрушения и исчезновения этнической общности.

Излишне политизированными, порой граничащими с графоманством, выглядят новейшие теории этногенеза, авторы которых озабочены поисками «арийских» истоков своего народа.

Исключительная важность и актуальность изучения проблем этногенеза и этнических историй состоит, прежде всего, в том, что только этнологическая наука, хотя и в необходимом союзе с рядом других дисциплин, более, чем какая-либо другая отрасль гуманитарного знания, создает адекватную питательную среду для становления и укрепления этнического самосознания, свободного от этноцентризма и чрезмерных политических амбиций, от попыток признания превосходства одних народов над другими. Знание проблематики этногенеза, как актуальная проблема, страхует политическую элиту и этнических мобилизаторов от ошибок и приближает к справедливому решению проблем, возникающих в ходе межэтнических взаимоотношений.

Рост этнического самосознания в пору этнических мобилизаций накануне и после развала Советского Союза вызвал к жизни ожесточенную полемику между сторонниками *миграционной* и *автохтонной* теории этногенеза. Цель издания трудов в духе автохтонной теории исходила из желания, в первую очередь, удревнять нахождение этнической территории своего народа, легитимизировать право индигенного народа на данную территорию, относить свой народ к числу великих и героических, снимать претензии представителей некоторых (не-титulyных) народов на участие в политическом и административном управлении, а также в доступе к естественным и материальным ресурсам.

Конкретная цель изучения этнических историй обусловлена поиском и объяснением этнокультурных параллелей в культуре, менталитете и системе жизнеобеспечения конкретного тюркоязычного народа и его вероятных или воображаемых предков. В соответствии с этногенетическими задачами были предприняты исследования и описание использованных источников и историографии этнографического изучения этногенеза, этапов этнической истории, динамики численности и развития социальной структуры, хозяйственных занятий, институтов соционормативной культуры, амальгамы культов кочевой и оседлой жизни, этнополитических и этнопсихологических аспектов межэтнических отношений.

Несмотря на обилие исследований этногенеза конкретных народов, до сих пор за редким исключением нет обстоятельных трудов, посвященных концептуальным и методологическим вопросам [Токарев, 1949; Токарев, Чебоксаров, 1951; Алексеев, 1986; Арутюнов, 2012].

Глубокий общественный интерес к русскому, а следовательно, и к славянскому миру, не лишенный еще на заре XIX в. идеологической и политической ангажированности, неизбежно по аналогии актуализирует проблематику, связанную с тюркским миром. Оправданием для реализации старых и выдвижения новых теорий происхождения и этнической истории тюркских народов евразийского пространства может, в частности, служить этнокультурный синтез славянского и тюркского миров. Этот этнокультурный сплав продолжался на евразийском пространстве на протяжении многих столетий. В ходе многомерного цивилизационного синтеза, вступившего в активную фазу с середины XVI в., одни народы, говорящие на тюркских языках, исчезли с этнической и политической карты мира, другие, напротив, родились и укрепились под крышей Российской империи и Советского Союза. Историческая память об ушедших поколениях и их связях с современниками представляет исключительный интерес с точки зрения выявления и типологии различных по форме, содержанию и продолжительности этногенезов.

Отечественной этнологии, особенно в пору ее «Золотого века» на рубеже XIX–XX вв., принадлежит заслуженный приоритет в мировом гуманитарном знании в деле исследования этногенеза и этнических историй на основе накопления значительного фактического материала об этнографических особенностях и повседневной жизни многих народов, в том числе тюркских. И подобно тому, как историю взаимоотношений народов можно рассматривать через призму «Антропологии движения» (А. Головнев) или «Постижения истории» (А. Тойнби), точно также дискурсы этногенеза и этнических историй народов можно подвергнуть переосмыслению путем анализа межэтнических взаимоотношений, культурных взаимопроникновений и смешений.

Свод «этногенезов» как долговременная программа создает условия для соотнесения возрастания или угасания общественного интереса к этой проблематике с тем или иным социальным заказом в связи с ростом этнического самосознания, активизацией этнической мобилизации, переменами в общественно-политической жизни. Научное освещение происхождения народов расширяет возможность использования данных науки для оптимизации этнической политики как в сфере этногосударственных, так в области межэтнических отношений. В служении этой идее видится в первую очередь новизна предлагаемого сборника статей.

Вернемся к проблемам этногенеза и этнических историй. Методологическая ошибка ряда исследований, итогом которых явились многочисленные теории происхождения того или иного тюркского народа, состояла в бесплодных попытках обязательно отыскать во времени и в пространстве некое универсальное и единственное этнокультурное ядро и неизменный в веках этноним, судьбу которых можно было бы проследить на протяжении тысячелетий на обширном пространстве от Китайской стены до Карпат и Балкан, в изменчивой системе жизнедеятельности от кочевничества до оседлости и в череде вероисповеданий от Тенгри до Христа и атеизма.

Против теории «*вульгарного автохтонизма*», в защиту теории «синтеза» решительно выступал блестящий знаток этнических историй тюркских народов Центральной и Средней Азии С.П. Толстов. Он, в частности, придерживался мнения, что ни один из современных среднеазиатских народов «не восходит непосредственно к какой бы то ни было из этнических групп древности» [Толстов, 1947: 304; Казиев, Рукопись].

Современные достижения этнологии, в том числе конструктивистской и инструменталистской парадигм в культурной антропологии, позволяет если не ставить точку на затянувшихся примордиалистских поисках единых корней общего пращура, как носителя единого этнокультурного ядра, то, по крайней мере, приблизиться к пониманию этнических историй тюркских народов.

Сегодня ситуация с проблемой этногенеза, разработанной на основе нарративных источников, не столь безнадежна, как она порой обрисовывается в сочинениях отдельных зарубежных исследователей и отечественных скептиков. В ее решении большую помощь может оказать классическая теория этногенеза народов, созданная и успешно применяемая многими поколениями отечественных исследователей. В ее основу может быть положена стратегия, сочетающая синхронно-диахронный подход, объектом внимания которого выступают не только тексты, но и вещи, явления, символы и отношения, связывающие культуру воображаемых предков и потомков.

Именно такой подход, вытекающий из богатейшего опыта этнологической науки, заслуживает быть взятым на вооружение. Прибегнем к метафоре, суть которой в том, что изучение кроны позволит лучше узнать потенциал корней дерева, а интеллектуальные раскопки и ретроспективное освоение корней создает возможность для подсчета годовых колец дерева, т.е. для преодоления информационного вакуума. С этой целью особый интерес представляют материалы о сполохах прошлого в современной кроне, т.е. попытка осмысления сохранившихся до наших дней языческих культов и институтов, частично регулирующих повседневную жизнь тюрков.

Опираясь на внешнюю историю и на событийно-содержательную жизнь тюркоязычных народов, например, печенегов, узов (торков), куман (половцев), некоторые авторы пытаются проследить их следы в истории и жизни некоторых современных народов. Смысл такого подхода заключается не в противопоставлении синхронии и диахронии, не в отрицании эволюционного взгляда в ущерб системному, а в их сочетании и взаимодополняемости.

В последнем десятилетии XIX в. и первом десятилетии XX в. вопросы этногенеза в России постоянно ставились в этнографических изданиях и журналах. Это было выражением общественной востребованности этнографической науки и одновременно показателем расширяющихся горизонтов гуманитарного знания. Наряду со специализированными изданиями Русского географического общества (РГО) – «Вестником», «Записками», «Известиями» – выходили тематически ориентированные «Этнографические сборники». Особое место в ряду этнографических журналов занимали «Этнографическое обозрение», «Новая старина». С 1881 по 1901 г. выходили 12 томов «Живописная Россия». Всем им было несть числа ...

Интерес к собиранию этнографических материалов для целей изучения происхождения народов поддерживался вовлечением в эту деятельность широких масс русской и инородческой интеллигенции. Именно в эту пору, отвечая на вызовы времени, В.А. Мошков собрал в Бессарабии уникальные сведения по этнографии и филологии гагаузов.

Фронтальное исследование материальной, общественной жизни семейного быта, народных верований и знаний, устного народного творчества, обычного права, народной медицины и музыки позволило собрать в огромном количестве материалы по многим народам и мобилизовать их не только для комплексного изучения происхождения, но для характеристики традиционной культуры народов. Одним из первых к изучению этногенеза, как специфической проблемы, крайне важной для истории и культуры народа, призывал еще в XVIII в. В.Н. Та-

тищев. На рубеже XIX–XX вв., в пору накопления этнографического материала о народах России, особенно данных по обычаям, обрядности, верованиям и ментальности, удалось преодолеть заложенную В.Н. Татищевым продуктивную для рубежа XVIII–XIX вв., но одностороннюю теорию этногенеза, выводимую, как полагал С.А. Токарев, путем сравнительного анализа языков («разности и согласия языков»).

В конце анкеты, составленной и разосланной В.Н. Татищевым в 1734 г. и состоящей в первой редакции из 92, а во второй из 198 вопросов, приводилась принципиально важная установка: «Наипаче всего нужно каждого народа язык знать, дабы чрез то знать, коего они отродья суть» [*Татищев*, 1950: 94–95].

Отдельные фрагменты теории межэтнического синтеза были изложены в ряде докладов и выступлений, в том числе в публикуемой в данном сборнике статье. Здесь представляется уместным напомнить о двух сторонах этой теории, впервые отчетливо изложенных в уже упоминавшемся трактате Н.М. Карамзина. Суть межэтнического синтеза состоит в цементировании сохраняемого культурного наследия и успешном освоении инновационного опыта. Обратимся к Н.М. Карамзину: «Еще предки наши, – напоминал великий историк, – усердно следовали своим обычаям, но пример начинал действовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верх над старым навыком в воинских уставах, в системе дипломатической, в образе воспитания или учения, в самом светском обхождении (т.е. в повседневной жизни – *М.Г.*), ибо нет сомнения, что Европа от XIII до XIV вв. далеко опередила нас в гражданском просвещении. Сие изменение делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия. Мы заимствовали, но как бы нехотя, применяя все к нашему и новое соединяя со старым» [*Карамзин*, 2006: 997].

Едва ли не центральным событием этнотерриториального расширения России стало присоединение к ней Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств и начало освоения Западной Сибири. Более того, в середине XVI в. в состав

России вошли на востоке Башкирия и Чувашия, на юге – Кабарда.

В 1566 г. сибирский хан Едигер признал вассальную зависимость от Москвы, но сменивший его хан Кучум отказался признать власть Российского государства. В 1581 г. отряд Ермака нанес войскам Кучума поражение и через год занял столицу Сибирского ханства – Кашлык. Окончательно Кучум был разбит в 1598 г., и Западная Сибирь с ее многочисленными местными народами окончательно вошла в состав Российского государства.

В судьбе Российского государства взятие Казани имело огромное историческое значение. Преобладание татаро-монгольских орд было поколеблено еще раньше, в XIV в. Первые ожесточенные столкновения между христианством и исламом, несмотря на сопротивление татарского населения, начали угасать, и закончилось победой войск Российского государства. XVI век стал, таким образом, временем, когда под крышей централизованного государства встретились славянский (точнее восточнославянский) и тюркский мир, христианство и ислам, оседлое население и остатки кочевых народов.

Различные группы татарского населения, вошедшие в состав Российского государства в XVI в., были далеко не первыми тюрками, пришедшими в соприкосновение с восточнославянскими народами. Еще во времена Древней Руси в ее составе насчитывалось, по некоторым подсчетам, до 22 разноязычных народов [История крестьянства, 1990: 18; Русские. 2005: 11].

Уже в IX–X вв. в Волго-Окском междуречье, где формировалась изначальная историко-этническая территория русских, были расселены финно-угорские имена – весь, муром, мешера, меря, а также голядь балтского этноязыкового происхождения [См. карту «Восточнославянские племена и Древнерусская государственность IX–X вв.», Русские: 13].

Особое место в средневековых межэтнических контактах и в формировании населения имели контакты древнерусского населения с исчезнувшими с исторической арены тюркоязыч-

ными печенегами, узами (торками), половцами (куманами), кыпчаками [Плетнева, 1958; 1982; 1990].

Этнорегиональные корни ряда современных тюркских народов Поволжья, Северного Кавказа без труда обнаруживаются в этнической истории и в расселении тюркских народов в южнорусских степях во времена средневековья.

Вхождение поволжских татар и некоторых групп тюркского происхождения в состав русского государства активизировало процессы расселения в государственно-этническом и этнотерриториальном плане. Напомним, что с середины XVI в. усилились процессы складывания многоэтничного Российского государства. Не случайно в исторических источниках получили широкое распространение со второй половины XV в. новые терминологические категории (понятия): Россия, Российская земля [Тихомиров, 1973: 16; Русские, 2005: 26].

Наряду с татарами и башкирами в состав русского государства в XVI в. вошли и другие поволжские народы. Несколько забегаая вперед, имеет смысл подчеркнуть, что процессы нового расселения народов содействовали становлению России как многоэтничного государства. Этот процесс продолжался в дальнейшем на протяжении нескольких столетий и охватывал население на территории Урала, Сибири, Казахстана и Причерноморья, Кавказа и Средней Азии.

К теории межэтнического синтеза

Как уже отмечалось в литературе. «проблемы этногенеза и этнической истории в целом, проблемы наличия различных компонентов и их роли в сложении того или иного ныне существующего или некогда существовавшего этноса всегда занимали и отчасти продолжают занимать одно из важнейших (если только не важнейшее из всех) место в российской этнографической науке» [Арутюнов, 2012: 49].

Приведенное здесь авторское мнение выдающегося советского и российского ученого С.А. Арутюнова могу подтвер-

дять профессиональными ориентациями и тематическими мотивациями студентов и аспирантов кафедры этнографии исторического факультета МГУ, для которых в 1960–1970-е годы, пожалуй, не было более привлекательной и заманчивой темы, чем проблемы этногенеза. Вслед за охлаждением интересов к проблематике этногенеза в 1990–2000-е годы, вызванным концептуально-методологическим и инструментальным переоснащением науки о народах, в том числе в связи с переименованием этнографии в этнологию и культурную (социальную) антропологию, сегодня на рубеже первого и второго десятилетия нового тысячелетия вновь наблюдается повышенное внимание к этногенезу. В наиболее очевидной форме это внимание, в частности, проявляется при создании более чем двух десятков томов в рамках инициированной Институтом этнологии и антропологии РАН серии «Народы и культуры».

Чрезвычайно интересным и перспективным представляется «вмещение» всей истории человечества или этнических историй в пределах отдельных регионов в одно единственное слово, например, в слово «движение» или «постижение». Именно так поступили А.В. Головнев и А. Тойнби, назвав свои произведения соответственно «Антропология движения» и «Постижение истории» [Головнев, 2009; Тойнби, 1991].

Следуя этой практике, весьма заманчивой представляется идея определения сути этнических историй ёмким и полновзвучным словом – «синтез». При этом не трудно из океана мировой истории почерпнуть великое множество примеров. Ограничимся, однако, несколькими примерами из истории народов евразийского пространства. Локомотивом и движущей силой этнических историй в течение многих веков в странах Средней и Центральной Азии служил межэтнический синтез. Долговременные и интенсивные взаимодействия между представителями различных этнических образований в пределах Средней Азии на протяжении почти полутора тысячелетий, как отмечала Л.А. Чвырь, «не могли не привести к синтезу тюрко-иранского культурного пласта, который хотя и издаётся давно,

но осмысление все еще недостаточно. Следствие этого исторического феномена и является устойчивое и глубокое культурное сходство оседлых групп ирано- и тюркоязычного населения (сартов, чагатаев, кашгарлыков и пр.)» [*Чвырь*, 2001: 438].

Итоги межэтнического синтеза, имевшего место в прошлом, порой явственно проявляются в более поздних этнических компонентах, составляющих тот или иной современный народ. Так, например, один из основоположников автохтонной теории происхождения казахов Я. Гавердовский был уверен в том, что народы, составляющие ныне орду Киргизскую, входили в степь разными путями из многих орд...

Таковы, в частности, тюрко-согдийские отношения, межэтнический синтез которых закладывался в ходе тюрко-иранских этнических смешений. Возникающие в результате этого синтеза новые этнические общности совмещали в себе в пределах Центральной Азии оседлый иранский и кочевой тюркский элементы. Этот синтез подобно другим типологически сходным процессам дает возможность проследить этнокультурную преемственность между древними адстратными племенами и более поздними субстратными этническими группами, оказавшимися в итоге в составе казахского народа.

Иногда итогом межэтнического синтеза становится переход идентификационных характеристик народа из одного в другое состояние. Еще в XIV в. эта коллизия была известна арабскому историку Ал-Омари, автору книги «Пути взоров по государствам разных стран». Характеризуя этнические истории народов, входящих в состав Золотой орды, он, в частности, акцентировал внимание на процессах тюркизации монгольских завоевателей. «В древности это государство, – писал Ал-Омари об этнической судьбе Золотой Орды, – было страной Кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом татары смешались и породнились с кипчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами татар, и все они стали точно кипчаками, как будто они одного с ними рода [*Тизенгаузен*, 1884: 235].

Наличие в составе уйгурского народа субэтнических групп кашгарцев, хотанцев, комульцев, акеуйцев, яркендцев и других, восходящих своими этногенетическими корнями к тем или иным этнотерриториальным группам оседлого населения, а также лобнорцев, долонов и абдалов, имеющих прямые этнокультурные параллели с тюркскими и монгольскими кочевниками, служит свидетельством и итогом межэтнических связей в этнической истории уйгурского народа.

Согласно современным новейшим теориям происхождения уйгуров, их этническая история происходила на основе постоянного смешивания различных этнических групп преимущественно кочевого тюркского происхождения и оседлого земледельческого автохтонного тохарско-иранского населения.

Специфические особенности в этнокультурном облике и этноязыковой ситуации многих народов XI в. зафиксированы в «Собрании тюркских наречий», составленном Махмудом Ал-Кашгари.

В этнических историях народов важную роль играет история этнонима, хотя сам по себе этноним, взятый в отрыве от этнокультурной и этнополитической ситуации, не может служить твердым аргументом в подтверждение той или иной теории происхождения народа. Так, например, в XVI в. в состав каждого из трех этнополитических объединений, имеющих в составе мантыгов, входили одни и те же племена кипчаков, найманов, керейтов, аргынов, канглы, кытай, уйгуров, мангытов, уйсуней и некоторых других.

Показательно в этом отношении соотношение этнонима и этнической идентичности болгар Балканского полуострова. Изначально язык южных славян, переселившихся в середине I тыс. н.э. в пределы Северо-Восточной части Балканского полуострова, вытеснил романо-фракийскую речь. Затем в течение двух столетий на язык местного населения оказывал влияние язык тюркоязычных болгар, явившихся на Балканы из южно-русских степей. Опираясь на остатки «булгарского» наследия, некоторые исследователи сочли возможным в современных га-

гаузах увидеть потомков болгар. Немаловажную роль сыграли османское завоевание и элементы культуры других народов. «Таким образом, – резюмировал итоги межэтнических смешений в судьбе современных болгар С.А. Арутюнов, – нынешние болгары – это славянский народ по основному языковому и культурному достоянию, но с хорошо прослеживаемым фракийским субстратом (подслоем), очень тонким болгаро-тюркским суперстратом (наслоением) и существенным турецким адстратом (включением), не говоря уже о греческих и иных вкраплениях, которые также имели место в его этногенезе» [Арутюнов, 2012: 166].

Последствия межэтнического синтеза, как считает С. Казиев, прослеживаются в недрах ядра этнического самосознания казахов, составленного из следующих элементов: 1) хозяйственно-культурного уклада жизни дештских (степных) кочевников, отличающего их от сартов – среднеазиатских торговцев и земледельцев; 2) исторической памяти, сохранявшей предания о героических веках в составе кочевой империи Чингиз-хана; 3) религиозно-культурного порядка, базирующегося на восприятии и утверждении в среде исламской культуры; 4) отказа кочевых племен от любой формы государственного контроля.

Основы синтетического понимания этнической истории были заложены выдающимся историком и общественным деятелем России Николаем Михайловичем Карамзиным. В трактате «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», написанном в 1811 г. по заказу великой княгини Екатерины Павловны, но изданном полностью более чем через 100 лет, в 1914 г., Н.М. Карамзин сформировал концепцию этнической истории как череду смешений этнически неоднородных явлений, как селекцию лучших достижений цивилизации для укрепления Российской государственности и нравственного достоинства русского и других народов.

«Россия, – писал Н.М.Карамзин, – основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием. Во глубине Севера, возвысив главу свою между

азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременною связью с могилами, византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских им варягами. Сии последния черты, свойственные народу мужественному, вольному, еще были заняты в обыкновении судебных поединков, в утехах рыцарских и в духе местничества, основанного на родовом славолюбии. Заключение женского пола в строгое холопство оставалось признаком древних азиатских обычаев. Двор царский уподобляется византийскому. Иоанн III, зять одного из Палеологов, хотел как бы восстановить у нас Грецию соблюдением всех обрядов ее церковных и придворных: окружив себя римскими ордами и принимал иноземных послов в Золотой палате, которая напоминала Юстинианову. Такая смесь в нравах, казалась нам природною, и россияне любили оную, как свою народную собственность» [*Карамзин*, 2006: 994].

Н.М. Карамзин убедительнее, чем другие классики отечественной исторической науки, оценил важное значение идеи Ивана Калиты посылать дань в недра самой орды, вместо того, чтобы терпеть насилие ордынских чиновников в русских городах и селениях. Претворение этой идеи позволило населению русских земель свободно вздохнуть от свирепых наездов ордынских чиновников и баскаков.

Вторым стратегически дальновидным замыслом Ивана Калиты было преодоление остатков феодальной раздробленности путем присоединения частных удельных княжеств к великому московскому княжеству. Не случайно его называли «собирателем земли русской» [Там же, 2006: 992].

Важную роль в этнической истории народов играли не только культурные заимствования, восприятие и адаптация чужих нравов и обычаев, но и сопротивление навязываемым ценностям. Такова, в частности, в русской этнической истории была попытка насаждения католичества в начале XVIII в. По словам

Н.М. Карамзина, несмотря на первоначальное увлечение части русского населения идеями, увещеваниями Лжедмитрия, народ скоро разочаровался в нем и избавился от него. «Дмитрий, – как отмечал Н.М. Карамзин, – явно презирал русские обычаи и веру: пировал, когда народ постился, забавлял свою невесту пляскою скоморохов в монастыре Вознесенском, хотел угощать бояр яствами, гнусными для их суеверия; окружал себя не только иноземною стражею, но и шайкой иезуитов; говорил о соединении церквей и хвалил латинскую. Россияне перестали уважать его, наконец, возненавидели и, согласясь, что истинный сын Иоаннов не мог бы попирать ногами святыню своих предков [православие – М.Н.], возложили руку на самозванца» [Там же: 995].

Для раскрытия тайн, залегающих в глубине веков, исследователи обратились наряду с языковыми данными к археологическому, антропологическому материалу, к многим данным материальной и духовной культуры.

На рубеже XIX–XX вв. концепцию межэтнического смешения в той или иной мере поддерживали Н.А. Аристов, В.В. Бартольд, С.П. Толстов. Каждый из них в этнической истории народов Средней Азии и Казахстана усматривал процессы сложного синтеза тюркских и иранских этнокультур. Этот синтез связан с явлениями этнокультурной и этноязыковой интерференции.

Теория межэтнического синтеза как основы происхождения тувинцев, высказанная В.В. Радловым в начале XX в., до сих пор занимает приоритетное положение в историографии тувинского народа. В самом сжатом виде суть этой теории состоит в том, что тувинцы «представляют смешанную из киргизов, самоедов и енисейских остяков народность». С незначительными уточнениями эту теорию межэтнического синтеза поддержал Г.Е. Грумм-Гржимайло в 1926 г., а также Л.П. Попов, З.В. Анайбан и М.Х. Маный-оол; в статье, подготовленной специально для данного сборника в соответствии с темой «Этногенез: воображаемые пращуры и реальные потомки»,

они указывают, что «этническое ядро тувинцев составили тюркоязычные племена, живущие в Туве и проникавшие на ее территорию со II в.н.э. по XII в.н.э.».

Сегодня, на заре XXI века, очередной и вместе с тем традиционной задачей этнологии является обработка, систематизация и осмысление собранного материала, «сведение воедино» данных, собранных специалистами различных отраслей науки о тюрках и других народах в мире и о мире их повседневной жизни. Необходимо, в частности, широкий этнологический охват всего тюркского мира не только с научной, но и с идеологической и практической точки зрения. В наши дни чрезвычайно важным представляется понимание того, что не только экономика, но и культура, в том числе традиционная, имеет катализирующее значение для общественного прогресса [Культура имеет значение..., 2002].

В современном пантеоне культов прослеживается яркий пример симбиоза следов языческих представлений, идущих от кочевой жизни (культов волка, коня, родника, предков) и следов язычества, коренящихся в жизни оседлого населения (культы земли, хлеба, петуха, фаллоса). Поэтому вполне естественно, что нужны обширная информационная эрудиция и значительные процедурные возможности, чтобы шаг за шагом, кирпичик к кирпичику увязывать этнографические материалы воображаемых или вероятных предков и потомков с данными фольклористики, археологии и антропологии. Эта методологическая анучинская триада, получившая широкое распространение в первой четверти XX в., сохранила свое значение и сегодня, на заре XXI в. Создание методологии и методики изучения этногенеза, этногенетической истории народов, бесспорно, считается гордостью российской этнологической науки. От этой позиции нельзя самоустраняться.

Признание актуальности задач по изучению этнических историй красной нитью проходит через многие книги, статьи и выступления выдающегося советского и российского этнолога С.А. Арутюнова. Приведу один пример из его сочинений в

деле раскрытия им роли смещения и синтеза народов как магистральной линии формирования ряда народов.

«Крупные нации, – пишет С.А. Арутюнов об истории современных европейских народов, – сложились лишь после консолидации мелких средневековых народностей, существующих ныне как этнографические подразделения в составе французов, испанцев, итальянцев. Кроме того, в состав итальянцев также влилась лангобардская народность (позднее лангобарды), а французов – бургундская, т.е. романизированные, но германские по происхождению народы... Не только германские, но и многие другие племена приняли участие в формировании нынешних французов, итальянцев и испанцев: вестготы, вандалы, лангобарды, бургунды, норманны, аланы, баски, евреи и арабы. В каждой из относившихся частей прежней Римской империи шел интенсивный синтез, “сплавление” местных и пришлых элементов» [Арутюнов, 2012: 165].

В начале XVIII в. дело европейско-азиатского симбиоза продолжил великий Петр I. «Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преображения государственного» [Карамзин, 2006: 999].

Позитивно оценивая преобразования и инновации, вводимые Петром I, Н.М. Карамзин не одобрял его нововведения в сфере повседневной жизни россиян. С сожалением отмечал, что в ходе петровских перемен «многие гибли за одну честь русских кафтанов и бороды, ибо не хотели оставить их и дерзали порицать монарха. Сим бедным людям казалось, что он вместе с древними привычками отнимает у них самое Отечество» [Там же].

В постсоветский период позиции отечественной науки в деле осмысления и анализа происхождения тюркских народов ослабли. Так, например, обширный свод данных об истории и культуре куман (половцев) в двух томах увидел свет в 2009 г. не в России, а в Болгарии. Ее подготовил болгарский историк Валерий Стоянов. Свод античных и византийских источников

о древних и средневековых торках «Великой степи» составлен и издан в 2005 г. не в России, а проживающим в Казахстане А.Н. Гаркавцем. Серьезные труды по истории тюркских народов опубликованы в России, Болгарии, Румынии, Венгрии, Турции, США, в том числе на основе заново переведенных арабских, византийских и других источников. Однако внимание большинства исследователей сосредоточено, как правило, на политической (в ущерб этнической) истории тюркских народов.

Совместно с учеными Республики Молдова, Болгарии, Украины подготовлены и изданы две крупные монографии «Молдаване» и «Гагаузы». На основе семи российско-молдавских симпозиумов, проведенных в 2006–2010 гг., посвященных соционормативной культуре и отдельным вопросам этнических историй, издано 10 коллективных сборников. В 2010 г. увидела свет монография М.Н. Губогло «Воображаемая вероятность. Новейшие размышления о происхождении гагаузов». В ней были изложены предварительные постулаты о новых методах изучения этногенеза бывших тюркоязычных кочевников, сегодня ведущих оседлый образ жизни.

Проштудировав в соответствии с программой проекта № 11-01-00534а большинство существующих гипотез об этногенезе и основных этапах этнической истории уйгур, казахов, киргизов и некоторых других тюркских народов, казахстанский ученый С. Казиев обобщил свои наблюдения широкомасштабным выводом. По его мнению, «территория исторического Хоросана, Хорезма, Западного и Восточного Туркестана с глубокой древности представляла своеобразный “плавильный котел”, переплавлявший древние и средневековые индоевропейские и тюрко-монгольские этнические группы в общности более высокого таксонимического порядка – современные этнонации. “Коструирование” новых народов на основе этнического синтеза оседло-земледельческого ираноязычного населения и тюрко-монгольских кочевников облегчалось мощной диффузией культурных ценностей ирано-мусульманского мира в мир кочевых групп восточного происхождения» [Казиев, рукопись].

Так, например, вследствие этногенеза и этнической истории уйгур в условиях постоянного наплыва и давления тюркских племен на индоевропейское оседло-земледельческое население с непрерывно продолжающимися и последующими процессами взаимной адаптации и аккультурации, состав уйгур, как и других народов региона, носит смешанный характер.

Библиография

- Алексеев*, 1983: *Алексеев В.П.* Этногенез. М., 1983.
- Арутюнов*, 2012: *Арутюнов С.А.* Силуэты этничности на цивилизационном фоне. Монография. М., 2012.
- Ахиезер*, 1997: *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 1: От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997.
- Биллингтон*, 2001: *Биллингтон Дж.Х.* Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры. М., 2001.
- Головнев*, 2009: *Головнев А.В.* Антропология движения (Древности Северной Азии). Екатеринбург, 2009.
- Карамзин*, 2006: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 2006.
- Культура имеет значение..., 2002: Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002.
- Любавский*, 1996: *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века, М.: Изд-во МГУ, 1996.
- Плетнева*, 1958: *Плетнева С.А.* Печенеги, торки, и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62.
- Плетнева*, 1982: *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Плетнева*, 1990: *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990
- Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 2005. Серия Народы и культуры.
- Соловьев*, 2006: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 2006.
- Тизенгаузен*, 1884: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.
- Тихомиров*, 1973: *Тихомиров М.Н.* Российское государство в XV–XVII вв. М., 1973.

- Тишков*, 2013: *Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания, М., 2013.
- Тойнби*, 1991: *Тойнби А.Дж.* Постигание истории. М., 1991.
- Токарев*, 1949: *Токарев С.А.* К постановке проблем этногенеза // СЭ. 1949. № 3.
- Токарев, Чебоксаров*, 1951: *Токарев С.А., Чебоксаров Н.Н.* Методология этногенетических исследований на материалах этнографии // СЭ. 1951. № 4.
- Чвырь*, 2001: *Чвырь Л.А.* Туркестанцы: уйгуры Синьцзяна и народы Средней Азии в этнокультурном отношении // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001.

**Этническое обрамление Черного моря:
времена и берега***

Ключевой вопрос, заданный П.В. Терешковичем самому себе на первых страницах второй главы его монографии, посвященной этнической истории Белоруссии XIX – начала XX вв., требовал ответа: сложилась ли в этот период национальная общность белорусов [Терешкович, 2004].

Поиск ответа на этот вопрос во многом зависит от этимологии, т.е. от того, какое содержание исследователи вкладывают в это понятие. Сходная, но, пожалуй, более многотрудная задача возникает при определении того, что собой представляет *Междуморье*, выдвинутое благодаря исследовательским и организационным усилиям П.В. Терешковича на видное место в предметной области современной этнополитологии и ряда других современных научных направлений.

Во-первых, Междуморье, как считают организаторы международной конференции «Междуморье – Балтийско-Черноморский регион Европы: парадигмы регионального развития и правовых трансформаций» – «это совокупность государств и обществ, в различной степени включенных в интеграционные процессы, которые, определяя границы нового региона, в то же время подтверждают его наличие, поскольку большая часть существующих здесь социально-политических проблем является разрешимой лишь на наднациональном уровне. В контексте понимаемой таким образом региональности решающее значение приобретает изучение межгосударственных и

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ: грант 11-01-00534а «Этногенез: воображаемые пращуры и реальные потомки» и при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», направление 3: «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре», проект «Этносоциология гостеприимства: дрейф от солидарности к антропоцентризму».

трансграничных отношений, а также процессов сотрудничества и взаимодействия, происходящих в области экономики, правовых и политических систем, выходящих за рамки отдельных государств».

Во-вторых, «Междуморье, – это идея, сотканная не только из историко-культурных сантиментов, политических прецедентов и мечтаний о лучшем будущем, но, главным образом, из осознания комплекса проблем и процессов, в равной степени значимых для стран Балтийско-Черноморского региона, несмотря на наличие реально существующих политических, экономических и социальных различий».

В-третьих, «контуры формирования Междуморья возникают в результате современного политико-исторического развития данного региона, а единство регионального пространства конструируется общими социальными, культурно-историческими, гражданскими, правовыми, энергетическими процессами на данной территории».

В-четвертых, вряд ли уместно, на мой взгляд, исключать из поля зрения исторический выход России на берега Балтийского и Черного морей, т.е. на морские полюса Междуморья, что имело место по итогам Ништадского мирного договора между Россией и Швецией в 1721 г. и по итогам Кючюк-Кайнарджийского договора между Россией и Османской империей в 1774 г.

Конструирование Междуморья как крупномасштабной геополитической идеи и ареала этнокультурного синтеза предполагает такой ретроспективный подход, воплощение которого требует решения двух взаимосвязанных задач. С одной стороны, налицо общественная потребность в выявлении и осмыслении социально-экономических и духовных контактов и процессов, которые имели место на тех или иных исторических этапах и оставили следы в исторической памяти и в соционормативной культуре. С другой стороны, видится задача по приданию общественного значения и звучания современным реалиям с тем, чтобы формирование региональной идентичности складывалось в качестве субъективной равнодействующей

совокупности объективных обстоятельств. В первом случае в качестве кросскультурного примера можно назвать посредническую деятельность племянника митрополита Киприана – Григория Цамбалака, болгарина по происхождению.

На закате XIV в. он провел несколько лет на горе Афон, затем стал настоятелем одного из монастырей в Сербии. На заре XV в. (1401–1406 гг.) он оказался в Молдавии, откуда переехал в Литву. По инициативе местных властей он поехал в Москву для согласования вопроса о создании православной Церкви с главным престолом в Киеве. Однако патриархат отказался санкционировать разделение Русской Церкви, и Г. Цамбалак вернулся в Литву, где местные епископы в 1415 г. посвятили его в сан Киевского митрополита. Три года спустя он появился в Европе в социально значимой роли посланника литовского суверена на Констанцском соборе с полномочиями вести переговоры об унии с Римской Церковью...» [Оболенский, 1998: 367].

Другим примером локомотива внутрирегиональных этнодемографических и этнокультурных связей можно считать деятельность Великого князя Литовского Витовта, переселившего в Литву из Крыма на рубеже XIV–XV вв. несколько сот семей караимов, потомки которых до сих пор благоденствуют по соседству с литовским народом.

В интеграционном плане ход и траектории этнической истории, представляющей сегодня продукты межэтнического синтеза разнопорядковых и разноуровневых культур и религий, имеют особую привлекательность и социальную значимость на фоне и в пределах каждого из трех регионов, разделенных временем, но соединенных морскими берегами:

- 1) Балто-Черноморское междуморье представляет собой одновременно и мост, и пограничную зону между западными границами Евразийского пространства и европейскими странами;
- 2) Латино-Романское приморье представлено землями, странами и народами, расселенными по берегам и островам Средиземного моря, простиравшимися в XIII–XV вв. во времена

Латинской Романии от Ионических островов до устья Дуная и от Фессалоники до Кипра. В недрах этого региона складывался симбиоз латино-католической и греко-православной культуры. Во времена Османской империи (1300–1918 гг.) и Крымского ханства список участников межэтнического синтеза здесь дополнился синтетической османской культурой Крымского ханства (1440–1783 гг.) в том числе под протекторатом Османской империи; 3) Причерноморье, включает берега Черного моря (далее ЧМ), заселенные и освоенные различными народами на протяжении многих столетий, в том числе тюрками-сельджуками в XII–XIV вв. и тюрками-османами в XIV–XX вв.

В конце октября каждый год весь мир отмечает День Черного моря в связи с тем, что 25.10.1996 г. шесть причерноморских стран – Болгария, Румыния, Турция, Грузия, Россия и Украина – подписали стратегический план действий по реабилитации и защите Черного моря.

В Причерноморский бассейн входит 12 государств. На карте мира этот регион занимает 4,7%, его площадь равняется 19,1 млн кв. километров. Здесь проживает 322,9 млн человек. Более трех веков ЧМ по праву именовалось «Тюркским морем». Все причерноморские земли принадлежали огузским тюркам-османам.

В недавно опубликованной фундаментальной монографии болгарского археолога и нумизмата Георгия Атанасова со ссылкой на сведения арабского хрониста Ибн Тагри Бирди сообщается, что «накануне татарского нашествия, к 1240 г. болгарский царь Унгус хан (Иван Асень II) разрешил куманам переправляться через Судацкое (Черное) море и заселяться на территориях между двумя горами». Перед нами одно из малоизвестных в историографии, крайне редких упоминаний о переселении куман (половцев) на Балканы не через степи Буджака и долины Подунавье, а водным путем.

Доверяясь этому сообщению, Георгий Атанасов комментирует его следующим образом: «Позже он (Иван Асень II. – *М.Г.*) их (куман. – *М.Г.*) расселил по разным местам». По мнению Ге-

оргия Атанасова речь идет о «территориях между Балканскими горами (Старая Планина) и Бабадагскими горами» [Атанасов, 2009: 61].

Идентичности народов по берегам ЧМ и между берегами отнюдь не плод воображения. Это реальности, коренящиеся в культуре реальных народов, в ментифактах и артефактах, в исторических событиях и явлениях. Они формулируются или формируются заново в сообществах, имеющих несовпадающие векторы истории. Вместе с тем на Балтийском полюсе Междуморья, пожалуй, в меньшей мере, чем на Черном море и его берегах, имели место проявления «Темной энергии», контркультурной и деструктивной деятельности в подходах к решению проблем повседневного быта и Бытия. Условно говоря, этническая история народов Прибалтики отличалась более высокими как дозой политкорректности, так и удельным весом взаимопроникновения и смешения культур. Вместе с тем сохраняющиеся до новейших времен следы немецкого и шведского влияния нуждаются в основательном изучении.

Культурно-историческая сущность Черноморского организма проявляется не только во внешних обстоятельствах типа военных действий, дипломатических договоров, налаженных торговых путей, но и в специфическом миропонимании, в собственной парадигме миростроительства, в мотивации межэтнических и междиастийных браков, в многоцветном спектре «плавильного котла».

Какая могущественная сила настойчиво и непрерывно, как космическим магнитом, притягивала племена, народы и массы людей к Черному морю? Романтика, жажда приключений, страсть к открытиям или прозаическая необходимость добывания средств к существованию? Почему весь мир сегодня знает изумительные пляжи Анапы и Варны с их горным, морским и степным воздухом, Крыма и Констанцы, почему люди мечтают отдохнуть под реликтовой рощей Пицунды или взглянуть на остатки крепостных сооружений Калиакры или выпить чашечку кофе на берегу Босфора? Почему Золотая бухта Стамбула

привлекает и завораживает туристов и деловых людей сильнее, чем Золотая бухта Владивостока?

Попытка эскизного обзора эволюции Причерноморья от древности до наших дней была предпринята 14–16 октября 2004 г. в Стамбуле на конференции по теме «Черное море: прошлое, настоящее и будущее» [Шукуров, 2010: 376]. Одновременно этническая история и движение тюркоязычных кочевников в Причерноморье и контакты с народами Восточной и Юго-Восточной Европы, в том числе на основе изучения переломных моментов в «контактах цивилизаций», приобретают актуальность, что видно на примере проблематики XIV конгресса историков в Сан-Франциско, XIV и XV конгрессов византинистов в Бухаресте и Афинах.

Многословие и цветистый стиль арабских и персидских хроник и тюркских летописей, дающих порой обильную информацию о военных действиях кочевников и о заслугах их вождей и лидеров, сочетается с лаконизмом и сухостью изложений о повседневной жизни кочевников, их оседлых соседей и тех, кого они завоевывали. Поэтому специалистам, воссоздающим историю Причерноморских степей или политическое обустройство Золотой Орды, или государства Сельджукидов, приходилось дорожить каждой строчкой. Так, например, бесценным представляется более чем полнокровное сообщение арабских летописей о том, что «татары», завоевавшие кыпчаков, сами стали кыпчаками и стали говорить на тюркском языке.

Все эти бесценные свидетельства, извлеченные из арабских источников, представляют собой остатки прошлого. В них, как и в современном арабских летописей – четырехязычном словаре Codex Cumanicus (XIII в.) – отражены важные стороны жизнедеятельности и духовной ментальности людей, создавших определенные предметы или тексты, позволяющие им продолжать совместную жизнь, а в конечном итоге служить «топливом» для успешного межэтнического синтеза.

В каждом из обозначенных выше регионов, назовем их для краткости *балтийским* (междуморье), *латинским* (приморье) и

тюркским (возлеморье), невозможно раз и навсегда выделить в качестве крупных регионов. Проходившие в их пределах этногенез и этнические истории делали каждый регион с исторически и географически меняющимися границами. Последние менялись не только под воздействием социальных и этнополитических, но и естественно-природных и этнокультурных факторов.

С точки зрения взаимодействия культур, языков, образов жизни особый интерес представляет XIII век и население, передвигающееся вокруг берегов Черного моря. В XIII в. – это особая историко-географическая система, связанная этнокультурными и торговыми, политическими и военными связями. Хронологическими точками идентификации этнической истории XIII в., складывающейся под влиянием военных, политических событий выступает ряд крупномасштабных, социально или этнически значимых фактов и событий. Припомним некоторые знаменательные события этого века.

1. 1204–1261 гг. Захват Константинополя и пребывание в нем «врагов православия» – участников IV крестового похода. Историческая значимость контактов сельджуков и куман, продвигающихся на Запад вдоль южных и северных берегов Черного моря, неоднократно была подчеркнута в знаменитой книге Л.Н. Гумилева, в которой он выносил оправдательный вердикт о роли куман в истории русского народа и народов южнорусских степей [Гумилев, 2006: 312, 399, 421]. Не менее высокую оценку заслужила помощь куман болгарскому царю Калояну в одержанной им победе над крестоносцами в битве при Адрианополе в 1205 г. [Гумилев, 2006: 417]. Параллельно с продвижением тюрков с Востока на Запад, вдоль берегов Черного моря, по берегам Балтийского полюса Балто-Черноморского Междуморья шли на восток отряды меченосцев. В 1242 г. Александр Невский на Чудском озере приостановил дальнейшее продвижение на восток ливонских рыцарей, действовавших вместе с наемными литовцами, эстами и ливами [Там же: 445].

2. В современной куманологии и публикациях, посвященных этнической истории гагаузов, редко или почти совсем не встречается упоминание о том, что в 1241 г. Никейский император Иоанн III Дука Ватац (1221–1254 гг.) «переселил значительное количество половцев с Балкан в Малую Азию, на Менандр. Среди них находился племенной вождь Ситциган, получивший после крещения имя Сиргиан» [Жаворонков, 2006: 167]. Личную этническую судьбу этого «племенного вождя» вероятно вполне можно считать некоей субъективной равнодействующей объективного куманско-греческого межэтнического симбиоза. Сначала под командованием великого Коноставла, служившего при Михаиле Палеологе, Сиргиан (Ситциган) командовал куманским отрядом и помог Михаилу Палеологу в конце 1258 г. стать императором. Следующим шагом (моментом) адаптации кумана в греческую этнокультурную среду стала, по предположению П.И. Жаворонкова, его женитьба на одной из трех дочерей Алексея Дуки Филантропина, выдвинувшегося в число влиятельных людей в середине XIII в. Дальнейшая судьба Сиргиана (Ситцигана) теряется из поля зрения источников. Однако более или менее известна карьера его сына, который в конце 1280-х годов женился на младшей дочери Иоанна Кантакузина и Ирины Комнины Палеологини (сестры Михаила VIII). Ее звали Евгения Палеологиня Комнина Кантакузина. Благодаря этому браку в 1290 г. сын кумана и гречанки стал великим доместиком. В свою очередь их сын, Сиргиан Палеолог Филантропин Комнин, т.е. внук куманского племенного вождя – Сиргиана (Ситцигана) благодаря женитьбе на племяннице Андроника II Марии Дукини Палеологини, стал великим дукой, пинкерном, наместником в Македонии и Фракии, интриганом в политической жизни Византии первой трети XIV в. [Жаворонков, 2006: 168].

3. Расцвет и упадок военного могущества государства сельджукидов 1077–1307 гг.

4. 1205 г. весной объединенные силы ромеев, болгар и куманов нанесли поражения латинянам: 1) под Адрианополем; 2) при

Серрах победа над Бонифацием Монферратским; 3) победа над латинянами при осаде последними Орестиады; 4) согласно греческим источникам (Никита Хониат) болгары вместе с куманами захватили ряд городов: Веррон, взяли Рузию и Апрос, Перинф, Даонию, Аркадиополь, Месину, Чурул, Афины, дошли до стен Константинополя. К середине XIII в. куманы занимают Фракию, Македонию и Иллирию и продолжают свои набеги далее на юг.

5. 1259 г. сельджукский султан Изеддин Кейкавус II с Сары Салтыком и соплеменниками при поддержке византийского императора Михаила Палеолога VIII переселился в Добруджу и в Крым и воссоединился с тюрками южнорусских степей, проживающими здесь в 30 поселениях (городах по греческим и персидским источникам).

6. В конце XIII в. итальянские купцы (венетианцы и генуэзцы) записывали в Черноморских степях слова куманского (половецкого) языка, из которых в самом начале XIV в. был создан выдающийся четырехязычный памятник Codex Cumanicus, часть слов которого в неизменном виде сохранилось до сих пор в некоторых тюркских языках кыпчакской группы, например, в языке крымчаков и крымских татар, а также в гагаузском языке, относящемся к огузской группе языков.

В новейшей литературе по этническим историям отдельных народов, в том числе в книге, посвященной трем народам Крыма – крымским татарам, караимам и крымчакам, XIII в. признается «переломным в этнической истории различных этносов и групп, проживающих на территории Крымского полуострова» [Тюркские народы Крыма, 2003: 372].

Крым

Каждая из выделенных зон Черноморья – Крым, Подунавье с Буджаком и Добруджа, представляют собой исторически складывающийся перекресток этнических, религиозных и культурных традиций и взаимовлияний. Обозначим пунктиром

этническую историю населения Крыма до и после интересующего нас XIII в.

1. Проникновение тюркского элемента в Крым началось не ранее середины VI в. н.э., во времена расцвета тюркского каганата, и продолжилось в ходе печенежской, куманской и хазарской экспансии в XI–XIII вв. 2. Христианские беженцы из Византии появились в Крыму и основали в горных регионах в VII в. н.э. пещерные монастыри. 3. Итальянская колонизация, в ходе которой генуэзцы потеснили венецианцев, началась в XI в. и способствовала тому, что в XIII в. Крым стал важным районом международной торговли и центром межэтнических взаимодействий. 4. Сельджукское пребывание в Крыму в XIII в. обозначено походом в Судак сельджукского султана и части сподвижников Изеддина Кейкавуса II и его современника Сары Салтыка. Первый умер в 1282 г. и похоронен в Крыму. Гробницы (мавзолеи) и следы местопребывания Сары Салтыка обнаруживаются, по свидетельству турецких источников, и историков на Балканах, в Анатолии, на Кавказе и в Средней Азии.

Накануне завоевания Крыма Османской империей в 1475 г. на полуострове сложился этноисторический симбиоз. Он состоял из трех компонентов: Прибрежного – католического, Горного – православного и Степного – исламского. Через три года после включения Крыма в 1783 г. в состав Императорской России на полуострове побывала Екатерина II. Она застала в Крыму население, живущее замкнутой жизнью, исповедующее христианство по греческому обряду и сохраняющее свою самобытность со времен средневековья. Себя они называли готами и разговаривали на одном из диалектов немецкого языка [Тюркские народы Крыма, 2003: 9].

В средние века Крым не только принимал тюркские этнические элементы, но и «делегировал» их в другие регионы. Из многочисленных межэтнических связей между Тюркским Черноморьем и Балтийско-Черноморским междуморьем напомним об этнотерриториальной судьбе караимов. На исходе XIV в. великий князь литовский Витовт успешно воевал в Крыму в рай-

оне Кафы (ныне Феодосия) и в окрестностях Солхата (Судака). Вместе с крымскими татарами он вывез в Литву несколько сотен семейств караимов. Более того, имеются сведения о том, что более полтора века до переселенческой акции Великого Витовта, в середине XIII века (1246 г.) караимы оказались в Галицком княжестве, а также в Литве еще до Витовта [Тюркские народы Крыма, 2003: 27]. В документе из канцелярии Великого князя Литовского Витовта перечисляются его вероятный союзники, в том числе и государь болгарской земли, называемый деспотом. При этом болгарский ученый Г. Атанасов допускает, что речь идет об Иванко – главе Добруджанского деспотства, которое, как установлено, сегодня воспринимается в качестве первой формы гагаузской государственности [Атанасов, 2009: 219]. Следовательно, мы вправе говорить о наличии гагаузско-литовских связей в середине XIII в., или по крайней мере о намерениях Литовского государя иметь какие-либо связи.

Источники свидетельствуют, что ни об одном из тюркских народов Крыма нельзя с определенностью сказать, что он произошел от какого-либо общего предка, или имеет единую, четко обозначенную прародину. В этой неясности – ключ к пониманию многочисленных гипотез. В этом нет никакой трагедии. Это закон движения этнической материи. Нет оснований говорить, что этногенез такого-то народа складывался с момента А до момента Б. Можно лишь говорить об истории совокупности или группы населения с момента его появления на сцене этнической истории и до исчезновения его как общности, со своим этнонимом и своей самобытной и вместе с тем обновляющейся культурой, языком, вероисповеданиями.

Большинство миграций в Крым было обусловлено прекрасными условиями для проживания и торговли. Этому способствовали, во-первых, все три природно-климатические зоны Крыма: степная, горная и южнобережная; во-вторых, обширный ареал хозяйственно-торговых связей и перекресток этнокультурного взаимодействия. Со второй половины I тыс. в Крым или через Крым с востока на запад волнообразно шли

кочевые племена, преимущественно тюркского или тюркизированного населения, с запада на восток устремлялись генуэзские и венецианские купцы и поселенцы. Социальному взрыванию и росту культуры общений способствовала торговля.

Крымские татары. Этническая история крымских татар представляет собой симбиоз разнородных культур, проявляющийся многократно: в перечне этнических групп, входящих в состав крымскотатарской общности; в переплетении огузских и кипчакских элементов в языке, состоящем из трех диалектов, в формировании которого принимали участие языки куманских (кипчакских) и огузских племен, в наличии трех разных антропологических типов – степного, горно-предгорного и южнобережного. Следы плюрализма отчетливо проявляются в двух принципиально отличающихся традициях географических наименований, связанных с оседлой и кочевой жизнью. Нельзя попутно не указать, что новейшие исследования тюркской лексики в Codex Cumanicus и в современном гагаузском языке дают основание видеть в составе гагаузского языка, принадлежащего, по авторитетной классификации Н.А. Баскакова, к огузской группе языков значительной прослойки кипчакских элементов.

Особого внимания заслуживают явления двойной религиозной идентичности. В 1334 г. известный арабский путешественник Ибн Батута был удивлен тем, что «любое тюркоязычное население», в том числе и кипчаки, исповедовало христианство. Едва он сошел с корабля на берег в г. Керчи, как «увидел церковь, направился к ней, застал в ней монаха, и на одной из стен увидел изображение мужчины арабского в чалме, опоясанного мечом и с копьем в руке. Перед ним горела лампада. Я сказал монаху: “Что это за изображение?” Он ответил: “Это изображение пророка Али”, – и я удивился ответу его» [*Тизенгаузен*, 1884: 279; *Тюркские народы Крыма*, 2003: 146].

Другой арабский путешественник – Ибн Фадлан, очевидец повседневной жизни огузов в X веке – обнаруживал у огузов традиции язычества, о чем свидетельствовали их погребаль-

ные обряды, типологически сходные с обрядами тюрков VIII в. [Гордлевский, 1941: 55].

Как неоднократно отмечалось в литературе, начиная с ираноязычной хроники Ибн Биби и тюркоязычной («Огузنامه», «Сельджукنامه») Языджи оглу Али, принятие ислама огузами не мешало некоторым из непривилегированных племен огузов быть приверженцами христианства, и даже приняв ислам, как государственную религию, оставаться по сути христианами. Более того, религиозный синкретизм огузов–сельджуков был не двух-, а скорее трехслойным. По свидетельству В.А. Гордлевского, сельджуки Малой Азии одновременно со старым родовым именем, воспринимаемым как прозвище, сохраняли и новое мусульманское имя [Гордлевский, 1962: 37–45].

Одна характерная деталь в этнической истории предков крымских татар показывает наличие этнокультурных параллелей с этнической судьбой гагаузов в сфере средневековой религиозной жизни. Так, например, хорошо известный по источникам род Тахтаджи из племени Чапни, участник восстания 1239 г. под предводительством Баба–Исхака, оставался приверженцем христианства даже после принятия ислама в качестве государственной религии [Тюркские народы Крыма, 2003: 146].

Караимы. Согласно одной из гипотез, появившихся по социальному заказу еще в VI в. до н.э. вместе с войсками персидского царя Камбиза, воевавшего со скифами в пределах Крымского полуострова, расселились израилитяне, которые основали ряд городов и укреплений, в том числе крепость Села Гагиегудим, известную в более позднее время как Чуфут-Кале. Этот город караимы считают своим «родовым гнездом». Попав в середине века в тюркское окружение, эта группа еврейского населения, согласно А.С. Фирковичу, сохранила иудаизм до талмудического толкования и одновременно перешла на тюркский язык [Тюркские народы Крыма, 2003: 17–18].

В состав караимов вошли группы хазар, принявшие иудейскую веру. Этот межэтнический «продукт» послужил основой для создания теории хазарского происхождения караимов, со-

гласно которой караимы являются прямыми потомками хазар без участия этнических евреев [*Михайлов*, 2001а: 2; Гаркави, 1912: 288; *Кокизов*, 1990: 7–10; *Тюркские народы Крыма*, 2003: 18].

В многотомной серии «Народы мира. Этнографические очерки» читаем предельно простое, но не вполне подтвержденное аргументами объяснение: «Караимы происходят от древних тюркских племен, входивших в VIII–X вв. в состав Хазарского каганата, которые после его распада поселились в Крыму» [*Народы Европейской части СССР*, II. 1964: 836].

Караимский язык со всеми тремя диалектами – тракайским, галическим и крымским – относится к куманско-кыпчакской группе языков и, возможно, был воспринят в XII–XIII вв. от куман, кочевавших в южнорусских степях и контролировавших торговлю в северном Крыму. Во всяком случае, в первом доступном источнике о караимах, принадлежавшем европейскому путешественнику Петахья из Регенсбурга, среди тюркских кочевников Северного Причерноморья упоминаются евреи.

Караимский язык, как и сама караимская этническая общность, является продуктом межэтнического синтеза. Он складывался в результате взаимодействия языков различных тюркских народов – куманов (половцев), печенегов, торков, огузов, обитавших в степях между Северным Кавказом – Черным морем и Уралом-Поволжьем [*Тюркские народы Крыма*, 2003: 30].

Религиозный синкретизм, как результат межкультурных взаимодействий и межэтнического смешения, находит свое выражение в повседневной жизни и служит важным маркером караимской идентичности. Еще на рубеже VII–VIII вв., по данным источников, вероятные предки караимов «приносили жертву огню и воде, поклонялись некоторым богам путей, также луне и всем творениям, которые в глазах их казались удивительными». В то же время «среди множества божеств наиболее почитаемым был Тенгри-хан – “чудовищный громадный герой” – бог неба и света» [*Плетнева*, 1976: 33; *Тюркские народы Крыма*, 2003: 26].

5 апреля 1910 г. был издан циркуляр за подписью министра внутренних дел Петра Аркадьевича Столыпина и гофмейстера Ал. Харузина, в котором губернаторам, градоначальникам и начальникам областей вменялось в обязанность разъяснять «подведомственным им учреждениям, что караимы, находясь под покровительством общих законов Империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским подданным, смотря по состоянию, к которому кто из них принадлежит, и что ограничительные постановления относительно евреев не должны быть применяемы к караимам» [Факсимильное издание Циркуляра см.: Тюркские народы Крыма, 2003: 24].

Историческое значение этого документа состоит в том, что под этническую идентичность караимов в имплицитной форме подводилась правовая основа, и тем самым признавалась их самостоятельность как отдельного народа, принципиально отличающегося от евреев.

18 июня 1895 г. караимы были освобождены от платежа двойных податей, им было предоставлено право на владение недвижимостью.

Во второй половине XIX в. караимам удалось, опираясь на свою оригинальную идентичность, добиться некоторых льгот. Ранее, в 1827 г. они вместе с крымскими татарами получили освобождение от воинской повинности. Еще через 10 лет караимы Таврической губернии добились прав на религиозное самоуправление, а в 1852 г. – права на беспрепятственное расселение по городам России, и наконец, в 1863 г. они были полностью уравнены в правах с остальным, кроме евреев, населением России.

Город Тракай, в окрестностях которого были расселены караимы, изначально стал административным и духовным центром, территориальной основой, малой родиной как территориальной основы этнической идентичности литовских караимов.

Итак, вопрос об этническом происхождении караимов остается открытым. Последняя точка, но не последнее слово, поставлена в недавно увидевшей свет коллективной монографии

«Тюркские народы Крыма», изданной в рамках серии «Народы и культуры». Можно сказать, что принятая в этой книге компромиссная версия происхождения караимов основана в отличие от предыдущих теорий на основе теории межэтнического синтеза, с особым акцентированием внимания на этноконфессиональном синкретизме.

Позволим себе привести эту компромиссную теорию происхождения караимов, как самодостаточного этнического образования, по следующим критериям. Во-первых, на основе данных физической антропологии «можно говорить о типично европеоидном облике караимов, в его южном варианте, с очень небольшой монголоидной примесью». Во-вторых, в плане языкознания необходимо отметить, что «караимы говорят на тюркском-караимском языке, при этом письменности на этом языке нет, караимская литература создана на древнееврейском языке или на государственных языках страны проживания (литовском, польском, русском)». В-третьих, что особенно важно, с этноконфессиональной точки зрения *караимизм* представляет собой «синкретическую систему верований, в которой сочетаются: 1) официальное вероисповедание Ветхого Завета, близкое к иудаизму; 2) семейно-бытовая обрядность, характерная для тюркоязычных народов; 3) а также элементы вероучения и религиозной практики ислама» [Тюркские народы Крыма, 2003: 25].

Составным частям караимизма, в том числе организации религиозной жизни, верованиям, близким к религиозному учению Анана Бен-Давида (VIII в.н.э.); языческим верованиям, распространенным в среде кочевых тюркоязычных племен Южной Сибири, Алтая и Хазарского каганата; элементам религиозной практики ислама, воспринятым от народов Ближнего Востока, Турции и населения Крымского ханства, посвящен ряд трудов, сжато, но емко отреферированных в коллективной монографии «Тюркские народы Крыма» [36–64].

Крымчаки. Этническая история сравнительно немногочисленной этнической общности – крымчаков – судя по источ-

никам, начинается с иудейского населения времен Византии и Хазарии, и, похоже, достаточно тесно связана с историей евреев. При этом основные периоды ее истории напоминают волнообразные приливы евреев в Крым из разных мест их прежнего расселения. Тем не менее, несмотря на замкнутый образ жизни, новейшие исследования позволяют видеть в составе крымчаков разноэтничные элементы, свидетельствующие о следах межэтнических взаимодействий. Более четкое представление о процессах межэтнического смешения дает религиозный синкретизм, включающий в себя проявления иудейских, христианских и мусульманских культов [*Самойлович*, 1923, 1924; *Тюркские народы Крыма*, 2003: 371].

Тюркизация, т.е. приобщение предков крымчаков к тюркскому языку, по всей вероятности, происходило в X–XIII вв. в ходе проникновения в Крым из южнорусских степей печенегов и куман (половцев). Этим в известной мере объясняется принадлежность тюркского языка крымчаков к кыпчакской группе [*Баскаков*, 1966: 7, 8; *Тюркские народы Крыма*, 2003: 372].

Османь. Традицию межэтнической брачности сельджуков унаследовали их прямые потомки – турки-османь. «Вскоре стало очевидным, – отмечал Лорд Кинросс, – что османские турки не были больше простыми кочевниками, а превратились в оседлых жителей гористого северо-западного угла Малой Азии. Они менялись вместе со временем в пределах, отведенных для них их собственной пограничной цивилизацией, основывавшейся на разновидности народной культуры. Составленная из элементов азиатского и европейского мусульманства и христианства, турок и тюрков, кочевников и оседлых жителей, она была прагматичной в своем мировоззрении и свободной от более ортодоксальных культурных и социальных ограничителей феодальных турецких княжеств, лежащих к востоку. Возникшее общество стало прототипом общества, призванного наследовать Византию и трансформировать это наследство. Именно так империя турок-сельджуков заполнила вакуум,

оставленный империей арабов. Именно так в свое время Византия наследовала Риму» [*Кинросс*, 1999: 35].

Согласно летописи «Огуз-намэ» («Сельджук-намэ»), скомпилированной Языджи-оглу Али из двух источников: из Хроники Ибн-Биби и Хроники Равенди, «государство Сельджукидов находилось перед нашествием монголов в апогее славы». Сельджукидам покорялись «князьки» и «тираны» всех стран: мусульмане и христиане «от Йемена до Грузии и Абхазии, от владений Руси до границ Тарсуса, от границ Анталы до пределов Антакьи, от степей Судака и Кипчака до пустынь Сирии и Ирака, от исхода владений Рума (т.е. Византии), франков и армян до Медина (Ктезифона) и Йемена»; старые захватнические устремления, всегда отличавшие переднеазиатские державы, ожили у сельджукидов [*Языджи-оглу*, III: 209; *Гордлевский*, 1941: 33].

В XIII в. бывали случаи, когда тюркское (огузское) население Южного Причерноморья смешивалось с тюркским (кипчакским) населением Северного Причерноморья. Так, например, военачальник Чобан-бей после захвата Судака переправил из Крыма партию пленных в Кастамону и Синоп, а также в Боябад, т.е. в центр огузов [*Гордлевский*, 1941: 91].

Межэтническому смешиванию в сельджукскую эпоху способствовали военные походы, цель которых состояла в восполнении живой рабочей силы. После удачного похода городские рынки Конийского султаната наводнялись рабами и невольниками: они шли из кипчакских степей и средиземноморского побережья. Приток рабов не прекращался и в мирное время, так как торговля рабами приносила большие выгоды.

Добруджа

В середине XIII в., когда сельджуки появились сначала в Добрудже, а затем в Крыму, а потом снова в Добрудже, и далее в Малой Азии, сомкнулось глобальное продвижение тюркского мира на запад и романского мира на восток.

Вспомним, что XIII век начинался со встречи западной и восточной ветвей христианства на берегах Босфора, где всего лишь несколько километров водного пространства разделяло Западную и Восточную цивилизации. В пределах самой Византийской империи с 1204 по 1261 гг. сомкнулись в конфликтном межэтническом смешении культуры православия и католицизма. Затем прошли без малого два столетия, и в пределах этого же мегаполиса возник плавильный котел, в бульоне которого из православного населения греков и исламской культуры османов начала вариться основа османской этнической общности, а затем, на рубеже XIX–XX вв., турецкой нации.

На рубеже XIX–XX вв. Добруджа стала важным объектом территориальных и политических споров между двумя империями – Российской и Османской – и между двумя государствами – Болгарией и Румынией. С точки зрения геополитических интересов для каждой из этих стран интерес представляло Подунавье, т.е. земли вокруг устья Дуная.

Во времена Второго Болгарского царства (1187–1396 гг.) в Добрудже проживало этнически смешанное население: болгары, русские, греки, итальянцы, а также представители тюркских народов – печенеги, узы, куманы (половцы), татары, сельджуки. Ранее, за десять лет до Первого Болгарского царства (680–1018 гг.), сюда вторглись из Южной Бессарабии тюркоязычные протоболгары под предводительством хана Аспаруха, который заключил мир с Византией (681) и стал основателем Первого Болгарского царства (между Дунаем, Черным морем и Старой Планиной) со столицей в Плиске.

В 1878 г. в соответствии со Сан-Стефанским договором и Берлинским трактатом Добруджа отошла от Османской к Российской империи. Россия уступила ее Румынии в обмен на южную часть Бессарабии.

Проследивая события, этапы и содержание этнической истории гагаузов и гаджал, передвигавшихся по Добрудже в средние века или оседавших на ее территории, известный болгарский медиевист Петр Мутафчиев специальное внимание

обращал на особенности кочевого быта и функциональной роли тюркоязычных степняков. Больше всего его интересовала судьба печенегов, узов и куман (половцев). Подозревая в неточности восточные источники, авторы которых, во-первых, включали в свои тексты сведения из вторых рук, во-вторых, смешивали легенды с былью, вымыслы с реальностью, П. Мутафчиев тем не менее признавал наличие множества тюркских элементов: «море от турански племена и народи», т.е. огромные передвижения людских масс.

Кочевой быт, связанный с сезонными передвижениями и сменой местожительства, не позволял кочевникам складываться в устойчивые, долговременно существующие этнические общности, подобные оседлым европейским народам. Вместо сформировавшихся племен и народов имели место временные этнополитические союзы и формирования, этнонимами для которых служили названия родов и кланов, временно захватывающих политическую власть.

В постоянном этнополитическом «кипении» и ожесточенных столкновениях кочевников между собой и с местным оседлым населением часть из них погибала, часть вливалась в состав иноэтнического народа, часть возвращалась обратно на левый берег Дуная, в Буджак, в западные районы южнорусских степей [*Младенов*, 1931: 125; *Мутафчиев*, 1973: 700–701].

Процессы межэтнического смешения в Добрудже происходили не только в ходе наплыва туда кочевников из южнорусских степей. Культурные взаимодействия между самими тюрками имели место и до их появления на Балканах. Косвенно об этом позволяют судить источники, в которых упоминается не только сходство языка, на котором говорили печенеги и куманы, но и отдельные упоминания, что это чуть ли не один и тот же народ.

Игнорирование роли этнокультурных параллелей в ходе межэтнических контактов и межкультурных взаимодействий в этнической истории народов длительное время выступало Ахиллесовой пятой в многочисленных этногенетических по-

строениях. Будучи бескомпромиссным противником сельджукской теории происхождения гагаузов Добруджи, П. Мутафчиев тем не менее был совершенно прав в своем убеждении в том, что при слабой изученности этнической принадлежности и этнического облика печенегов, узов и куман (половцев) «обречен на неуспех би бил всеки опит да се доказавя, че гагаузи или гаджали происходят именно от един, а не от друг измежду тия народи» [*Мутафчиев*, 1974: 705, 711].

Едва ли не главным мотивом обращения к истории Сельджукского государства и Добруджи в XIII в. в данной статье послужила книга выдающегося молдавского мыслителя и государственного деятеля – Дмитрия Кантемира, которого сегодня с завидным энтузиазмом называют основоположником и молдавского, и российского, и румынского востоковедения. Его книга «Систима, или состояние мохамеданской религии», написанная по указанию Петра I сначала на латыни, а затем изданная в 1722 г. на русском языке, все советские годы пролежала в спецхране [*Кантемир*, 1722; *Ангели*, 2010].

И, видимо, не случайно болгарский медиевист Петр Мутафчиев, решительно отвергая переселение сельджуков на Балканы в середине XIII в. под предводительством султана Изеддина Кейкавуса II и дервиша Сары Салтыка, даже не упоминает о существовании фолианта Д. Канемира, как выдающегося источника, в котором содержатся ценнейшие этнографические сведения, в том числе о сходстве повседневной жизни Кони и Добруджи – двух административных структур на полюсах Османской империи на рубеже XVII–XVIII вв.

Странноприимство, – т.е. гостеприимство населения двух регионов Османской империи – по характеристике Дм. Кантемира – «понеже есть аки сестра щедроты, по истине в турецком роде есть суть, бо зело прилежащие странноприимству, и всем мимо ходящим странникам, ничтоже рассуждая о религии, столь представляют и место ко предпочитию показывают. Две суть в Турецкой империи, зело пространные страны, едина

Европейская яже называется Добруджия... другая Иконийская в Анатолии, сихь глаголю стране жители, толикое являют человеколюбие и странноприимство... всякими дому господин имеет во дворе своем особливую горницу для гостей уготованную...» [*Кантемир*, 1722: 228].

В этом бесценном источнике видится указание на этнокультурные параллели не только между сельджуками XIII в. и обитателями Добруджи конца XVII в., но и далее тянутся следы в соционормативную культуру гагаузов в конце XIX – половине XX в.

Важным последствием межэтнических взаимодействий и результативных смещений выступала смена этнонима на политоним или топоним. Так, например, в договоре, заключенном в 1387 г. между генуэзцами и Добруджанским князем Иванко, сыном Добротича, среди его подданных (по-современному – граждан) упоминаются болгары и греки. Из этого следует, что сохранившиеся к концу XIV в. куманы (половцы) в официальном документе именовались не этнонимом или экзонимом, а политонимом [*Златарски, Кацаров*, 1911: 28].

Что касается греков, упомянутых в тексте договора под собственным этническим наименованием, это было обусловлено социально-профессиональной принадлежностью к торговой прослойке, с кем генуэзцы имели прямые профессиональные связи и интересы. Предположение о том, что куманы (половцы) на рубеже XIV–XV вв. усвоили политоним «болгары», подтверждено еще в одном средневековом источнике, в котором напрямую сказано, что куманы отождествлены с болгарами («куманите направо са отъждествени с българите» «коумани рекоми блгари» [*Стојановић*, 1890]).

Аналогичный случай употребления топонима вместо этнонима имел место в южных районах Бессарабии. По свидетельству католического епископа, болгарина по этнической принадлежности, в середине XVII в. в Бессарабии проживали болгары, которых называли добруджанцами, по местности, откуда они переселились («живеели и блгари, които били нари-

чани Добруджанци») [Доклад на Филип Станиславов..., 1887: 264; Мутафчиев, 1974: 717].

Существует длительная историографическая полемика между болгарскими и румынскими учеными по поводу этнической принадлежности населения Добруджи в средние века и в более позднее время. В жерновах этой полемики «перемалываются этногенетические косточки» гагаузского и татарского населения. Большинство болгарских исследователей до недавнего времени категорически настаивали на «болгарской» теории, согласно которой гагаузы – это болгары, принявшие турецкий (тюркский) язык, в то время как румынские востоковеды, сторонники «тюркской» теории, считают гагаузов или потомками средневековых тюркских народов южнорусских степей, или наследниками сельджуков, переселенцев вместе с султаном Изедином Кейкавусом II из Малой Азии. На самом деле истинный замысел и тех и других исходит из необходимости, опираясь на этнический фактор, доказать право на владение Добруджей и, следовательно, на выход к портам Черного моря.

И тут неизбежно возникает «пресловутый» гагаузский вопрос. Безоговорочно считая гагаузов «болгарами», принявшими тюркский (турецкий? – М.Г.) язык, болгарские историки и этнографы тем самым оправдывают свои болгарские «исторические права» на Добруджу, в том числе на времена болгарского присутствия на берегах Черного моря. Румынские же востоковеды и радикально настроенные историки и патриоты, соглашаясь с северно-тюркским или южно-тюркским происхождением гагаузов и отрицая исключительно «болгарские» корни гагаузов, подкрепляют свои права на земли Добруджи, исходя из древности и устойчивости тюркско-романских межэтнических взаимоотношений на западных и северо-западных берегах Черного моря. При этом на каждом этапе споров, вникая в суть той или иной дискуссии, нацеленной на решение вопроса об этнической истории гагаузов, выясняется, что сама эта история меньше волнует участников полемики, чем обоснование исторических прав болгарского или румынского

государства на Добруджу. Но даже не столько сама Добруджа оказывается в эпицентре интересов, сколько обоснование прав на устье Дуная, на побережье Черного моря и на выход к его берегам, портам, водным пространствам.

Затухающий, но не погасший окончательно костер дискуссий между молдавскими и украинскими историками и социологами относительно возможности создания на пограничье между южными районами Молдавии и районами Одесской области болгаро-гагаузской автономии несет в себе скрытый смысл и неутоленное желание молдавской и гагаузской элит получить выход к берегам Черного моря. Небольшой участок в 480 кв. метров, выделенный Киевом в 1999 г. для молдавского порта Джурджулешты недалеко от устья Дуная, не утоляет жажды молдавских политиков и интеллектуалов, вызывает раздражение у депутатов украинского Парламента.

В яростной грузино-абхазской полемике, в итоге которой Грузия потеряла Абхазию, наряду с экономическими и этноязыковыми проблемами немалую роль играло желание Тбилиси сохранить монопольный контроль над Пицундой с ее сказочным климатом и уникальными реликтовыми украшениями черноморского берега. При этом дискуссия протекала под тенью геополитических интересов России, которую явно не устраивало сокращение ее выходов к берегам Черного моря.

Итак, какой притягательной силой обладало Черное море со своими берегами, и какой дар оно предлагало амбициозным лидерам этнической мобилизации, которые инициировали этнические и межэтнические взаимодействия, расширяя торговые контакты, военные походы, стимулируя процессы межэтнического синтеза, в том числе симбиоз кочевых и оседлых культур, практикуя обмен ценностями тюркской и романской, византийской и славянской цивилизаций?

Ответы на вопросы складывания этнического многоцветия Черного моря и прилегающей к нему Новороссии неоднозначны и неоднородны.

История берегов и времен имеет неоднозначное прочтение как в этническом и языковом, так и в хозяйственном и экономическом отношениях. Полифонические взаимодействия стран и культур, народов и диаспор на северных и южных, западных и восточных берегах Черного моря, в том числе сопряженные со странами Балто-Черноморского междуморья, а также с историей России со времен Киевской Руси до наших дней, нуждаются в осмыслении, охватывающем историю и антропологию времен и берегов Черного моря. Не случайно «Воротами к новой жизни» называют новообретенный порт Джурджулешты молдавские СМИ.

Наглядным показателем Причерноморского бытия через пелену веков выступает то исчезающий, то возобновляемый мультикультурализм, продуваемый западными и восточными ветрами, прочерчиваемый линиями торговых путей и межцивилизационных трактатов, как путепроводов своего времени, досконально изученных и воспетых (в частности, в новейшее время трудами российского академика С.П. Карпова).

Если бы волны Черного моря заговорили языком XIII века, то звучала бы речь на разных языках и чаще всего на тюркском, греческом, итальянском, еврейском, армянском и несколько реже – на русском.

Принципиальное отличие теплых Черноморских берегов от прохладных Балтийских состоит в том, что по Причерноморью процессы социальных практик, смена агрессий и миролюбия, межэтнического смешения и синтеза происходили более интенсивно и скоротечно в ходе встреч различных культур, имеющих едва ли не цивилизационное содержание. Поэтому внутрорегиональный и межрегиональный анализ исторических, политических и культурных процессов в Балтийско-Черноморском Междуморье имеет важное значение не только с точки зрения номинации структуры и состава входящих в него стран и народов. Отношения, возникающие на вершинах междуморья и несущие в себе одновременно заряд стабильности и угрозу конфликтности, оказывают влияние на современные иденти-

фикационные процессы, происходящие среди населения, рас-
селенного между региональными вершинами междуморья.

Социокультурный транзит прибалтийских берегов под
влиянием европейских культур, в том числе, немецкой «под-
питки», происходил скорее в эволюционном, чем революци-
онном направлении. В нем меньше, чем в Причерноморье,
движение к прогрессу сменялось разрушительной чередой
откатов назад.

Буджак, Подунавье

В турецком источнике 1740 г. неоднократно сообщается о
Валахии и Молдове (с центром в Яссах), о православных хра-
мах, перестроенных в мечети. «Внутри старой крепости (Хоти-
на. – *М.Г.*) находится мечеть, переделанная из старой церкви»
[Губоглу, 1964: 138].

На базарах в Хотине торговали не только пшеницей, мукой,
польскими шубами, русскими мехами, чаем, янтарем, имби-
рем, гвоздикой, корицей, мускатным орехом, разнообразными
тканями, но и книгами и живым товаром. Более того, видный
турецкий чиновник, секретарь Хотинского департамента бо-
еприпасов и финансовой канцелярии в Хотине в первой по-
ловине XVIII в., во времена княжения молдавского господаря
Михаила Раковица (1715–1726, 1741–1744) рассказал о судь-
бе одной книжной коллекции. К сожалению, в источнике нет
сведений ни о тематике книг, ни о языке, на котором они были
написаны.

Вероятнее всего, они были написаны на турецком языке.
Между тем дело было так. Книжная коллекция в количестве
333 единиц, собранная великим визирем Османской империи,
после того, как он был обезглавлен по указанию Султана Ах-
мета I, была доставлена в одну из мечетей г. Хотина. 200 томов
были увезены в Россию, а часть попала в руки евреев и пере-
куплена липканами и перепродана в Константинополь. Сле-
довательно, в рамках междуморья имели место интенсивные

контакты между литовскими татарами и молдавскими евреями, которых турецкий источник 1740 г. называет липканами. Они, по свидетельству Михаила Губоглу (Бухарест), исповедовали мусульманскую религию и носили польскую одежду. Молдаване их называли чиримуши [Губоглу, 1964: 100, 117].

Знаменитые караван-сарай, выстроенные в Малой Азии, получили всемирную известность во времена государства сельджукидов Конийского султаната. Потомки сельджукидов – османы строили караван-сарай в XVI–XVIII вв. в странах Балтийско-Черноморского междуморья. Так, например, турецкий источник 1740 г. сообщает, что на северо-западе от Хотина в Атаках (ныне районный центр в Республике Молдова) хотинский дефтердар (государственный чиновник Османской империи, ведавший финансовыми делами) Мустафа-ага «учредил ярмарку и выстроил для этого на берегу Днестра большой караван-сарай, навесы для торговцев, конюшни для лошадей барышников. Там было 50 корчем, в которых проживали музыканты-поляки и красивые девушки» [Там же: 140, 154].

Рассказывая о повседневной жизни Бухареста на рубеже XVII–XVIII вв., турецкий источник подчеркивал смешанное население и обращал внимание на корчмы, работающие круглосуточно. В них «парни и девушки приглашают каждого встречного удовлетворить свои прихоти за ничтожную цену». Однако пытливого чиновника интересовала не только ночная жизнь в корчме, но и более важные явления. Тут же он сообщал о случаях смены религиозной идентичности: «Много арабов и турок отказались от своей веры и остались в той (Валахии – М.Г.) стране» [Там же: 134].

Разнообразные товары покупались и продавались на рубеже XVII–XVIII вв. между странами Междуморья и Латинской Романией. «В Валахии, – свидетельствовал турецкий источник, – так много скота и баранов, что их вывозят в Россию, Польшу, Венгрию, Данцик, Богемию, Силезию, Австрию, Боснию и даже в Рим. Воск, зерно, жиры и соль поставляют исключительно в Константинополь» [Там же: 95].

Практики и итоги.

Этническая история как синтез культур

Межэтнические браки играли немаловажную роль в этнической истории Киевской Руси и в этнической истории тюркских народов на берегах Черного моря. Напомню скандал, вызванный книгой казахского поэта и ученого Олжаса Сулейменова (1975), когда он, наступил на больную мозоль российских и советских историков, не испытывающих симпатией к южнорусским тюркам, и представил летописные данные о многочисленных браках детей Киевских князей с куманскими княжнами, а также с членами родовитых семей Европейских государств.

По утверждению английского писателя и журналиста, известного знатока истории османов и османской империи Лорда Кинросса, «смешанные браки между греками и турками стали обычным делом, что способствовало зарождению и развитию нового смешанного общества» [Лорд Кинросс, 1999: 35].

Многоопытный итальянский купец XIV в., имеющий адекватное представление о характере языковой ситуации в Причерноморских степях, рекомендовал своему сыну, готовому отправиться на Восток с караваном по Великому шелковому пути, «отрастить бороду, обрить голову, нанять одного слугу и двух служанок и выучить кипчакский язык» [Гаргавец, 1987: 11; http://unesco.kz./qypchaq-languages_rus.html].

Сполохи прошлого

В сжатом очерке довольно длительного процесса межэтнических взаимодействий и влияний я обозначил болевые точки и неясности, которые до сегодняшнего дня служат предметом спора между учеными стран, прилегающих к берегам Черного моря. Море как магнит притягивает к себе внимание народов и стран, имеющих взаимопересекающиеся интересы, и создает своего рода интеллектуальный бум и крутые споры вокруг него.

Гагаузия

Этнографы, языковеды и историки стран, прилегающих к берегам Черного моря, выявляют в этнической истории своих народов все больше этнографических и языковых особенностей, а также реликтов соционормативной культуры, восходящих к средневековым или даже древним, ныне исчезнувшим народам. Красноречивым примером может служить относительно недавно разгоревшийся интерес к куманам в болгарском гуманитарном знании (фундаментальные исследования Валерия Стоянова, Георгия Атанасова, Пламена Павлова). Новый археологический, нумизматический, агнографийный материал позволяет раскрыть новые страницы истории тюркских народов на Балканах и в Подунавье, в Добрудже и Малой Азии, в Крыму и Буджаке.

После распада Советского Союза в близлежащих странах по берегам Черного моря возрос интерес к застарелым болевым точкам. Они вызывают новые приливы напряженности между экспертами и политиками в странах *возлеморья*.

Возьмем близкую мне Молдову. Новый исторический этап гагаузско-турецкого сближения вызывает беспокойство интеллектуалов Москвы, Кишинева и Бухареста. Возрожденная идеологема «Турки вернулись» с новой силой муссируется в общественном мнении Гагаузии. Она растеряла свою значимость со времен Бухарестского мира 1812 г., но теперь в Молдове вновь волнует обе элитные группировки: и прозападных румынистов, и провосточных молдаванистов. На это имеются веские причины. Прежде всего волнение вызывает солидный поток многомиллионных турецких инвестиций в социально-экономическое развитие Гагаузии и относительно устойчивые обороты культуртрегерской миссии. Смысл усилий никто не скрывает. Всем понятно, что речь идет о стремлении Турции сокращать этнокультурную и социокультурную дистанцию между турками и гагаузами и закрепить свои позиции на западных и северных берегах Черного моря.

Призраки туркизации плывут над Гагаузией, воспаляя гагаузские молодые поколения идеями принадлежности к величественному тюркскому миру, к великим огузским предкам, обетованной земле от Анталии и Каппадокии до Байкала и Китайской стены. В этом направлении работают турецкие СМИ, турецкие колледжи и лицеи, этому способствуют издания книг и газет на гагаузском и турецком языках.

Особую активность проявляет Турецкое главное управление по сотрудничеству и развитию (ТИКА), имеющее влияние не только в Молдове и Гагаузии, но и в других странах: в Болгарии, Грузии, Сербии, Македонии, Косово, Албании, в Боснии и Герцеговине. Турецкая телерадиокомпания (TRT) ведет передачи на турецком и гагаузском языках, которые пока пользуются меньшей популярностью, чем каналы российского телевидения (ОРТ, НТВ, Культура).

Перевод гагаузской письменности с кириллицы на латиницу в 1993 г. вел к сближению гагаузов с родственными по языку турками и способствовал охлаждению к русскому языку и русской культуре, имеющим в духовной жизни гагаузов более чем двухсотлетнюю традицию. Радио и телепередачи, а также документальные фильмы ведутся на гагаузском языке с сильным влиянием турцизмов в ущерб прижившимся в вокабуляре русским и молдавским словам.

Комратская библиотека и библиотека им. Ататюрка в Кишиневе оснащены турецкой литературой на турецком языке. В лицеях преподавание ведут специалисты из Турции.

В тех случаях, когда Кишинев не выполняет своих обязательств перед Гагаузской автономией, лидеры и экс-лидеры последней обращаются за помощью к политической элите Турции.

Мирное турецкое социально-экономическое и этнокультурное внедрение в Гагаузию находит встречную поддержку среди части этнических мобилизаторов, которые стояли у истоков создания гагаузской государственности в форме национально-территориальной автономии. Так, например, сменив

пророссийскую ориентацию на протурецкую, два известных политических деятеля Гагаузии – экс-президент Гагаузии Степан Топал и экс-председатель Народного Собрания Михаил Кендигелян обратились недавно с открытым письмом к президенту Турции Абдулле Гюлю и премьер-министру Турции Реджеп Тайип Эрдогану с посланием, в котором, в частности, говорится: «Гагаузский и турецкий народы всегда были связаны крепкими узами дружбы и взаимоуважения. Нас роднят общие этнические корни и общая принадлежность к великому тюркскому миру. Отнюдь не случайно в период борьбы гагаузского народа за самоуправление именно Турция сыграла одну из ключевых ролей в мирном урегулировании конфликта и сделала возможным образование автономии Гагауз Ери в составе Республики Молдова. Позицию, занятую Турцией перед правительством Молдавии и перед всем миром, что гагаузы имеют право на автономию, мы воспринимаем не только как мудрое и дальновидное решение, но и как искренний отклик братского народа. 14 лет назад, идя на компромисс с руководством Молдавии и соглашаясь на автономию, мы были уверены, что такой статус будет надежно защищать права и интересы гагаузского народа. Мы возлагали большие надежды на будущее, мы были уверены: сотрудничая с Кишиневом, мы сможем создать все условия для развития гагаузского малочисленного народа. Мы были уверены, что станем в составе Республики Молдова равноправными гражданами и сможем внести свой вклад в развитие государства».

«В 2001 г. к власти в Республике Молдова пришла Партия коммунистов, – отмечается в документе. – Это стало для Гагаузии началом тяжелого периода испытаний и лишений, который и по сей день не закончен. Центральные власти начали планомерно отбирать у Гагаузии полномочия. За время второго правления подконтрольного Кишиневу правительства Г.Д. Табунщика большинство государственных департаментов и правительственных агентств перестали подчиняться властям автономии и переводились под полный контроль Кишинева.

Кишиневские коммунисты в союзе с их ставленником Г.Д. Табунщиком сделали все возможное для упразднения реальной автономии, для превращения Гагаузии в рядовой молдавский район. Гагаузы так и не стали равноправными членами молдавского общества. Мы чувствуем себя никому не нужными в этой стране. Многие, слишком многие примеры свидетельствуют о том, что гагаузский народ является чужим для нынешнего руководства. Нынешнее руководство Гагаузии возлагает большие надежды на укрепление связей с тюркским миром. Мы осознаем себя органичной частью этого огромного пространства. Особые надежды у руководства Гагаузии связаны с развитием официальных отношений с лидером тюркского мира Республикой Турция. Однако власти РМ наложили негласный запрет на официальные визиты нашего башкана в Вашу страну» [Коммерсант Plus]. Авторы письма обращаются к руководству Турции, «как к лидерам страны, однажды уже подставившей нашему народу братское плечо и искренне помогавшей нам все эти годы».

История гагаузской автономии за последние два десятилетия показывает, что этнический фактор стал значительным фактором в масштабной геополитической игре. Однако ответ надо искать не в этнологии и не в этнической идентичности гагаузов, а в географии расселения, в зигзагах этнической истории и в геополитике. Гагаузы как этническая общность формировались на берегах Черного моря и прежде всего в поселениях, расположенных в Добрудже, в прилегающих к Черному морю, на стыке торговых путей, соединяющих Запад и Восток. Поэтому новый этап борьбы между Россией, Турцией и Украиной за гагаузов, это на самом деле борьба за побережье Черного моря.

Поэтому нетрудно предположить, что курс, взятый политической элитой Кишинева на вхождение в состав Румынии в соответствии с идеологией возрождения «Великой Румынии», вряд ли вызовет одобрение гагаузов, России и Турции. Не исключено, что может возникнуть новая геополитическая ось:

Москва–Анкара–Киев, в которой каждый из участников, преследуя свои государственные интересы, может стать на путь смены вектора в концепции этнической истории гагаузов: с пророссийской на прорумынскую. Меньше всего от столкновения интересов держав выиграет этническая история малочисленного народа.

Библиография

- Ангели*, 2010: *Ангели Ф.А.* Эпоха и новая трактовка родословия Кантемиров: конец XIV – первая половина XVIII в. Кишинев, 2010.
- Георгий Акрополит*, 2005: *Георгий Акрополит.* История / Вступ. ст. пер. и комментарий. П.И. Жаворонкова, СПб, 2005.
- Гордлевский*, 1962: *Гордлевский В.А.* Двоеверы // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. 3. М., 1962.
- Губоглу*, 1964: *Губоглу М.* Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А.С. Тверитиновой. М., 1964.
- Гумилев*, 2006: *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь, М., 2006.
- Димитров*, 1915: *Димитров Ив.К.* Преселение на селджукски турци в Добруджа около средата на XIII век // СпБАк., кн. X (6) (1915).
- Договорътъ на княза Ивано..., 1911: Договорътъ на княза Ивано синъ Добротичевъ съ генуезците отъ 1387 година отъ В.Н. Златарски и Г.И. Кацаров. Отделень отпечатокъ отъ известия на Историческо-то Дружество. Кн. III, София, 1911.
- Дружинина*, 1955: *Дружинина Е.И.* Ключок-Кайнарджирский мир 1774 г. (Его подготовка и заключние). М., 1955.
- Егоров*, 2009: *Егоров В.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2009.
- Еремеев*, 1971: *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971. 272 с.
- Жаворонков*, 1978: *Жаворонков П.И.* Никейская империя и Восток (взаимодействия с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40–50-е годы XIII в. // ВВ. 1978. Т. 39.
- Жаворонков*, 2006: *Жаворонков П.И.* Тюрки в Византии (XIII – середина XIV в.) Часть первая: тюркская аристократия // ВВ. 2006. Т. 65 (90).

- Златарски, Кацаров*, 1911: *Златарски В., Кацаров Г.* Договорът на княз Иванко, син Добротичев, с генуезците от 1387 г. // Известия на Българ. Историч. дружество. III. София, 1911.
- Източните пазари, 1911: Източните пазари. Турция, Гърция, Египет / Д-ръ Ив. Златаров, Ив.П. Маналов и Жеко Димов. София, 1911. 480 с.
- Кантемир*, 1722: *Кантемир Дм.* Книга систима или состояние мухаммеданския религии. Напечатается повелением его Величества Петра Великого императора и самодержца Всероссийского. СПб., 1722.
- Карпов*, 2007: *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007.
- Карпов*, 2000: *Карпов С.П.* Латинская Романия. СПб., 2000. 256 с.
- Крюков*, 1992: *Крюков М.В.* Восточный Туркестан в III в. до н.э. – VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и средневековье. М., Наука: 1992. С. 233–296.
- Лорд Кинросс*, 1999: *Лорд Кинросс.* Расцвет и упадок Османской империи / Под ред. д.и.н. М.С. Мейера. М., 1999.
- Младенов*, 1931: *Младенов.* Печенези и узи-куманы в българската история // Болгар. историч. библиотека. IV. 1. София, 1931.
- Мутафчиев*, 1973: *Мутафчиев Петър.* Мнимото преселение на селджушки турци в Добруджа през XIII в. // Петър Мутафчиев. Избрани произведения. Том II. София, 1973.
- Навишванов*, 1929: *Навишванов З.Ш.* Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге Руси и в Крыму // Известия таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. III. Симферополь, 1929.
- Народы Европейской части СССР, 1964: Народы Европейской части СССР. II / Под ред. В.Н. Белицер, Н.И. Воробьева, Л.Н. Терентьевой, Н.Н. Чебоксарова, Н.В. Шлыгиной. М., 1964.
- Никитин*, 2001: *Никитин А.Л.* Основания русской истории. Мифология и факты. М., 2001.
- Оболенский*, 1998: *Оболенский Дм.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
- Плетнева*, 1976: *Плетнева С.А.* Хазары. М., 1976.
- Всеволод Николаев* (проф.), 1940: *Всеволод Николаев* (проф.). Потеклото на Асеневици и етническият характер на основаната от тях държава. София, 1940.

- Самойлович*, 1924: *Самойлович А.Н.* К вопросу о наследниках хазар и их культуры // Еврейская старина. № XI. Пг., 1924.
- Самойлович*, 1923: *Самойлович А.Н.* Названия дней недели у турецких народов // Яфетический сборник. № II, Пг., 1923.
- Стојановић*, 1890: *Стојановић Л.* Стари српски хрисовули, акти и т.н. // Споменик срп. Акад. III, 1890.
- Терешкович*, 2004: *Терешкович П.В.* Этническая история Белоруссии XIX – начала XX вв.: в контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004.
- Тизенгаузен*, 1884: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: извлечение из сочинений арабских. Т. 1. СПб., 1884.
- Тюркские народы Крыма, 2003: Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003.
- Уляницкий*, 1883: *Уляницкий В.А.* Дарданелы, Босфор и Черное море в XVIII в., М., 1883.
- Якубовский*, 1928: *Якубовский А.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // ВВ. Т. XXV. 1927. Л., 1928.

Сложение туркменского народа*

«Современная этническая карта, отражающая расселение тюркских народов, – это результат многотысячелетних этногенетических и миграционных процессов», – писали в 2004 г. в своей книге, посвященной Евразийской степи, известные тюркологи С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов. Далее они говорят: «Тюркоязычные народы Евразии, так же как и их предшественники, в течение многих веков имели общую историю и общую по происхождению культуру, ставшую их общим наследием. Смена на исторической арене одних племенных объединений другими вовсе не означает полного исчезновения первых – древние племена сохранялись во вновь возникших этнических и политических структурах, часто под другими названиями, и формировали новые народы, претерпевшие свои деформации. Судьба каждого из них неотделима от судьбы соседей и сородичей» [Кляшторный, Султанов, 2004]. Это совершенно верно для всех тюркоязычных народов, в том числе и для туркмен.

Известный путешественник по Средней Азии А. Вамбери пишет, что туркмены «населяют по большей части пустынные области, простирающиеся по эту сторону Оксуса от берега Каспийского моря до Балха и от Оксуса на юг до Герата и Астрабада. Кроме небольших пространств возделываемых земель по Оксусу, Мургабу, Теджену, Гёргену и Этреку, где туркмены немного занимаются земледелием, эта территория представляет собой огромную ужасную пустыню, где путешественник может зачастую блуждать неделями, не находя ни капли пресной воды, ни тени хотя бы одного дерева. Зимой там сильные холо-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант 11-01-00534а «Этногенез: воображаемые пращуры и реальные потомки» и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и ин-новации в истории и культуре», направление 3: «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре», проект «Этносоциология гостеприимства: дрейф от солидарности к антропоцентризму».

да и глубокие снега, а летом – палящая жара и глубокие пески; бури же в разное время года различаются только тем, что одни из них готовят каравану и путешественнику сухую могилу, а другие – сырую» [Вамбери, 2003].

Современное расселение туркмен в основном сложилось к XVIII в. По данным разных источников, большая часть которых опирается на оценочные показатели, в мире насчитывается 8–9 млн. туркмен. Кроме основной территории своего расселения – Туркменистана (5,7 млн. или 85% от 6,7 млн. на 2006 г. по офиц. данным), туркмены живут и в других странах – в Иране (от 1,2–3 млн.), Афганистане (ок. 1 млн. или 3% от 31,6 млн.), Ираке (ок. 1,2–3 млн.), в Турции (около 0,5 млн.), в Сирии (ок. 3 млн.), России (почти 37 тыс.), Таджикистане (около 15 тыс.), в Пакистане (около 60 тыс.). Живут туркмены и на Украине, в Белоруссии, в Казахстане, в Киргизии. Но там они не образуют компактных поселений (общая численность каждой из диаспор около 2000 чел.). Особую группу представляют собой салары Китая (около 110 тыс.). Краткая информация о туркменских группах, проживающих вне пределов Туркменистана, и об их истории дается в специальной работе [Туркмены зарубежного Востока, 1993; *Атаев, Джикиев*, 1993].

Демограф Е. Щербакова [2013], опираясь на приведенные выше официальные данные о численности наличного населения Туркменистана, публикуемым Межгосударственным статистическим комитетом СНГ, указывает, что данная численность предполагает стабильный среднегодовой темп прироста на уровне около 5%. Но ряд международных организаций оценивает общую численность населения этой страны меньшими показателями. Например, по мнению экспертов Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, она составляла на середину 2006 г. 4802, а на середину 2013 г. – 5240 тыс. человек [United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2013). World Population Prospects: The 2012 Revision, CD-ROM Edition. File POP/1-1: Total population (both sexes combined) by major area,

region and country, annually for 1950–2100 (thousands). POP/DB/WPP/Rev.2012/POP/F01-1]. Эксперты Бюро информации о населении оценивали ее на середину 2013 г. в 5,2 млн. человек [Population Reference Bureau. 2013 World Population Data Sheet: 10], хотя на середину 2006 г. их оценка была несколько выше – 5,3 миллиона человек [Population Reference Bureau. 2006 World Population Data Sheet. P. 8].

В России компактные регионы расселения туркмен, где они живут с XVII в., – это Туркменский, Благодарненский, Ипатовский, Арзгирский и Нефтекумский районы Ставропольского края, а также Осыпнобугорский и Яксатовский районы Астраханской области. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., всего в СССР проживало 2 728 965 туркмен, из которых 2 536 676 человек, или 92,95% были жителями Туркменской ССР. В других республиках Средней Азии насчитывалось 142 964 туркмен (или 5,24% от общей их численности) [Национальный состав населения СССР..., 1991]. Таким образом, на долю всех остальных республик приходилось всего 1,81%, или 49 325 туркмен. Из них на территории Ставропольского края жило 11 337, а в Астраханской области – 2288. По переписи 2010 г., в России насчитывалось 36 885 туркмен, практически равные доли которых живут в городе (48,36%) и на селе. В Ставрополье проживает несколько больше 15 тыс. чел., а в Астраханской области 2286 чел. [Население по национальности..., http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/sroc/perepis_itogi_1612.htm].

Современное расселение туркменских племен по селам в Ставропольском крае связано с их оседанием в XIX–XX вв. вблизи бывших мест традиционных летних и зимних кочевий. Човдуры и игдыры подразделяются на ряд более мелких родов – ру, некоторые из которых также имеют подразделения [Курбанов, 1993].

Обращает на себя внимание, что род игдыр имел в своем составе ру киргиз (более компактно проживают в а. Нижний Озек-Суат Ставрополья). Киргизы (казахи?) откочевали на

Северный Кавказ с родом казаяклы в 1790 г. Изменение соотношения численностей туркмен и киргизов в Ставропольском крае на протяжении почти ста лет может свидетельствовать о том, что последние присоединились к туркменам – совершенно иной по своему происхождению этнической общности. Но говорить о полном слиянии этих групп вряд ли возможно, так как имеются свидетельства, что киргизы до середины 1980-х годов отличались от туркмен языком, обрядами и одеждой [Курбанов, 1995: 39–40].

Среди ставропольских туркмен выделялась группа *казылар*, или шеретовских татар – калмыков, которые в начале XVIII в. приняли мусульманство. По преданию, существующему среди ставропольских туркмен, калмыцкий хан, вступив в брак с богатой туркменской женщиной, перешел в мусульманскую веру. Вслед за ним ислам принял и его народ. Туркмены стали вступать в браки с калмыками-мусульманами. Эти смешанные семьи поселились за оз Маныч. Их потомки переселились в район балки Кучерли, где стали враждовать с жившими по соседству туркменами. Последние ушли, а новопоселенцы стали смешиваться с ногайцами, которых много кочевало в этих местах, и назвались казыларами. Когда ногайцы отсюда откочевали, казылары вместе с туркменами образовали а. Кучерла [Курбанов, 1995: 41]. В 1920-е годы казылары и туркмены ушли из с. Кучерла в ближайшие аулы и села Куликовы Копани и Шарахалсун, где смешались с туркменским, татарским и русским населением [Там же: 42].

По сведениям П.И. Небольсина, 80 кибиток туркмен-абдал (1605 человек) жили в Астрахани и рядом с городом. Игдыры – кочевали вместе с кундровскими татарами и пять их семей проживало в Астрахани. Човдуры рассеялись в разные местности низовий Волги, проживая смешанно с юртовскими и кундровскими татарами и карагашами. Туркмены бурунджик поселились вместе с абдалами на землях кундровских татар [Небольсин, 1852, кн. 7: 53–57].

Царская администрация начала проводить политику перевода ставропольских туркмен на оседлый образ жизни, к чему

туркмены были уже частично подготовлены: часть населения уже перестала совершать дальние перекочевки с летних на зимние пастбища. В 1854 г. в урочище Красные Копани была учреждена Летняя Ставка, где должен был разместиться туркменский пристав, а в 1860 г. в урочище Джелань – Зимняя Ставка, где поместился помощник пристава. Первый туркменский аул был основан в 1836 г. – это а. Большой Барханчак (Баш-Аул), состоящий из двух частей – Верхний и Нижний Барханчак. Часть населения этого аула позднее слилась с човдурским населением основанного в 1869 г. а. Юсуп-Кулак. Затрагивая вопрос образования постоянных аулов в Туркменском приставстве, исследователи этого региона сделали вывод, что «первооснову поселений здесь составила беднейшая часть ставропольских туркмен, а также казанские татары и беглые русские крестьяне, выдававшие себя за туркмен» [Курбанов, 1995: 59]. В 1910-х годах заканчивается процесс оседания туркмен-кочевников и начинается новый этап их истории – жизнь оседлых земледельцев [Щеглов, 1910–1911].

В 1917 г. ликвидируется Туркменское приставство и создается Туркменский уезд. Затем административно-территориальное деление региона неоднократно менялось, одни населенные пункты ликвидировались, другие основывались. Усиливаются миграции в пределах региона, имеющие своей причиной гражданскую войну, голод, коллективизацию и др. Население перемещается из одних сел в другие, основываются новые села, в которых, в частности, селятся туркмены – выходцы из разных старых сел и имеющие различное происхождение.

В результате различных исторических событий к середине XX в. туркмены оказались широко расселенными по Ставрополью и низовьям Волги. Исследователи, побывавшие в районах их расселения в 1980-х годах, считают, что можно говорить о трех достаточно компактных их группах. В Ставрополье выделяются «западная» (современные территории Ипатовского, Туркменского, Благодарненского и Арзгирского районов) и «восточная» (Нефтекумский район). К третьей группе можно

отнести туркмен Астраханской области. Большинство сел – смешанные по национальному составу. Вместе с туркменами в селах «западной» группы живут прежде всего русские и татары. В «восточных» селах туркмены соседствуют с русскими и ногайцами. В конце 1980-х и в 1990-е годы именно в этих селах стало селиться значительное число даргинцев, чеченцев, лезгин и других народов.

Обе группы туркмен исповедуют ислам суннитского толка. Традиционно они не относятся к числу ревностных мусульман, в их духовной культуре значительное место занимают народные обычаи и традиции [Брусина, 2007, 2013].

Язык ставропольских туркмен отличается от языка туркмен Туркменистана. Он сформировался как самостоятельный диалект в результате взаимодействия с ногайским, казахским, калмыцким, татарским, русским и украинским языками. Сейчас родным языком туркмены Ставрополя пользуются наравне с русским и нередко вместе с татарским и ногайским. При общении с туркменами Средней Азии до конца 1980-х годов использовался русский язык. Туркмены Астраханской области чаще говорят на русском языке. Среди них распространен и татарский язык. Сами астраханские туркмены считают, что говорят на языке, сходном с языком ставропольских туркмен, но имеющим много татарских заимствований, и называют себя (по языку) «русскими туркменами» [Курбанов, 1995: 84]. В начале XXI в. среди туркмен как Ставрополя, так и Астраханской области стало широко распространяться изучение литературного туркменского языка. Расширяются связи с Туркменистаном. В обоих регионах уже более 20 лет работают Национальные *Общества туркмен*. Туркмены Ставропольского края в подавляющем большинстве случаев вступают в брак с представителями своей национальности и даже одного родового подразделения.

К настоящему времени туркмены юга России представляют собой растущую в численности консолидированную и в значительной мере экзогамную (в культурном и брачном отношении) этнотерриториальную группу, сохраняющую специфический

комплекс культурных и социальных традиций, этническую идентичность, родовую структуру, родной язык. Процессы размывания выражены слабо. Более того, ряд аулов становится со временем более моноэтничными, а численность туркмен в них (как и численность группы в целом) непрерывно растет, начиная с послевоенного времени [Брусина, 2013].

Значительная часть туркмен Ирана (по данным ЦРУ США, их численность составляет более 500 тыс. человек) [TheWorldFactbook: //https://www.cia.gov/library/ publications/ the-world-factbook/geos/ir.html] сосредоточена на северо-востоке страны, в северной части остана (области) Голестан, где находится несколько городов с туркменским населением (административный центр – г. Горган (бывший Астрабад), самый крупный город Гомбеде-Кавус), а также в провинциях Северный Хорасан (центр – г. Боджнурд) и Хорасан Резави (центр – г. Мешхед). Географически эти поселения растянуты примерно на 500 км от северо-западного склона Копетдага до побережья Каспийского моря [Овезов, Гаджаров, 1993].

Практически все туркмены Пакистана, как указывает англоязычная Википедия, – это беженцы, которые выехали из Туркменистана в Афганистан после революции 1917 г., а затем оттуда в соседний Пакистан во время нестабильной ситуации при ведении советских войск в Афганистан [http://www.rferl.org/content/article/1096306.html http://en.wikipedia.org/wiki/Turkmen_in_Pakistan-cite_note-RF-2]. Значительная часть их проживает в Пакистане уже несколько десятилетий, а некоторые – во втором и третьем поколениях.

Число туркмен, проживающих в Ираке, по оценкам ЦРУ [TheWorldFactbook], составляет ок. 4–5% общего числа. Фронт иракских туркмен в Ираке оценивает их численность в 10% населения или 3 млн чел. Туркмены составляют значительную долю в северных провинциях страны, где находятся основные нефтеносные провинции, а также в таких городах, как Мосул, Калькутта, Эрбил, Сулеймание. Согласно тому же источнику, который ссылается на официальную перепись 1957 г., во время

королевского правления в Ираке численность туркмен составляла 0,5 млн чел. из 6,3 млн чел. общего населения страны. Это значит, туркмен в Ираке в то время было 8%. В период правления в Ираке С. Хуссейна проводилась, как считает Фронт, политика жесткой ассимиляции туркмен с запретом использования языка в общественных местах, изучения языка, заселения территорий расселения туркмен арабами и курдами. Поэтому во всех справочниках фигурирует показатель в 2% туркмен от общего населения Ирака. Но, если принять за реальность то, что они составляют 8%, тогда из 29,7 млн чел. современного населения этой страны их должно быть около 2,3 млн. чел. [Сагалтагаров, 2011].

В Ираке туркмены проживают в северо-восточных и частично в центральных провинциях. Их поселения встречаются в ливах Киркук, Мосул, Сулеймания, Эрбил, Дияла. Хилла и Багдад, располагаясь по своего рода длинному коридору, который на севере начинается в деревнях Шибык и Рашидия и проходит через города Тель-Афар, Эрбиль, Киркук, поселки Алтун-Копру, Тазе Хурмату, Дакук, Гуз Хурмату, частично охватывая Баят, Кифри Кара-Тепе, Кызыл-Рабат, Ханекин, Шахрибан, ал-Менсурия, Дейли Аббас, Казанийя, и кончается в кази Мендели. Примечательно, что данная линия одновременно служит этнической границей между арабским и курдским районами Ирака. На северо-востоке, в горных районах находятся самые богатые в стране пастбища, которые используются вместе с курдами.

Тюркизация этих районов началась задолго до сельджукских завоеваний в результате непрерывного притока тюркских эмигрантов из разных стран по различным направлениям. После завоевания этих районов сельджуками резко возросло тюркское влияние, и многие города и населенные пункты, а также географические объекты стали именоваться по-тюркски. В результате в северо-восточном Ираке уже в конце XX в. возник целый ряд тюркских топонимов. Самым крупным местом скопления и культурно-хозяйственным центром туркмен Ирака

является город Киркук. Кроме туркмен там проживают курды (четверть населения), арабы, имеются небольшие колонии армян, ассирийцев и евреев [Овезов, Гаджаров, 1993: 138–141].

Подавляющая часть туркменского населения Ирака занята в сфере сельского хозяйства. Географические условия районов благоприятствуют возделыванию различных сельскохозяйственных культур, а также отгонно-пастбищному скотоводству. Однако главным занятием туркмен Ирака является земледелие. В ряде районов широко распространено садоводство: выращивают яблоки, груши, абрикосы, персики и другие фрукты; также произрастают оливковые, фисташковые деревья и смоковница, орехи, миндаль. В Мосуле и Сулеймании за послевоенные годы широкое распространение получило табаководство. Обилие сточной воды в виде многочисленных ручьев и мелких рек позволяет вести интенсивное орошаемое земледелие, культивировать такие сложные культуры, как рис [Там же: 146–147]. Главное место в скотоводческом хозяйстве отводится разведению овец и крупного рогатого скота. В культурных оазисах орошаемого земледелия и в местах, где имеется большое количество горных лугов, на подножном корму держится крупный рогатый скот, а на пустынно-равнинных отгонных пастбищах – отары овец. Разводят также верблюдов, лошадей и ослов, используя их как выючный транспорт. В некоторых хозяйствах распространено птицеводство. С проведением Багдадской железной дороги, а позже с вводом в действие крупных нефтепромыслов в районе Киркука значительное количество туркмен было привлечено на эти предприятия. В городах и деревнях северо-восточного Ирака сохранились отголоски некогда развитого ремесла. В быту туркмен Ирака наибольшим спросом пользуются предметы кузнечного ремесла, ковроткачества, кошмоваляния, женские украшения, домашние ткани, музыкальные инструменты. Причем изготовление ковров, кошм и тканей традиционно считалось женским занятием. Этот утомительный, тяжелый труд являлся серьезным подспорьем дохода многочисленных бедных семей [Там же: 148].

Афганские туркмены – вторая по величине и значению группа этнических туркмен за пределами современного Туркменистана. Здесь их проживает примерно 2 млн, что составляет около 3% населения страны. Туркменские поселения сконцентрированы на северо-западе, вдоль границы с Узбекистаном и Туркменистаном в окружении более многочисленных афганских узбеков [Где и как живут туркмены..., 2013]. Советский востоковед И.М. Рейснер в 1929 г. определил численность туркмен примерно в 200 тыс. человек [Рейснер, 1929: 15]. По данным Р.Т. Ахрамовича, в Афганистане насчитывалось около 400 тыс. туркмен. В том числе в Мазари-Шарифской провинции было более 220 тыс. человек (20% населения провинции); в пределах Майманинской области – около 140 тыс. (24%), в Гератской провинции – около 30 тыс. (2,5%) [Ахрамович, 1953: 150, 154, 155]. Остальная часть туркмен, как можно предполагать, жила в районах Хазрати-Имамсахиба, Кундуза, Ханабада, Талибана, Гури и Андараба. По справочнику «Современный Афганистан», выпущенному в 1960 г., численность туркмен также определялась примерно в 400 тыс. человек, но по провинциям они распределялись следующим образом: в Гератской – 80 тыс. человек, в Майманиянской области 150 тыс., в Шибирганской – 80 тыс. [Современный Афганистан, 1960: 37, 40]. В справочнике «Афганистан» (1964) численность туркмен в Афганистане составила 300 тыс. человек (С. 13). По мнению А. Ягмурова [Ягмуров, 1993: 110], численность туркмен Афганистана к началу 1960-х годов определялась примерно в 450 тыс. человек. Он считает необходимым учитывать то обстоятельство, что из-за отсутствия переписи населения в Афганистане трудно установить точную численность населения.

Первые представители племени теке (в основном из Серахса) под предводительством мервского текинца Азиза Сердара Бадалова пришли в Гератскую провинцию в XIX в. Переселение большей массы туркмен племени теке в Афганистан происходило в 1930-х годах после установления советской власти в Туркменистане и в период проведения коллективизации. В этот

период текинцы (в основном из Мары, Байрам-Али, Теджена, Ашхабада, Геок-Тепе) переселились в районы Даулетабада и Маручака [Franz, 1972: 200]. Однако на новом месте судьба туркмен оказалась нелегкой. И если теке смогли получить от афганских правителей земельные наделы и обрести таким образом какие-то средства к существованию в районах своего расселения, то судьба большинства сарыков, переселившихся в Афганистан, складывалась крайне неблагоприятно: здесь имели место и попытки обложить их тяжелой податью, и насильственное переселение в другие районы, и прямое насилие с использованием войск. Эта ситуация была столь серьезной, что уже в конце XIX в. они пытались перейти в русское подданство, и часть сарыков вернулась на родину.

«Туркменское меньшинство не принимало участия в гражданской войне 1990-х годов и поддерживает дружественные отношения со всеми этническими группами в Афганистане, поэтому может играть важную роль в объединении всех враждующих фракций», – говорит д-р Джамахир Анвари, министр по делам беженцев и единственный министр – туркмен по национальности в правительстве президента Х. Карзая. Он добавил, что их нейтралитет ставит эту группу в наилучшее положение в процессе объединения воюющих фракций [Где и как живут туркмены..., 2013].

В Афганистане и в настоящее время основная масса туркмен продолжает заниматься кочевым и полукочевым скотоводством и ковроткачеством. К оседлому земледелию перешла лишь очень небольшая часть туркмен, живущих главным образом в районе Мазари-Шерифа. Туркменские скотоводы Шибиргана, Меймене и Андохя владеют подавляющим большинством четырехмиллионного поголовья каракулевых овец в Афганистане. Туркмены поставляют до 90% афганского каракуля, по производству которого Афганистан занимает одно из первых мест в мире. Повсеместно среди туркмен широко распространено ковроткачество и валяние кошм, главным образом в качестве домашнего производства. Часто можно услышать об

«афганских коврах», которые на самом деле изготавливаются в Афганистане туркменами.

Тюркоязычные племена проникали в Малую Азию задолго до Сельджукидов, уже в течение VIII–X вв. Сюда давно устремлялись взоры халифов. Военная зона, отделявшая арабов от византийцев, проходила от Антиохии к Марату и Малатье. Во время халифа Гарун-аль-Рашида в этой зоне возведены были укрепления, в Сирии созданы «военные округа». Тюрки, переброшенные из Хорасана, были поселены на большом пространстве к востоку от Тарсуса и Эрзурума, т.е. в юго-восточной части Малой Азии. Так было подготовлено завоевание Малой Азии Сельджукидами. Тюркизация Малой Азии началась задолго до огузов. Здесь активно расселялись племена калач, карлук, канглы, кипчак.

В начале XI в. в Малую Азию вторгаются полчища огузов под командой вождей из рода Сельджукидов. Укрепив города, Византия пытается оградить себя от все упорнее и упорнее наступающих тюркских племен. «Они зажали Византию в тиски сторожевыми приграничными постами – “уджамя” на востоке (Малатья), на юге (Тарсус) и на севере (Эрзурум)» [*Гордлевский*, 1941: 22]. Огузы составили основу тюркских племен Анатолии в XI–XIII вв. Этот пласт был таким мощным, что до наших дней он отчетливо выступает в населении восточных районов Малой Азии. Туркменские племена Турции сохранили огузские названия байындыр, баяд, чепни, авшар, понеч, барак, караташлы (карадашлы), кара-коюнлу. Племенные подразделения гюнеч и барак существуют у среднеазиатских туркмен (соответственно у эрсари и иомудов) [*Этнический состав тюркских племен Анатолии*, 2013].

«Обширные сведения о туркменских племенах Малой Азии обнаружил Ф. Демирташ в архивных документах Османской империи XV–XVIII вв. В них упоминаются почти все те племенные названия, которые есть в списках Махмуда Кашгари, Рашид ад-Дина и Абульгази. У турецких туркмен сохранились и родовые тамги огузов. Ими таврят крупный рогатый скот и

верблюдов. Они используются и как обереги» [Где и как живут туркмены..., 2013].

В Малой Азии для обозначения тюрок употребляли три этнонима: тюрки, огузы и туркмены. Смещение тюркских, огузо-туркменских племенных групп с коренными этническими группами дало почву для образования «турков-османцев», которые образовывали множественные племенные союзы, как тюркские, так и нетюркские, и к середине XVI в. сложились как народ [*Карабаев*, 1993: 220–221].

Туркмены, проживающие на территории современной Сирии, являются третьим по численности народом этой страны после арабов и курдов. Они составляют 13% населения. Из них только 1,5 миллиона знает свою историю и туркменский язык. Тюркские племена стали появляться в Сирии ранее VII в. Несколько позже здесь появились туркмены-огузы. После битвы между сельджуками и газневидами при Данданакане началась усиленная миграция туркмен, которые расселились в городах Триполи, Дамаске, Латакии, Халебе, Хаме, Хомсе и Кунейтре и вскоре полностью взяли контроль над Сирией. В 1072 г. сельджукский султан Мелик-шах с помощью туркменских ополчений захватил Северную Сирию и часть Палестины. В XII в. туркмены внесли большой вклад в защиту всего региона от крестоносцев. Вплоть до конца первой мировой войны находящаяся под османским владычеством Сирия развивалась под культурным, социальным, экономическим влиянием тюркской культуры. Одним из регионов, откуда шло переселение туркмен в Сирию и другие арабские страны, была Турция. В XIV в., как пишет турецкий историк М.Х. Инанч, многие туркменские племена из южной Анатолии откочевали в Сирию [См.: *Сахатмуратов*, 1993: 193]. Основная отрасль хозяйства сирийских туркмен – кочевое и полукочевое скотоводство, побочное – земледелие. С 1936 г. туркменам Сирии было запрещено говорить на родном языке и издавать литературу на родном языке. Лишенное всяких культурных прав туркменское меньшинство было лишено и права образования на туркменском

языке. Туркменам Сирии было запрещено создавать кружки и партии, объединения для подачи своего голоса. Но в период Башара аль-Асада в сфере основных прав и независимого развития сирийских туркмен были сделаны значительные послабления; это произошло на фоне налаживания дипломатических отношений на государственном уровне. До гражданской войны сирийские туркмены в основном занимались обувным делом. Большое число обувных фабрик в г. Алеппо принадлежит именно этническим туркменам. Также среди сирийской интеллигенции много туркмен: деятелей культуры, ученых, политиков и военных. Из их же среды был министр обороны страны Хасан аль-Туркмени. До недавнего времени они не испытывали национального или религиозного давления, поскольку являются мусульманами-суннитами, как и основное население Сирии. Зато сирийские туркмены-сунниты стали объектом нападения «повстанцев», которые при поддержке западной коалиции требуют смены режима в стране и не брезгают применять террористические методы против мирного населения [Где и как живут туркмены..., 2013].

Салары КНР – народ огузского, южнотюркского происхождения. Их самоназвание существует в различных вариантах: салар, салор, салыр, салир, сала, салацзу (последнее – на китайском языке), и относится к числу огузских племенных наименований. Оно и сегодня встречается у туркмен некоторых районов Туркменистана. Сегодня салары Китая – небольшой народ, значительная часть которого живет на узком высокогорье по правому берегу реки Хуанхэ, в юго-восточной части китайской провинции Цинхай. Здесь образован саларский автономный уезд Сюньхуа [Резван, 2010]. Истории саларов КНР посвящены специальные работы [Бартольд, 1847; Васильева, 1963; Винников, 1969; Галкин, 1867; Джикиев, 1965; Исследования по этнографии туркмен, 1965; Карпов, 1929; Агабеков, Карпов, 1930; Кононов, 1958; Михайлов, 1900; Петрусевич, 1880; Лессар, 1884, 1885; Логашова, 1993; Росляков, 1962; Васильева, 2003; Резван, 2010].

Еще до заселения огузами прикаспийских земель часть их осела к северу от Самарканда в соседстве с кыпчакскими племенами, и вплоть до начала XIX в. они сохраняли свое самоназвание [*Frazer*, 1825: 245–258]. Их потомками является часть населения Самаркандской области (Нуратинский и Кошрабатский районы) – туркмены, которые, по данным полевых исследований, проведенных Л.Т. Соловьевой в 2010 г., уже не сохранили своего этнического самосознания и полностью отождествляют себя с узбеками. В XI в. часть племен ушла в Хорасан, Ирак и Фарс, другая впоследствии оказалась на восточном побережье Каспия, частью пройдя через Крым и Поволжье. В XIV в. подразделения саларов жили в Прикаспии (Мангышлак), на плато Усть-Юрт и в предгорьях Балхан. Катастрофические засухи XVII в. вынудили саларов мигрировать в пределы Хивинского ханства и Бухарского эмирата. Начав движение из дельты Амударьи и Сырдарьи, волна саларов-переселенцев докатилась до прикаспийских территорий и далее – на Запад, вплоть до Малой Азии. Здесь салары растворились, оставив свой след в топонимах Восточной Анатолии. Китайские хроники упоминают о переселении саларов в китайские пределы в первые годы правления династии Мин (1368–1644). В различных версиях сказания сохраняется неизменной дата поселения сорока саларских семей на новом месте – 1370 г. [*Резван*, 2010].

Как писал Л.Н. Гумилев, «этногенез – это процесс, в коем возникают и исчезают этносы». Дискуссия об объективности существования этносов все еще продолжается. Но народы имеют самоназвания (этнонимы) и их тем или иным образом именуют соседние сообщества (экзонимы). Этнонимы и экзонимы появляются на каком-то этапе истории, трансформируется та общность, которая ими именуется, и, конечно, они перестают бытовать. Поэтому постановка вопроса о сложении народа, его этногенезе – вполне логична и закономерна. Вопросу этногенеза туркмен посвящено немало исследований. Но «тем не менее, вопрос их раннего этногенеза остается во многом загадочным. Объясняется это, прежде всего, скудностью или даже отсут-

ствием письменных источников» о самых первых его этапах [Марков, 2014]. И главная проблема (как в отношении туркмен, так и в связи с любым другим народом) заключается в том, что, только изучая современное население, мы можем получить сведения о его самоопределении и его «определении» соседями. Все исторические данные, даже, казалось бы, достаточно достоверные – письменные источники – практически всегда заставляют обсуждать вопрос об их объективности и о связи описываемого явления с тем народом, который ныне имеет то или иное самоназвание и этногенез которого исследователь пытается понять. Не углубляясь в эту тему, скажу, что разнообразные сведения о современных представителях того или иного народа, полученные методами многих (и не только гуманитарных) наук дают возможность проследить пути сложения общности, описать те компоненты, которые она включала в свой состав на пройденном историческом пути.

Мне бы и хотелось, отталкиваясь именно от этого обрисовать несколькими штрихами пути сложения того этнокультурного разнообразия человеческих коллективов, которое осознает себя туркменами и которое мы ныне называем так.

Этноним туркмены, или тюркмены «состоит из собственно-го имени *Тюрк* и суффикса *-мен*, соответствующего немецким *-tum* или *-schaft*, тогда как номады называют себя по преимуществу тюрками. Употребительное у нас слово “туркмен” является персидским искажением тюркского оригинала» [Вамбери, 2003]. Это толкование слова является лишь одним из существующих объяснений происхождения этнического термина, основанных на народных этимологиях [Агаджанов, Каррыев, Росляков, 1977]. Как показывает С.Г. Агаджанов, первая этимология значения этнонима «туркман» приводится Абу Райханом Бируни (973–1048) в его труде «Собрание сведений для познания драгоценностей», законченном им в последние десятилетия жизни: «В прежнее время любой из тюрк-гузов, кто принимал ислам и смешивался с мусульманами, становился гарджуманом (переводчиком) (истолкование данного термина

С.Г. Агаджанов приводит в специальной статье [см. *Агаджанов*, 1963]) между теми и другими, так что, когда какой-нибудь гуз принимал ислам, гузы говорили: он стал туркманом, а мусульмане говорили, что в их число вошел туркман, то есть похожий на тюрка» [*Абу Рейхан Бируни*, 1964: 193; цит. по: *Агаджанов*, 1977: 86].

Достаточно долгое время, туркмен называли «народом огузского происхождения», связывая их формирование именно с этим народом. Ныне никто уже не употребляет таких формулировок, свойственных работам конца 1940 – начала 1950-х годов, типа критики «буржуазной теории» о переселении туркмен с востока (огузы) как «лженаучных измышлений реакционных паниранистов и их американских хозяев» [*Росляков*, 1950]. Видимо, более продуктивно обратить внимание на ряд фактов. Так, Г.П. Васильева [1977: 97] подчеркивает, что «Махмуд Кашгарский отмечал эту неоднородность гузов, указывая, что “гузы... смешались с персами”» [Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1, 1939: 310; см.: *Агаджанов*, 1969].

Этнографические исследования Г.П. Васильевой продемонстрировали значительный вклад в этот процесс древних местных племен и народов [*Васильева*, 1977]. Об этом свидетельствует, например, традиционная архитектура оседлого населения [*Левина*, *Овезов*, *Пугаченкова*, 1953; *Пугаченкова*, 1959; *Андреанов*, *Васильева*, 1957; *Вайнберг*, 1959]. Великолепные и в той же степени своеобразные ювелирные изделия туркмен находят много параллелей с таковыми древних и средневековых народностей [*Васильева*, 1973: 8–9; *Она же*, 1977: 97–98]. О сходстве отдельных элементов одежды и декоративно-прикладного искусства народов Поволжья со среднеазиатскими народами, жившими в Приаралье, писал еще С.П. Толстов. Как отмечает С. Алымов, 1935-м годом датируется набросок статьи «Поволжско-амударьинские этнографические параллели», где С.П. Толстов говорит о том, что эти идеи возникли еще в 1920-е годы, когда, изучая терюхан, он заметил общность материальной культуры чувашей, марийцев, удмуртов и туркмен

[АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 7. Л. 4]. Также в набросках осталась планировавшаяся Сергеем Павловичем книга об отношениях Хорезма с европейским востоком, по-видимому, частично воплотившаяся в таких статьях, как «Новогодний праздник “каландас” у хорезмских христиан» и «“Нарцы” и “волхи” на Дунае» [АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 49; см.: *Альмов*, 2007: 139]. По мнению В.Н. Белицер [1951], девичьи головные уборы башкир и чувашей, которые имеют много общего с девичьей шапочкой туркмен, обильно украшенной серебряными монетами и имеющей серебряное куполообразное навершие с подвесками [*Васильева*, 1977: 98], могут иметь прототипом скифский воинский шлем.

Не противоречит таким активным взаимодействиям и туркменский язык. Так, в одной из своих, увы, последних работ известнейший специалист по турецкому и туркменскому языкам Э.А. Грунина пишет: «Следует подчеркнуть богатство лексического фонда туркменского языка: он складывался в условиях очевидных межязыковых и межплеменных контактов и в течение истории туркменского народа не подвергался пуританскому воздействию. В языке туркменского фольклора таятся несметные богатства, которые уже утрачены в языках-донорах. Само изучение лексики может дать интересный материал к тому, что называется картиной мира» [*Грунина*, 2014].

Красноречивы свидетельства древних домусульманских, во многом земледельческих корней ряда элементов религиозных верований, культуры, обрядов и обычаев современных туркмен [см., например: *Басилов*, 1963, 1970]. Показательны результаты археологических открытий второй половины XX – начала XXI вв. на земле Туркменистана [см., например: *Сарианиди*, 1990, 2008, 2012; *Массон*, *Кирчо*, 1999; *Пилипко*, 2001; *Кирчо*, 2008; *Дубова*, 2013 и мн. др.], которые показывают, в том числе, и глубокие корни материальной и духовной культуры современного населения страны.

Об участии разнообразных, разноязычных компонентов в сложении туркменского народа говорят и родоплеменные на-

звания, свойственные разным группам этого народа. Например, такие названия, как кенегес и чагатай у сакаров, карлык у арабачи, кыпчак у али-эли и другие, свидетельствуют об участии неогузских народов в этногенезе туркмен в период массового движения огузов на запад. (Рашид ад-Дин, перечисляя имена присоединившихся к Огузу родственников, называет среди них кыпчаков и карлуков [Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1: 494]. Абу-л-Гази также считает их присоединившимися [Кононов, 1958: 43–44, 51]). Возможно, что отражением имени средневековых халаджей (у Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази – калач) является этноним элеч, который носит небольшая группа туркмен в Ходжамбасском районе, считающая себя потомками местного древнего тюркоязычного населения [Винников, 1962: 90–91]. Часть группы элеч связывает свое происхождение с побережьем Каспийского моря, где в средние века, по преданиям, записанным А. Джикиевым, обитало тюркское племя элеш [Джикиев, 1961: 3]. Абу-л-Гази указывает, что значительное число халаджей (калач) поселилось в Хорасане [Кононов, 1958: 46; Васильева, 1977: 97].

Из только что приведенных сведений исследователи пытаются делать разные выводы. Так, А. Джикиев в своей докторской диссертации указывает, что «этноним “туркмен” является лишь эпизодом в этнической истории, а не принципиальной точкой отсчета начала формирования этноса». Он считает возможным в этнической истории туркмен выделить «этнос древней эпохи и этнос средневековой эпохи». Академик АН Туркменистана подчеркивает, что в формировании средневековых туркмен решающую роль сыграли тюркские племена, особенно огузы, но «проникновение древних тюрков, начавшееся еще на стыке старой и новой эры и продолжавшееся в течение многих веков, привело в XI в. к образованию новой этнической общности» – туркменской народности [Джикиев, 1991].

Один из серьезнейших исследователей этнографии туркмен Г.И. Карпов в своей защищенной в годы Великой Отечественной войны диссертации пишет: «Современный состав

туркмен – результат длительных различных этнических смещений, получившихся в ходе военно-политических столкновений и экономической борьбы не только между отдельными туркменскими племенами, но и с народами, окружавшими их. ... [Это] подтверждается анализом собранных нами материалов (писанных или устных) о туркменских родоплеменных организациях. Эти источники говорят, что туркменский народ исторически сложился из древних кочевых иранцев, тюркомонголов и др., однако, с преобладанием тюркского элемента. Из обломков различных этнических групп ... на наших глазах образовалась туркменская нация, вошедшая равноправным членом в великую семью народов Советского Союза» [*Карпов, 1942*]*.

М. Дурдыев (1991) полагает, что «туркмены – не суть огузы», также как и неверно то, что туркмены были кочевниками-скотоводами. Оба эти постулата, считает автор, «работают» на концепцию о неавтохтонности туркмен, связывающей этногенез народа с притоком в Туркменистан тюрков-кочевников. М. Дурдыев в частности подчеркивает, что древность туркмен отражена в их традициях коневодства и ковроткачества. Г.Е. Марков также всегда защищал идею об участии в этногенезе туркмен как местных земледельцев, так и разнообразного скотоводческого населения [*Марков, 2014*]. Т.А. Жданко доказывала, что туркмены – не скотоводы, а скотоводы-земледельцы [см., например: *Жданко, 1964*].

В целом, можно утверждать, как это и сделала Г.П. Васильева [1977; БСЭ], что весь комплекс данных этнографии свидетельствует о наличии в этническом составе туркмен по крайней мере трех основных пластов: древнего местного; тюркского раннего и собственно огузского; кыпчакского. Наиболее раннюю основу в этногенезе туркмен составили древние

* В ряде публикаций, в том числе в Интернете, указывается, что работа выполнена в 1940 г. На том варианте рукописи диссертации, который использовал автор данной работы и которая хранится в Научной библиотеке МГУ, значится 1942 г.

местные ирано-язычные дахо-массагетские и сармато-аланские племена степей и жители древних государств – Маргианы, Парфии и Хорезма. В середине I тыс. в прикаспийских степях появляются ранние тюрки, а в IX–XI вв. – гузы (сельджуки), сыгравшие главную роль в этногенезе этого народа. Процесс формирования туркменской народности в основном завершился в XV в., когда сложившиеся после монгольского завоевания новые племенные объединения включили в свой состав тюркские племена неогузского происхождения, в частности кыпчаков.

По отношению к туркменам для решения вопросов этногенеза нередко привлекаются данные антропологии, что, в общем-то, редко делается специалистами гуманитарных дисциплин при изучении других народов. О том, что корни туркменского народа уходят в глубокую древность, писал Л.В. Ошанин, первый, проводивший серьезное антропологическое исследование народов Средней Азии [Ошанин, 1926; 1928]. Всем известна его статья «Тысячелетняя давность долихокефалии туркмен и возможные пути ее происхождения. Опыт обоснования скифо-сарматского происхождения туркменского народа» [1926], название которой является и кратким резюме содержания. Лев Васильевич в том факте, что туркмены – практически единственный по средним показателям долихокефальный народ в Средней Азии, видит их родство со скифами и сарматами. Но антропологическими исследованиями во всех уголках земного шара множество раз доказано, что строить родство или различия народов по одному признаку, даже сочетающему в себе пару параметров, невозможно. Слишком много случайных факторов могут оказать влияние на изменчивость морфологических признаков. А что касается головного указателя, то весь комплекс имеющихся данных показывает, что все древнее население до сложения производящей экономики, до так называемой «неолитической революции» было именно долихокефальным. Территория Средней Азии и Туркменистана в частности, не является исключением. Первые единичные

брахицефальные* черепа были зафиксированы на памятниках Тепе Сиалк и Тепе Гиссар в Иране [Vallois, 1939; Krogman, 1940].

Почему же голова у некоторых людей «вдруг» становится более круглой, т.е. ее ширина начинается постепенно сравниваться с длиной? У современных групп, использующих детскую люльку типа «бешик» (т.е. когда имеется тоже искусственная деформация, но другого типа – так называемая «бешиковая», или, по-другому, «с уплощенным затылком») бывают случаи, когда ширина головы (особенно у детей) бывает почти равной, а в исключительных случаях даже больше длины. Понятно, что это связано с изменением по каким-то причинам процессов роста.

Причину этих изменений исследователи видят в разных процессах. Как показали исследования В.В. Бунака [1927], А. Валуа [Vallois, 1939], И. Швидетцкой [Schwidetzki, 1950] и М. Каппьери [Cappieri, 1961: 95–11], с одной стороны, она во многом сопряжена с широким распространением миграций и связанной с ними метисации ранее не контактировавших между собой групп. С другой стороны, важен и экологический фактор. Так, П. Вассалем [Vassal, 1957] была выявлена территориальная зависимость брахицефалии с выходами гранитов на поверхность почв, а в известной серии работ Т.И. Алексеевой, ее коллег и учеников [см., напр., Алексеева, 1968; 1977: 16–18; 1998: 45–51 и др.] подчеркивается прямая зависимость между наличием в воде и пище у человека большинства микроэлементов почвы с брахицефалией, а также с высотой и шириной лица. Именно благодаря развитию земледелия их количество начало увеличиваться в пище у неолитического населения. Косвенным свидетельством именно таких связей является и тот факт, что брахицефалы среди чисто скотоводческих групп появляются значительно позже, чем среди земледельцев.

* От греческих слов *долихос* – длинный, *брахиос* – круглый, *кефали* – голова. По отношению к черепам в том же значении употребляются термины долихокраний, мезокраний и брахикраний, где корень слова заменен на *краниум* – череп.

Можно, по-видимому, предполагать, что все перечисленные процессы, приводящие, по мнению специалистов, к брахикефализации, раньше всего имели место на территории древнейших очагов цивилизации. Не исключено, что именно их суммарный эффект и привел к ускорению этого процесса, нередко называемого эпохальным, в первую очередь именно на Ближнем Востоке. Надо все же отметить, что образ жизни земледельца, имеющий своим следствием в том числе и начало формирования городов (являющихся интеграторами разного рода информации, включая и генетическую, биологическую, с обширных территорий) явно в большей степени, содействовал интенсивному росту головы в ширину, а соответственно, и округлению ее, т.е. брахикефализации.

Не обсуждая пока других антропологических параметров, обратим внимание на то, каковы же головы у современных туркмен. Так, например, среди обследованных нами [Дубова, 1989; 1996; Дубова, Бабаков, 2003] в разных районах Туркменистана, в Астраханской области и в Ставропольском крае туркмен (всего 1063 человека старше 20 лет) долихокефалы были встречены в 20,4% случаев, мезокефалы – в 53,6%, а брахикефалы – в 25,7%. Всего три человека (0,28%) оказались гипербрахикефалами. В то же время среди 615 узбеков, исследование которых проводилось автором в Узбекистане и Таджикистане, только 7 человек (1,1%) были долихокефальны, 66 человек (10,7%) – мезокефальны, но зато 420 (68,3%) – брахикефальны, а 122 (19,8%) – гипербрахикефальны. Брахикефалами считаются люди, у которых головной указатель (т.е. ширина, выраженная в процентах ее длины) равен 80. По отдельным группам туркмен головной указатель изменяется от 72,4 (туркмены салар) до 81,8 (туркмены абдал Астраханской области) (средний указатель для всех групп – 77,2), а у киргизов от 83,1 до 85,5 (средний – 84,5). В среднем туркмены более долихокефальны, чем казахи (85,1), узбеки (85,8), таджики (85,4), восточно-иранские народы Памира и ягнобцы (84,5 и 83,6 соответственно). Такие туркменские племена как човдуры (80,31) и игдыры (80,90),

живущие как в северных районах Туркменистана, так и в южных регионах России, имеют более брахикефальную голову, чем текинцы (76,31), иомуты (76,67) и эрасаринцы (76,63).

Приведенные сведения показывают, что туркмены, несмотря на общее направление эпохальных изменений, и в наши дни отличаются по форме головы от своих соседей. И то же время, если исключить головной указатель из признаков, по которым сравниваются группы, то картина будет несколько иная и, как представляется, будет отражать ситуацию, более близкую к реальной. Так, еще в 1974 г. В.П. Алексеев обратил внимание на то, что туркмены могут быть сближены с населением Западного Памира [Алексеев, 1974; 1974а]. Палеоантропологические аналогии этому варианту, вернее его европеоидной основе (так как монголоидная примесь появилась в составе туркмен позднее) может быть прослежена на находках эпохи неолита и бронзы южных районов Туркменистана. На основе анализа данных по антропологии современного населения Средней Азии Н.А. Дубова приходит к выводу, что население, жившее на территории современного Южного Туркменистана, Узбекистана и равнин Таджикистана, в эпоху неолита было сходно между собой. Позднее, скорее всего в эпоху бронзы, происходит формирование различных вариантов внутри этой прежде однородной общности: в районах Южного Узбекистана и Таджикистана появляется население, отличающееся от более западных районов более низким лицом. Этот вариант, описанный для современного населения, был назван южно-таджикский грацильный [Пестряков, 1975, 1980; Дубова, 1978, 1996 и др.]. К такому же выводу, характеризуя население южных районов Средней Азии эпохи бронзы, приходит Т.К. Ходжайов [1981, 1983]. Собственно, главным отличием населения юго-запада (южные районы и горы Таджикистана) от юго-востока (южный Туркменистан) является именно головной указатель.

Поэтому, как отмечал еще в 1947 г. М.Г. Левин, «вопрос о долихокефалии туркмен может считаться одним из наиболее интересных вопросов антропологии Средней Азии». А.И. Ярхо

[1933] поддерживал точку зрения Л.В. Ошанина на ее происхождение. М.Г. Левин [1947] и Т.Н. Дунаевская [1963] считали, что туркмены в целом брахикефалы, но накладывая специальные повязки в детском возрасте, они искусственно удлиняют головы. А.П. Пестряков [1964], проанализировавший все имеющиеся литературные и собственные материалы, собранные в Каракалпакии, пришел к выводу, что часть туркмен долихокефальна по своему происхождению и не деформирует голову. Члены другой группы имеют от рождения мезо- или брахикефальную голову и, накладывая специальную высокую повязку, удлиняют ее. Третья группа также долихокефальна, но члены ее всё же накладывают повязки, чем усиливают исходную тенденцию к долихокефалии. Автор данной работы, проанализировав изменчивость диаметров головы и корреляции головного указателя с возрастом, также склоняется в пользу последнего вывода [Дубова, 1978, 1978а, 1985, 1996]. Изучение новых средневековых материалов с территории северо-западного Туркменистана, проведенное О. Бабаковым [1988], показало присутствие там значительного числа брахикефалов. Материалы эпохи бронзы из юго-восточных Каракумов (памятник Гонур Депе в Марыйском велаяте Туркменистана) показали, что теменно-затылочная деформация головы была широко распространена в этом районе уже во II тыс. до н.э. [Дубова, 2004, 2004а, 2006]. Это по меньшей мере на 900–1000 лет раньше, чем она появилась в северных районах Средней Азии, и приблизительно на 1500 лет ранее, чем в Сибири и Центральной Азии. В настоящее время мы не имеем антропологических свидетельств распространения преднамеренной деформации головы в степных районах Евразии ранее середины I тыс. до н.э. [Ходжайов, 1966, 2000, 2006], что позволяет говорить о возможности распространении такого обычая деформации головы в степные районы Евразии из южного маргианского центра. Безусловно, возможно и параллельное возникновение этого обычая на различных территориях. Наиболее важно то, что применявшийся гонурцами способ деформации не сильно

изменял форму головы, хотя и имел четко выраженные морфологические последствия. Нельзя исключать, что со временем эта бытовая традиция могла превратиться в сознательное воздействие на голову ребенка.

Современные туркмены уже не так широко используют эту традицию. Тем не менее, отдельные их группы имеют значительно более удлиненную голову, чем другие. Но древний обычай, который, как мы теперь знаем, уходит своими корнями по меньшей мере во II тыс. до н.э. (а может быть, и в более раннее время), сохраняется практически на всей территории Туркменистана, а его бытование зависит уже скорее от социальных предпочтений, а не от племенной принадлежности родителей.

Обобщение всех имеющихся в литературе и собранных по единообразной методике данных по антропологии современных туркмен, проживающих как в Туркменистане, так и в Каракалпакии (Рысназаров, 1988), Афганистане [*Дебец*, 1968, 1980, 1996], Ставрополье и Астраханской области [*Бабаков, Дубова*, 1989; *Дубова, Бабаков*, 2003]* дали возможность сделать важные выводы об антропологических компонентах, сформировавших туркменский народ [*Дубова*, 1989]. По всем признакам, имеющим высокий таксономический ранг для среднеазиатского региона, туркмены различаются в весьма сильной степени. Даже туркмены Туркменистана в антропологическом отношении не могут считаться однородными по особенностям своего внешнего облика (если учитывать как описательные, так и измерительные признаки). У разных территориальных и племенных групп современных туркмен по-разному выражены антропологические пласты**, вошедшие в состав этого народа. Так,

* Материалы, собранные зарубежными исследователями в Ираке, Иране и других ближневосточных странах не анализировались, прежде всего, ввиду различий в методике сбора данных. Эти данные суммированы в книге: *Field*, 1961.

** Автором был проведен специальный анализ исторической взаимосвязи различных антропологических и одонтологических признаков между собой. Он позволил выделить несколько европеоидных компо-

древний неолитический пласт (долихокефалия при большом продольном и малом поперечном диаметрах, высокое и узкое лицо, слабая выраженность рельефа, резкая горизонтальная профилировка, высокий и узкий нос при высоком переносье и общей грацильности скелета) прослеживается почти во всех группах, но наиболее ярко выражен у нохурли, губадагли, ата и меджевуrow. Труднее всего этот антропологический компонент прослеживается у туркмен Узбекистана, Ставропольских групп, човдуrow, олам, элеч, а также в некоторых группах эрсаринцев. В перечисленных группах, так же как и у эрсари Таджикистана, ясно выступают черты, свойственные древнему степному населению (большие продольный и поперечный диаметры, мезокефалия и брахикефалия, относительно высокое и широкое лицо, наклонный лоб с сильно развитым надбровьем, большой, а иногда и очень большой нижнечелюстной диаметр), безусловно, вошедшему в состав огузов. Так же как и предыдущий вариант, этот антропологический компонент прослеживается в разной степени в составе практически всех туркмен. Заметным отличием таких групп, как элеч, эрсари Таджикистана, нуратинских туркмен, човдуrow Хорезма и абдалов Астраханской области от других выборок является сильная выраженность монголоидных характеристик. Кроме того, нельзя не упомянуть, что чрезвычайно массивная нижняя челюсть (элеч 116,4; човдуры 144,4; теке 115,2 мм) отмечена как одна из очень характерных черт черепов из неолитического могильника Тумек-Кичиджик, принадлежавшего носителям кельтеминарской культуры [Яблонский, 1986].

Выводы, сделанные по результатам изучения современного населения, подтверждаются и палеоантропологическими мате-

ентов, которые вошли в состав туркменского народа: восточно-средиземноморский (закаспийский), древний степной сильно матуризованный с крупными размерами головы и лица и, по всей видимости, более светло пигментированный вариант. Позднее на них наслоился один или несколько монголоидных вариантов [Дубова, 1978а, 1996]. Не исключено участие и европеоидного варианта с крупными размерами головы, но с более низким лицом.

риалами. Все имеющиеся данные демонстрируют постоянное взаимодействие степных более матуризованных, массивных групп с земледельческими, относительно более грацильными [Гинзбург, Трофимова, 1972; Ходжайов, 1981, 1983]. Причем это взаимодействие раньше проступает (еще в энеолите) и сильнее выражено в северных районах Туркменистана [Гинзбург, Трофимова, 1972; Яблонский, 1986]. Как было показано Т.К. Ходжайовым в упомянутых работах, в более южных районах массивное население появляется позднее, не ранее эпохи бронзы в более восточных районах (Южный Узбекистан) и на Краснодарском полуострове. По данным О. Бабакова [1976, 1983] и Г. Гельдыевой [1986], на самый юг Туркмении это население, по-видимому, пришло лишь в эпоху раннего средневековья. Можно проследить два пути его продвижения – вдоль восточного побережья Каспийского моря и по Амударье.

Уже упоминавшиеся исследования на туркменском Гонур Депе, позволили уверенно утверждать, что базовым компонентом населения юго-восточных Каракумов являлось неолитическое земледельческое население, проживавшее в более южных и юго-западных по отношению к древней дельте р. Мургаб районах, в том числе и в северных предгорьях Копетдага. Кроме того, именно этот памятник принес дополнительные свидетельства участия в сложении населения Туркменистана уже в эпоху бронзы населения из долины р. Инд (Хараппская цивилизация) [Бабаков и др., 2001; Дубова, 2008, 2011]. Таким образом, подтверждаются много раз критиковавшиеся [Алексеев, 1974; Яблонский, 1986, 1996] выводы Т.А. Трофимовой [1961] об участии веддоидного (протоавстралоидного) населения в антропологических процессах в изучаемом регионе.

Библиография

Абу Райхан Мухамед ибн Ахмад ал-Бируни, 1964: *Абу Райхан Мухамед ибн Ахмад ал-Бируни*. Собрание сведений для познания драгоценностей / пер. А.М. Беленицкого. М.; Л., 1964 (Оригинал – Абу

- Райхан Мухамед ибн Ахмад ал-Бируни. *Китаб ал-джамахир фи марифат ал-джавахир*. Хайдерабад, 1355 г.х.).
- Агаджанов, 1963: Агаджанов С.Г.* Новые материалы о происхождении туркмен // *Известия АН ТССР. Сер. обществ. наук.* 1963. № 2.
- Агаджанов, 1969: Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии в IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.
- Агаджанов, 1977: Агаджанов С.Г.* Средневековые этимологии названия «туркман» // *Проблемы этногенеза туркменского народа.* Ашхабад, 1977. С. 86–94.
- Агаджанов, Каррыев, 1973: Агаджанов С.Г., Каррыев А.* Основные проблемы этногенеза туркменского народа. М., Наука, 1973.
- Агаджанов, Каррыев, Росляков, 1977: Агаджанов С.Г., Каррыев А., Росляков А.А.* Вопросы этногенеза туркменского народа (Краткий историографический обзор) // *Проблемы этногенеза туркменского народа.* Ашхабад, 1977. С. 5–29.
- Алексеев, 1974: Алексеев В.П.* Древнейшее европеоидное население Средней Азии и его потомки // *Проблемы этнической антропологии и морфологии человека.* М., 1974.
- Алексеев, 1974а: Алексеев В.П.* География человеческих рас. М., 1974а.
- Алексеева, 1977: Алексеева Т.И.* Географическая среда и биология человека. М., 1977.
- Алексеева, 1998: Алексеева Т.И.* Адаптация человека в различных экологических нишах земли. (Биологические аспекты). М., 1998.
- Алымов, 2007: Алымов С.С.* На пути к «древней истории народов СССР»: малоизвестные страницы научной биографии С.П. Толстова // *Этнографические обозрение.* 2007. №. 5. С. 125–144.
- Андрианов, Васильева, 1957: Андрианов Б.В., Васильева Г.П.* Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в. // *Известия АН СССР.* 1957. № 2.
- Атаев, 1993: Атаев Х.* Туркмены Ирана (1917–1939) // *Туркмены зарубежного Востока (Очерки о туркменах Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Турции и Китая).* Ашхабад: Туркменистан, 1993.
- Атаев, 1993а: Атаев Х.* Туркмены-салары (салыры) Китая // *Туркмены зарубежного Востока (Очерки о туркменах Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Турции и Китая).* Ашхабад: Туркменистан, 1993а.
- Атаев, Джикиев А., 1993: Атаев Х., Джикиев А.* История переселения туркмен в страны зарубежного Востока // *Туркмены зарубеж-*

- ного Востока (Очерки о туркменах Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Турции и Китая). Ашхабад: Туркменистан, 1993.
- Афганистан, 1964: Афганистан (Справочник). М., 1964.
- Ахрамович*, 1953: *Ахрамович Р.Т.* Проблемы неафганских народностей в современном Афганистане. Дисс. канд. истор. наук. М., 1953.
- Бабаева*, 1990: *Бабаева А.* К истории расселения туркменских племен теке и сарык на территории Афганистана в XIX–XX вв. // Проблемы истории и этнографии советских и зарубежных туркмен / Отв. ред. А. Оразв. Ашхабад: Ылым, 1990. С. 162–169.
- Бабаева*, 1985: *Бабаева А.К.* Туркмены Афганистана: история расселения, племенной состав, очерк политической истории 20–30-х годов XX в. Автореферат... кандидата исторических наук. М., 1985.
- Бабаков*, 1976: *Бабаков О.* Антропологическая характеристика средневекового населения Северо-Западной Туркмении // Материалы сессии по итогам полевых исследований 1974–1975 гг. Душанбе, 1976.
- Бабаков*, 1983: *Бабаков О.* Антропологическая характеристика Туркмении в эпоху позднего средневековья, по материалам Чакан-Депе // Проблемы современной антропологии. Минск, 1983.
- Бабаков*, *Рыкушина*, *Дубова*, *Васильев*, *Пестряков*, *Ходжайов*, 2001: *Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К.* Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе // Сарияниди В. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 105–132 (на рус. яз.); С. 219–240 (на англ. яз.).
- Бартольд*, 1928: *Бартольд В.В.* История турецко-монгольских народов. Конспект лекций, читанных студентам Казахского [Казахского] Высшего Педагогического Института в 1926–1927 учебном году. Ташкент: Казахский высший педагогический институт, 1928.
- Басилов*, 1963: *Басилов В.Н.* О пережитках тотемизма у туркмен // Труды ИИАЭ АН ТССР. Т. VII. Ашхабад, 1963. С. 135–150.
- Басилов*, 1970: *Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970.
- Белицер*, 1951: *Белицер В.Н.* Народная одежда удмуртов. М., 1951.
- Брусина*, 2013: *Брусина О.И.* Туркмены Юга России – история и современное развитие (по полевым материалам). 2013. Электронный ресурс. <http://www.central-eurasia.com/north-caucasus/?uid=1813>.
- Бунак*, 1959: *Бунак В.В.* Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. ТИЭ. Т. 49. М., 1959.

- Вайнберг*, 1959: *Вайнберг Б.И.* К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме // Советская этнография. 1959. № 5.
- Вамбери*, 2003: *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. Ч. II. 1. Туркмены в политическом и социальном отношении. А. Границы и деление. М.: Восточная литература, 2003. Электронный ресурс. <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Vambery/text8.htm>
- Васильева*, БСЭ: *Васильева Г.П.* Туркмены // БСЭ. М., 1969–1978. Электронный ресурс. <http://bse.sci-lib.com/article112973.html>.
- Васильева*, 1973: *Васильева Г.П.* Народное декоративно-прикладное искусство как источник для этногенеза (на примере туркмен). М., 1973.
- Васильева*, 1977: *Васильева Г.П.* Этнические компоненты в составе туркмен, по данным этнографии // Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад: Ылым, 1977. С. 95–108.
- Васильева*, 1990: *Васильева Г.П.* Туркмены. (Вопросы этногенеза и этнокультурные традиции). Диссертация... доктора исторических наук в форме научного доклада. М.: Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1990. 64 с.
- Винников*, 1962: *Винников Я.Р.* Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области // Труды Института ИАЭ АН ТССР. Т. 6. Ашхабад, 1962.
- Где и как живут туркмены, 2013: Где и как живут туркмены за границей. 2013. <http://turkmenportal.com/compositions.php?details=39>.
- Гельдыева*, 1986: *Гельдыева Г.* Краниологический материал Северо-Западной Туркмении // Известия АН ТССР. Сер. Обществ. наук. 1986. № 6.
- Гинзбург*, *Трофимова*, 1972, *Гинзбург В.В.*, *Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972.
- Грунина*, 2014: *Грунина Э.А.* Общая характеристика туркменского языка // Туркмены (Серия «Народы и культуры»). М.: Наука, 2014 (в печати).
- Дебец*, 1968: *Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования узбеков, туркменов, хазара, таджиков, персов и белуджей. Вып. 6. М., 1968.
- Дебец*, 1980: *Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования в Афганистане // Новые данные к антропологии Северной Индии. М., 1980. С. 241–308.
- Джикиев*, 1961: *Джикиев А.* Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад: ИИАЭ АН ТССР, 1961. 156 с.

- Джикиев, 1991: Джикиев А.* Очерки происхождения и формирования туркменского народа в эпоху средневековья. Ашхабад, 1991. 336 с.
- Дубова, 1978: Дубова Н.А.* К проблеме формирования памиро-ферганской расы // СЭ. 1978. № 4.
- Дубова, 1978: Дубова Н.А.* Антропологический состав таджиков Северного Таджикистана. Канд. дисс. М.: МГУ, 1978.
- Дубова, 1985: Дубова Н.А.* Антропологический состав населения Северного Таджикистана и этногенетические проблемы Среднеазиатского региона // Деп. ВИНТИ № 6944 В. М., 1985.
- Дубова, 1989: Дубова Н.А.* Антропологические особенности туркмен и древнее население степей Средней Азии // Традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989. С. 183–194.
- Дубова, 1991: Дубова Н.А.* Антропологический состав современного населения Средней Азии и пути его формирования // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 4. М., 1991. С. 61–73.
- Дубова, 1996: Дубова Н.А.* Формирование антропологического состава населения Северного Таджикистана. М., 1996.
- Дубова, 2004: Дубова Н.А.* Еще раз о тысячелетней давности долихоцефалии туркмен // Мирас (Ашхабад). 2004. № 4. С. 78–85.
- Дубова, 2004а: Дубова Н.А.* Обычай кольцевой деформации головы: новые данные о его бытовании в южных районах Средней Азии в эпоху бронзы // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы, 23–24 сентября 2004 г. Алматы, 2004а. С. 295–297.
- Дубова, 2006: Дубова Н.А.* Искусственная деформация головы у земледельцев эпохи бронзы // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии / Отв. ред. М.Б. Медникова. М.: ИА РАН, 2006. Вып. 5. С. 22–36.
- Дубова, 2008: Дубова Н.А.* Антропология Гонур Депе: так есть ли степной антропологический компонент у земледельцев II тыс. до н.э. Южного Туркменистана? // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Всероссийская научная конференция. Барнаул, 2008. С. 201–205.
- Дубова, 2011: Дубова Н.А.* Археологические работы на Гонур-Депе – новый аспект палеоантропологии Туркменистана // Памятники истории и культуры Туркменистана (научные открытия, исследовательские и реставрационные работы за 20 лет независимости).

- Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2011. С. 153–169.
- Дубова*, 2013: *Дубова Н.А.* Об одном обычае древнего Навруза // Новруз – праздник мира и добра. Материалы международной конференции (21 марта 2013 г.). Ашхабад: Ылым, 2013. С. 435–437.
- Дубова, Бабаков*, 2003: *Дубова Н.А., Бабаков О.* Туркмены Астраханской области (Антропологический очерк) // Горизонты антропологии. Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. М., 2003. С. 346–352.
- Дунаевская*, 1963: *Дунаевская Т.Н.* Влияние искусственной деформации на форму головы у туркмен // ВА. 1963. Вып. 15.
- Дурдыев*, 1991: *Дурдыев М.* Туркмены (Поиски предков туркменского народа и его исторической прародины). Ашхабад: Харп, 1991.
- Жданко*, 1964: *Жданко Т.А.* Каракалпаки (основные проблемы этнической истории и этнографии). М., 1964.
- Кандымов*, 1993: *Кандымов Дж.* Туркмены Ирана (1939–1960) // Туркмены зарубежного Востока (Очерки о туркменах Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Турции и Китая). Ашхабад: Туркменистан, 1993.
- Карабаев*, 1993: *Карабаев Б.* Туркмены (тюркмены) Турции // Туркмены зарубежного Востока (Очерки о туркменах Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Турции и Китая). Ашхабад: Туркменистан, 1993.
- Карпов*, 1942: *Карпов Г.И.* Этнический состав туркмен. Ашхабад, 1942. Дисс... к.и.н. Рукопись (хранится в научной библиотеке МГУ).
- Кирчо*, 2008: *Кирчо Л.Б.* Культурные взаимодействия как фактор становления раннегородской цивилизации (по материалам Южного Туркменистана V–III тыс. до н.э.) // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 2: История. 2008. Вып. 3. С. 143–154.
- Кляшторный, Султанов*, 2004: *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
- Кононов*, 1958: *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абул-гази, хана хивинского. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958.
- Курбанов А.В.*, 1995: *Курбанов А.В.* Ставропольские туркмены. СПб., 1995.
- Левина, Овезов, Пугаченкова*, 1953: *Левина В.А., Овезов Д.М., Пугаченкова Г.А.* Архитектура туркменского народного жилища // Труды ЮТАКЭ. Т. 3. М., 1953.

- Марков, 2014: *Марков Г.Е.* Происхождение и формирование туркменского народа // Туркмены (Серия «Народы и культуры»). М.: Наука, 2014 (в печати).
- Массон, Кирчо, 1999: *Массон В.М., Кирчо Л.Б.* Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ (по материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгынлы-депе) // Российская археология. 1999. № 2. С. 61–76.
- Национальный состав населения СССР, 1991: Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991).
- Население по национальности..., Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. Электронный ресурс. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
- Небольсин, 1852: *Небольсин П.И.* Очерки Волжского Низовья // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1852. Ч. 39. Кн. 5–7.
- Овезов, Гаджаров, 1993: *Овезов К., Гаджаров Н.* Туркмены Ирака // Туркмены зарубежного Востока (Очерки о туркменах Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Турции и Китая). Ашхабад: Туркменистан, 1993.
- Ошанин, 1926: *Ошанин Л.В.* Тысячелетняя давность долихоцефалии туркмен и возможные пути ее происхождения. Опыт обоснования скифо-сарматского происхождения туркменского народа // Известия Средазкомстариса. Вып. 1. Ташкент, 1926.
- Ошанин, 1928: *Ошанин Л.В.* Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен // Известия Средазкомстариса. Вып. 4. Ташкент, 1928.
- Паньков, 1960: *Паньков И.П.* Из истории ставропольских туркмен и калмыков в XVII–XIX вв. (Новые материалы), Чарджуу, 1960.
- Пестряков, 1964: *Пестряков А.П.* О проблеме долихоцефалии туркмен. Дипломная работа. Каф. антропологии МГУ. М., 1964. Рукопись. Архив каф. антропологии МГУ.
- Пестряков, 1975: *Пестряков А.П.* Антропологическое исследование некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана // СЭ. 1975. № 1.
- Пестряков, 1980: *Пестряков А.П.* Антропологическое изучение юго-востока Средней Азии. Автореф. дисс... к.и.н. М., 1980.
- Пилипко, 2001: *Пилипко В.Н.* Старая Ниса: основные итоги археологического изучения в советский период. М.: Наука, 2001. 430 с.

- Пугаченкова*, 1959: *Пугаченкова Г.А.* Этнографические памятники туркменской народной архитектуры // Труды ЮТАКЭ. Т. 9. 1959.
- Резван*, 2010: *Резван Е.А.* Между Туркестаном и Тибетом: салары. СПб.: МАЭ РАН, 2010.
- Рейснер*, 1929: *Рейснер Н.М.* Независимый Афганистан. М., 1929.
- Росляков*, 1950: *Росляков А.А.* К вопросу об этногенезе туркмен (О времени и условиях образования туркменской народности) // ИТФ АН СССР, 1950. № 5. С. 13–19.
- Рысназаров*, 1988: *Рысназаров Н.* Антропологический состав и вопросы этногенеза каракалпаков. Нукус: Каракалпакстан, 1988.
- Самойлович*, 1913: *Самойлович А.Н.* Среди ставропольских туркмен и ногайцев и у крымских татар // Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. СПб., 1913. Сер. 2. № 2.
- Салапагаров*, 2011: *Салапагаров А.* Численность населения тюркских государств и народов. Март 2011. Электронный ресурс. http://real-alania.narod.ru/turkalan/1san/2Turk_rus_cin.htm.
- Сарианиди*, 1990: *Сарианиди В.И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарианиди*, 2008: *Сарианиди В.И.* Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад: Turkmendöwlethabarlary. 2008.
- Сарианиди*, 2012: *Сарианиди В.И.* Истоки средневековой городской культуры Туркменистана // Средневековые города Туркменистана в системе Евразийской цивилизации. Ашхабад, 2012. С. 7–8.
- Сахатмурадов*, 1993: *Сахатмурадов А.* Туркмены Сирии // Туркмены зарубежного Востока (Очерки о туркменах Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Турции и Китая). Ашхабад: Туркменистан, 1993.
- Современный Афганистан, 1960: Современный Афганистан. М., 1960.
- Трофимова*, 1961: *Трофимова Т.А.* Черепа из могильника тазабагыбской культуры Кокча 3 // Могильник бронзового века Кокча 3. Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 5. М., 1961.
- Туркмены зарубежного Востока, 1993: Туркмены зарубежного Востока (Очерки о туркменах Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Турции и Китая). Ашхабад: Туркменистан, 1993.
- Ходжайов*, 1966: *Ходжайов Т.К.* О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. Нукус, 1966. № 4. С. 56–60.

- Ходжайов*, 1981: *Ходжайов Т.К.* Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф. дис... д.и.н. М., 1981.
- Ходжайов*, 1983: *Ходжайов Т.К.* Динамика ареалов антропологических типов на территории Средней Азии: неолит – начало XX в. // СЭ. 1983. № 3.
- Ходжайов*, 2000: *Ходжайов Т.К.* Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. Серия «Этническая антропология Средней Азии». Вып. 2 / Ред. Г.В. Рыкушина, Н.А. Дубова. М., 2000. С. 22–45.
- Ходжайов*, 2006: *Ходжайов Т.К.* География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии / Отв.ред. Медникова М.Б. М.: ИА РАН, 2006. Вып. 5. С. 12–21.
- Щеглов*, 1910–1911: *Щеглов И.Л.* Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Ставрополь, 1910–1911. Т. I–IV.
- Щербакова*, 2013: *Щербакова Е.* Население стран Содружества на начало 2013 года – 279 миллионов человек // Демоскоп weekly. № 571–572 (14–27.10.2013). Электронный ресурс. <http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/barom01.php>.
- Этнический состав тюркских племен, 2013: Этнический состав тюркских племен Анатолии. 2013. Электронный ресурс. <http://www.turkishfirst.ru/stories/226-sostav-turskih-plemen-anatolii.html>.
- Яблонский*, 1986: *Яблонский Л.Т.* Древнейшее население южного Приаралья // *Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Древнейшее население низовьев Амударьи. М., 1986. С. 79–122.
- Ягмуров*, 1993: *Ягмуров А.* Туркмены Афганистана // Туркмены зарубежного Востока (Очерки о туркменах Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Турции и Китая). Ашхабад: Туркменистан, 1993.
- Alekseeva*, 1968: *Alekseeva T.* Morpho-functional population studies in some biogeochemical USSR provinces as viewed in the light of the adaptation problems. // Proceedings of the VIII International Congress of Anthropological and Ethnographical Sciences. V. 1. Tokyo; Kyoto, 1968.
- Field*, 1961: *Field H.* Ancient and modern men in Southwestern Asia. Vol. 1. Florida, 1956; vol. 2. Coral Gables, 1961.
- Franz*, 1972: *Franz E.* Zur Gegenwärtigen Verbreitung und Gruppierung der Turkmenen in Afghanistan. Baessler-Archiv. Neue Folge. Bd. II. 1972. S. 191–238.

- Krogman*, 1940: *Krogman W.M.* Racial Types from Tepe Hissar, Iran, from the Late Fifth to the Early Second Millennium, B.C. *Verhandelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen. Afdeling Natuurkunde. Tweede sectie. Deel XXXIX, № 2.* Amsterdam, 1940.
- Vallois*, 1939: *Vallois H.* Les ossements Humains de Sialk // Ghirshman R. *Fouilles de Sialk pres de Kashan. T. II.* Paris, 1939.
- Vassal*, 1957: *Vassal P.* Brachycephalie cloitre et terrain granitique // *Revue Pathol., Genet., Physiol., Clin.* 1957. Vol. 57. № 688.
- The World Factbook: The World Factbook. Iran. Электронный ресурс. // <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html>.

Проблемы этногенеза и этнической истории казахов*

Каза́хи (самоназвание – «казак») – представляют тюркский этнос, сформировавшийся в основном на территории современного Казахстана. К концу первого десятилетия XXI в. численность казахов составила приблизительно 13–14 млн человек. В Казахстане, по итогам национальной переписи 2009 г., проживает 10 458 000 человек. За пределами Казахстана проживает более 3 млн. казахов. По данным Министерства иностранных дел Казахстана, на 1991 г. за рубежом проживало около 4,1 млн казахов, что составляло около 40% общей численности казахского этноса [Турусбеков, 1999].

Проблемы этногенеза казахского народа в последние годы заняли центральное место в научных и околонаучных публикациях на историческую тему в Казахстане. Этнонациональный дискурс в освещении этнической истории весьма популярен во всех странах бывшего СССР. Этнические элиты пытаются с разной степенью успешности конструировать новую социальную реальность за счет мифологизации и идеализации исторического прошлого. В этой связи вызывает интерес освещение этнической истории казахов в исторической науке Казахстана, соответствие новых концепций этногенеза, выдвигаемых казахстанскими учеными, современным достижениям историко-этнологической науки.

Источники по этнической истории казахов

Современная теория этногенеза как начального этапа этнической истории учитывает в комплексе три составляющих компонента этногенеза: антропогенез, или биологическое про-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ: грант 11-01-00534а «Этногенез: воображаемые прашуры и реальные потомки» и при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», направление 3: «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре», проект «Этносоциология гостеприимства: дрейф от солидарности к антропоцентризму».

исхождение народа; глоттогенез, или происхождение языка народа; и культурогенез – происхождение культуры народа. Отрыв глоттогенеза или антропогенеза от культурогенеза в рассмотрении сложных вопросов этногенеза может привести к серьезным искажениям исторического прошлого. Примером является пресловутая концепция «арийства», в той или иной степени укоренившаяся в современных автохтонных дискурсах в государствах Центральной Азии и Закавказья. Идеи «арийства» используются для доказательств исторических претензий на «аутентичную» автохтонность и расовую «чистоту» того или иного этноса, пережившего «золотой век» национальной истории. Ярким примером являются публикации таджикского академика Р.М. Масова, идеи которого популярны и широко тиражируются национальной интеллигенцией. В его работах все беды таджикского народа рассматриваются в контексте страданий подлинных потомков ариев от тюркских вторжений и происков соседей-узбеков, незаконно присвоивших историческое прошлое таджиков [см.: Масов, 1995, 2003, 2008].

В этой связи приобретает особое значение изучение *источниковедческой* базы. Учитывая сложность этнических процессов, протекавших на территории Казахстана, неоднозначность данных археологической науки по древней истории Казахстана, не позволяющих проследить прямую преемственность между древними насельниками и современными казахами, исследователи преимущественно опираются на данные антропологии и этнологии, средневековые письменные источники и лингвистический материал. В.П. Алексеев, отмечая важность комплексного исследования этногенетической истории, указывал на слабую разработанность критериев для выделения этнических общностей на археологическом материале: «Обычно единственным критерием использования какой-либо типологической особенности археологического инвентаря в качестве этнического определителя является ее закономерное географическое распределение. Но это обстоятельство при всей своей важности не является решающим. Ведь хозяйственно-культур-

ные типы, как мы знаем по этнографическому материалу, также характеризуются закономерным географическим распределением, но они не совпадают с этническими общностями. Так и на археологическом материале: прежде чем класть какой-то признак в основу генетической классификации, следует доказать саму возможность выделения этнических единиц с помощью этого признака, что делается не всегда» [Алексеев, 1989: 144–155]. К сожалению, политическая конъюнктура не обошла стороной археологическую науку. Стали привычными «открытия-сенсации» «арийской цивилизации Аркаима и Синташты» или доместикации лошади в период энеолита на территории Северного Казахстана на основе якобы найденных остатков кумыса в керамических фрагментах IV тыс. до н.э. Критически настроенные к подобного рода «открытиям» археологи печально шутят, что следующей находкой будет обнаружение остатков доисторического баурсака. На наш взгляд, археологический материал позволяет лишь приоткрыть завесу над дописьменным прошлым. Можно на их основе говорить о многокомпонентности этногенеза на территории Казахстана, но отсутствие письменных источников не позволяет делать определенные выводы о тюркоязычии или ираноязычии древнего населения и уж никак об «арийских» истоках казахского этноса. Используя сравнительный анализ этнографического материала и данных археологии, можно лишь проследить пути миграций и особенности этнических миксаций на территории Центральной Азии и связи с соседними регионами.

Выдающийся французский историк М. Блок считал, что сами по себе письменные источники ничего не говорят. Историк, изучающий источники, полагал он, должен искать в них ответ на какой-либо определенный вопрос, и в зависимости от постановки вопроса источник может сообщать разную информацию [Блок, 1986: 20–21]. В нашем случае отсутствие письменности самих саков, сарматов, усуней, кангюй ограничивает возможности их этнолингвистической идентификации, не позволяет в полной мере раскрыть культурный порядок, социаль-

ный строй и политическую историю этих народов и тем самым надежно связать этногенетическую преемственность современных казахов и древних насельников. Казахстанские ученые относят найденные первые памятники письменности к IV в. до н.э. Основная часть письменных источников написана на древнеперсидском, древнегреческом, латинском и китайском языках [История Казахстана, 1996: 29–33]. Древние письменные источники персидского, древнегреческого, латинского и китайского происхождения дают весьма скудную информацию о народах, населявших периферию цивилизованного мира. Из них можно лишь почерпнуть сведения о названии или занятиях этих народов и отдельные фрагменты их военно-политической истории. Кочевники становились «историческими» народами и удостоивались упоминания в древних анналах вместе со своими выдающимися вождями лишь тогда, когда они начинали представлять угрозу для своих культурных соседей, которым приходилось выстраивать гигантские оборонительные сооружения, наподобие Великой Китайской стены, или постоянно откупаться. В сведениях древних авторов сквозит страх перед разрушительной силой народов – коневодов евразийских степей.

Наибольшую ценность в изучении древней истории кочевых народов на территории Казахстана представляют китайские источники. Они состоят из официальных историй, непрерывно ведшихся на всем протяжении имперской истории Китая, так как существовал обычай составления каждой новой династией официальной истории ее предшественницы [Барфилд, 2009: 36]. Эти истории всегда содержали подробные разделы о народах, проживавших не только вдоль северной границы, но далеко на западе по Великому шелковому пути. Вслед за «Ши цзи» каждая династическая хроника состояла из четырех разделов, первый из которых был посвящен вопросам императорской генеалогии, второй – собственно летописи (хронологическое изложение событий), четвертый – биографиям выдающихся лиц, а третий – всему остальному. Несмотря на этноцентризм и откровенное презрение хронистов к кочевым «варварам», китай-

ские истории создают наиболее полную и последовательную картину этнической истории Центральной Азии от древности до Нового времени, описывают этнические общности (усуней, дулу, уйгуров, карлуков, огузов), составивших важнейшие компоненты казахского этноса. Особую ценность династийным историям придает включение записок китайских путешественников, выполнявших дипломатические и разведывательные миссии, как, к примеру, записи буддийского паломника Сюань Цзана (ок. 596–664 гг.), оставленные им после путешествия в Индию через Среднюю Азию.

Ценными источниками по этнической истории Центральной Азии являются памятники древнетюркской письменности. По мнению С.Г. Кляшторного, «VI–VII вв. тюркоязычные племена Центральной и Средней Азии, входившие в состав Тюркского каганата, а также западнотюркские племена Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа, создавшие Хазарское государство, уже пользовались собственным письмом. Очевидно, необходимость в письме возникла из нужд административной и дипломатической практики, из нужд фиксации государственных актов и государственной традиции; определенную роль могли играть и религиозные мотивы» [*Кляшторный, Савинов, 2005: 158*]. Существует общее определение памятников древнетюркской письменности как обширного корпуса текстов, написанных рунической, уйгурской, согдийской, манихейской, сирийской, тибетской и арабографической письменностью, а также письмом брахми. В более узком смысле под древнетюркскими памятниками понимаются только рунические тексты. С открытием тюркской рунической письменности ученые получили источники, отражающие подлинную древнетюркскую ономастику, а передача ее через согдийскую графику позволила более точно, по сравнению с китайскими тестами, интерпретировать личные имена, звучание этнонимов, социальных терминов [*Кляшторный, 2006: 56*]. По мнению С.Г. Кляшторного, важность древнетюркских рунических памятников заключается в автохтонности и аутентичности происхож-

дения. Камнеписные своды являются первыми некитайскими письменными памятниками, фиксирующими исторические события, происходившие на огромных просторах Центральной Азии и Южной Сибири [Там же: 77]. Древнетюркские источники позволяют раскрыть внутренний мир кочевых социумов. Благодаря изучению этой группы источников мы имеем более точное представление об этнических, социальных и культурных процессах, политической и правовой организации древних кочевников Центральной Азии, часть которых расселилась и приняла участие в образовании тюркских народов Средней Азии и Казахстана.

Самыми крупными памятниками рунического письма из всех найденных остаются памятники Северной Монголии, сосредоточенные главным образом в бассейнах рек Орхона, Толы и Селенги. Все они были воздвигнуты в эпоху Второго Тюркского каганата (689–744 гг.) и Уйгурского каганата в Монголии (745–840 гг.). Надписи содержат очень богатый материал для изучения истории, идеологии и культуры древнетюркских племен и народностей, их языка и литературных приемов. Памятник Тоньюкука (около 716 г.), памятник в честь Кули-чора (722 г.), Онгинская надпись содержат важные сведения о тюрках. В.П. Юдиным выдвинута гипотеза о возможности в эпоху Второго Тюркского каганата фиксации слова «казак» в фонетически замаскированном виде как «казгак» (приемный сын, копатель, добытчик) на руническом памятнике с реки Уюк-Туран в Туве (VIII в.). В таком случае появление слова «казак» следует датировать временем создания орхоно-енисейских рунических памятников [Юдин, 2001: 156–166]. С.Г. Кляшторный и В.А. Лившиц обращают внимание не только на непрерывный процесс культурного обмена между тюрками и согдийцами, но и на участие последних в этногенезе тюркских народов: «Тот факт, что надпись, включенная в состав тюркского ханского погребального комплекса, составлена согдийцем и на согдийском языке, имеет особое значение для изучения культурной и социальной жизни Тюркского каганата, его внешнеполитических

и экономических связей. В полной мере это обстоятельство может быть оценено лишь на фоне истории развития тюрко-согдийских отношений в Центральной Азии, истории согдийского проникновения в Центральную Азию» [*Кляшторный, Лившиц, 1971: 146*]. Тюрко-согдийские связи закладывали основу последующих тюрко-иранских этнических миксаций и образования на территории Центральной Азии новых этносов, в которых в разной степени присутствовали местный иранский и пришлый тюркский компоненты. В целом, памятники рунической письменности позволяют исследовать этнические процессы в Центральной Азии, выявить причины, подталкивавшие кочевые племена к объединению и активной экспансии, проследить этногенетическую и этнокультурную преемственность между древними племенами и более поздними этническими группами, вошедшими в состав казахского народа.

Арабские завоевания и начало диалога арабо-персидской и кочевой цивилизаций привело к тому, что территория и население Средней Азии и Казахстана стали объектом изучения мусульманских географов и путешественников с IX в. Благодаря компиляциям ранних сообщений, до нас дошли сведения из несохранившихся записок арабских путешественников ранней поры, чей путь пролегал через территорию Казахстана – Саллама ат-Тарджумана (сер. IX в.) в сочинениях Ибн Хордадбеха, Ибн Русте и ал-Идриси, Тамима ибн Бахра (нач. IX в.) в книге Ибн ал-Факиха, отдельные выдержки из этого путешествия сохранились в трудах Кудамы ибн Джафара, Ибн Хордадбеха, Якута ал-Хамави. Следует особо выделить более поздние арабо-персидские средневековые нарративные источники, которыми являются сочинения Махмуда ал-Кашгари, ал-Идриси, Ибн ал-Асира.

Махмуд аль-Кашгари работал в основном в Багдаде и известен благодаря созданному им «Собранию тюркских наречий» (*Kitâbü divân-i lûgat it-Türk*) – словарю-справочнику различных тюркских языков. Знаменитая книга Махмуда аль-Кашгари «Диван лугат ат-турк» представляет собой тюркскую энцикло-

педию в полном смысле этого слова. В ней собран и обобщен обширный историко-культурный, этнографический и лингвистический материал. «Диван лугат ат-турк» – памятник тюркской культуры, запечатлевший этические ценности и нормы поведения, специфическое мировосприятие тюркских народов в XI в. Лингвистический анализ языков и наречий тюркских народов, в разное время посещенных Махмудом ал-Кашгари, позволил ему выделить несколько тюркоязычных групп. К первой группе он относит язык племен, смешивавшихся с иранским оседло-земледельческим населением и перенимавших их обычаи. К ним он причисляет племена сугдак, канжак и аргу. Это те турки, «кто говорит на двух языках, речь становится ломаной» [*Махмуд аль-Кашгари*, 2005: 69]. Ко второй группе отнесены племена, сохранившие кочевой образ жизни и относительную изолированность от иранского культурного влияния. К ним причислены этнические группы: киркиз (кыргызы), кифжак (кипчак), угуз (огуз), тухси, йагма (ягма), жикил, уграк, у которых «чистый тюркский, единый язык» [*Махмуд аль-Кашгари*, 2005: 69–70]. Проницательный Махмуд аль-Кашгари по поводу языковых различий между различными группами тюркских народностей конца XI – начала XII вв. писал: «В основном языке различий немного, они проявляются в чередовании или усечении отдельных букв» [Там же: 71]. Появление особенностей в языке и культурном порядке средневековой энциклопедист связывал с влиянием соседних оседло-земледельческих, преимущественно иранских народов.

XIII и XIV вв. являются эпохой монгольских завоеваний территории Азии и значительной части Восточной Европы. Завоевание территории Казахстана и Средней Азии монголами изложено в трудах персидских и арабских историков, бывших очевидцами или современниками исторических событий этого времени. Монголы нуждались в грамотных управленцах из числа мусульман, привлекая их на службу. Мусульманские историки занимали высокие посты при монгольских дворах. Наиболее важное значение для изучения этнической истории

Центральной Азии XIII–XIV вв. имеют труды Джувейни, Рашид ад-Дин и арабского путешественника Ибн Халдуна. Начиная со времени создания труда Джувейни можно говорить о возникновении традиции придворного историописания у монгольских правителей Центральной Азии.

Важнейшим источником эпохи монгольских завоеваний является знаменитый «Сборник летописей» («Джами аттаварих») Рашид ад-Дина, в течение двадцати лет занимавшего важнейшие чиновничьи посты при ильханах Ирана. Рашид ад-Дин дает классификацию тюркских и монгольских народностей на основе генеалогического принципа, как это было принято на средневековом Востоке, в соответствии с устной исторической традицией о происхождении племен. И.П. Петрушевским отмечено, что «Рашид ад-Дин называет тюрками все скотоводческие народы Азии как тюркоязычные, так и монгольскоязычные... у нашего автора “тюрки” – термин не столько этнический, сколько социально-бытовой» [Петрушевский, 1952: 28]. Рашид ад-Дин доказывает единство происхождения тюрко-монгольских народов и большей древности тюрков: «[Ной] послал Яфета на восток. Монголы и тюрки рассказывают об этом то же самое, но тюрки называли и продолжают называть Яфета Булджа-ханом [Абулджа-ханом] и достоверно не знают, был ли этот Булджа-хан [Абулджа-хан] сыном Ноя или его внуком; но все они сходятся на том, что он был из его рода и близок к нему по времени. Все монголы, племена тюрков и все кочевники [букв.: обитатели степей] происходят от его рода» [Рашид ад-Дин, 1952: 81]. Принципиальным является положение Рашид ад-Дина о происхождении карлуков, халаджей, кипчаков, канлы, агачэри, уйгуров из родственного круга огузских племен.

Из источников XV в. можно отметить «Мунтахаб аттаварихи Му’ини» Му’ин ад-Дин Натанзи (написано в 1413–1414 г.); «Зафар-наме-йи Темури» Шараф ад-дин ‘Али ибн Шайх Хаджи Йазди (написано в 1424–1425 г.); «Тарихи арба’ улус» Мирза Улугбек (написано не позднее 1425 г.); «Му’ из алансаб» неизвестного автора (написано в 1426–27 г.); «Тарихи-

Хафиз-и Абру» Шихаб ад-Дин ‘Абдаллах ибн Лутфуллах ибн ‘Абд ар-Рашид ал-Харави; «Муджмал-и Фасихи» Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммада; «Матла’ са’дайн ва маджма’ ал-бахрайн» Камал ад-Дин ‘Абд ар-Раззак ибн Джалал ад-Дин Исхак Самарканди [Тулибаева, 2006: 154–180].

Для нас важны источники начала XVI–XVIII вв. – периода окончательного распада Рах Mongolica и создания на ее обломках кочевых этнополитических объединений, включенных впоследствии в состав двух великих евразийских империй – России и Циньского Китая. Именно эти группы источников раскрывают особенности консолидации постимперских племенных союзов в этносы, известные как казахи, узбеки, ногайцы, татары и другие народы. Письменных источников по данному периоду не так уж много. Среди них особое место занимают персидские и тюркские сочинения и документы. Большинство письменных источников было создано представителями соседних народов, за исключением сочинения «Сборник летописей» Кадыр-Али Джалаира, написанного для Бориса Годунова [Юдин, 2001: 17–18]. Казахстанскими историками в плане теоретического источниковедения разработана классификация тюркских и персидских источников по истории казахского народа. Источники по принципу хронологии и места написания могут быть разделены на тимуридские, шайбанидские, чагатаидские, сефевидские и османские группы историографии [Абусеитова, Баранова, 2001: 14; Юдин, 2001: 22].

К шайбанидским источникам относятся: «Фатх наме» Шади, «Михман-намеи Бухара» Фазлаллах бен Рузбехан ал-Исфагани, «Шайбани наме» Бинаи, «Абдаллах наме» Хафиз Таньш, «Зафар наме» Бадр ад-Дина Кашмири и другие. Из источников чагатаидского происхождения следует выделить «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммед Хайдар доглата. К источникам тимуридского круга относится сочинение «Бабур-наме» Захир ад-Дин Мухаммед Бабура. К источникам сефевидского круга относится труд «Тарих-и аламара-йи Аббаси». На наш взгляд, следует рассматривать письменные источники по сте-

пени важности, полноты излагаемых сведений и непосредственного участия в событиях авторов, так как многие сочинения представляют компиляции более ранних текстов.

Среди сочинений среднеазиатских авторов, имеющих отношение к истории Казахстана XV–XVI вв., особое место занимает труд Фазлаллах бен Рузбехана «Михман-намеи Бухара» («Записки бухарского гостя»). Фазлаллах бен Рузбехан ал-Исфгани родился в 1460-х годах и большую часть своей жизни провел в Ираке. В начале XVI в., когда войска Шайбани-хана разрушили империю тимуридов, он переходит на его сторону и становится одним из его приближенных [Ибрагимов, 1960: 141]. Получив блестящее по своему времени образование в области мусульманской теологии и законовещения, Рузбехан написал ряд трудов на персидском и арабском языках. «Михман-намеи Бухара» представляет историко-этическое сочинение, посвященное военному походу Шейбани-хана 1507–1508 гг. против казахских правителей, соперничавших с шайбанидскими узбеками за господство в Мавереннахре. Рузбехан описал военно-политические события периода завоевания шайбанидскими узбеками Мавереннахра, раскрыл причины войн с казахами, их нравы и верования. Единственным автором, сообщаящим нам данные о расположении «летовок» и «зимовок» казахов в начале XVI в., является Рузбехан. Его данные позволяют уточнить родоплеменной состав и расселение казахов и кочевых узбеков. Рузбехан и сам Шайбани-хан смотрели на казахов и узбеков как на один народ [Ибрагимов, 1960: 143]. Другие авторы начала XVI в. также не делают строгого этнического разграничения между двумя политическими объединениями, т.е. не вкладывают в понятия «казах» и «узбек» резко выраженный этнический смысл. «Записки бухарского гостя» дошли до наших дней в двух списках. Один хранится в Институте востоковедения АН Республики Узбекистан, другой в стамбульской библиотеке Нур-Османийя.

«Тарих-и Рашиди» – «Рашидова история» написана знатным могульским феодалом Мухаммед Хайдаром-мирзой доглатом

(1499/1500–1551 гг.) на среднеазиатском фарси. «Тарих-и Рашиди» – исторический труд, получивший широкую известность на мусульманском Востоке. Имеется несколько переводов «Тарих-и Рашиди» на староуйгурский и другие тюркские языки. Труд Мухаммед Хайдар-мирзы посвящен истории ханов – чагатаидов Могулистана, истории могулов и племени доглат. Материалы «Тарих-и Рашиди» широко используются при изучении истории тюркских народов Средней Азии, Казахстана и Западного Китая. Источником для написания «Тарих-и Рашиди» послужили многочисленные сочинения на персидском, тюркском и арабском языках. Вторым, но не менее важным источником, а, (пожалуй, даже более серьезным) для автора были устные рассказы, легенды и предания, бытовавшие среди могулов. «Тарих-и Рашиди» – один из главных первоисточников по истории казахского народа, о взаимоотношениях казахов, узбеков и могулов. В то же время следует учесть, что автор «Тарих-и Рашиди» хорошо осветил лишь историю казахов, находившихся на рубежах Моголистана, и самих могулов, часть которых вошла в состав казахского народа, практически оставив без внимания собственно Дашт-и-Кипчак [*Абусеитова, Баранова, 2001: 96*].

Выдающийся казахстанский востоковед В.П. Юдин особо выделял написанные на среднеазиатском тюрки «Таварих-и гузида-йи нусрат-нама» предположительно Мухаммад Шайбани-хана, «Чингиз-нама» Утемиш-хаджи (XVI в.), «Сборник летописей» Кадыр-Али Джалаира и «Шаджара-йи турк ва могул» Абу-л-Гази-хана (XVII в.), представлявшие, по его мнению, письменную фиксацию «устной степной историографии», под которой понималась память самих субъектов истории о своем прошлом, это относилось не к мифологии или героическому эпосу, поскольку сам фольклор питался степной устной историографией [Юдин, 1992: 57, 64–66; Бейсембиев, 2007: 83–84].

Особый интерес представляет труд «Сборник летописей» Кадыр-Али Джалаира, написанный в 1602 г. Автор был секретарем знатного московского пленника Ураз-Мухаммеда, по

воле Бориса Годунова ставшего касимовским ханом. Рукопись состоит из длинного предисловия, в котором автор восхваляет царя, и так называемых двух разделов. Первый раздел является сокращенным переводом с персидского на чагатайский язык книги Рашид ад-Дина «Сборник летописей» «Джами-аттаварих» с некоторыми добавлениями, исправлениями грубых ошибок в восточной терминологии, личных и географических названиях. Второй раздел сочинения посвящен описанию событий, произошедших после смерти Рашид ад-Дина, т.е. с 1318 г., где автор излагает исторические события на основе собственных исследований. Рукопись оканчивается описанием восшествия Ураз-Мухаммеда на Касимовский престол весной 1600 г. Впервые сочинение Кадыр-Али Джалаира было переведено на русский язык в 1740 г. по заданию П.И. Рычкова. Однако этот перевод не увидел света и остался неизвестным науке. В 1825 г. рукопись Кадыр-Али Джалаира была приобретена библиотекой Казанского университета у деятеля татарского просвещения Ибрагима Хальфина и в 1840 г. обратила внимание русского востоковеда И.Н. Березина, который опубликовал ее в 1854 г. на татарском языке во втором томе сборника «Библиотека восточных историков» под заглавием «Сборник летописей». В 1922 г. татарский ученый А.Ш. Абдрахимов нашел в Центральной Восточной библиотеке г. Казани рукопись, в конце которой отчетливо указано время окончания рукописи и отмечено, что ее автором является Кадыр-Али, сын Хошумбия из рода Жалаир, и приложена тамга в виде гребня, так как он был из отделения тарак. В.В. Вельяминов-Зернов в книге «Исследование о касимовских царях и царевичах» в 1864 г. дал перевод многих разделов второй части сочинения. Казахский ученый Ч.Ч. Валиханов перевел на русский язык наиболее интересные для истории казахского народа отрывки из «Сборника летописей» и одним из первых отметил историографическое значение «Сборника летописей».

Важным источником по этнической истории тюркских народов являются героические сказания, известные как ногайский

эпический цикл дастанов. Поэмы ногайлинского цикла распространены у различных народов, исторически связанных с ногайской ордой и кипчаками: у казахов, каракалпаков, ногайцев Северного Кавказа, а также западносибирских и крымских татар, узбеков. Кроме того, каракалпаки имеют свой особый обширный эпос «Кырк-Кыз». Главными жанрами ногайского эпоса являются богатырские поэмы и лирические дастаны. Как героический, так и лирический эпос ногайцев насчитывают в своем составе десятки поэм, совершенно не связанных друг с другом сюжетно. Эпические сказания не являются достоверным историческим источником и во многом противоречат историческим документам, но в некоторых случаях могут использоваться как дополнительный исторический источник. В среде кочевых шайбанидских узбеков сформировался знаменитый эпос об Алпамыше, а в обширном ареале ногайской орды – эпические сказания об Эдигэ и ногайских богатырях. Е.М. Мелетинский предположил, что «Алпамыш» вырос, по-видимому, из сказочно-богатырской архаической эпики, а ногайлинский цикл – в результате взаимодействия архаической эпики и исторических преданий [Мелетинский, 1985: 584]. Следует сказать, что очень близки к эпическим сказаниям по сюжету местные легендарные предания, повествующие о деяниях тех или иных великих племенных вождей и героев. Использование материалов эпических сказаний позволяет понять ментальность и особенности этнических процессов в среде кочевников, восстановить отдельные страницы истории, не нашедшие отражения в письменных источниках.

Включение казахских племен в состав Российской империи вызвало широкий интерес исследователей, руководствовавшихся первоначально политико-прагматическими интересами. Первыми исследователями истории и этнографии казахов были, главным образом, военные и гражданские чиновники разных официальных статусов, служившие в полевых полках и местных административных органах на юго-восточных рубежах страны. Одними из первых систематизированных исследова-

дований стали работы П. Рычкова (1719–1777 гг.). В основу исследования П. Рычкова «Топография Оренбургской губернии» были положены материалы, собранные им во время продолжительной службы в Оренбурге.

П. Рычков дает ценные сведения по топографии и этнографии края, о казахах, калмыках, башкирах и каракалпаках. В 1760–1770-е годы Западный Казахстан исследовала экспедиция Российской Академии наук во главе с П.С. Палласом. В 1772–1774 гг. совершал свое путешествие по Поволжью, Уралу и Сибири И.И. Георги, один из основателей российской этнографии.

В 1820 и 1823 гг. в казахские степи по поручению Азиатского департамента отправился чиновник А.И. Левшин (позднее – писатель, ученый, государственный деятель, годы жизни – 1799–1879). Трехтомное исследование А.И. Левшина (1832 г.) является одним из наиболее ценных работ по этнографии казахов первой половины XIX в. Значительные труды по истории и этнографии казахов были написаны историком-востоковедом, лингвистом, почетным членом С.-Петербургской Академии Наук В.В. Вельяминовым-Зерновым (1830–1904). В 1851 г. Вельяминов-Зернов направлен в Оренбург в распоряжение генерал-губернатора. Здесь он изучал языки, историю и этнографию казахов и башкир. По материалам местных архивов Вельяминов-Зернов написал работу «Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времен кончины Абул-Хайр-хана (1748–1765)». В главном труде Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах» содержатся обширные исторические сведения о казахах и башкирах. В целом, российские дореволюционные исследователи наметили основные подходы к изучению проблем этногенеза современных тюркоязычных народов Центральной Азии.

В целом, круг источников по этнической истории Казахстана разнообразен и разнороден. Издание в Казахстане многотомных систематизированных собраний источников позволяет

исследователю более полно представить и изучить этногенез казахов.

Происхождение этнонима «казак». В этнологии четко различают историю этнонима и собственно этническую историю народа. Советский этнограф С.М. Абрамзон в этой связи писал: «Взятое само по себе, в отрыве от конкретного этнического содержания, вне окружающей этнокультурной среды и без учета хронологии, название народности едва ли может послужить отправным пунктом для глубоких изысканий» [Абрамзон, 1990: 31]. При рассмотрении образования этнонима следует рассматривать уникальность социально-политической и культурной ситуации, повлекшее принятия этнической общностью конкретного самоназвания.

По мнению В.В. Бартольда и В.П. Юдина, слово «казак» появляется в послемонгольское время и «применялось к человеку, отделившемуся от своего государства, племени или рода и принужденному вести жизнь искателя приключений» [Бартольд: 217; Юдин, 2001: 147]. В среде дашт-и-кипчакских кочевников этноним «казак» распространяется в период распада кочевой империи Джучидов и окончательного политического обособления ее «осколков», ранее считавшихся частью единой военно-политической организации. Отголоски былого единства кочевников Улуса Джучи сохранялись в народных сказаниях, воспевающих единую державу «от Дуная до Алтая», в первую очередь в ногайских дастанах, воспевающих подвиги богатырей, и в эпосе «Идиге». Образующиеся общности крымских татар, ногайцев-мангытов, узбеков Абулхаир-хана и казахов на начальной стадии объединяли одни те же родоплеменные группы кочевников, примыкавших к наиболее сильным военно-политическим группировкам. Первоначально названия «узбек», «казак» и «мангыт» не несли определенного этнического содержания и были политонимами, как в случае с названиями «узбек» и «мангыт», либо несли социальное содержание, как название «казак». Если обратиться к сочинению шейбанидского современника Фазлаллаха Рузбихана, то мы видим отсут-

ствие значимых этнических различий между тремя группами кочевников восточного Дешт-и-Кипчака, отнесенных автором к «узбекам»: «Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингиз-хана. Ныне одно из них – шибаниды, и его ханское величество после ряда предков был и есть их повелитель. Второе племя – казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью. И третье племя – мангыты, а из них – цари астраханские» (нач. XVI в.) [*Фазлаллах Рузбихан*, 1976: 47–48]. В состав каждого из степных этнополитических объединений входили одни и те же племена кипчаков, найманов, кереитов, аргынов, канглы, кытай, уйгуров, мангытов, уйсуней и т.д. Дашт-и-кипчацкие племена отделяли себя не только от оседло-земледельческого населения, но и от тюркоязычных кочевников чагатаев, могулов и тюрко-монгольских племен Алтая и Западной Монголии. Основой такого обособления было, как уже говорилось выше, осознание этноисторического и этнокультурного единства кипчакоязычных кочевников-мусульман, объединенных под властью династии джучидов.

Об условности деления говорит и легкость перехода кочевых племен из одной общности в другую. Младший жуз образовался в результате раскола ногайской конфедерации в середине XVI в. и перехода части родов в состав казахов. Следующее крупное вхождение ногайских родов в состав казахского народа относится к середине XVII в. После прихода на Волгу калмыков многие ногайские роды попали в зависимость от них, и часть из них бежала к казахам, а основная масса ногайцев ушла в Крым. Вплоть до российского завоевания Средней Азии весьма затруднительно проследить этнические границы между большинством родов кочевых узбеков и казахов, в состав которых входили одни и те же племена найманов, кипчаков, конратов, канглы, шанышклы (катаганы).

Ж.М. Тулибаева отмечает, что в нарративных персоязычных источниках XIII–XIV вв. население улуса Джучи называется монголами, татарами, тюрками, кипчаками. С середины XIV в.

в источниках встречается общее собирательное название «узбеки», пришедшее на смену общего названия дашт-и-кипчакских племен – «татары». В XV в., когда Улус Джучи стал распадаться, слово «узбек» постепенно исчезло из употребления в западной части и осталось только за кочевыми тюркскими и тюркизированными племенами Восточного Дешт-и-Кипчака. Территорию, на которой они обитали, мусульманские историографы стали называть Узбекским улусом [Тулибаева, <http://www.eurasica.ru>]. В результате борьбы за власть различных групп джучидов происходит раскол кочевых узбеков на шайбанидских узбеков и узбек-казаков. Считалось, что этноним «казак» появился во второй половине XV века, после того как потомки Урус-хана султаны Джанибек и Гирей опираясь на мощные племенные союзы, откололись от государства кочевых узбеков Абулхаир-хана и образовали собственный улус, получивший в истории название Казахского ханства. Для средневековых историков- современников общеизвестен факт того, что казахи откололись от народа узбеков, отвергли власть шейбанидов и стали «казаковать» – вести жизнь степной вольницы. Собственно в средневековых хрониках сообщается о «казаковании» и годах «казачества» самого Абу-л-хайра-хана и его сподвижниках из различных племен – найманов, дурменов, кайы [Материалы по истории казахских ханств, 1969: 16–17]. Интересные сведения можно почерпнуть у могольского историка Мухаммед Хайдара, поведавшего, что в представлении киргизов и моголов XVI в. этнонимы «казак» и «узбек» обозначают один и тот же народ [Мухаммад Хайдар, 1999: 229]. Мирза Хайдар пишет: «Поскольку вначале они уходили от людей, отделялись от них и некоторое время бедствовали и скитались, их назвали казахами. Это имя закрепилось за ними» [Там же: 323]. На социальную основу содержания названия «казак» указывает другой средневековый автор Махмуд б. Эмир Вали, когда говорит: «Так как в [самом] начале [после] прибытия в Могулистан они проводили время в набегах на калмаков и грабежах [их] и на окраинах областей занимались разбоем, к этому народу (тайифа) приста-

ло имя казак» [Материалы по истории казахских ханств, 1969: 353]. Из сообщений Рузбихана также явствует, что деление на казахов и узбеков определялось политической ориентацией кочевых племен, часть которых поддерживала династию шейбанидов, другая часть – потомков Урус-хана. «Казаковать» могли и шейбанидские узбеки, как в случае с Шейбани-ханом и его сородичами, внуками Абу-л-Хайр-хана, скитавшимися по Мавереннахру после распада государства кочевых узбеков [Ахмедов, 1965: 22]. В 1500 г. Шайбани-хан захватывает Бухару, через год изгоняет из Самарканда Бабур, который также отправляется «казаковать», т.е. скитаться с дружиной преданных людей до своего вторжения в Индию. Для Бабура «казак» – воин, ведущий суровый и простой образ жизни [Бабур-намэ, 1992: 65, 92, 123]. Шайбани-хан, опираясь на ополчения дашт-и-кипчакских племен, утверждает свою власть не только в Мавереннахре, но и в Хорасане. Общее число ушедших из степи в Мавераннахр кочевников Дешт-и-Кипчака достигало 240–360 тысяч человек. Пришлые кочевые племена узбеков смешивались с местными кочевыми племенами чагатаев и попадали под мощное влияние развитой мусульманской культуры земледельческо-городской цивилизации Средней Азии.

В исторической науке в разное время давались самые разнообразные трактовки происхождения слова «казак». Г. Рамстедт выводил название «казак» из монгольского термина «касактэргэн», обозначающей род повозки. А. Шахматов и В. Ушков предположили, что «казак» – воин-дружинник тюркоязычных племен Южного Казахстана, а Н. Мичурин в своих трудах высказал мнение о том, что «казак» произошел от китайского слова «касак» – «большое владение». Некоторые авторы, ссылаясь на византийские источники, связывают термин «казак» с названием древнего кавказского племени или объединения племен касог – предков адыгских народов. Народная этимология увязывала происхождение самоназвания «казак» от тотемных предков – белых гусей (каз ак). Существует и другое мнение, что «казак» якобы происходит от скрещенного двухсоставного

этнонима «каспии+сак», связанного с древними каспиями-да-хами и саками, ставшими важным компонентом в этническом составе предков казахского народа. На бесплодность филологических изысканий в поиске происхождения этнонима указывал В.П. Юдин: «Многочисленные попытки выяснить происхождение этнонима превратились в состязание на лингвистическое остроумие» [Юдин, 2001: 135].

В связи с политической конъюнктурой периодически реанимируются отвергнутые большинством историков идеи древности этнонима «казак» и его носителя – казахского народа, выдвинутые еще А.И. Левшиным, полагавшим, что казахский народ сложился еще в домонгольский период, возможно даже до Р.Х., составляя «особую отрасль турецкого племени» [Левшин, 1996: 153]. В этом духе свою версию времени появления и значения этнонима «казак» выдвинули М. Козыбаев и Н. Мынжани, считающие, что этнонимы «казак» и «кипчак» появились в одно время – X–XI вв. Кипчаки в их трактовке этногенеза представляли собой суперэтнос, включавший племена казахов, входивших в состав хазар, карлуков, огузов и т.д. Следовательно, «казахи, ставшие известными как народ под именем кипчаков, изначально явились ядром всех тюркских племен» [Козыбаев, 2000: 39]. Авторы рассматривают казахов в качестве предков туркмен, османских турок и т.д. Лишь после распада кипчакского союза, считают данные исследователи, казахи выделяются в отдельный народ и становятся известными под собственным названием [Там же: 39]. Но еще А.П. Чулошников указывал, что в названиях древних племен, дошедших до наших дней, нет упоминания родоплеменной группы «казах»: «Странно и то, что раз существовал особый народ “казаки” наряду с другими, то почему его название (в смысле родовом) совсем стерлось, тогда как столь же древние, как и это названия, найманы, кирей, кипчак, дулат и тому подобные остались... в современном строении казак-киргизского народа мы легко обнаруживаем все древние кочевые народы в роде кипчаков, дулатов, киреев и даже киргизов, племенные названия которых

превратились только в родовые, тогда как не находим ни одного рода, который вел бы свою родословную от древнего казахского народа» [*Чулошников, 2006: 195*]. Список публикаций, выдержанных в духе изначальности существования казахского народа, достаточно широк и их методологическая ущербность показана в коллективной монографии казахстанских ученых «Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана», вышедшей под редакцией Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожина и И.В. Ерофеевой.

Еще Ч. Валиханов полагал, что основой казахского народа стали джучидские кочевники узбеки и ногайцы, и потому нет смысла искать истоки этнонима «казак» в глубокой древности. По мнению Ч. Валиханова, самоназвание «казак» выросло из социальной среды кочевого общества и соответствовало названию рыцарства: «Кочевой степняк для отличия от своих городских родичей-соседей гордился именем казака – гордого степняка, кочевого человека» [*Валиханов, 1986: 254–255*]. Из истории известно, что многие племенные союзы в процессе консолидации принимали названия, переводившиеся как «благородные», «свободные» или «отважные»; например, франки, готы и алеманны. В.В. Радлов полагал, что слово «казак» означает человека вольного и независимого, искателя приключений, бродягу, доблестного, сильного и ловкого наездника [*Радлов, 1899: 187*]. В крымско-татарских преданиях о батыре Чоре В.В. Радлов нашел упоминание о желании героя остаться «казаком», в связи с чем он уезжал из Крыма сражаться за Казань [*Там же: 187*].

Изменение содержания названия «казак» от социального термина к этнониму было раскрыто выдающимся тюркологом Заки Валидовым: «Сперва словом казах (Kazak) назывались исключительно правители; позднее это название стало применяться к племенам (tribes), вассально зависимым от них, или государственным образованиям (states), создаваемым ими. До этого времени название казах (Kazak) не относилось даже к племенной конфедерации (tribal confederation), а только к са-

мой госструктуре (state). Вообще-то термин казах (Kazak) был определением человека, который покинул (был изгнан) свой род/семью (family (boydak)) вследствие мятежа, политического по своей природе; иногда эти изгои общества скитались по горам и диким местам без какой-либо защиты и поддержки со стороны родного племени, ожидая счастливой перемены в своей судьбе, зависевшей от политических факторов, а потом возвращались и становились правителями, часто это были юноши, которых намеренно (в воспитательных целях) отделяли от племени, чтобы они обрели навыки выживания, а кое-кто покидал родные места с целью заняться разбоем» [Валидов, <http://www.eurasica.ru>]. Политический изгнанник, ставший «казаком», терял это звание, как только обретал собственную землю в результате ее захвата или присоединившись к другой политической фигуре и узаконив свое положение. По мнению З. Валидова, человек мог быть (и называться) казахом лишь в определенный период (несколько лет) своей жизни. И в этом смысле термин «казах» противопоставляется твердому социальному статусу человека. Касым-хан (Kasim Han) и его сын Хакназар (Hak Nazar), потомки Джанибека и Гирея (Касым-хан, сын Сейидак-хана, сына Джанибека, сына Берди-хана; Хакназар, сын Касым-хана), которые стали «казаками» в самом конце XV в., рассматривали свое положение как временное.

В современной науке утвердилась концепция Ч. Валиханова и З. Валидова, развитая В.П. Юдиным, Т. Султановым, Г. Кляшторным и казахстанскими учеными. По мнению Н.Э. Масанова и И.В. Ерофеевой, термин «казак» употреблялся среднеазиатскими авторами в значении разбойничья вольница, не имея политического и этнического смысла. Приверженцев Джанибека и Гирея мусульманские хронисты называют узбек-казаками, отправившимися «казаковать» в Моголистан. Лишь столетием позже вольные выходцы из Узбекского улуса стали именоваться казаками [История Казахстана, 2000: 117]. Н.Э. Масанов указывает на то, что раскол между казахами и узбеками был обусловлен ориентацией на определенный тип хозяй-

ственно-культурной деятельности и культурной модели: «Содержательно казахами были все те, кто остался на территории Казахстана. Казахами были все те, кто остался вести кочевой образ жизни. Казахами были все те, кто остался “верен заветам предков” и не перешел к оседлому образу жизни. Казахами были все те, кто ушел от государства «казаковать» и не признавал государственного контроля. Казахами были все те, кто осознавал свое отличие от оседлых жителей и земледельцев. Казахами были все те, кто смотрел на них “сверху вниз”. Казахами были все те, кто считал, что их культура и образ жизни самые лучшие и единственно возможные во всем мире» [Масанов, Абылхожин, Ерофеева, 2007: 96–97]. По мнению В.П. Юдина, приобретение термином «казак» обобщающего политического и этнического значения стало результатом борьбы за господство в Узбекском улусе и победы группы узбекских племен, отвергнувших власть династии шайбанидов и объединившихся в единую этнополитическую общность. В результате удачных войн под властью потомков Урус-хана оказались племена и рода, входившие в состав узбеков, мангытов и моголов, на которых и был распространен общий этноним «казак», поглотивший прежние государственные идентичности [Юдин, 2001: 265]. Аналогичные процессы среди кочевников имели место и ранее в истории кочевых империй Евразии, когда господствующее племя или династия давали свое название подчиненной этнополитической общности, как в случае с хуннами, сяньби, тюрками, аварами, монголами, туркменами, тюрками-османами, тюрками-кызылбашами и т.д. Таким образом, можно говорить о том, что первоначально идентичность «казах» была ситуационной и символической. Ядро этнического самосознания формировали следующие элементы: 1) хозяйственно-культурный уклад жизни дештских кочевников, отличавший их от сартов – среднеазиатских земледельцев и торговцев; 2) историческая память, сохранявшая предания о героических веках в составе кочевой империи Чингиз-хана; 3) религиозно-культурный порядок, базирующийся на восприятии и утверждении в

среде дештских племен среднеазиатской исламской культуры, в противовес буддистам и язычникам ойратам, монголам и т.д.; 4) отказ кочевых племен от любой формы государственного контроля и желания «казаковать», лишь изредка считаясь с избираемыми ханами-батырами, в отличие от своих собратьев – кочевых узбеков, ставших опорой мощных среднеазиатских государств.

Основные концепции этногенеза казахов

Этногенез казахов представляет сложный и длительный процесс сложения народа, происходивший на территории Казахстана и сопредельных государств на базе многочисленных и разнообразных этнических и языковых компонентов, объединенных кочевым способом хозяйствования. Существует две основные версии казахского этногенеза, одна из которых миграционная концепция, другая – автохтонная. Автохтонная концепция получила широкое распространение в связи с ростом национального самосознания в современном мире и противопоставляется миграционной, будучи значительно идеологизированной и политизированной. Как правило, автохтонные концепции используются в националистическом дискурсе общественных наук с целью легитимации политической элитой притязаний «титального» этноса на доминирование. Практически во всех центрально-азиатских республиках в настоящее время сторонники крайнего автохтонизма (от маститых академиков и политиков до малоизвестных авторов учебников) заметны своими многочисленными публикациями в жанре «популярной» истории. Таджикский археолог академик Н. Негматов в работе «Таджикский феномен: теория и история» [Негматов, 1997] создал пантаджикскую версию истории «арийской» цивилизации, охватывающей всю территорию Средней Азии, включая «западные подножия высочайших хребтов “Высокой Азии” – горного узла Гималаев и Тибета, полностью Тянь-Шань, Памиро-Алай, Гиндукуш, Иранское нагорье, Аму-Сырдарьинский и Мургабо-Тедженский бассей-

ны». В его реконструкции прошлого «исторический Таджикистан», объединяющий арийские племена, якобы существовал уже в III–II тысячелетии до н.э. В публикациях академиков Н. Негматова и Р.М. Масова, выдержанных в духе крайнего анти-тюркизма, роль тюркских народов сведена к разрушению культурных ценностей и уничтожению других народов, созданию очага страха и духовной безысходности. Следует отметить, что опыт общения автора с представителями таджикской интеллигенции показывает популярность откровенно ксенофобских и расистских взглядов вышеназванных академиков, отказывающихся узбекам, туркменам, киргизам, каракалпакам и казахам в праве на собственную богатую этнокультурную и этноисторическую традицию. Еще более грандиозную картину этнической истории туркмен в изложении ряда туркменских историков и Сапармурата Туркменбаши активно пропагандируют в Туркменистане. Туркмены объявлены потомками парфян и «древним государствообразующим народом», наследниками цивилизации Маргианы и Парфии. В «Рухнама» провозглашается создание огузскими туркменами своей первой государственности свыше пяти тысяч лет назад и непрерывность этногосударственной традиции, идущей от Огуз-хана, Караханидов, тюрк-сельджуков, османов, афшаров и т.д. [Туркменбаши, 2002: 201–243]. В книге утверждается, что за это время туркмены «построили свыше 70 государств». Время жизни Огуз-хана было отнесено к рубежу IV–III тыс. до н.э., т.е. времени существования первых великих цивилизаций, и как следствие «туркмены становились подлинными автохтонами и могли претендовать на все местное прошлое, начиная с глубочайшей первобытности» [Шнирельман, 2009: 196–197]. Цель издания трудов в духе автохтонной теории очевидна: путем удревнения этнической истории, причисления «титульного» этноса к разряду великих и героических – снятие претензий других «некоренных» этнических групп на представительство в управлении постсоветскими государствами и потенциальную ирреденту в этнически-смешанных средах.

В суверенном Казахстане наибольшее распространение имеет автохтонная версия казахского этногенеза, базирующаяся на различных «сако-тюркских» гипотезах, согласно которым предки этнических казахов – саки и тюрки, населяли степи Центральной Азии с древнейших времен и были потомками андроновского населения. В Казахстане автохтонная теория в настоящее время является доминирующей. Основоположниками автохтонной теории этногенеза казахов можно считать Я. Гавердовского и А.И. Левшина, которого Ч. Валиханов назвал «Геродотом казахского народа». Я. Гавердовский считал, что предками казахов были скифы – древнейшие восточно-иранские насельники евразийских степей, известные по борьбе с персами и Александром Македонским. По его мнению, в эти же времена казахская степь стала прибежищем монгольской орды [Гавердовский, 2007: 372]. Русский исследователь не отрицал и влияния пришлого элемента, отметив: «Народы, составляющие ныне орду Киргизскую, входили в степь столь различными путями из столь многих орд, что почти нет на востоке племени, из которого отрасль не составляла теперь или удела, или рода, или малой части в киргизцах» [Там же: 385]. Высказанная исследователем мысль об этногенетической преемственности между казахскими, монгольскими, тюркскими, гуннскими и сако-сарматскими племенами в тех или иных вариациях присутствует в большинстве издаваемых в Казахстане учебников и научных публикациях по истории, в риторике политических деятелей.

А.И. Левшин в своем труде «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей» [1832] отделил казахов от киргизов, «известных древней против них враждой», и пришел к выводу о древности существования этих народов. А.И. Левшин ссылается на сведения восточных историков, утверждавших, что «казаки составляли самостоятельный и независимый народ в отдаленнейших веках нашего летоисчисления. Некоторые даже относят их существование далее Р.Х.» [Левшин, 1996: 152]. Упоминание о «казаках» А.И. Левшин находит

в произведении «История Рустама» Фирдоуси: «Из сочинений его и древнейших летописей персидских, которыми он пользовался, известно, что казаки древние, подобно позднейшим, прославили имя свое грабежами и набегами, что главное оружие их были копыя, и что посему в Азии начали называть их именем всякую толпу наездников, вооруженную копыями, и занимавшуюся ремеслом подлинных казаков, т.е. разбоями и нападениями на соседственные народы» [Там же: 152]. Казахский народ, утверждал А.И. Левшин, весьма давно известен в Азии, составляя одну из отраслей многочисленного турецкого племени, не уступает в древности ни киргизам, ни другим соплеменным с ним народам [Там же: 153]. В его изложении казахский народ, подпав под владычество Чингиз-хана, достался в удел сыну его Джучи, и хотя принадлежал к Золотой Орде, но имел собственных ханов, иногда же «присоединился то к Орде Чагатайской, то к Алмалыкской, то к Ташкентской, которую потом звали Могул-улу» [Там же: 153].

Выдающийся синолог И. Бичурин, обратив внимание на наличие в составе Среднего и Старшего жузов племени канглы, рассматривал казахов как потомков древних кангитов: «Владение Кангюй занимало степи от Сир-дарьи к северу, на которых ныне кочуют Большая и Средняя Казачьи [казахские] Орды. Надобно полагать, что казачьи поколения, ныне известные в России под названием киргиз-кайсаков, недавно приняли народное название казак, потому что папские послы, бывшие в Шара-ордо [Каракоруме] у хана Куюка в 1246 году, еще называли их кангитами» [Бичурин, 1950: 152].

Автохтонная теория легла в основу концепций этногенеза тюркоязычных народов Центральной Азии в советской этнографии и антропологии. На этногенетическую и этнокультурную связь древнего оседлого населения Хорезма, восточно-иранских кочевников и современных узбеков, туркмен, каракалпаков и казахов указывал С.П. Толстов. Так, С.П. Толстов, критикуя сторонников тюркоязычия древних кангюйцев, тем не менее, считал, что имя «канглы» является поздним пере-

оформлением тюркским суффиксом более древнего «кангар» и обозначает «люди Кангхи». Таким образом, считал ученый, этноним средневекового племенного союза восходит к древнему имени страны Хорезм [Толстов, 1948: 25]. Ведущие советские этнографы не отрицали влияние миграций кочевников из монгольских степей на этногенез народов Центральной Азии. С.П. Толстов выступал против «вульгарного автохтонизма». Он считал, что при наличии очень давно сложившихся историко-территориальных общностей, на базе которых из разнородных аборигенных и пришлых этнических элементов шел процесс консолидации современных среднеазиатских народов, ни один из этих народов не восходит непосредственно к какой бы то ни было из этнических групп древности. Древние как местные, так и пришлые народы, считал С.П. Толстов, вошли в различных пропорциях в состав нескольких, а иногда и всех народов Средней Азии, а частью и народов за ее пределами [Толстов, 1947: 304].

Советские этнографы и археологи отмечали, что миграции наиболее значительно сказались на антропологическом облике казахов, киргизов, каракалпаков, ногайцев и части узбеков. В коллективном труде этнологов Института этнографии АН СССР «Народы Средней Азии и Казахстана» отмечалось: «Этногенез казахов начался преимущественно на основе степных племен саков и усуней; в нем играли значительную роль и гуннские этнические элементы. Большое значение в процессе этногенеза казахов имели Тюркский каганат и раннесредневековые государства юга Казахстана, возглавленные тюркскими династиями (государство тюргешей, государство карлуков и др.). Однако узловым этапом сложения казахской народности явилась консолидация средневековых степных тюркских племен в составе кыпчакских (половецких) племенных союзов» [Народы Средней Азии и Казахстана, 1962: 85]. В отношении узбеков признавалось, что они являются автохтонным населением Средней Азии: «Древнейшими предками узбеков также были местные, среднеазиатские народы и племена: хорезмий-

цы, согдийцы, массагеты и саки. Смешиваясь с тюркскими племенами, уже на ранних этапах истории переселявшимися из степей в долину Зеравшана, Фергану, Чач, Хорезм и другие области Мавераннахра, местное земледельческое ираноязычное население перенимало их язык, в свою очередь передавая им свои хозяйственные и культурные навыки. Процесс этнического смешения и тюркизации был особенно активным в XI–XII вв.; именно в это время на территории Среднеазиатского междуречья формировалось основное ядро тюркоязычной народности, принявшей впоследствии этническое наименование «узбеков» [Там же: 82]. Г.Е. Марков отмечает, что казахи занимают территорию, издавна заселенную кочевыми народами, но как народность сложились в послемонгольское время – XV–XVI вв. [Марков, 1976: 136]. С.П. Поляков, используя накопленный этнографический материал, указывает на монолитность этнической культуры казахов, имеющей местную среднеазиатскую основу и иранские истоки. Тюркизация языка и монголизация антропологического облика казахов, по его мнению, происходила в результате постоянных инфильтраций кочевников центрально-азиатских и южно-сибирских степей. Окончательно особенности этногенеза и антропогенеза казахов проявились после монгольских завоеваний, приведших к поглощению племен завоевателей местной тюркоязычной средой [Поляков, 1980: 158–160]. Советские антропологи также пришли к выводу об автохтонности народов Средней Азии, несмотря на наличие существенных этноязыковых и антропологических различий не только между тюркоязычными народами и таджиками, но и внутри этносов.

В казахстанской науке автохтонная концепция этногенеза поддерживалась ведущими историками-востоковедами, этнографами и антропологами. «Домонгольская» версия сложения казахского народа на основе автохтонных кипчакских племен поддерживалась историками С.М. Ахинжановым, Х.М. Адильгиреевым, В.Ф. Шахматовым, В. Юшковым, антропологом О. Исмагуловым, археологом К. Акишевым и

другими исследователями. Х.М. Адильгиреев, опираясь на сведения А.Левшина, писал о существовании казахов и казахской государственности во времена Фирдоуси (935–1020 гг.) [Адильгиреев, 1951: 93]. Более аргументированными выглядят подходы и выводы ведущего казахстанского антрополога О. Исмагулова, которого можно отнести к сторонникам концепции этнического синтеза между пришлыми монголоидными тюрками и местным европеоидным субстратом, приведшим к образованию казахов как носителей южносибирского расового типа. Наличие европеоидных черт у современных казахов, по мнению О. Исмагулова, является веским аргументом в пользу расово-генетической преемственности между антропологическими типами современного и древнего населения Казахстана. Не отрицая влияния миграций монголоидных групп населения на антропологический облик казахов, О. Исмагулов приходит к следующему выводу: «Расово-генетическое развитие племен Казахстана носило в основном автохтонный характер. Пришлые этнические группы поглощались коренным населением, не нарушая преемственности и единства этногенетического процесса» [Исмагулов, 1970: 145–146]. Появление специфических особенностей антропологического типа казахов казахстанский антрополог объяснял длительностью контактов открытой им древнеказахстанской европеоидной расы с пришлыми монголоидами [Там же: 152].

После суверенизации Казахстана автохтонная концепция становится доминирующей и весьма популярной в среде не только ученых и политиков, но и рядовых обывателей, занявшихся борьбой с «манкуртизмом». В Казахстане стали популярны штудии, удревнявшие историю не только казахского народа, но и отдельных родоплеменных групп, возвеличивающие деяния батыров-родоначальников. Ряд казахстанских историков в коллективном труде «Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана» и российский этнолог В. Шнирельман подвергли критике этноцентрический дискурс в освещении этногенеза казахов. Отметим, что в от-

личие от дореволюционных и советских ученых, большинство казахстанских сторонников крайней автохтонной концепции откровенно попирают каноны историко-этнологической науки, не считаясь ни с источниковой базой, ни с достижениями современной науки; они дают волю «полету» фантазии и мифологизируют историческое прошлое казахского народа. Казахстанскими историками были подвергнуты справедливой критике взгляды Асана Бахти о шумерских корнях казахского народа; геолога А. Байбатши, открывшего миру «казахантропов», ставших предками саков и соответственно казахов; бывшего номенклатурного работника А. Абдакимова, объявившего, что «прототюрки являются основоположниками древних государственных образований в истории человечества» и «казахи являются главными наследниками кочевой культурной цивилизации европейско-азиатского суперконтинента» [Абдакимов, 2003: 10]. Еще дальше пошел в раскрытии тайн этнической истории филолог А. Буркитбаев, поведавший миру об открытии «оригинального сакского алфавита», о том, что Авеста представляет древнетюркскую летопись «Ак бата» («Белое благословение»), записанную саком Ахметом Джанысом, и о принадлежности саков к тюркам [Утешева, 2003].

Более интересны и содержательны реконструкции этнической истории профессиональными историками и этнологами, фактически выполняющими идеологический заказ властвующей элиты, поставившей перед казахстанскими историками задачу автохтонного прочтения истории. В числе наиболее активных сторонников крайней автохтонной концепции следует выделить А. Кузембайулы, Е. Абиля – авторов популярных учебников по истории Казахстана, видного этнографа М.С. Муканова, российского историка И.Н. Ундасынова, ранее специализировавшегося на международном рабочем движении. В многотомной «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» четко проводится идея последовательной смены при сохранении этногенетической преемственности андроновцев, саков, усуней, хунну, тюрков и казахов. Вопреки устояв-

шемую в науке мнению о формировании казахского этноса в XV–XVI вв., авторы пишут о борьбе казахов с монгольскими завоевателями в начале XIII в. [История Казахстана с древнейших времен... 1996: 9]. В обобщающей работе казахстанских историков доказывается, что андроновские и сако-массагетские племена являются прямыми предками современных казахов.

Если в многотомном издании «Истории Казахстана» автохтонная теория аргументируется на основе материалов археологии, антропологии и лингвистики, то значительная часть историков, придерживающихся крайних эссенциалистских взглядов, игнорируют каноны исторической науки, выдавая псевдоисторические сенсации. Они подгоняют факты и этнонимы, приватизируют истории других народов и игнорируют общепризнанные источники. Ж. Артыкбаев – один из наиболее плодовитых на подобного рода публикации авторов, объявляет, что казахское шежире (генеалогические предания) «представляет собой комплекс историко-генеалогических знаний по истории Казахстана, и в этом отношении, безусловно, оно является главным историческим источником в исследовании древнего и средневекового периодов» [Артыкбаев, 2005: 43]. Признавая мифологический характер генеалогических историй, автор призывает к поиску «ключей дешифровки» хранящихся в шежире исторической информации. «Дешифруя» историю, он развернул широкое историческое полотно этногенеза казахов, отодвинув время появления легенды об Алаша-хане – мифическом прародителе казахов, в эпоху древних авестийских ариев и туров. Ж. Артыкбаев, отвергая общепризнанные взгляды Ч. Валиханова и других историков о времени появления преданий об Алаша-хане во второй половине XIV – начале XV вв., удревняет историю тюркских народов: «Возможно, исторические сведения об Алаша восходят ко времени господства в Великих степях в VI–IV тыс. до н.э. этносов, представляющих наиболее ранних предков кочевников-коневонов Евразии. В этих легендах уже сформировался культ Алаша-хана, олицетворяющий государственное начало и единство кочевых племен, и наличие

сакрального характера властной структуры... Алаша, не только родоначальник тюрков и монгол, но и вообще всех степных племен Евразии» [Артыкбаев, 2007: 31]. Далее казахский этнолог заключает: «Одна из наиболее ранних письменных фиксаций легенд об Алаша-хане была осуществлена Геродотом в V в. до н.э.» [Там же: 28]. Ж. Артыкбаев проводит прямую связь между геродотовскими скифами-алазонами и «алашами» (казахами), являющимися в его реконструкциях прошлого наследниками энеолитических племен-коневодов, создавшими в 4500–3000 гг. до н.э. культ Алаша-хана. По его мнению, все индоевропейские и алтайские народы имеют общие корни в коневодческой цивилизации Южного Урала и Северного Казахстана, а германцы, греки и славяне (почему-то объявленные в розенберговском духе элитными группами) наряду с казахами сохранили культ коней. Ж. Артыкбаев провозглашает казахов подлинными носителями государственных традиций древних коневодов, заодно открыв научному миру существование этнополитических процессов в каменном веке: «Существование культа Алаша-хана у казахов является прямым следствием (историческим отражением) далеких этнополитических процессов эпохи позднего неолита – энеолита. Первоначально в хаотическом мире Евразийской степи появились небольшие общины охотников, успешно проводившие первые опыты по domestикации лошади. Позднее степные общины, разрастаясь, превратились в коневодческие племена... Тогда и сформировалось самоназвание коневодческих племен – “алаша”... Мощная идеология государственности, зародившаяся еще в III–II тыс. до н.э., продолжала жить во времена гуннов, тюрков, огузов, карлуков, кипчаков. На нее наслаивались кое-какие элементы, новые имена, но суть оставалась прежней» [Там же: 49]. Интерес к работам данного автора объясняется тем, что в них наиболее ярко и в наукообразной форме прослеживается стержневая идея крайнего автохтонного дискурса, построенного на отстаивании этногенетической и этнокультурной преемственности населения с древнейших времен и до

наших дней, от ведических ариев и авестийских туров до современных казахов.

Для специалиста по международным отношениям XX в. И.Н. Ундасынова не подлежит сомнению ариецентризм мировой истории, начинающейся в степях Казахстана: «Мы установили, что, во-первых, самые ранние из известных науке наших предков пришли в степи Казахстана с Запада; во-вторых, они происходили из могучей индоевропейской семьи народов, в V–II тысячелетиях до н.э. расселившихся на огромных просторах от Британских островов до истоков Енисея; в-третьих, обособившись ко II тысячелетию до н.э. от индоевропейской общности, племена андроновской (и срубной) культуры породили новую могучую общность – арийскую и, следовательно, родиной всех индоиранских народов является Великая степь, а ее центром – степи современного Казахстана. Прямыми потомками андроновцев стали саки и савроматы. Андроновцы-арии оставили им в наследство обширную освоенную территорию, развитое кочевое хозяйство, иранский (точнее – восточноиранский) язык, европеоидный расовый тип, развитую родоплеменную структуру, самобытную культуру и лучшую в мире конницу, позволившую кочевникам евразийских степей не только надежно обороняться, но и успешно наступать» [Ундасынов, <http://www.eurasica.ru>].

Если для Ж. Артыкбаева и И.Н. Ундасынова этническая история казахов начинается в эпоху неолита, то М.С. Муканов, А. Кузембайулы и Е. Абиля отодвигают время образования казахского этноса на более поздний период. Этнополитические объединения кипчаков, карлуков, керейтов, найманов, участвовавших в этногенезе не только казахов, но и других тюркоязычных народов, представляются в исторических реконструкциях А. Кузембайулы, Е. Абиля и М.С. Муканова в качестве «протоказахских» племен. Исходя из непрерывности и преемственности этногенеза казахов А. Кузембайулы пишет: «Культура народов, населявших Казахстан в V–XII веках, была естественным продолжением культуры сако-хуннского

периода и в свою очередь, послужила фундаментом для культуры казахского народа, развиваясь в контексте мировой цивилизации» [*Кузембайулы, Абиль*, 1998: 96]. Не подвергается сомнению тюркоязычие кереитов и найманов. М.С. Муқанов, обратившись к историческому прошлому двух родоплеменных групп – кереев и уаков, поведал о совместной борьбе кереев и кипчаков против монгольских завоевателей, причем самые известные и героические персонажи антимонгольского сопротивления (Гайир-хан, Тимур-мелик) оказались кереями [*Муқанов*, <http://www.eurasica.ru>]. Из исторических источников известно о происхождении хорезмийской знати из племен баятов, уран, канглы и кипчаков [*Бунятов*, 1999: 41–42]. Отрарский наместник Гайир-хан доводился племянником матери хорезмшаха Теркен-хатун, т.е. был выходцем из огузо-кипчакского племени баятов [Там же: 85].

На публикации подобного рода можно было бы не обращать внимания, но они свидетельствуют о серьезных подвижках в образовательном уровне и психологии населения и элиты, выступающих «потребителями» подобных мифов. Зачастую псевдонаучные идеи поддерживаются на высшем государственном уровне и превращаются в канон, не подлежащий критике, как это произошло с «Рухнама» С. Ниязова в Туркменистане и трудами ряда таджикских историков. На наш взгляд, вышеуказанные радикально автохтонные версии ближе к мифологической теории этногенеза казахов.

Автохтонная теория происхождения казахов поддерживается многими известными и авторитетными учеными, указывающими на этногенетическую и антропологическую преемственность древнего и современного населения Казахстана, на сохранение в составе казахов названий отдельных родоплеменных групп (усуней, дулатов, канглы, кипчаков, аргынов, найманов), ранее принадлежащих древним народам. Сторонник автохтонной концепции археолог К. Акишев доказывает происхождение казахов от древних ираноязычных племен: «Саки и усунь входили в один и тот же племенной союз, а периодиче-

ское упоминание в письменных источниках имени то одного, то другого говорит не о появлении на территории Семиречья этнически нового племени, а лишь о политической гегемонии его в этом союзе. Имя “усунь” исчезает со страниц китайских хроник в V–VI вв., когда на политическую арену выдвигаются тюргеши, карлуки, тюрки. Однако исчезновение имени “усунь” не означает исчезновения самого народа. По-видимому, усунь играли значительную роль в сложении Тюргешского и Западно-Тюркского каганатов. Сам народ в продолжение всей истории называл себя этим именем, несмотря на потерю господствующей политической роли. Свидетельством многовекового сохранения древнего имени является то, что позднейшие потомки древних усуней, входившие в состав казахских племен Старшего жуза, называют себя так же» [Акишев, Кушаев, 1963: 3–4].

Миграционная теория этногенеза казахов развивалась в трудах П.И. Рычкова, М. Броневского, В.В. Радлова, Н. Маева, А.Н. Харузина; из современных ученых – в трудах Н.Э. Масанова, Б.Б. Ирмуханова. Странники миграционной теории отрицают наличие прямой этногенетической преемственности между древним ираноязычным населением и более поздними тюркскими этническими группами, занявшими казахские степи. Парадокс, но сторонником миграционной концепции оказался и поэт О. Сулейменов, поведавший миру о переднеазиатской родине тюрков и их происхождении от шумеров. Прототюрки, по мнению О. Сулейменова, вместе с индоевропейцами распространились по Азии и попали в Америку, где заложили основы великих америндских цивилизаций [Сулейменов, 2002].

Еще дореволюционные исследователи старались изучить обстоятельства, приведшие к образованию казахского народа. А.Н. Харузин считал, что об отсутствии связей между ираноязычными «казаками» Фирдоуси и современными казаками говорят казахские исторические предания: «Важен тот факт, что все (казахи. – С.К.) считают себя пришельцами и притом пришельцами из разных и разнообразных стран: кто со стороны

племен тюркских, кто от туркестанских, кто от монгольских. Этот факт и есть та нить, проглядывающая во всех преданиях киргизов, та нить, на которую мы должны обратить внимание» [*Харузин*, 1889: 275]. А.Н. Харузин отверг значимость сведений Фирдоуси о существовании домонгольских «казаков», как не имеющих отношения к вопросу о происхождения казахов. Выдающийся русский этнограф ссылается на султана Мендали Пиралиева, сообщившего, что казахи составились из осколков родов и племен, ранее входивших в состав разных народов тюрко-монгольского происхождения. А.Н. Харузиным было высказано предположение, что истинной причиной интеграции разнородных и разноплеменных групп в один народ был способ кочевого степного хозяйствования, нивелировавший культурные и языковые различия, стиравший межродовые «пергородки» [Там же: 275, 277]. Позже предположение А.Н. Харузина о влиянии на этногенез казахов кочевого хозяйственно-культурного типа будет развито казахстанским этнологом Н.Э. Масановым.

Миграционная теория поддерживалась с различными вариациями Н.Э. Масановым и рядом других казахстанских ученых. Н.Э. Масанов говорит о поддержке большинством современных ученых миграционной теории происхождения казахов и не рассматривает андроновские и сако-сарматские племена как предков современных казахов. По его мнению, на территорию Казахстана постоянно мигрировали кочевые племена из монгольских степей, сметавшие прежних насельников. Главную роль в консолидации кочевников в единый народ Н.Э. Масанов отводил типу кочевого хозяйствования, а не языковой или этнической идентичности. «Накопление однотипных культурных признаков в номадных ареалах», считал Н.Э. Масанов, способствовало внутриэтнической интеграции больше, чем языковое или этническое родство [История Казахстана: народы и культуры, 2000: 64–66]. Н.Э. Масанов, И.В. Ерофеева, Ж.Б. Абылхожин и Б.Б. Ирмуханов не рассматривают уйсуней как «переходную» этническую общность между ранними автохтонными

восточно-иранскими и более поздними тюркскими насельниками казахских степей, считая, что современные казахи – уйсуну Южного Казахстана – являются потомками тюркизированных монгольских племен, а не древних усуней и кангюй: «Существует историографическая традиция, основанная на ошибочной идентификации древних усуней и казахских уйсуней, приписывать усуням памятники материальной культуры, которые датируются концом I тыс. до н.э. Более того, широко употребляется термин “культура усуней” в отношении археологических памятников этого времени. Совершенно очевидно, что ошибочно обозначать курганные погребения “книжным” термином априори без доказательства их реального соответствия. Тем более что усуну и саки относились к одному кругу восточно-иранских племен» [Там же: 26]. Но предложенная Н.Э. Масановым версия о монгольском происхождении уйсуней, происходящих от малозначительного чингизхановского сподвижника Усуна – вождя племени чонос, или баарин, упомянутого в «Сокровенном сказании монголов», еще менее доказательна. Ни одно из монголо-тюркских племен, вошедших в состав империи, не сменило своего названия по этой причине; даже такие племена, как джалаиры, урянхи, уруты и мангыты, давшие выдающихся сподвижников (кулюков) кагана – Джелме, Мухали, Субудая и Хулдара. Б.Б. Ирмуханов также относит казахских усуней к монгольским племенам, вошедшими под предводительством Майкы-бия в державу Чингиз-хана [Ирмуханов, 2006].

Сторонники миграционной концепции не учитывают и антропологический облик самих казахских уйсуней. О.Исмагуловым была отмечена высокая степень европеоидности отдельных групп казахов северных и южных регионов Казахстана, где сохранялся древний антропологический тип [Исмагулов, 1970]. Резко отличается монголоидностью антропологический облик наиболее поздних выходцев из центрально-азиатских степей – кереев, найманов и джалаириков от усуней, кипчаков, канглы и аргынов. Сами казахи раньше достаточно

легко отличали друг друга по принадлежности к определенной родоплеменной группе. Проведение исследований гаплогрупп в разрезе отдельных патронимий может показать интересную картину этногенетической неоднородности казахов.

Крайности автохтонной и миграционной теорий старались преодолеть ведущие дореволюционные и советские ученые. К Н.А. Аристову, В.В. Бартольд и С.П. Толстову восходит традиция рассматривать этногенез народов Средней Азии и Казахстана как процесс сложного синтеза иранских и тюркских народов, сопровождавшегося мощной этнокультурной и этноязыковой интерференцией (смешанная концепция). Н.А. Аристов указывает на тюркскую (алтайскую) принадлежность древних племен дулатов, джалаилов, усуней и канглы, вошедших в состав казахского народа, признавая возможность того, что канглы являются потомками древних кангюйцев [Аристов, 1895: 10–14]. В.В. Бартольд в своих работах по истории тюрко-монгольских народов показал значение и влияние древних цивилизаций Хорезма и Согда на формирование современных тюркских этносов, отметив важность миграций кочевников из монгольских степей, постоянно смешивавшихся с местным субстратом, одновременно приобщаясь к социальным ценностям и культурному порядку более развитых цивилизаций, наследниц персидской и арабо-мусульманской культуры. В.В. Бартольд подметил утрату кочевниками воинственного этоса по мере усвоения ислама и перехода к оседлому образу жизни; как выразился один из исследователей, «хлопок победил героический эпос» [Бартольд, 2002: 474]. В.В. Бартольд считал XV век временем появления современных узбеков и казахов из разнородных тюрко-монгольских племен [Там же: 189–190]. Эту точку зрения в разные годы поддерживали А.Н. Бернштам, В.П. Юдин, Ю.А. Зуев, К. Ибрагимов. Теорию антропогенеза на территории Казахстана, разработанную О. Исмагуловым, также можно отнести к смешанной концепции этногенеза казахов.

А.Н. Бернштам после завершения борьбы с «космополитизмом» в СССР отошел от крайнего автохтонизма. По его мне-

нию, процессы этногенеза в Центральной Азии включали не только ассимиляцию иранского субстрата в результате смешения с тюркоязычными мигрантами, но и постоянный отток индигенных групп населения. Он пишет: «Вне учета восточных инфильтраций в лице тюркоязычных племен и народностей Южной Сибири и Центральной Азии, некоторые авторы рассматривали носителей андроновской культуры казахстанских степей как прямых предков казахов. При этом не учитывалось, что, по археологическим и антропологическим данным, ближайшими потомками андроновских племен были на западе савроматы, на востоке сакские племена, и те, и другие ираноязычные. Только в результате ассимиляции часть сакских племен стала тюркоязычной. Андроновская культура в какой-то части вошла в состав культуры казахов, но язык, расовый тип не могли возникнуть здесь в результате трансформации. Процесс был намного сложнее» [Бернштам А.Н. 1955: 16–26].

На трудности этнической атрибуции древних племен, вошедших в состав казахского народа, указывали Ю.А. Зуев и В.П. Юдин. Ю.А. Зуев предположил, что древние гунны были конгломератом близких племен, обобщенно называемых семантическим эквивалентом «родни», из которых были получены их азиатские, западные и китайские названия: хунны, гунны, *xiong* – *xionites*, *xsiung-nu* – *xong nu*, *chuni*, *sünnu* и множество других вариаций, накопленных в последние два с половиной тысячелетия. Усуни в изложении ученого были одним из хуннских племен, носили эндоэтноним «хун». Ю.А. Зуев отстаивает тюркоязычие усуней, опровергает их тождество с ираноязычными племенами, и идею о тюркизации усуней в конце I в до н.э. хуннами. Усуни, по его мнению, имели родственные отношения с правящим кланом Ашина в Первом Тюркском Каганате. Анализ китайских источников позволил казахстанскому исследователю назвать миграцию усуней авангардом движения хуннских племен на запад, запустившим длительный процесс этнических миксаций на территории Юго-Восточного Казахстана: «Не усилением “автохтонных” усуней, а их им-

миграцией из ордосских степей можно объяснить коренные этнические перегруппировки в Средней Азии середины II в. до н. э. – падение греческих колоний Бактрии от асо-тохарского вторжения, изменение в этническом составе междуречья Сыр-Дарьи – Аму-Дарьи и, наконец, скрещение тюркского и иранского этносов в самом Семиречье» [Зуев, 1960: 22–23]. Ю.А. Зуев обратил внимание на сведения, сообщенные Махмудом Кашгари, о существовании тюркоязычных племен, ранее имевших собственный язык, от группы племен с «чистым тюркским языком» [Там же: 153]. К числу этнических групп, становившихся тюрками по языку, а не по «крови», Ю.А. Зуев отнес ассимилирующуюся согдийскую диаспору, чьи представители получали доступ к верховной власти [Там же: 159]. Исследователь обратил внимание на смешанный «метисный» характер происхождения аргынов – одного из основных и многочисленных казахских племен, входившего некогда под названиями «булак» и «аргу» в карлукский племенной союз. Эндотнонимы «булак» – «аргын» = «алаш», считает выдающийся казахстанский тюрколог, являются в казахских генеалогических преданиях о происхождении казахского народа синонимами и переводятся с тюркского как «помесь» или «метисы» [Зуев, 1981: 71–73]. Исследование казахских генеалогических преданий позволило автору отнести происхождение казахских жузов еще в домонгольский период, когда появились предпосылки формирования трех основных центров этнической консолидации кочевников вокруг племен уйсунгов (Улу жуз), алшинов (Киши жуз) и аргынов (Орта жуз).

В.П. Юдин, исследуя процесс вхождения могулов в состав казахов, пришел к выводу о их сильном влиянии на сложение родоплеменной структуры страшежузовских казахов: «Старший жуз сформировался в основном за счет могульских родов, т.е. казахи Старшего жуза, а равным образом и кереи, являются давними насельниками Семиречья» [Юдин, 2001. С. 85]. В.П. Юдин, как и Ю.А. Зуев, указывает на кажущееся противоречие между формированием казахов как этноса в XV в. и более

ранним появлением могулов и кипчаков, составивших вместе с другими этническими группами казахский народ. Объяснение кроется в политической гегемонии казахских ханов над ставшими «бесхозными» в XV–XVI вв. тюркскими племенами, исповедовавшими ислам и чтившими чингизхановские идеологические традиции.

Наряду с тремя условно выделенными основными концепциями, в исторической науке существуют различные подходы, связанные с рассмотрением времени появления на исторической арене казахов, этнических связях и преемственности с соседними народами и более ранними этнополитическими образованиями кочевников Центральной Азии. В историографической традиции существует предположение об образовании казахов от других конкретных народностей. Ч.Ч. Валиханов выдвинул так называемую узбекскую версию этногенеза казахов, согласно которой основой казахского народа стали узбеки и ногайцы [Масанов, Абылхожин, Ерофеева, 2007: 53]. Ш. Кудайберды-улы в «Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династии ханов» предположил, что казахи происходят из ветви уйгур [Кудайберды-улы, 1990]. Ч.Ч. Валиханов, В.В. Вельяминов-Зернов, Н.И. Красовский, А.Н. Харузин и Н.А. Аристов указывали на казахов как на единый в политическом плане этнос, состоящий из разнородных в этнографическом и антропологическом плане элементов.

Относительно времени появления казахского этноса сторонники автохтонной теории склоняются к домонгольской версии, согласно которой казахи представляют союз кипчако-кимако-канглийских племен, создавших свои государственные образования. Этнополитическая гипотеза, выдвинутая В.В. Вельяминовым-Зерновым, придавала откочевке Жанибека и Керя во второй половине XV в. определяющее значение, и раскол узбек-казахов завершил длительный процесс формирования казахского народа. Это предположение стало весьма популярным и вошло практически во все учебники. Согласно другой концепции, предложенной Н.И. Красовским, концеп-

ция Вельяминова-Зернова не объясняет факта практического исчезновения политического союза могулистанских беглецов-казахов и одновременного существования в разных частях мусульманской Азии носителей этого имени. Например, в составе кызылбашских племен Ирана было племя казахлу, кочевавшее на территории Закавказья [Хуришудян, 2004]. Н.И. Красовский указывает на отсутствие прямой связи между узбек-казахами Жанибека и Гирея XV в. и казахами Шигай-хана XVI в. и датирует время появления казахского этноса концом XVI в. Н.И. Красовский подверг критике версию единства казахского народа в ранний период и последующего раскола в XVI в. на три жуза, предположив одновременное существование трех этнополитических союзов кочевников, объединенных этнонимом «казак» [Красовский, 1868: 30–34]. В научной литературе нет единого мнения о времени образования казахского ханства. С.К. Ибрагимов и А.А. Семенов считали откочевку Гирея и Жанибека лишь эпизодом в истории «узбек-казахского» этнополитического союза, относя время политического и этнического обособления казахов к 1530–1540-м годам. По мнению А.А. Семенова, беглецы узбек-казаки вновь скоро вернулись в свои степи. Событие откочевки охватило лишь малую часть народа [Семенов, 1954: 36]. По мнению Т.И. Султанова, Казахское ханство образовалось не ранее 1470-х годов, по мнению К.А. Пищулиной – не ранее середины 1460-х годов в Западном Семиречье [Абусеитова, 1985: 40].

На наш взгляд, этногенез кочевых народов никогда не был однородным и равномерно текущим процессом. Постоянные войны за пастбищные угодья и скот влекли массовые подвижки населения, существенно затрудняли этническую консолидацию автохтонного населения и постепенную ассимиляцию пришлого суперстрата. Войны или высыхание пастбищных угодий могли коренным образом изменить этнический состав, как это произошло в Монголии раннего средневековья, где ранее доминировавшие тюркские племена уступили место монголам. Создание Монгольской империи сопровождалось

тотальным геноцидом прежде всего номадов – конкурентов, соперничавших с монголами – отуз-татар, меркитов, канглы и других народов. Многие исследователи недооценивают размаха и последствий проведенных монгольских «зачисток». По сообщению Платона Карпини, как кипчаков, так и канглы постигла печальная участь: «их также истребили татары и живут в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабов» [*Платон Карпини*, 1996: 74]. Платон Карпини засвидетельствовал картину массовой резни канглы и кипчаков, впечатлившую его даже спустя более чем двадцать лет после завершения покорения монголами кипчакских степей: «В этой земле [стране канглов – С.К.], а также в Комании мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу... Эти люди были язычники... Их также истребили татары, и живут [они] в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабов» [Там же: 74]. Сведения Платона Карпини, проехавшего казахские степи и посетившего в 1246 г. Монголию, позволяют подвергнуть сомнению точку зрения арабского историка Ал-Омари, который в XIV в., описывая Золотую Орду в своей книге «Пути взоров по государствам разных стран», писал: «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом Татары смешались и породнились с Кипчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами Татар и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного с ними рода» [*Тизенгаузен*, 1884: 235]. В этой связи В.П. Костюковым было подмечено наличие мощного пласта монгольских племен и отсутствие кипчакских названий племен в составе Золотой Орды. Из списка родов и племен, входивших в Узбекский улус в 1430–1460-е годы: алчин, барак, буркут, дурман, ички, йджан, каанбайлы, карлук, кенегес, конграт, кыйат, кипчак, куйун, курлаут, кушчи, маджар, мангыт, масит, найман, ойрат, таймас, тангут, тубай, тубай-туман, туман, туман-минг, уйгур, уйсун, украш-найман, утарчи, хытай, чат, чинбай, чубурган, шадбаклы, шункарлы – подавляющее большинство указанных родоплеменных групп в

доимперский период обитали восточнее Алтая. Предположения о причинах непрезентабельности кипчакского этнонима среди дештских племен в связи с принятием автохтонами-кипчаками более престижных монгольских названий, считает В.П. Костюков, относятся к области остроумных гипотез [Костюков, 2006: 225]. Собственно, и среди казахов племена кипчаков и канглы не могли соперничать по численности и влиянию с мощными племенными союзами найманов, алшинов и аргынов. Передвижения монгольских племен на новые завоеванные территории прервали процесс этнической консолидации на базе кипчак-канглийского племенного союза и привели к доминированию пришлого компонента в этногенезе казахов. Этот процесс не завершился и после складывания этноса. Удачные войны могли существенно усложнить этнический состав кочевых народов за счет пленных и покоренных этнических групп. Так, в состав казахов во второй половине XVIII в. были включены осколки джунгар и калмыков, а также крупные киргизские рода, выведенные Аблай-ханом во время похода в Семиречье и включенные в состав аргынов. Инкорпорация этих этнических групп в Новое время значительно повлияла на антропологический облик казахов, у которых, по сообщению А. Вамбери, монголоидность была желательной и считалась высшим проявлением красоты [Вамбери, 2003: 268].

Анализ этнической истории казахского народа показывает, предпочтительность миграционно-смешанной концепции этногенеза, исходящей не из этногенетической преемственности, а из преемственности хозяйственно-культурных типов, предопределяющей преемственность этнокультурную и этносоциальную. Природно-климатические условия аридных степей формировали кочевой способ производства, основанный на особом производственном цикле и социальной организации общества. В свою очередь, кочевой хозяйственно-культурный уклад жизни влиял на складывание системы ценностей и социальной организации кочевников, резко отличающей их от соседей. В этом ключе, на наш взгляд, можно трактовать слова

Аль-Омари о том, что «долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую и уподобляться ей, и изменять прирожденные черты согласно ее природе» [*Тизенгаузен*, 1884: 235]. В повседневной жизни родовая община гарантировала своему члену необходимый прожиточный минимум и защищенность, требуя от него смелости и трудолюбия. Эти качества ценились и у других кочевников, что облегчало инкорпорацию, ассимиляцию иноплеменных групп или же сотрудничество. Для кочевника был ближе схожий по ментальным установкам другой кочевник, нежели родственник по языку и происхождению оседлый земледелец или торговец. А. Вамбери точно характеризует отношение кочевников к оседлым соседям Бухары: «Киргиз (казах – С.К.) считает жителей городов и всех прочих людей, живущих на одном месте, больными или сумасшедшими» [*Вамбери*, 2003: 268].

Во время массовых инвазий кочевников из монгольских степей, продолжавшихся с гуннской эпохи, автохтонное население могло уцелеть и смешаться с пришлым населением на базе общности способа хозяйственной деятельности и ментальности. Существовавшая автаркия кочевых общин и доминирование вплоть до советского периода племенной эндогамии способствовали сохранению различий между представителями различных патронимий, объединенных этнонимом «казах». Возможно, генетические исследования в региональном разрезе покажут различия в происхождении отдельных групп казахского населения, но при этом следует учесть и влияние советской социальной «инженерии», ломавшей межродовые и межэтнические перегородки, способствуя смешению ранее замкнутых племен.

Принятие в качестве эндоэтнонима социального термина «казак» кочевыми племенами Дешт-и-Кипчака и Могулистана было не случайным или ситуативным выбором, на это указывает и устойчивость данного самоназвания в различные исторические периоды. Принимая самоназвание «казак», кочевники тем самым манифестировали приверженность традициям общества, основанного на принципах потестарной организа-

ции, не желая признавать верховную и неограниченную власть ханских династий и контроль государственных институтов. Западноевропейский путешественник конца XVII – начала XVIII вв. Н. Витсен писал о казахах: «Люди, проживающие на козакских территориях, – это свободные люди, они могут идти, куда захотят, и не признают власти над собой» [Витсен, 2006: 68]. Дореволюционные исследователи, изучавшие политическую организацию казахов, указывали на то, что ханская власть в казахском обществе была весьма условной и эфемерной и могла существовать, опираясь на мощь определенных племен. Власть и влияние казахского хана ощущалась лишь во время войны, в мирное же время «он жил окруженный рабами и туленгутами и пас свои стада как всякий богатый и почтенный киргиз (казах – С.К.)» [Киргизский народ в прошлом и настоящем, 1910: 19]. На наш взгляд, символичным является отказ казахских племен принять этноним, связанный с именем великого правителя, определенной правящей родоплеменной группы или же военно-государственной организации, как это сделали монголы, могулы, узбеки, ногайцы, турки-сельджуки, турки-османы, чагатаи и джунгары. Выбор был сделан в пользу социального термина, обозначающего степного удальца и скитальца. В случае же выбора традиций сильного и относительно централизованного государства милитаристского типа, направленного на внешнюю экспансию и эксплуатацию оседло-земледельческих центров, казахи вполне могли носить этнонимы «джучиды» или «урусы», так как казахские ханы представляют джучидскую линию Урус-хана, правителя Ак-Орды и потомка Орду-Еджена – старшего брата правителя улуса Бату – и тем самым претендовать на доминирование в Центральной Азии. Но возродилась иная, более древняя традиция автономного существования кочевых конфедераций, объединенных способом хозяйствования, этнокультурным порядком и единым самоназванием, как это было ранее с саками, усунями, кангюй, хуннами, огузами и кипчаками. Природа суровых степей брала верх над имперской традицией, способствуя устойчивости этниче-

ского партикуляризма, расщепляя кочевой социум на мелкие политически индифферентные родовые группы кочевников, продолжавших «казаковать» и сохранять вольный образ жизни.

Изучение этногенеза казахского народа показывает сложность складывания единой этнической общности в кочевой среде. Казахский этнос, как и почти все современные народы, сложился из многих компонентов, частью условно автохтонного происхождения, частью мигрировавших на территорию Казахстана из монгольских степей. Можно выделить три составляющих компонента, сформировавшихся как относительно единое целое в разные периоды этнической истории казахов. Одним из наиболее древних компонентов являются племена уйсуней и канглы и, предположительно, другие племена Старшего жуза, этногенетически и этнокультурно тесно связанные происхождением от саков, кангюй и усуней. Вторым слагаемым были многочисленные тюркские племена, хлынувшие на территорию современного Казахстана и Средней Азии в VIII–XII вв. К этому кругу следует отнести представителей племен кипчаков, дулатов, аргынов, алшинов. Третьим компонентом стали племена, перемещавшиеся на запад в процессе монгольского завоевания XIII в. К ним относятся найманы (включая кытаев и меркитов), керей (включая уаков), конраты, жалаиры, некоторые племена Младшего жуза.

Тюркские племена, прибывавшие на территорию Казахстана в VIII–XII вв., вероятно, окончательно ассимилировали местное население, перенимая у него навыки хозяйствования, элементы культуры и антропологический облик; можно сказать, что ассимилировались сами. У некоторых племен память о межэтнических миксациях сохранялась в самоназваниях – например, казахские аргыны и узбекские курама. На наш взгляд, в домонгольский период еще не произошло образования единой этнической общности на базе восточно-кипчакских племен, так как у карлуков, кипчаков, канглы и представителей других племен и союзов преобладало племенное сознание. Близкородственные языки и общность хозяйственно-культурного уклада жизни и со-

циальной организации в эту эпоху лишь заложили предпосылки формирования этноса. Монгольское вторжение, в котором активно участвовали карлуки, найманы, керей, конраты и жалаиры, коренным образом перекроило этнический состав населения на территории Казахстана. Монгольское завоевание еще больше ослабило тенденцию этнической консолидации кочевых племен, оказавшихся разделенными между различными улусами потомков Чингиз-хана. Лишь после распада Монгольской империи происходит складывание ядра будущего казахского народа в Белой орде, под которой понимается улус старшего сына Джучи Орду Ичена на территории между Иртышом и Сырдарьей. Другой центр находился на территории Семиречья в Могулистане. Откочевка Жанибека и Гирея была лишь эпизодом в этнической истории казахского народа. Уход шейбанидских узбекских племен в Мавереннахр способствовал консолидации оставшихся в Дашт-и-Кипчаке кочевых племен, принявших самоназвание «казак». В первой половине XVI в. казахи ведут успешную борьбу за доминирование в степях с этническими конкурентами – шайбанидскими узбеками, могулами, ногаями и ойратами. Окончательно этническая общность казахов складывается в 1560-е годы, в результате объединения родственных казахских и могулистанских племен вокруг потомков ак-ордынского правителя Урус-хана. В состав казахов также вошли ногайские роды. С этого времени до наших дней устойчиво сохраняется основное этническое ядро и этническое самосознание казахов. Восстановление государственности в 1920 г. и последующая реализация советской национальной политики сформировали современную казахскую этническую нацию.

Библиография

Источники:

- Бабур-намэ, 1992: Бабур-намэ / Пер. М.А. Салье. Ташкент, 1992.
Материалы по истории Казахских ханств, 1969: Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских

- и тюркских сочинений) / сост.: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата, 1969.
- Махмуд аль-Кашигари*, 2005: *Махмуд аль-Кашигари*. Диван Лугат ат-Турк / пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзовой. Алматы, 2005.
- Мухаммед Хайдар Дулати*, 1999: *Мухаммед Хайдар Дулати*. Тарих-и Рашиди / пер. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Алматы, 1999.
- Плано Карпини*, 1996: *Плано Карпини Дж.* История монгалов. М., 1996.
- Рашид ад-Дин*, 1952: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1, пер. Л.А. Хетагурова. М.; Л. 1952.
- Тизенгаузен*, 1884: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.
- Витсен*, 2006: *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария // История Казахстана в западных источниках XII–XX в.в. Т. 6. Алматы, 2006.

Литература:

- Абдакимов*, 2003: *Абдакимов А.* История Казахстана (с древнейших времен и до наших дней). Алматы, 2003.
- Абрамзон*, 1990: *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990.
- Абусеитова*, 1985: *Абусеитова М.Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985.
- Абусеитова, Баранова*, 2001: *Абусеитова М.Х., Баранова Ю.Г.* Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII–XVIII вв. Алматы, 2001.
- Адильгиреев*, 1951: *Адильгиреев Х.М.* К истории образования казахской народности // Вестник АН Казахской ССР. 1951. № 1(70).
- Акишев, Кушаев*, 1963: *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
- Алексеев*, 1989: *Алексеев В.П.* Историческая антропология и этногенез. М., 1989.
- Аристов*, 1895: *Аристов Н.А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов. СПб, 1895.
- Артыкбаев*, 2005: *Артыкбаев Ж.О.* Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). Астана, 2005.
- Артыкбаев*, 2007: *Артыкбаев Ж.О.* Среднее Прииртышье в контексте проблем евразийских степей. Т. 1. Павлодар, 2007.

- Ахмедов*, 1965: *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.
- Бартольд*, 1925: *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.
- Бартольд*, 2002: *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии // Бартольд В.В. Работы по истории тюркских и монгольских народов. М., 2002.
- Бартольд*, 2002а: *Бартольд В.В.* Турецкий эпос и Кавказ // Бартольд В.В. Работы по истории тюркских и монгольских народов. М., 2002а.
- Барфилд*, 2009: *Барфилд Т.* Опасная граница: кочевые империи и Китай. СПб, 2009. С. 36.
- Бейсембиев*, 2007: *Бейсембиев Т.К.* Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и его роль в культурной истории Евразии // Тюркологический сборник / под ред. С.Г. Кляшторного. СПб., 2007. С. 83–84.
- Бернштам*, 1955: *Бернштам А.Н.* К вопросу о происхождении киргизского народа // Советская этнография. 1955. № 2.
- Бичурин*, 1950: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 2. М.; Л., 1950.
- Блок*, 1986: *Блок М.* Апология истории. М., 1986.
- Бунятов*, 1999: *Бунятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097–1231 // Бунятов З.М. Избр. соч. в 3-х томах. Т. 3. Баку, 1999.
- Валидов*: *Валидов З.* Происхождение казахов и узбеков // <http://www.eurasica.ru>.
- Валиханов*, 1986: *Валиханов Ч.* Избранные произведения. М., 1986.
- Вамбери*, 2003: *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. М., 2003.
- Гавердовский*, 2007: *Гавердовский Я.П.* Обзорение Киргиз-кайсацкой степи // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: В 10-ти тт. Т. 5. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007.
- Зуев*, 1960: *Зуев Ю.А.* К этнической истории усуней // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. VIII. Алма-Ата, 1960.
- Зуев*, 1981: *Зуев Ю.А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий. (К вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981.
- Зуев*, 2002: *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.

- Ибрагимов*, 1960: *Ибрагимов С.К.* «Михман-намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV–XVI вв. // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Т. 8. Алма-Ата, 1960.
- Ирмуханов*, 2006: *Ирмуханов Б.Б.* Усуни и этногенез казахского народа. Алматы, 2006.
- Исмагулов*, 1970: *Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970.
- История Казахстана с древнейших времен до наших дней, 1996: История Казахстана с древнейших времен до наших дней / под ред. М. Козыбаева. Т.1. Алматы, 1996.
- История Казахстана, 2000: История Казахстана / под ред. Н.Э. Масанова. Алматы, 2000.
- Киргизский народ в прошлом и настоящем, 1910: Киргизский народ в прошлом и настоящем / составитель П. Румянцев. СПб., 1910.
- Кляшторный*, 2006: *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
- Кляшторный*, *Лившиц*, 1971: *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Т. X. 1971. С. 146.
- Кляшторный*, *Савинов*, 2005: *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 158.
- Козыбаев*, 2000: *Козыбаев М.К.* Как феникс из пепла // Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. Алматы, 2000.
- Костюков*, 2006: *Костюков В.П.* Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник 2005 г. Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006.
- Красовский*, 1868: *Красовский Н.А.* Материалы по географии и статистики России. Область Сибирских киргизов. Ч. 1–3. СПб., 1868.
- Кузембайұлы*, *Абиль*, 1998: *Кузембайұлы А., Абиль Е.* История Республики Казахстан. Алматы, 1998.
- Левшин*, 1996: *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. [Переизд.], Алматы, 1996.
- Марков*, 1976: *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. М., 1976.
- Масанов*, *Абылхожин*, *Ерофеева*, 2007: *Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В.* Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007.

- Масов*, 1995: *Масов Р.М.* Таджики: история с грифом «совершенно секретно». Душанбе, 1995.
- Масов*, 2003: *Масов Р.М.* Таджики: вытеснение и ассимиляция. Душанбе, 2003.
- Масов*, 2008: *Масов Р.М.* Таджики: история национальной трагедии. Душанбе, 2008.
- Муканов*, <http://kazchronic.host.kz>: *Муканов М.С.* Из исторического прошлого // <http://kazchronic.host.kz>.
- Народы Средней Азии и Казахстана, 1962: Народы Средней Азии и Казахстана / под ред. С.П. Толстова, Т.А. Жданко и др. Т. 1. М., 1962.
- Петрушевский*, 1952: *Петрушевский И.П.* Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / пер. с персид. Л.А. Хетагурова, ред. и примеч. проф. А.А. Семенова. М.; Л., 1952.
- Поляков*, 1980: *Поляков С.П.* Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980.
- Радлов*, 1899: *Радлов В.В.* Словарь тюркских наречий. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1899.
- Семенов*, 1954: *Семенов А.А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1 / Тр. АН Таджикской ССР. Т. XII. Сталинабад, 1954.
- Сулейменов*, 2002: *Сулейменов О.* Тюрки в доистории. Алматы, 2002.
- Толстов*, 1947: *Толстов С.П.* Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии // Советская этнография. М.; Л., 1947. № VI–VII.
- Толстов*, 1948: *Толстов С.П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
- Толыбеков*, 1971: *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Алма-Ата, 1971.
- Тулибаева*, 2006: *Тулибаева Ж.М.* Персоязычные источники по истории казахов и Казахстана XIII–XIX вв. Астана, 2006.
- Турисбеков*, 1999: *Турисбеков З.* О проблемах миграции и демографической ситуации в Казахстане // Казахстанская правда. 1999. 26 янв.
- Туркменбаши*, 2002: *Туркменбаши С.* Рухнама. Ашхабад, 2002.
- Ундасынов*, <http://www.eurasica.ru>: *Ундасынов И.Н.* История казахов и их предков // <http://www.eurasica.ru>.

- Утешева*, 2003: *Утешева А.* Ученый Буркитбаев нашел книгу о том, как Христос жил у саков и едва не стал императором Рима // Казахская правда. 9 сентября 2003.
- Фазлаллах ибн Рузбихан*, 1976: *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., Восточная литература. 1976.
- Харузин*, 1889: *Харузин А.Н.* Киргизы Букеевской орды. М., 1889.
- Хуришудян*, 2004: *Хуришудян Э.* Упоминание о казахах в составе сефевидского Ирана // Историко-культурные связи Ирана и Дашт-и Кипчака XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы, 2004.
- Чулошников*, 2006: *Чулошников А.П.* Очерк по истории киргиз-казахов. [Переизд.], Павлодар, 2006.
- Шнирельман*, 2009: *Шнирельман В.А.* Арийцы или тюрки? Борьба за предков в Центральной Азии // Политическая концептология. 2009. № 4.
- Юдин*, 1992: *Юдин В.П.* Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукатимуридов в казахских степях в XIV в. (К проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстол. примеч., исследование В.П. Юдина. Алма-Ата, 1992.
- Юдин*, 2001: *Юдин В.П.* Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001.

З.В. Анайбан, М.Х. Маннай-оол

**Этногенез тувинцев.
Историография вопроса***

Этногенез – одна из наиболее важных и сложных историко-этнографических проблем. Это прежде всего, связано с тем, что ее исследование основано на комплексном привлечении самых различных источников из многих научных дисциплин: истории, археологии, этнографии, антропологии, фольклористики, языкознания.

Вопросы происхождения современных тувинцев издавна привлекали внимание научного сообщества. Они нашли отражение в трудах как дореволюционных – отечественных и иностранных – ученых-путешественников, так и современных исследователей.

Тувинцы – титульный этнос Республики Тыва (Тува), расположенной в геофизическом центре Азиатского материка – в верхнем бассейне великой сибирской реки Енисей и имеющей общую площадь около 175,5 тыс. км. По результатам Всероссийской переписи 2002 г. численность населения Тувы составляла 305 510 человек, в т. ч. доля тувинцев в общей численности насчитывала более двух третей (77%), русских, второй по численности этнической группы республики – 20,1%, представителей других национальностей – 2,9%. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва, на начало 2010 г. численность тувинцев здесь заметно возросла и уже достигла 82%, тогда как доля русских и иных этнических групп несколько сократилась – до 16,3% и 1,7% соответственно [Социально-экономическое положение Республики Тыва..., 2012: 62]. Кроме того, в настоящее время небольшая часть этнических тувинцев проживает в других регионах Российской Федерации, в частности, в Красноярском крае (с. Верхнеуесинск) и в нескольких крупных городах (в Москве,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ: грант 11-01-00534а «Этногенез: воображаемые прашуры и реальные потомки».

Санкт-Петербурге и др.), а также в Монголии, Китае (Синьцзян-Уйгурский автономный район).

Тувинцы – один из древнейших тюркоязычных народов, населяющих Центральную Азию и Саяно-Алтайское нагорье. Современное название тувинского народа «тыва», «тыва кижиги» упоминается в летописях Суйской (581–618 гг.) и Танской (618–907 гг.) династий Китая в форме *дубо*, *тубо* и *тупо* применительно к некоторым племенам, обитавшим в верховьях Енисея и районе озера Хубсугола [История Тувы, 1964: 7]. О ближайших исторических предках современных тувинцев «чиках и азах» есть сведения в рунических памятниках древнетюркского рунического письма (VII–XII вв.). В монгольских, арабо-персидских источниках XIII–XIV вв. также имеются сведения о Туве и ее жителях.

По антропологическому типу тувинцы относятся к монголоидному центральноазиатскому типу североазиатской расы. Восточные тувинцы – тоджинцы – представляют особый тип с примесью центральноазиатского компонента. Специалисты считают, что тувинский язык в качестве самостоятельного языка сформировался к началу X в. Вместе с тем, и сегодня в нем отмечается специфика отдельных лингвистических групп. В частности, в тувинском языке имеются четыре диалекта: западный, северо-восточный, центральный и юго-восточный [Бичелдей, 2001].

Расположение территории Тувы в географическом центре Азиатского материка накладывало отпечаток на ее отношения с жителями соседних и близлежащих регионов. В частности, она была периферией мощной державы воинственных хунну (II в. до н.э. – I в. н.э.), входила в состав раннесредневековых суперэтнополитических государств: Древнетюркского (VI–VIII вв.), Уйгурского (VIII–IX вв.), Древнекыргызского (IX–XII вв.) каганатов и Монгольской империи чингизидов (XIII–XIV вв.) Центральной Азии.

Эти мощные раннефеодальные государства играли выдающуюся роль в истории кочевой цивилизации и этнополи-

тической ситуации Центральной Азии и Саяно-Алтайского региона. Не менее важное значение имело Великое переселение народов: хунну, тюрков, монголов – из глубинных степей Центральной Азии в Европу. Под влиянием этих исторических событий происходили глубокие социально-экономические, этнокультурные процессы в Саяно-Алтайском регионе, в том числе на территории современной Тувы. Они оказали определенное воздействие на консолидацию тувинских племен и, в конечном счете, на их формирование в единый этнос. Следует особо заметить, что преобладание в антропологическом типе местных жителей монголоидных черт исследователи связывают именно с периодом вторжения в Туву в III в. до н. э. воинственных центральноазиатских племен, родственных гуннам (хунну), которые, постепенно смешавшись с местным населением, повлияли не только на язык, но и на внешний облик представителей последнего.

По мнению ученых-тувиноведов, в конце XIII–XIV вв. этнический состав населения Тувы уже включал в основном те группы, которые приняли участие в формировании тувинского народа – потомков тюрков-тугю, уйгуров, кыргызов, монголов, а также самодийские и кетоязычные племена [Тюркские народы Восточной Сибири, 2008: 23].

В XVI–XVII вв. племена Тувы вошли в центральноазиатское государство Алтынханов. С середины XVIII в. маньчжурская (цинская) династия Китая подчинила и население Тувы, которая была разделена на несколько основных административных единиц – *хошунов* (районов). Ими управляли тувинские наследственные «князья» – нойоны. Тувинцы входили также в состав ряда других небольших хошунов, управляемых монгольскими князьями, как в самой Туве, так и на территории Монголии, включая Монгольский Алтай. Каждый хошун делился на более мелкие административные единицы – *сумыны*, а те в свою очередь – на *арбаны* (десятидворки) [История Тувы, 2001: 218]. К началу XX в. на территории Тувы было девять хошунов.

Единое административное управление Тувы в немалой степени способствовало консолидации тувинцев в единую народность, формированию общезтнического самосознания и самоназвания. Именно в эпоху пребывания племен Тувы в составе маньчжурского Китая в конце XVIII–XIX вв. завершилось формирование тувинского этноса. Одним из важных факторов этого процесса было установление административного деления, основанного главным образом не на родовом, а на территориальном принципе, что способствовало стиранию племенных различий. Субэтническую группу в составе тувинцев составляли жители Саян – восточные тувинцы-тоджинцы [*Вайнштейн*, 1961]. Общее этническое самоназвание тувинцев «Тыва-кижи» окончательно сложилось к началу XIX в. в процессе их консолидации в единый этнос.

В 1911–1913 гг. в Китае произошла Синьхайская революция, в результате которой была свергнута маньчжурская династия Цинь. После этого в Туве начались массовые выступления против китайской администрации и иноземных предпринимателей. В это же время для царской России Тува становится объектом колонизации и хозяйственного освоения. Правительство России, опираясь на переселившихся во второй половине XIX в. русских крестьян и промышленников, стремится подчинить ее российским интересам. В итоге, 18 апреля 1914 г. был подписан правительственный указ о принятии Урянхайского края (прежнее название Тувы) под протекторат России [*История Тувы*, 2007: 11–12].

Поскольку, как известно, изученность той или иной проблемы в значительной степени зависит от наличия и состояния источников, необходимо отдельно сказать об источниковой базе, используемой в разное время специалистами для исследования проблем этногенеза тувинцев. В этом ряду, прежде всего, следует назвать материалы археологических раскопок. И, как отмечает в своем недавно изданном труде известный российский этнолог С.А. Арутюнов, «для отдаленных от нас во времени эпох, по которым мы не можем располагать никакими прямыми

лингвистическими свидетельствами, археологический материал, наряду с палеоантропологическим, остается единственным источником для реконструкции этнической истории населения определенного региона в древности» [Арутюнов, 2012: 53–54]. Применительно к названному региону эти источники особенно ценны, поскольку, как известно, тувинцы до недавнего времени не имели не только письменной истории, историографии, но и собственной письменности. Хотя их предки использовали древнетюркское руническое письмо (VII–XII вв.), а затем старомонгольскую письменность. На территории Тувы изучение этих памятников началось еще в 1920-е годы.

К используемым ранним письменным источникам относятся китайские династийные хроники. Большой интерес эти источники представляют в свете изучения этногенетических проблем в период раннего средневековья, т.е. в период господства в Центральной Азии и Южной Сибири воинственных хунну, тюрков-тюгю, уйгуров и кыргызов.

Исключительно важное источниковедческое значение для решения проблем этногенеза имеют памятники древнетюркского рунического письма. В них, в частности, встречаются этнонимы и географические названия, являющиеся очень ценным источником для изучения этнического состава, мест обитания и расселения местных племен, входивших в состав Древнетюркского, Уйгурского и Древнекыргызского каганатов. Тува по численности обнаруженных каменных стел с енисейскими руническими надписями занимает одно из первых мест в мире. Здесь найдено более 100 памятников этой письменности.

Важные сведения о тувинских племенах и этнических группах в период господства Чингизхана и его преемников содержат историческая хроника «Сокровенное сказание монголов», «Сборник летописей» выдающегося персидского историка Рашид ад-Дина и других арабо-персидских и западноевропейских авторов.

Следующую группу письменных источников составляют свидетельства путешественников (отчеты, письма, путевые за-

метки), а также разного рода сообщения очевидцев, затрагивающие те или иные аспекты этногенеза и этнической истории тувинцев.

В XVIII в. появились первые работы отечественных ученых, в которых специально или попутно рассматривались вопросы происхождения тувинцев. Они положили начало так называемой «миграционной теории», согласно которой тувинцы рассматривались лишь как простое ответвление самодийских племен. Среди них следует отметить, прежде всего, труды академика П.С. Палласа, по мнению которого, тувинцы – «остатки самоедов, вытесненных со своих старых мест обитания» [*Паллас*, 1788: 523–524].

Русский этнограф и натуралист И.Г. Георги тоже сообщает о «племенах саят иначе называемых также суйотами или сойотами», и относит их к самодийцам, что якобы «доказывается их видом, языком и житейскими обычаями» [*Георги*, 1779: 15]. Следует отметить, что данная концепция, высказанная авторитетнейшими учеными, – об этническом родстве тувинцев с самоедами и самодийском этническом компоненте как главной составляющей в этногенезе тувинского народа – в научной среде конца XVIII в. получило широкую поддержку и на протяжении длительного времени не вызывало особых дискуссий.

В 1847 г. в Туве удалось побывать А.М. Кастрену – финскому ученому-языковеду с мировым именем, внесшему большой вклад в финно-угроведение, в изучение самодийских, монгольских, тюркских и палеоазиатских языков. Факты и материалы для своих исследований он черпал не из книг, а добывал в трудных и долгих путешествиях, совершавшихся по заданию и на средства Петербургской Академии наук [см.: *Муравьев*, 1961: 56]. А.М. Кастрен собрал богатый материал по языкам народов Западной Сибири и считал, что все они так или иначе связаны с самодийской средой. В своих исследованиях он писал, что сойоты действительно говорили на том же наречии, что и минусинские татары-хакасы, но в их языке остались следы, свиде-

тельствующие о том, что часть сойотских племен, несомненно, «самоедского происхождения» [*Кастрен*, 1860: 402].

Исследователи XIX – начала XX вв., особенно те, которые побывали в Туве, ближе подошли к решению отдельных вопросов этногенеза тувинцев. Так, исследователь древностей Сибири Г.И. Спасский впервые правильно определил принадлежность тувинцев к тюркоязычным народам на основании записанных им свидетельств тувинцев на Саянах [*Спасский*, 1820: 146].

Выдающийся тюрколог академик В.В. Радлов после посещения в 1861 г. Западной Тувы пришел к заключению, что тувинцы «говорят на турецком (т. е. тюркском – *З.А., М.М.*) языке», а по происхождению они «представляют смешанную из киргизов, самоедов и енисейских остяков народность» [*Радлов*, 1907: 14]. О нелегком труде ученого-исследователя того времени, о трудностях и невзгодах, которые приходилось ему преодолевать в процессе сбора полевого материала, красноречиво свидетельствует текст, опубликованный В.В. Радловым в предисловии к его монументальному труду, посвященному изучению наречий тюркских племен. В частности, он пишет: «Эти тексты, несмотря на их несовершенство, важны в лингвистическом отношении, так как по саянским языкам, сколько мне известно, до сих пор подобных образцов никогда еще издано не было. Собрание этих немногих образцов стоило мне без того уже довольно труда, так как я для этого должен был совершать продолжительные поездки верхом по пустой бездорожной тайге» [*Радлов*, 1866: 14].

Важные наблюдения и сведения о родоплеменном составе тувинцев имеются в трудах известного географа и путешественника Г.И. Потанина, посетившего Туву в 1876–1879 гг. и высказавшего предположение о том, что тувинцы – «потомки древних уйгуров» [*Потанин*, 1883: 13]. Он также считал, что некоторые монгольские группы являются омонголившимися тюрками. Так, в своей монографии «Очерки Северо-Западной Монголии» он отмечает: «В средней части Монгольского Ал-

тая находится Халхасский хошун Тачжи-Урянхай, теперь это настоящие монголы, но имя хошуна вполне совпадает с именем урянхайского поколения Тачжи-Урянхай. Не было ли то тюркское поколение, впоследствии омонголившееся, но удержавшее свое имя?» [Там же: 654]. Г.И. Потанин также считал, что «дархаты, по-видимому, не что иное, как омонголившиеся урянхайцы, за таких же омонголившихся тюрков можно принять и население пяти хошунов Западной Монголии» [Там же: 653]. Кроме того, в этой же работе в разделе «Урянхайцы» он описал не только общественный, семейный и религиозный быт, но и предоставил новые данные об административно-племенном разделении урянхайцев, выявил названия отдельных родов [Там же: 10–13].

Не утратила своего источниковедческого значения по выяснению этнического состава тюркоязычных народов (в том числе тувинцев) работа востоковеда-тюрколога И.Л. Аристова [Аристов, 1896]. В ходе исследования он приходит к выводу, что в формировании этнического состава тувинцев приняли участие турки-тюкю, в лице телесов и кыргызов. И далее замечает, что «принимая в свой состав многие примеси, урянхайцы должны были и со своей стороны участвовать в составе других народов. Несомненно, участие их в образовании западных монголов, в котором они играли роль в числе других лесных племен» [Там же: 348]. Он также заключает, что «урянхай так называются монголами, сами же зовут себя туба или тува, как отуреченные самоеды северных склонов Алтая и Саянского хребта; именуют их также сойотами, соитами, сойонами» [Там же: 347]. Недостатком этой работы следует считать недооценку комплексных источников и изучение этнического состава тех или иных племен, народностей преимущественно на основе данных этнонимии.

Французский географ Ж.Ж.Э. Реклю в многотомном труде «Земля и люди. Всеобщая география» разделяет тувинцев на сойотов, урианхов (урянхайцев – *З.А.*, *М.М.*) и сойонов. По его мнению, сойоты «говорят диалектом, близко подходящим к

наречию самоедов» и «представляют помесь финской расы с тюркской», урианхи «считаются принадлежащими к тюркской расе, и они имеют тюркский тип лица, и большинство их говорит татарским наречием», а сойоны – «другой тюркский народ, отличный от урианхов и дархатов, но более или менее смешанный с киргизами» [Реклю, 1898: 676].

Этот ученый, никогда не посещавший Туву, скорее всего, использовал компилятивные источники, ошибочно разделяя тувинцев на сойонов, сойотов, урианхов. Известно, что сойотами и урянхайцами называли тувинцев монголы, а вслед за ними китайцы и русские, что было неверным.

В «Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре на 1899 год» также затрагивался вопрос о происхождении тувинцев. В нем они отмечались как «остатки некогда многочисленного племени, не раз упоминаемого китайскими историками под названием туба, а именно: сойоны или сойоты. Все говорят тюркским языком» [Сибирский торгово-промышленный..., 1899: 362].

В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона поставлен вопрос о происхождении «населения верхнего бассейна Енисея (тувинцев – *З.А., М.М.*) в пределах Сибири и Китая», которое, якобы, «состоит из монголов, финнов и тюрков, представляющих разнообразное смешение племен» [Энциклопедический словарь, 1900: 718].

В 1889 г. с исследовательской целью Туву посетил тюрколог Н.Ф. Катанов. Специально занимавшийся изучением тувинского языка, он не согласился с лингвистическими выводами М.Л. Кастрена. «Сравнивая урянхайские слова своего собрания, – писал он, – с самоедскими словами, собранными М.Л. Кастреном... не нашел я сходства урянхайского языка с самоедским в лексическом отношении. Большая часть урянхайских слов, совпадающих с самоедскими, в частности, со словами камаринского наречия самоедского языка, оказались тюркского происхождения или монгольского, но не самоедского» [Катанов, 1903: 17]. Н.Ф. Катанов впервые на основе данных лингви-

стики научно доказал, что «тувинцы в основном говорят на одном и том же языке с самыми слабыми отклонениями, вполне по-тюркски, а не по-самоедски и не по-остяцки» [Там же: 17]. Исходя из опыта своих исследований, он делает вывод, что фонетика и морфология тувинского языка всецело тюркские [Там же: 18]. Касаясь вопроса о происхождении тувинцев, Н.Ф. Катанов констатирует, что «они составились из элементов тюркских, монгольских и самоедских и известны были под именем дубо в древнее время» [Там же: 3]. В то же время он подчеркивает важную роль уйгуров, которую те сыграли в происхождении тувинцев. Существующие в этот период на сей счет разные точки зрения, исследователь объясняет тем, что «на основании того, что в XVII в. русские в южной части Енисейской губернии сталкивались более всего с финскими племенами, некоторые ученые убежденно говорят, что нынешние сойоты по происхождению своему остяки или самоеды» [Там же: 3].

В 1897 г. впервые антропологическим типом тувинцев заинтересовались И.П. Слинич и К.И. Горошенко. Если в распоряжении первого было всего 11 черепов тувинцев, то второй исследовал 92, из них 20 женских. Однако их выводы, построенные на основании далеко не достаточных данных, оказались поспешными [Слинич, 1901: 70; Горошенко, 1901: 72]. В 1907 г. антропологические типы тувинцев изучал А.А. Ивановский, который на основании материалов К.И. Горошенко впервые правильно отнес их к монголоидной расе.

В 1897 г. Восточную Туву посетил этнограф П.Е. Островских, который собрал обширные этнографические и антропологические материалы, проливающие свет на этногенез тувинцев-тоджинцев [Островских, 1897, 1898, 1899]. К сожалению, в большинстве своем его материалы не были изданы, опубликованы лишь краткие отчеты об экспедиции и статьи. В появившейся в 1899 г. в «Известиях Русского географического общества» статье, посвященной обоснованию русской колонизации и развитию торговли в Урянхайском крае, автор дает в том числе ценные сведения о численности населения

Тоджинского хошуна, включая численность взрослых и детей [Островских, 1899: 340].

Этнографические данные о тюркоязычных народах долины Енисея содержатся в сводном труде русского революционера Е.К. Яковлева. Следует пояснить, что самому Е.К. Яковлеву так и не удалось побывать в Туве, так как, являясь политическим заключенным, он не имел возможности выехать за пределы России. Вместе с тем, данное обстоятельство ни в коей мере не умаляет ценности и значения его трудов: он собрал важные материалы по материальной культуре тувинцев и их общественному быту [Яковлев, 1900].

В 1901 г. Восточный отдел РГО обратился к Ф. Кону, также политическому ссыльному, с предложением осуществить этнографическую экспедицию в Сойотию (Туву). Основной задачей данной экспедиции было изучение истории, культуры и быта местного населения. В опубликованной в 1934 г. книге Ф. Кона получили всестороннее освещение разные стороны материальной и духовной культуры жителей Тувы: занятия, (скотоводство, охота и рыболовство, земледелие, ремесла), жилище, одежда, пища, брак и семья, верования, народные празднества и т.д. Специальный раздел работы посвящен также исследованию тувинского рода (клана). Так, в ходе исследования автор резюмирует, что «вся Урянхайская земля в административном отношении делится на девять хошунов. Хошун подразделяется на четыре рода (клана) – «сумо». В свою очередь «сумо» делится на «кости» – «сююк» [Кон, 1934: 143–144]. Безусловно, Ф. Кон является одним из видных дореволюционных исследователей этнографии и этногенеза тувинцев.

Исследователь древностей Сибири И.Т. Савенков на основании сравнительно-этнографического изучения эволюции шахматной игры пытался выяснить вопросы происхождения и направления передвижений народностей, их родства, культурных и этнических сношений. Такой односторонний подход к этногенетическим вопросам привел к тому, что тувинцы, по его мнению, в равной степени сформировались за счет смешения

ния самых разных племен [Савенков, 1905]. В 1907–1909 гг. по заданию Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог в Туве побывал русский инженер Вс. Родевич с целью «выяснения условий судоходности Енисея до русской границы и выше ее» [Родевич, 1910: I]. Вскоре по результатам этой экспедиции им была опубликована работа «Очерк урянхайского края», где на фоне основной задачи исследования автор попутно описывает расселение, быт, хозяйство местного населения, включая его этнический аспект. Так, в главе, посвященной характеристике населения Урянхайской земли, Вс. Родевич пишет, что «по происхождению, языку и внешности сойоты (тувинцы – З.А., М.М.) примыкают скорее всего к тюркскому племени, но уже в смешении с монгольскими элементами; многие слова и обычаи сближают их с русскими качинскими татарами и киргизами, с монголами они также имеют немало общего» [Там же: 14–15].

История этнографического изучения тувинцев в начале XX в. отмечена, кроме всего прочего, проявлением интереса к этой теме европейских ученых. В частности, вопроса происхождения тувинцев касался английский путешественник Д. Каррутерс, посетивший Туву в 1910 г. Он пессимистически предсказывал будущность тувинцев, как «угасающих племен верхнего бассейна Енисея» и со свойственной ему амбициозностью заявлял, что они представляют «... из себя потомков нации, образовавшейся путем смешения аборигенов территорий, прилегающих к реке Енисею, с древними тюркскими и угорскими племенами, на которых сильное влияние оказали, в свою очередь, монголы» [Каррутерс, 1919: 198].

Далее следует отметить фундаментальный труд известного путешественника и исследователя Центральной Азии Г.Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край», издание которого было завершено в 1930 г. Несмотря на некоторые общеметодологические недостатки, работа Г.Е. Грумм-Гржимайло, написанная на основе изучения колоссального количества разнообразных источников (письменных, архео-

логических, антропологических, этнографических), представляет большой интерес. Фактически это была первая обобщающая работа, посвященная истории и этнографии тувинского народа. Рассматривая проблему происхождения тувинцев, Г.Н. Грумм-Гржимайло отмечает сложный этнический состав этого народа, в который входят тюркские, самодийские, монгольские, кетские этнические компоненты. В антропологическом отношении он сближает тувинцев с монголами. В предисловии к названной книге, говоря о важности подобных научных изысканий и наибольшей достоверности полученных материалов, автор особо подчеркивает, что «этнографические исследования от исследователя, помимо знания языка изучаемой им народности и соответствующей подготовки, требуют стационарной работы среди нее и продолжительности пребывания» [Грумм-Гржимайло, 1926: 1].

Таким образом, дореволюционные исследователи придерживались самых различных точек зрения на проблему происхождения тувинцев, однако в целом в их трудах содержатся ценные сведения по тем или иным вопросам этногенеза и этнического состава тувинцев. Эти ученые, естественно, располагали только отрывочными сведениями и не были вооружены основополагающими научными методами исследования. Многие из них были представителями различных наук и по этой причине зачастую лишь попутно затрагивали проблему происхождения и этнической истории того или иного сибирского народа. Вместе с тем, важность и значимость трудов дореволюционных исследователей, внесших существенный вклад в исследование не только проблем этногенеза тувинцев, но и всей этнической истории Тувы, не вызывает сомнений.

Современное изучение истории и этногенеза тувинцев началось в период существования Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) и продолжалось после вхождения Тувы в состав СССР с дальнейшим развитием исторической науки и накоплением новых материалов.

В числе первых советских экспедиций, проводивших исследования в Тувинской Народной Республике, была Комплексная этнографо-антропологическая экспедиция под руководством известного советского антрополога, профессора В.В. Бунака [1926]. Антропологический отряд этой экспедиции в составе антропологов А.И. Ярхо и В.И. Белкиной работал в Дзун-Хемчикском и Барун-Хемчикском районах и обследовал 124 чел. Группа в составе аспиранта Института антропологии М.Г. Левина и художницы О.Ф. Амосовой занималась этнографическими исследованиями в Тодже. Участниками этой экспедиции собраны ценные этнографические и археологические данные, имеющие прямое отношение к этногенезу тувинцев.

Антропологическими исследованиями установлено, что западные тувинцы в наиболее ярко выраженной форме – представители центрально-азиатского типа [Ярхо, 1929: 130]. Однако краниологические исследования крупного советского антрополога Г.Ф. Дебеца показали, что западные тувинцы отличаются от центральных, среди которых преобладают южно-сибирские типы [Дебец, 1929: 36].

Важное значение для определения численности и этнического состава населения Тувы и состояния ее экономики имели материалы сельскохозяйственной и демографической переписи 1931 г., проведенной при непосредственном участии ученых.

Углубленная и систематическая разработка проблем этногенеза и истории тувинского народа началась после вхождения Тувы в состав СССР (1944 г.). В этих исследованиях участвуют ученые как ведущих центральных научных учреждений – Института этнографии АН СССР (в настоящее время Институт этнологии и антропологии РАН), Государственного музея этнографии народов СССР (в настоящее время Российский этнографический музей), так и местных – Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (в настоящее время Тувинский институт гуманитарных исследований), Национального музея им. Алдан Маадыр Республики Тыва. На сегодняшний день благодаря научным изысканиям

нескольких поколений отечественных исследователей по названной проблематике накоплен богатый и разнообразный материал.

В статье «К антропологии Южной Сибири» М.Г. Левин на основании новых материалов, «вопреки предположению Г.Ф. Дебеца об отличии центральных тувинцев от западных и преобладании среди них южносибирского типа» [Левин, 1952: 26], приходит к выводу, что тувинцы центральных и западных районов составляют один центрально-азиатский тип. Согласно его точке зрения, «центральные тувинцы не обнаруживают сдвига в сторону южносибирского типа и антропологически они не отличаются от западных тувинцев» [Там же]. Что касается восточных тувинцев, то тоджинцы-оленеводы сближаются с представителями байкальского антропологического типа (эвенками, эвенами), а тоджинцы-скотоводы (кол-сумон) по антропологическому типу занимают промежуточное положение между тоджинцами-оленеводами и тувинцами западных и центральных районов [Там же: 25]. В 1956 г. Г.Ф. Дебеч, пересматривая свои сделанные ранее выводы об антропологическом отличии западных и центральных тувинцев, отнес тувинцев–тоджинцев к саянскому типу (т.е. байкальскому, по М. Г. Левину), а тувинцев остальных районов Тувы – к центрально-азиатскому [Дебеч, 1960].

Ценные сведения о тувинских племенах, их расселении и этнонимах содержатся в капитальном труде В.И. Дулова. Особое место в работе уделено пережиткам родового строя и общественным отношениям у тувинцев в XIX – начале XX вв. [Дулов, 1956].

О возросшем интересе в 1950-е годы к названной проблеме со стороны научного сообщества свидетельствует, в частности, и тот факт, что вопрос о происхождении тувинцев впервые был поставлен «на повестку дня» и стал основной темой работы секции этнической истории и этнической географии Всесоюзного этнографического совещания в г. Ленинграде [1956 г.].

Проблемами этногенеза и этнической истории тувинцев занимался известный этнограф-тюрколог Л.П. Потапов. В разделе

ле «Тувинцы» книги «Народы Сибири» он указывает на смешанное происхождение тувинцев, включивших в свой состав тюркские, частично монгольские, самодийские и кетские компоненты. И заключает, что «этнический состав тувинцев довольно сложный» [Народы Сибири, 1956: 420].

Этнический состав тувинских племен и ряд проблем, связанных с этногенезом тувинцев, нашли свое отражение и в последующих работах этого автора. Так, например, в 1969 г. вышла в свет его монография, посвященная народному быту тувинцев, в которой, наряду с основной темой исследования, получили освещение и некоторые аспекты этнической истории Тувы [Потанов, 1969]. В целом же в работах этого исследователя вопросы этногенеза тувинцев рассматриваются лишь попутно, как правило, в связи с проблемами происхождения хакасов и алтайцев.

Большое место в разработке вопросов этногенеза тувинцев занимают труды С.И. Вайнштейна. В 1957–1958 гг. он опубликовал ряд статей. Среди них «Очерк этногенеза тувинцев» – по существу, это первое специальное исследование, рассматривающее этногенез тувинского народа. На протяжении нескольких десятилетий им были организованы этнографические экспедиции практически во все районы Тувы и скрупулезно исследованы разные группы тувинцев, включая тувинцев-тоджинцев [Вайнштейн, 1973, 1980, 1991]. Собранные в процессе полевых исследований материалы и тщательный их анализ, позволяют автору утверждать, что «традиционная концепция о самодийской основе в этногенезе тувинцев не подтверждается» [Вайнштейн, 1957: 214].

Ученый приходит к выводу, что «в основе этногенеза степных народов, составляющих подавляющее большинство тувинского народа, лежат древние тюркоязычные племена Центральной Азии... и тюркизированные или монголоязычные группы», а «в этногенезе тоджинцев наряду с тюркоязычными группами большую роль сыграли самоедские группы» [Вайнштейн, 1961: 20]. Таким образом, С.И. Вайнштейн четко раз-

граничил этногенез тувинцев степных районов, составляющих большинство тувинского народа, и этногенез тувинцев таежной части. Дальнейшие исследования обобщены в первой части его докторской диссертации «Происхождение и историческая этнография тувинцев» [1970 г.]. В этом труде сделанный ранее вывод в отношении тувинцев степных районов остается неизменным, а в происхождении восточных тувинцев, как он пишет, «наряду с тюркоязычными племенами, важную роль сыграли самодийские, в меньшей мере кетские и монгольские, а на раннем этапе, вероятно, и тунгусские компоненты» [*Вайнштейн*, 1970: 21]. Исследуя этническую историю тувинцев, он приходит к выводу, что «длительный процесс сложения тувинского народа завершился в конце XVIII – первой половине XIX вв.» [*Вайнштейн*, 1957: 214].

Проблема этногенеза и этнической истории тувинского народа нашла свое отражение в ряде публикаций тувинского историка-археолога М.Х. Маннай-оола, одного из авторов настоящей статьи [*Маннай-оол*, 1970, 1975, 1976]. В этом ряду следует назвать его монографию «Тувинцы. Происхождение и формирование этноса», изданную в 2004 г. Она представляет собой первый опыт целостного монографического исследования истории формирования и становления тувинского этноса, начиная с его истоков – с так называемого скифского времени (VIII–III вв. до н. э.) – важнейшего историко-культурного периода в истории народов Евразии, который положил начало консолидации предков современных тувинцев вплоть до их формирования в единый этнос. Работа базируется на сравнительно-историческом анализе разнообразных источников – письменных, археологических, этнографических, антропологических. Важно отметить, что существенной основой для его исследований явились материалы собственных полевых работ. М.Х. Маннай-оол на протяжении длительного времени (с 1960 по 1985 гг.) являлся руководителем археологической экспедиции Тувинского института языка, литературы и истории (ТНИ-ИЯЛИ).

В названной работе, автором, в частности, обоснован вывод о том, что исконное этническое ядро тувинцев составили тюркоязычные племена, жившие в Туве и проникавшие на ее территорию со II в. до н. э. по XII в. н. э. Исследуя письменные источники, автор заключает, что этноним «дубо», зафиксированный китайскими летописями VI–VIII вв. как общее наименование складывающегося тувинского этноса, получил распространение со второй половины XVII в. [*Маннай-оол*, 2004: 142].

Говоря о советских исследователях, в трудах которых нашли отражение те или иные аспекты этнической истории Тувы, следует особо сказать о ленинградском этнографе Е.Д. Прокофьевой. Как пишут о ней современные коллеги, – это «забытый исследователь Тувы». Нам бы хотелось к этим словам добавить «незаслуженно забытый»... Ее монография «Процесс национальной консолидации тувинцев» была написана в 1957 г. и издана лишь в 2011 г. в серии «Кунсткамера – Архив» [*Прокофьева*, 2011]. Представляя эту работу, Е.А. Резван справедливо отмечает, что она является «...во многом пионерским для своего времени трудом» [Там же: 7]. Основу книги составили богатейшие эмпирические материалы, собранные Е.Д. Прокофьевой во время Саяно-Алтайской экспедиции, тувинский отряд которой она возглавляла в течение трех полевых сезонов – 1952, 1953, 1955 гг. В ходе исследования различных аспектов этнической консолидации тувинцев, автор заключает, что «характерным для этого процесса являлось наличие нескольких центров, где слагалась этническая общность племен, составивших современный тувинский народ. Такими очагами были западные районы Тувы, где создававшиеся племенные союзы имели тесные связи с племенами Алтая и западного угла Северо-Западной Монголии; северо-восточные территории Тувы, где племена, населявшие Туву, были тесно связаны с населением северных склонов Саян, Прикосоголья, Минусинской котловины; южным центром была территория хребта и отрогов Тану-ола, где в основном племена Тувы входили в сношения

с племенами степной Монголии (Восточной)» [Там же: 424]. Важно также отметить, что в данной работе наряду с основной темой исследования рассмотрен обширный круг проблем, касающихся материальной и духовной культуры тувинцев.

Значительный вклад в палеоантропологическое изучение Тувы внесли известные советские антропологи Г.Ф. Дебец, В.П. Алексеев, И.И. Гохман и др. Как показывают их исследования, начиная с эпохи бронзы и вплоть до хуннского времени (II в. до н.э. – I в. н.э.) в Туве проживало в основном население древнего европеоидного типа. Примесь монголоидных черт у населения Тувы усиливается к концу I тыс. н.э. Дальнейшее увеличение доли монголоидного компонента у местных племен происходит в древнетюркское время (VI–VIII вв.) и последующие эпохи вплоть до конца первой половины II тыс. н.э. По мнению палеоантрополога И.И. Гохмана, полученные ими в ходе экспедиции материалы с территории Алтае-Саянского нагорья, Бурятии и Западной Монголии доказали наличие древнего европеоидного компонента в составе не только южносибирского, но и центральноазиатского типа [Гохман, 1980].

Что касается антропологического типа современных тувинцев, то антрополог В.И. Богданова в результате своих исследований, проведенных в Туве в 1972–1976 гг., пришла к заключению, что тувинцы неоднородны по своему антропологическому составу и в их формировании приняли участие различные компоненты [Богданова, 1979: 23]. Неоднородность антропологического состава тувинцев определяется выделениями типов как с резко выраженными монголоидными чертами, так и с ослаблением выраженности монголоидных особенностей по целому ряду антропологических признаков и дерматологии [Хитъ, 1979: 18]. Помимо классического описания физической внешности мужчин и женщин В.И. Богданова собрала материалы по дерматоглифике, одонтологии, группам крови; в сравнительном анализе перенесла акцент на внутриэтническую дифференциацию тувинцев и широкие межгрупповые сопоставления. В результате ею установлено своеобра-

зие комплексной антропологической характеристики тувинцев при межэтническом сравнении. Они сочетают черты сходства с казахами, киргизами, алтайцами, с одной стороны, и с монголами и якутами, с другой. Европеоидные черты в расовом типе тувинцев Юго-Западной Тувы сохранились у более древнего местного населения [Тюркские народы Восточной Сибири, 2008: 12].

Большое значение при изучении этногенеза и этнической истории тувинцев имеют исследования по топонимике и этнонимике тувинцев. Эти вопросы нашли свое отражение в работах вышеназванных авторов – Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.И. Дулова, С.И. Вайнштейна, Л.П. Потапова, Е.Д. Прокофьевой, М.Х. Маннай-оола.

Говоря о работах современной историографии Тувы, где, так или иначе, освещались вопросы этногенеза, прежде всего, назовем переработанное и существенно дополненное издание первого тома «Истории Тувы» под редакцией С.И. Вайнштейна и М.Х. Маннай-оола, охватывающей многовековую историю региона от каменного века до начала XX столетия [История Тувы, 2001]. Следует также отметить коллективную монографию «Тюркские народы Восточной Сибири», в которой значительное место, наряду с освещением основных этапов этнической истории Тувы, уделено непосредственно истории этнографического изучения тувинцев, включая проблему их этногенеза [Тюркские народы Восточной Сибири, 2008: 21–42].

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что изучению этногенеза и этнической истории тувинцев посвящена довольно обширная литература. И, как мы видим, в разработку этой проблемы в должной мере существенный вклад внесли как дореволюционные исследователи, так и ученые советского и постсоветского периода [см. также: *Ламажаа*, 2010: электр. ресурс]. При этом следует особо подчеркнуть, что, в отличие от истории этногенеза многих других народов, специалисты практически единодушно признавали важную роль и существенное преобладание в этногенезе ту-

винцев именно тюркского компонента. Вместе с тем, исходя из рассмотренной нами литературы, можно констатировать, что процесс образования этнического ядра тувинцев был не только достаточно длительным и сложным, но и в его формировании на отдельных этапах приняли участие самые разные этнические группы. По данным исследований, консолидация тувинцев в единый этнос завершилась во второй половине XVIII – начале XIX вв.

Библиография

- Аристов*, 1896: *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // *Живая старина*. 1896. Год шестой. Вып. III–IV. С. 277–456.
- Арутюнов*, 2012: *Арутюнов С.А.* Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: Инфра-М, 2012.
- Бичелдей*, 2001: *Бичелдей К.А.* Звуковой строй диалектов тувинского языка. М., 2001.
- Богданова*, 1979: *Богданова В.И.* Антропологический состав и вопросы происхождения современных тувинцев: Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1979.
- Вайнштейн*, 1957: *Вайнштейн С.И.* Очерк этногенеза тувинцев // *Ученые записки ТНИИЯЛИ*. 1957. Вып. 5. С. 178–214.
- Вайнштейн*, 1961: *Вайнштейн С.И.* Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961.
- Вайнштейн*, 1970: *Вайнштейн С.И.* Происхождение и историческая этнография тувинского народа: Автореф. дис. ... д.и.н. М., 1970.
- Вайнштейн*, 1973: *Вайнштейн С.И.* Историческая этнография тувинского народа. М., 1973.
- Вайнштейн*, 1980: *Вайнштейн С.И.* Происхождение саянских оленеводов (проблема этногенеза тоджинцев и тофаларов) // *Этногенез народов Севера*. М., 1980. С. 68–88.
- Вайнштейн*, 1991: *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников Центра Азии. М., 1991.
- Георги*, 1779: *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитавших народов, а также их житейских обрядов, верований, обыкновений, жилищ, одежды. СПб., 1779. Ч. 1–3.

- Горошенко*, 1901: *Горошенко К.* Сойоты // Русский антропологический журнал. М., 1901. № 1.
- Гохман*, 1980: *Гохман И.И.* Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сб. МАЭ. Л., 1980. Т. 36. С. 5–34.
- Грум-Гржимайло*, 1926: *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1.
- Дебец*, 1929: *Дебец Г.Ф.* Краниологический очерк тану-тувинцев // Северная Азия. 1929. № 5–6. С. 32–37.
- Дебец*, 1960: *Дебец Г.Ф.* Антропологические типы. Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1.
- Дулов*, 1956: *Дулов В.И.* Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). М., 1956.
- История Тувы, 1964: История Тувы. М.: Наука, 1964. Т. 1.
- История Тувы, 2001: История Тувы. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1.
- История Тувы, 2007: История Тувы. Новосибирск: Наука, 2007. Т. 2.
- Каррутерс*, 1919: *Каррутерс Д.* Неведомая Монголия. Урянхайский край. Пг. 1919. Т. 1.
- Кастрен*, 1860: *Кастрен А.М.* Магазин земледения и путешествий. Географический сборник. Собрание старых и новых путешествий. М., 1860. Т. 6. Ч. 2.
- Катанов*, 1903: *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием важнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань; М., 1903.
- Кон*, 1934: *Кон Ф.Я.* За пятьдесят лет. Кн. III. Экспедиция в Сойотию. М.: Издательство Всероссийского общества политкаторжан и ссыльнопереселенцев, 1934.
- Ламажжаа*, 2010: *Ламажжаа Ч.К.* Тувиноведение: область знания и социальная миссия [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2010. № 2. Электронный ресурс. http://www.tuva.asia/journal/issue_8/2542-lamazhaa.html (дата обращения: 06.06.2013).
- Левин*, 1952: *Левин М.Г.* К антропологии Южной Сибири. Предварительный отчет о работе антропологического отряда Саяно-Алтайской экспедиции // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1952. Вып. 2. С. 17–26.
- Маннай-оол*, 1970: *Маннай-оол М.Х.* Об этническом составе населения Тувы (I тысячелетие н.э) // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1970. Вып. 14. С. 108–126.

- Маннай-оол*, 1970а: *Маннай-оол М.Х.* К вопросу о тюркизации населения Гуны: Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1970. Вып. 14. С. 102–111.
- Маннай-оол*, 1970б: *Маннай-оол М.Х.* Роль монголоязычного компонента в этногенезе тувинцев // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1970. Вып. 14. С. 112–119.
- Маннай-оол*, 1975: *Маннай-оол М.Х.* Исследования по этногенезу тувинцев // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1975. Вып. 17. С. 230–236.
- Маннай-оол*, 1976: *Маннай-оол М.Х., Татаринцев Б.И.* К вопросу об участии кетоязычного компонента в этногенезе тувинцев // Материалы Всесоюзной конференции. 3–5 июня 1976 г. Томск, 1976. С. 180–182.
- Маннай-оол*, 2004: *Маннай-оол М.Х.* Тувинцы. Происхождение и формирование этноса. Новосибирск, 2004.
- Муравьев*, 1961: *Муравьев А.М.* Вехи забытых лет. М.: Издательство географической литературы, 1961.
- Народы Сибири, 1956: Народы Сибири. М.; Л. 1956.
- Островских*, 1897: *Островских П.Е.* План поездки в страну сойотов // Известия РГО. 1897. Т. 33.
- Островских*, 1898: *Островских П.Е.* Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли // Известия РГО. 1898. Т. 34. Вып. 4.
- Островских*, 1899: *Островских П.Е.* Значение Урянхайской земли для Южной Сибири // Известия РГО. 1899. Т. 35. Вып. 3.
- Паллас*, 1788: *Паллас П.С.* Путешествие по различным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Кн. 1. Ч. 3.
- Потанин*, 1883: *Потанин Г.П.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883.
- Потанов*, 1969: *Потанов Л.П.* Очерки народного быта тувинцев. Л., 1969.
- Радлов*, 1866: *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен. СПб., 1866. Ч. 1.
- Радлов*, 1907: *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен. СПб., 1907. Ч. 9.
- Реклю*, 1898: *Реклю Э.* Земли и люди. Всеобщая география. СПб., 1898. Кн. 4. Т. 6, 7.
- Родевич*, 1910: *Родевич Вс.* Очерк Урянхайского края. СПб., 1910.

- Савенков*, 1905: *Савенков И.Т.* К вопросу об эволюции шахматной игры: Сравнительно-этнографический очерк // Этнографическое обозрение. 1905. № 1.
- Слинич*, 1901: *Слинич И.П.* К краниологии сойот // Русский антропологический журнал. М., 1901. № 1.
- Социально-экономическое положение, 2012: Социально-экономическое положение Республики Тыва за январь–декабрь 2011 г. // Материалы Федеральной службы государственной статистики. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва. Кызыл, 2012.
- Сибирский торгово-промышленный..., 1899: Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1899 год. Томск, 1899.
- Спасский*, 1820: *Спасский Гр.* Изображение обитателей Сибири. СПб., 1820.
- Тюркские народы Восточной Сибири, 2008: Тюркские народы Восточной Сибири / Серия «Народы и культуры». М., 2008.
- Хить*, 1979: *Хить Г.Л.* Расогенетические связи населения Алтае-Саян по данным дерматоглифики // Материалы конференции «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий». Омск, 1979.
- Энциклопедический словарь, 1900: Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 30.
- Яковлев*, 1900: *Яковлев Е.К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела Музея. Минусинск, 1900.
- Ярхо*, 1929: *Ярхо А.И.* Антропологический тип кемчикских танну-тувинцев // Северная Азия. 1929. № 5– 6. С. 127–131.

**Уйгуры: проблемы историографии
этнической истории***

Уйгуры (самоназвание «уйгурлар») – народ, проживающий в Центральной Азии. Численность уйгуров составляет около 10 млн. человек. Основная часть уйгурского народа (около 9 млн. чел.) проживает в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. В Казахстане по результатам последней переписи 2009 г. проживало 223 тыс. уйгуров. Крупная уйгурская община проживает в Узбекистане, но численность ее постоянно сокращается в связи с ассимиляционными процессами в близкой в этнокультурном плане узбекской среде. С 1989 по 2000 г. численность уйгуров снизилась с 35 тыс. до 19,5 тыс. человек [Этнический атлас Узбекистана, 2002: 217]. По вероисповеданию – мусульмане-сунниты. Уйгурский (новоуйгурский) язык относится к карлукской (юго-восточной) подгруппе тюркской группы алтайской семьи. Делится на три диалекта (центральный, хотанский, лобнорский) и множество говоров. В составе уйгуров выделяются субэтнические группы кашгарцев, хотанцев, комульцев, аксуйцев, яркендцев, атушцев, кульджинцев и др., сформировавшиеся из территориальных групп оседло-земледельческого населения различного этнического происхождения, консолидированных вокруг крупных городских центров. Происхождение этнографических групп лобнорцев, долонов и абдалы связано с тюркскими и монгольскими кочевниками – монголами, могулами, туркменами [Юдин, 1965: 52–65]. Внимания заслуживают сары-югуры – возможно, осколки кочевого

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ: грант 11-01-00534а «Этногенез: воображаемые пращуры и реальные потомки» и при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», направление 3: «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре», проект «Этносоциология гостеприимства: дрейф от солидарности к антропоцентризму».

уйгурского этноса, переселившиеся на территорию современной провинции Ганьсу в IX в.

Проблемы этногенеза и этнической истории уйгуров в науке являются сложными и запутанными во многом из-за влияния политической конъюнктуры. Собственно, принятие на съезде представителей локальных тюркоязычных мусульманских групп населения Западного Китая, ранее известных под названиями «таранчи», «кашгарлык», «турфанлык» и др., состоявшемся в 1921 г. в Ташкенте, древнего этнонима «уйгур» было результатом политики нациестроительства в СССР в первой половине XX в. С этого времени ранее некогда неустойчивые этнические границы, отделявшие оседло-земледельческое и торговое тюркское население Восточного Туркестана от проживавших тюркоязычных кочевников и нетюркского населения, превращаются в прочные этнонациональные границы уйгурской идентичности.

Как и всякая конструируемая этническая идентичность, она опирается на мифологему «почвы и крови», предполагающую существование «вечной» общности и связи уйгуров. Однако со времени появления исследования Ф. Барта признается ситуативность и подвижность этнических границ и идентичностей, в зависимости от конкретных социальных практик и культурных установок. В этой связи представляют значительный интерес дискурсы этнической истории уйгурского народа, изучение которых позволяет проследить основные этапы и дискуссионные моменты этногенеза уйгуров. На наш взгляд, не потеряла актуальность оценка проблем этногенеза уйгуров, данная А.Г. Малявкиным в 1980-е годы: «История уйгуров изучается уже более 200 лет. За это время создано очень много специальных исследований по различным проблемам уйгуроведения. Однако многие вопросы, например, связь между древними и современными уйгурами, родоплеменной состав Уйгурского каганата, судьба населения каганата после его гибели и многие другие, не решены до конца. Нет полной ясности и в употреблении этнонима “уйгур”. Подавляющее большинство современных ав-

торов понимает его в широком смысле, что стало препятствием на пути глубокого анализа процессов, проходивших в каганате и особенно после его распада. Признание же всего населения Уйгурского каганата уйгурами приводит к серьезным ошибкам. Поэтому возникла потребность в новом критическом анализе всех первоисточников, а также концепций современных авторов» [Малявкин, 1983: 6].

Источники о происхождении и ранней этнической истории уйгурского народа. При изучении источников по этнической истории уйгуров следует учитывать существование двух концепций этногенеза уйгуров – древнеуйгурской автохтонной и тюрко-ирано-тохарской миграционно-автохтонной. Сторонники первой группы гипотез исходят из этногенетической преемственности между кочевыми и современными уйгурами, считая их автохтонами края. Сторонники второй – из преемственности как культурной, так и этногенетической между современными тюрками-уйгурами и древними иранцами и тохарами, говорившими на индоевропейских языках и ассимилированных в результате многочисленных вторжений и завоеваний кочевников монгольских степей. На наш взгляд, в круг источников по проблемам этногенеза уйгуров необходимо включать материалы по истории древнего индоевропейского населения региона, а также кыргызов и огузов, более поздних могулов и других народов Восточного Туркестана и Семиречья, прямо или косвенно оказывавших влияние на формирование уйгурского этноса.

История древних уйгуров, как и других кочевых народов Центральной Азии, длительное время изучалась на основе китайских источников, проливающих свет не только на военно-политическую историю приграничных народов, но и на особенности этнического состава, социального порядка и хозяйственно-культурного уклада жизни. Исторические официальные хроники, возраст которых насчитывает более двух тысячелетий, представляют одну из самых полных традиций историописания прошлого кочевых народов. Китайская офи-

циальная историография отличается подробным освещением политических событий и деятельности отдельных личностей, скрупулезным и достоверным анализом военно-политического строя соседних народов. По сути, в китайских хрониках зафиксирована многовековая разведывательная деятельность китайской бюрократии в среде «варварских» народов. Вместе с тем в древнекитайской традиции отчетливо присутствует культурный расизм по отношению к соседним кочевым народам, лучший удел для которых – приобщение и последующая ассимиляция. А.Г. Малявкин справедливо отмечает: «Китаец-центристская концепция, осуществление принципов которой прослеживается в Китае по крайней мере с чжоуской эпохи, и великоханьский шовинизм, пустивший глубокие корни в среде правящей верхушки китайского общества, с одной стороны, порождали пренебрежительное отношение ко всем некитайским народам, а с другой, способствовали ассимиляции их. Помимо практических целей, которые преследовались в тот или иной момент китайской истории, поглощение иных этнических групп могло рассматриваться как благо для приобщившихся к “великой цивилизации”» [Малявкин, 1975: 80–81].

В китайской традиции историописания можно выделить следующие категории письменных источников: официальные китайские исторические произведения (династийные хроники), к которым относятся «Чжоу шу», «Бэй Ци шу», «Суй шу», «Бэй ши», «Да Тан чуаньэ цизю чжу», «Цзю Тан шу», «Тан шу», «Цзю У дай ши», «У дай ши цзи», которые, в свою очередь, имеют четкую внутреннюю структуру и содержат императорские анналы и биографии; другие китайские исторические произведения, включающие в себя «Тундянь», «Тан хойяо», «У дай хойяо», «Цзычжи-тунцзянь», «Цзычжи-тунцзянь гао-и»; китайские энциклопедии «Цэфу-юаньгуй» и «Гуцзинь-Тушунцзичэн»; буддийские источники; официальные императорские письма, прошения к императору [Ганиев, 2006: 6]. Китайские летописи представляют огромную ценность для изучения ранних стадий этногенеза уйгуров. Вэйские летописи, Танские

хроники «Цзю Тан-шу» (Старая хроника династии Тан), «Синь Тан-шу» (Новая хроника династии Тан), хроники послетанского периода обеспечивали преемственность великой историографической традиции Древнего Китая в изучении соседних народов, восходящей к Сыма Цяню и его труду «Исторические записки».

Первые упоминания об уйгурах зафиксированы в «Бэй-ши» («История Вэй», написана в VI в., излагает события III–VI вв.). Автором «Бэй-ши» был танский хронист Ли Янь Шоу, закончивший свою работу в 659 г. «Бэй-ши» содержит сведения из более ранних летописей северных династий Северное Вэй, Северное Ци, Суй и Северное Чжоу. Китайские хронисты пытались найти предков уйгуров среди народов, описанных в предшествующих имперских хрониках. В этом качестве они рассматривали динлинов, соперничавших с хунну в центрально-азиатских степях. Н.Я. Бичурин на основе китайских текстов сообщает: «Хойху есть народное название поколения, известного прежде под названием Дили, а потом Гаогюй. Слово Хойху на монгольском языке выговаривается по произношению южных монголов Хойхор, а по произношению северных Ойхор. Тюркистанцы правильно пишут это слово; но как буква их “еае” произносится, как “о” и “у”, то слово «Ойхор», по свойству их языка, изменилось в “уйгур”» [Бичурин, 1950: 213]. Китайские источники прямо говорят о происхождении уйгуров из группы племен, состоящих в родстве с поздними правящими хуннскими родами. Считалось, что они произошли от аристократических родов хунну по женской линии: «Китайская история говорит, что Дом Ойхоров [Хойху] происходит от хуннов с женской стороны: следовательно, нет сомнения и в том, что основатель Дома Ойхоров [Хойху] был сын дочери или племянницы хуннуского хана, выданной за владетельного князя, принадлежавшего к союзу дилиских поколений, а это обстоятельство должно отнести к началу II века пред Рождеством Христовым, когда хунны совершенно покорили Монголию» [Там же: 213]. Среди кочевых этносов центрально-азиат-

ских степей существовала традиция межплеменного брачного партнерства среди близких по происхождению родовых групп. Из «Сокровенного сказания» мы знаем о том, что брачными партнерами кият-борджигинов были хунгиратыб у кок-тюрок – рода Ашинов и Ашидэ, у современных аргынов Северного Казахстана в тесных брачных связях состояли племена атыгай и караул и т.д. Находящиеся в таких связях племена считались «братскими» и являлись экзогамными по отношению к иным группам. Представители этих племен проводили совместные ритуализированные мероприятия – свадьбы, празднования рождения детей, похороны, моления. «Братские» племена оказывали друг другу помощь и выступали совместно против конкурирующих племен. Тем самым, в кочевой среде этнические границы определялись мифами о происхождении и практикой родства.

Следовательно, сведения китайских источников мы можем трактовать как то, что уйгуры в составе хунну имели не только высокий статус, как родичи по женской линии самого шаньюйского рода, но и были, скорее всего, коренными хуннскими родами. Китайские историки передали уйгурскую этногонию, согласно которой тотемным предком уйгуров считался Небесный волк, женившийся на младшей дочери хуннского шаньюя: «предки гаогуйского Дома происходят от внука по дочери из Дома Хунну. Рассказывают, что у хуннского Шаньюя родились две дочери чрезвычайной красоты. Вельможи считали их богинями. Шаньюй сказал: можно ли мне таких дочерей выдать за людей? Я предоставлю их Небу. И так на север от столицы в необитаемом месте построил высокий терем, и, поместив там обеих дочерей, сказал: молю Небо принять их... один старый волк стал денно и ночью стеречь терем, производя вой: почему вырыл себе нору под теремом, и не выходил из нее. Меньшая дочь сказала: наш родитель поместил нас здесь, желая предоставить Небу; а ныне пришел волк; может быть, его прибытие имеет счастливое предзнаменование... Меньшая сестра..., сошла к волку, вышла замуж и родила сына. Потом-

ство от них размножилось и составило государство: посему-то люди здесь любят продолжительное пение, или воют подобно волкам» [Там же: 215].

Генеалогическая легенда объясняет причины неприятия уйгурскими племенами имперской гегемонии кок-тюрков, приведшего к длительной и ожесточенной борьбе между двумя этнополитическими объединениями постхуннских кочевников. Уйгуры, если принимать во внимание сведения китайских источников, в степной иерархии как «братские» группы по отношению к шаньюйским родам хунну находились на более высокой ступени, чем кок-тюркские роды.

В китайских источниках уйгуры называются «гаогюй», дословно «высокие телеги», за обычай ездить на телегах с высокими колесами. Они считались потомками древних чиди или дили. В «Вэй-шу» об этом говорится так: «Гаоцзюй, по видимому, оставшаяся часть древних чиди. Первоначально они назывались дили, на севере их называли чилэ, а в Китае “гаоцзюй динлин” – “высокотележные динлины”. Их язык в общем сходен с сюннуским, но иногда встречаются некоторые различия» [Материалы по истории кочевых народов в Китае, 1990: 168].

Китайские хронисты сообщали важные сведения об обществе древних уйгуров, позволяющие утверждать, что основные элементы их хозяйственно-культурного уклада жизни мало отличались от уклада жизни соседних тюрко-монгольских народов [Бичурин, 1950: 213–216]. В составе уйгуров древнекитайские хронисты выделили 12 родов – «прозваний»: 1) Лифули, 2) Тулу, 3) Ичжань, 4) Далянь, 5) Кухэ, 6) Дабо, 7) Алунь, 8) Моюнь, 9) Сыфынь, 10) Фуфуло, 11) Киюань, 12) Юшупэй [Бичурин, 1950: 216]. По мнению Л.П. Потапова, «дабо» представляют племя «дубо», входящее в состав алтайцев и тувинцев [Потапов, 1969: 179–181]. На наш взгляд, под названием «алунь» может скрываться племя, ставшее позже известным как «аргу», под которыми подразумевались караханидские тюрки. Племенная группа «тулу» стала известна позже как

«дулу» и «дуглаты». Эти племена сыграли огромную роль в этногенезе не только уйгуров, но и могулов, кыргызов, казахов, тувинцев, узбеков и алтайцев. Вероятно, древние уйгуры, как и их степные конкуренты – тюрки, сеяньто и кыргызы, представлявшие этнополитические союзы, являются важными этническими компонентами этногенеза многих тюркских народов, а не только одноименного этноса Нового времени.

При династии Суй (589–618 гг.) гаогюйские роды юаньхэ, пугу, тунло и баерку объединились и стали называться хуэйхэ. В 647 г. был создан Первый Уйгурский каганат и вождь уйгуров Тумиду объявил себя каганом. С этого времени они попадают в анналы основных китайских историй «Цзю Тан-шу» (Старой Танской истории), запись которой была завершена примерно в 941–945 г., и «Синь Тан-шу» (Новой Танской истории), работа над которой была завершена в 1045–1060 гг. По сообщению танских хроник, Тумиду организовал свое государство по образцу Восточнотюркского каганата, созданного тюрками туцзюе (ЦТШ, гл. 195: 16, 12–13; СТШ, гл. 217А: 2а, 9–10) [Малявкин, 1980: 118–120]. Часть телеских (тогуз-огузских) родов, недовольных установлением гегемонии рода яглакаров, откочевала к Великой Китайской стене и была размещена танской администрацией в специально созданных округах. В числе мигрантов были представители родов: теленгуты, айгир, эдизы, хунь/кун, кюрэбир. Последний род входил в состав девяти родов собственно уйгуров. А.Г. Малявкин предположил, что «в среде собственно уйгуров шла борьба за господствующее положение и роду яглакар приходилось в борьбе отстаивать свои позиции» [Малявкин, 1989: 22]. Следует отметить немногочисленность родовых групп, бежавших из степей к границам Танской империи – от 104 семей эдизов до 1342 семей племени хунь [Там же: 22]. Вероятно, это были осколки тогуз-огузских родов, группировавшихся вокруг вождей – противников царского рода уйгуров, скомпрометировавших себя длительным сотрудничеством с Танской империей [Там же: 22].

Восстановление тюркской державы в начале VIII в. привело к новым, более многочисленным миграциям тогуз-огузских родов в Китай, созданию в приграничных провинциях 18 уйгурских округов и 4 управлений дуду с компактным размещением родоплеменных групп. А.Г. Малявкин предполагает, что создание мелких округов преследовало определенные цели: «Цель организации таких округов заключалась в разделении “варваров” на мелкие группы, что лишало их всяческой самостоятельности. Вожди кочевников, получившие убежище в этих округах, часто использовались для вмешательства в дела соседей Танского государства. В малых округах расселялись небольшие группы кочевников, оказавшиеся по тем или иным причинам у границ империи. Многие из них были вынуждены бежать сюда, потерпев поражение в междоусобной борьбе, что облегчало в дальнейшем использование их в своекорыстных целях правителями Танского государства» [Малявкин, 1989: 338]. Фрагмент из «Синь Тан-шу» позволяет раскрыть этническую номенклатуру родственных родоплеменных групп огузов, составлявших вместе с «подлинными» уйгурами этнос кочевых уйгуров: «Тогда [территории, заселенные] племенем уйгуров, стали именоваться Ханьхайским, племенем теленгутов – Яньжаньским, племенем боку/буку – Цзиньвэйским, племенем байирку – Юлинским, племенем тонра – Гуйлиньским и племенем секиров – Лушаньским управлениями дуду. Территория, где жили кунь/хунь, стала округом Гаолань, хусе – округом Гаоцюэ, эдизы – округом Цзитянь, цибией – округом Юйси, секиры – округом Цзилу, айгиры – округом Дайлинь, белые си – округом Тяньянь. На северо-западе [территория, заселенная] кыргызами, стала управлением (дуду) Цзяньгунь, на севере [территория, где жили] курыканы, стала округом Сюаньцюэ, на северо-востоке [территория, заселенная] кюрэбирами, стала округом Чжулун. Вожди племен назначены на должности ту-туков, правителей округов, заместителей начальников округов (чжанши) и заместителей начальников округов по военным делам (сыма)». (СТШ. гл. 217А. с. 16, 9–14) [Там же: 26].

В танской хронике «Тайпинхуаньюйцзи» раскрывается состав 9 уйгурских племен – «фамилий»: «касается девяти фамилий, то одно [поколение] именуется хуйхэ, другое – пугу, третье – хунь, четвертое – баигу или байегу (в тексте просто: багу), пятое – тунло, шестое – сыцзйе, седьмое – цибийюй. Вышеупомянутые 7 поколений (бу) со времен Танской династии все стали известны в исторических повествованиях. Восьмое (поколение) называется ацзйесы, девятое – тулуньшигусы. Эти две фамилии после годов правления Тяньбао (Пэйло – С.К.) (742–756) объединились с семьей фамилиями» [Кюнгер, 1961: 34]. В состав уйгурской этнополитической общности также входили басмылы (басими) и карлуки (гэлोलу) [Там же: 34].

Обычаи уйгуров, жужаней и тюрков были сходными. Д.И. Тихонов дает следующие названия родоплеменных групп, объединенных Пэйло (742–756) – иологе, худугэ, кюйлоу, мокосига, аучжай, гэса, иовугэ, хасиву. Согласно реконструкции Дж. Хамильтона названия 9 родов – «фамилий» звучат так: яглакар, утуркар, турламвюр (кюрламвюр), бокасыкыр, авучаг, карсар или касар, хогорсув, ягмавюркар, хиейямвюр [Тихонов, 1966: 26]. Интерес представляет племя ягмавюркар, являющееся предками господствующего караханидского племени ягма, потомки которых обнаруживаются в составе этнографической группы артушских или атушских уйгуров, проживающих вблизи Кашгара. Казахстанский востоковед Ю.А. Зуев отождествил царский род уйгуров яглакаров с джалаирами, вошедшими в состав казахского и монгольского народов. Им было отмечено наличие в родоплеменной номенклатуре джалаириров, наряду с тюркскими единицами, осколков племен иного происхождения [Зуев, 2002: 291]. Ю.А. Зуев считает, что царские уйгуры – яглакары впервые появляются в танских документах в транскрипции «яо-ло-гэ», затем упоминания о них встречаются в хронологическом порядке в древнетюркских рунических надписях и в хотано-сакских текстах. После поражения и гибели Уйгурской державы в 840 г. джалаиры оказались в среде наступавших монгольских народов, но, вероятно, сохранили «тюркский этнический облик» [Там же: 297].

Таким образом, китайские источники прослеживают этногенетическую преемственность хуннских племен чиди и дили с более поздними гаогуй, теле и хуэйхэ или уйгурами. Очевидно и то, что под экзоэтнонимом хуэйхэ понимаются уйгуры, являвшиеся частью телеских или огузских племен – прямых потомков хунну, о чем прямо говорится в китайском историческом сочинении «Танхуйяо»: «Тйелэ собственно есть отдельное племя Сюнну... Предки тйелэ – это потомки сюнну» [Кюнер, 1961: 37, 39]. Китайские историки перечисляют уйгурские племена в составе теле и географию их расселения: «Племен (родов) очень много. На восток от Западного моря, по горам и долинам [живут] повсюду без перерыва. Только на север от р. Ло имеются пугу, тунло, бэйхэ, байегу, фуло. Все носят фамилию Сыцзинь, Мэньжэнь, Дужу, Хэци, Цзйехунь, Хусйе и др.» [Там же: 39]. Л.П. Потапов указывает на то, что термин «теле» попал в китайские летописи как одно из самоназваний центрально-азиатских кочевников: «Невозможно представить, чтобы многочисленные носители этнонима теле заимствовали его из китайских анналов, где он фигурирует главным образом в связи с изложением истории Тюркского каганата (VI–VIII вв.). В это время теле представляли конфедерацию кочевых племен, среди которых наиболее часто упоминаются: сеяньто, вэйхо, хуйхо (или уйгур), паегу, тунло, апа, секйе, до-ланьге (или толанко), кипи, таки, хун, хусйе (или хуси), тубо, гулигань. Большинство перечисленных племен обитало в то время на территории современной Монголии, Тувы и Алтая» [Потапов, 1966: 233]. На наш взгляд, следует отдать должное проницательности и информированности древних китайских авторов. Например, составители Синь Тан-шу казалось, допустили серьезную ошибку, когда в «Повествовании об уйгурах» (СТШ, гл. 217А: 1а, 5–6) сообщили, что уйгуры состоят из пятнадцати племен, и при этом перечислили пятнадцать телеских племен, в том числе и уйгуров, название которых в этом списке дано в другой транскрипции. А.Г. Малявкин уверен, что, это не случайная ошибка, а определенная позиция, в соответствии с

которой этноним «уйгур» трактовался в самом широком смысле как самоназвание широкой группы телеских (огузских) племен [Малявкин, 1989: 23].

Уйгурский каганат, возникший на месте Восточно-Тюркского каганата, просуществовал немногим менее 100 лет – с 746 по 840 г. В состав кочевой империи уйгуров вошли племена, жившие от Алтая на западе до Большого Хингана на востоке, от Саянских хребтов на севере до пустыни Гоби на юге. Центральные районы каганата располагались в бассейне р. Орхон и отчасти в бассейне верхнего течения р. Селенги. Здесь раскинулись кочевья основных уйгурских племен, в том числе правящего рода яглар, здесь же находилась столица каганата г. Карабалгасун [Малявкин, 1975: 65]. Уйгуры активно воспринимали достижения соседних цивилизаций, прежде всего согдийцев, имевших длительные и устойчивые связи в кочевой степи. Вместе с согдийскими купцами к уйгурам проник согдийский алфавит, на основе которого была создана уйгурская письменность. Она позднее получила широкое распространение среди тюркских народов. Монголы, в свою очередь, также заимствовали согдийскую письменность, но уже от уйгуров, и на ее основе создали свою систему письма. Археологические исследования показали наличие вокруг уйгурских городов орошаемых участков полей, на которых возделывались просо и пшеница [Киселев, 1957: 91–101; Кляшторный, 2010: 276–279]. Столица уйгуров Карабаласугун имела четкую планировку, были построены многоэтажные здания. Это был большой город, окруженный валами, за которыми находились пригороды, оросительные каналы, пашни и сады, население которого достигало 100 000 человек. Кочевые уйгуры повторили путь эволюции хозяйственно-культурного уклада жизни и социального строя своих предков – хунну, создав развитую цивилизацию с городами и пашнями и заимствуя культурные ценности своих соседей. Это объясняет легкость адаптации уйгуров в оседло-земледельческой тохароязычной среде восточно-туркестанских оазисов, после бегства из монгольских

степей в первой половине IX в. Т. Барфилд отметил особую роль уйгурского общества в формировании самобытных основ степной цивилизации, считая их мостом между кочевниками и соседними цивилизациям. Т. Барфилд считает: «Более всего уйгуры прославились высоким уровнем цивилизации, которую они принесли в степь. Они управляли своей империей из оседлого городского центра, вели письменные записи, поддерживали сельское хозяйство в степи и были тесно связаны с ираноязычным миром в отношении религии и системы управления. В то время как большинство кочевых империй оставили нам в наследство только свои воспоминания о великих походах, уйгуры создали оригинальный синтез степных традиций и цивилизации и сохранили его даже после утраты собственной политической власти» [Барфилд, 2009: 248].

Крушение Уйгурского каганата в 840-е годы под ударами енисейских кыргызов привело к миграциям уйгурских племен на юг, к китайской границе и на запад, на территорию восточно-туркестанских оазисов. Часть уйгуров осталась на исконной родине в монгольских степях и пополнила ряды монголов и меркитов, в составе которых были племена джалаириров и уйкур-меркитов. Для китайской бюрократии уйгурские беглецы, надеявшиеся на помощь Танской империи, были нежелательной и потенциально опасной обузой. Д. Синор пишет: «В судьбах этих людей ощущается веяние трагедии в шекспировском духе, их мечи сломаны, они обращались за помощью к китайцам, которые видели в уйгурах только хищных варваров» [Sinor, 1998: 197]. Трагичность ситуации была усугублена межклановой борьбой, последовавшей гибелью от рук предателей и танских военных последнего легитимного правителя Угекангана, надеявшегося на сохранение независимости народа. Можно согласиться с М. Дромпп, полагающим, что личные и клановые привязанности у уйгурских беглецов взяли верх над племенной и «национальной» лояльностью, и это, как правило, в условиях распада кочевых империй, было закономерным для степной Внутренней Азии [Drompp, 2002: 99]. Осколки

родов уйгурских беженцев влились в состав приграничных «замиренных» народов. Согласно китайскому источнику «Хун Хао. Сунмо цзивэнь», написанному сунским сановником после 1142 г., танские правители, расселив уйгуров, лишили их свободы передвижения, и такие ограничения сохранялись вплоть до завоевания Северного Китая чжурчжэнями: «Когда они (уйгуры) проживали в районе Циньчуань (древнее название провинции Шэньси), то незамужние женщины предварительно должны были состоять в связи с ханьцами. Только родив нескольких сыновей и в возрасте 30 лет могли выходить замуж за представителей своего племени. Когда приходили сваты, чтобы договориться о свадьбе, то родители невесты говорили: “Наша дочь уже состояла в связи с таким-то и таким-то”. И чем больше было таких связей, тем достойнее. Таков обычай» [Малявкин, 1974: 92]. Этот источник сообщает о разрешении уйгурам вернуться на запад из районов фактических депортаций: «...в 1149 г. государство Цзинь объявило амнистию и всем уйгурам было разрешено вернуться на Запад. Большинство осталось и не вернулось» [Малявкин, 1975: 65]. Восточноазиатские уйгуры, согласно чжурчжэньской династийной хронике «Цзинь ши», являлись ударной силой армии Цзиньской империи и ожесточенно сопротивлялись монголам. По мнению А.Г. Малявкина, судьба уйгурских племен, доверившихся Танской империи, в китайских источниках прослеживается почти на протяжении 400 лет, с момента гибели Уйгурского каганата в 840 г. и до разгрома монголами армии Чжунсяоцзюнь в 1232 г. [Там же: 85]. Вероятно, восточноазиатская часть уйгуров либо была включена в монгольскую военно-политическую систему, либо подверглась геноциду со стороны монголов, как это произошло с огуз-татарами, меркитами, канглы и другими кочевыми народами. В пользу последней версии говорит отсутствие в составе этнических групп Монголии и Северного Китая родоплеменных групп с самоназванием уйгур.

Иначе сложилась судьба части этноса кочевых уйгуров и огузов, мигрировавших на запад в Восточный Туркестан и

Семиречье, т.е. районы давнего тюрко-иранского этногенетического и этнокультурного синтеза. Здесь они вступили в контакты с карлуками и ягма, ранее (до VIII века) входившими в состав уйгурской этнополитической общности. Арабо-персидские источники IX–XI вв. отождествляют пришлых уйгуров с тогуз-огузами, включая в состав последних карлуков и ягма. В.В. Бартольд, опираясь на сведения мусульманских авторов, считал основой караханидских тюрков – племя ягма [*Бартольд*, 1963: 41]. Д.И. Тихоновым отмечается общность тогуз-огузского этнического субстрата в Уйгурском и Караханидском государстве, способствовавшая образованию общего языка для уйгуров, карлуков и ягма. При этом прослеживается влияние местного ассимилированного ираноязычного и тохароязычного населения [*Тихонов*, 1966: 45].

Из китайских источников о монгольском времени наиболее полные сведения содержатся в хронике «Юань ши», записанной в 1370 г. в правление династии Минь на основе материалов дворцовых хроник «Ши лу» и компиляций «Цзинь-ши да-дзянь». Китайские и монгольские источники сообщают о мирном вхождении уйгуров и карлуков в состав империи Чингиз-хана. В период активной фазы монгольских завоеваний уйгурский идикут Баурчик добровольно признал себя вассалом Чингиз-хана. Монгольская армия во время завоевания Средней Азии не разрушила сложившуюся в Семиречье и Восточном Туркестане локальную цивилизацию, сочетавшую оседло-земледельческую и кочевую экономику и культуру. Но уйгуры и карлуки вынуждены были участвовать в монгольских завоеваниях, часть их была включена в состав различных военно-политических организаций Улуса Джучи [*Кадырбаев*, 1993: 73–78]. Тяжелые повинности разоряли оседло-земледельческое хозяйство, способствуя сохранению кочевнических тенденций. В номенклатуре кочевых племен государства кочевых узбеков Абу-л-Хайра в Южной Сибири и ногайских элей мы видим родоплеменные группы уйгуров, состоящими из многочисленных родов (каум) и племен (кабиле) [*Ахмедов*, 1985: 39, 46; *Трепавлов*, 2001: 485].

Возрождение китайской государственности под властью династии Минь и сменившей ее маньчжурской династии Цинь способствовало активизации дипломатической, разведывательной и военной деятельности на дальнем западе Поднебесной империи. В 1760 г. Восточный Туркестан был включен в состав Циньской империи. Важное значение для изучения истории имеют китайские источники эпохи Минь (1368–1644 гг.): «Мин хуй яо», «Мин ши лу» (Хроника правлений императоров Миньской династии), «Минь ши» (История династии Минь) и др. Эти сводные истории были написаны в эпоху Циньской династии и вобрали сведения из источников миньского времени, частично или полностью дошедшие до времен маньчжурского владычества [Китайские документы по истории..., 1994: 4]. В циньскую эпоху составляются историко-географические сборники, известные как «шилую». Китайские источники этого времени называют Восточный Туркестан «мусульманским краем», а самих жителей – мусульманами. Этноним «уйгур» в отношении всего тюркоязычного оседло-земледельческого населения края в китайских источниках практически не употреблялся. Как правило, упоминаются отдельные этнографические группы лобнорцев, турфанцев, илийцев и т.д. Исчезновение из китайских хроник названия целого народа не может быть случайностью или слабой информированностью китайских чиновников. Возможно турфанские уйгуры, приняв ислам, перестали противостоять тюркам-мусульманам, что привело к смещению этнических границ и включению прежних уйгуров-буддистов и манихеев в состав восточно-туркестанских мусульман.

Таким образом, китайские истории представляют древнейшую великую историографическую традицию и являются наиболее ценными и полными, систематически изложенными источниками по истории тюркских народов. Использование китайских источников позволяет проследить основные этапы и особенности этнической истории тюркских народов с глубокой древности и до Нового времени. Китайские источники проливают свет на некоторые вопросы этногенеза уйгуров.

Памятники тюркской рунической письменности являются ценными источниками по этнической истории уйгуров. Под памятниками древнетюркской письменности понимается обширный корпус текстов, написанных рунической, уйгурской, согдийской, манихейской, сирийской, тибетской и арабоглифической письменностью, а также письмом брахми. Получившее распространение на всем пространстве Евразии, от Восточной Монголии до долины Дуная, тюркское руническое письмо имеет широкий хронологический диапазон и разную этнополитическую принадлежность. Впервые открытые на территории Сибири (в 1721–1722 гг., экспедицией Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Страленберга), а затем в Монголии (в 1889 г., экспедицией Н.М. Ядринцева), они были переведены В. Томсеном (1893 г.) и впервые изданы В.В. Радловым (1894 г.). Язык, на котором написаны тюркские тексты, эпиграфические в том числе, называют «древнетюркским».

Огромную роль в становлении тюркской письменной традиции сыграли согдийцы. По мнению С.Г. Кляшторного, «великая центрально-азиатская традиция письменностей, начатая согдийцами, была подхвачена тюрками, уйгурами и, позднее, монголами» [*Кляшторный*, 2010: 21]. Тюрки дополнили согдийский алфавит, который впоследствии использовался самими согдийцами в рукописях из Дуньхуана и Турфана и Карабаласугунской надписи, открытой Н.М. Ядринцевым в 1889 г. на развалинах древней уйгурской столицы в Монголии. Из числа памятников древнетюркской письменности выделяются эпиграфические памятники уйгурской эпохи – Селенгинский камень (надпись из Могон Шине усу в честь кагана Моюн-чура), Карабаласугунская трехязычная уйгуро-китайско-согдийская надпись, Терхинская, Тэсинская и Сэврэйская уйгуро-согдийские надписи. Четыре из пяти ныне известных эпиграфических памятников были выбиты в первые десятилетия существования Уйгурского каганата (середина VIII в.) и лишь Карабаласугунская надпись датируется 821 годом [*Камалов*, 2001: 50].

Язык памятников древнетюркского рунического письма (руническое койне) сложился на огузской основе. Древнеуйгурский литературный язык сложился позже, после крушения Уйгурского каганата на территории Турфана и Ганьчжоу в IX–X вв. на почве рунического койне с огузо-уйгурской основой, к которой добавились национальные, собственно уйгурские, элементы всех языковых уровней: фонетического, грамматического, лексического. Кроме рунического алфавита, который употреблялся только на первых порах, уйгуры пользовались согдийским письмом и его адаптированным вариантом, называемым уйгурским курсивным письмом и брахми. С.Г. Кляшторный отмечает, что язык курсивных уйгурских текстов неоднороден и содержит следы, по меньшей мере, пяти диалектов, которые, однако, нельзя соотнести с каким-либо племенным диалектом. Тексты, написанные на двух диалектах – раннем, свойственном языку рунических памятников и манихейских текстов, и, позднее, свойственном языку буддийских и христианских текстов, явно были написаны ранее массового переселения уйгуров в Восточный Туркестан. Как полагает С.Г. Кляшторный, оба эти диалекта не являются только уйгурскими. На этих диалектах разговаривали тюрки, карлуки, тюргеши, басмылы и другие тюркские народы и племена еще в VII–VIII вв. [*Кляшторный*, 2006: 210]. Литературный язык древних уйгуров обладал развитой жанрово-стилевой системой, включающей стили религиозной (философско-дидактической) литературы (шаманские, буддийские, манихейские, христианские трактаты), художественной литературы (прозаического и поэтического жанров), научных произведений (медицинского, астрономического характера), деловых документов (правового, хозяйственного содержания) и частной переписки. Несмотря на широкое общественное употребление, древнеуйгурский литературный язык был только языком письменного общения [*Кляшторный*, 2006: 190–229; *Тенишев*, 1997: 35–46].

Ценность уйгурских письменных памятников определяется тем, что они составлены в уйгурской среде и отражают собы-

тия, представлявшие интерес для самих уйгуров. Уйгурские эпитафии позволяют проследить события военно-политической истории, организацию власти и управления, роль отдельных племен в уйгурском союзе. К числу недостатков следует фрагментарность и неравномерность освещения этнической истории древних уйгуров. На наш взгляд, уйгурские эпиграфические памятники можно использовать в комплексе с китайскими и арабо-персидскими письменными источниками.

Продвижение арабов на север и восток привело их к контактам с многочисленными тюркскими народами. Первым известным сочинением арабской литературы, специально посвященным тюркам, было «Послание Фатху б. Хакану о достоинствах тюрков и остального халифского войска», написанное известным прозаиком Абу Усманом ал-Джахизом в конце первой половины IX в. До наших дней дошли еще два специальных труда о тюрках: глава «О тюрках» мешхедской рукописи книги Ибн ал-Факиха ал-Хамадани «Ахбар ал-Булдан» (Известия о странах) и сочинение арабского автора XI в. Абу-л-Ала Ибн Хасула «Книга о превосходстве тюрков над остальными воинами и о достоинствах высочайшего султанского Присутствия» [Арабские источники о тюрках..., 1993:14]. Географический труд Ибн ал-Факиха «Ахбар ал-Булдан» был составлен около 903 г. и, по преданию, состоял из пяти томов. Известен сокращенный его вариант, выполненный в 1022 г. Али б. Джафаром б. Ахмадом аш-Шайзари и опубликованный де Гуге в 1885 г. в известной серии произведений арабских географов.

Сведения Ибн ал-Факиха о тюрках взяты из рассказа Тамим б. Бахр, ездившего к тогуз-огузскому хакану. По его сообщению: «Страны тюрков – это тугузгузы, их страна самая большая из тюркских, граничит она с Китаем и Тибетом, карлуки, кимаки, гуззы, джикили, печенеги, базкиш, азкиш, кипчаки и кыргызы, у которых есть Мускус, (а также карлуки и халаджи), которые находятся по эту сторону реки» [Там же: 44–45]. Тамим б. Бахр отнес тогуз-огузов, гузов и кимаков к наиболее могущественным тюркским народам, карлуки, заселившие

районы вблизи Самарканда, по его сведениям – потомки древних тюрков [Там же: 45]. Государство тогуз-огузов, согласно сведениям Тамим б. Бахра, находится между «страной» неустановленных тюрков на востоке, «страной» кимаков на западе и Китаем. Хакан считался зятем китайского императора, что не мешало кочевникам совершать походы в Китай. Китайский император платил ему дань в 500 тыс. кусков шелка. Очевидно, что в обществе тогуз-огузов происходил синтез кочевого и оседло-земледельческого образов жизни. Тамим б. Бахр сообщает о расцвете городской и оседло-земледельческой культуры в стране тогуз-огузов: «У них много городов. Город тугузгузов самый большой и неприступный, он имеет толстые каменные стены и окружен рвом с водой. Жители города сильны и отважны в бою, и большей частью они вооружены мечам» [Там же: 54]. Арабским путешественником отмечается высокая степень заселенности страны тогуз-огузов оседлыми земледельцами, большинство которых были тюрки-огнепоклонники или манихеи. Вокруг столицы располагались «бесчисленные деревни». Вероятно, в эпоху уйгурского имперства складывалась традиция проживания верховного правителя кочевников в военном лагере – орде), располагавшемся вблизи столицы. Позже эта традиция сохранится у киданей и монголов. Тамим ибн Бахр свидетельствует о наличии у тогуз-огузского хакана особой инсигнии – дождевого камня, посредством которого вызывался дождь: «Одним из чудес страны тюрков являются камни, с помощью которых они вызывают дождь, снег, град и другое, что они хотят. У них эти камни приобрели большое значение и широко распространены. Этого никто из тюрков не отрицает, и особое значение это имеет при царе тугузгузов, такое, какое не имеет ни при каком другом правителе тюрков» [Там же: 50]. С.Г. Агаджанов считает, что дождевой камень был у огузов и других тюркских племен символом верховной ханской власти [Агаджанов, 1969: 125]. И если этим камнем, согласно сведений Тамима ибн Бахра, монопольно владел тогуз-огузский хакан, то он являлся посредником между Небом и людьми,

осуществляя верховную власть над степными народами. Эти сведения позволяют установить, что Тамим ибн Бахр имел целью своего путешествия столицу тогуз-огузов (уйгуров) на Орхоне, где в имперский период (744–840 гг.) находилась столица Уйгурии г. Каракорум.

Одним из важнейших источников по истории Восточной Европы и Центральной Азии является «Худуд ал-Алам» («Книга о пределах мира от востока к западу») – компилятивный географический трактат 982 г. Автор труда неизвестен, но в рукописи указано, что работа над ним была начата в 372 г. (26 июня 982 г. – 14 июня 983 г.) по заказу одного мелкого правителя области Гузган (на территории современного Афганистана), вассала Саманидов. Среди письменных источников «Худуд ал-алам», которых сам автор не называет, исследователям удалось установить труды арабоязычных географов: Балхи, Истахри, Ибн Хордадбега, Джейхани (последнего – особенно в главах о тюркских народах) и других [Худуд аль-Алам, 1973: 35–36]. Автор трактата выделил круг племен тогуз-огузского происхождения – собственно тогуз-огузов, ягма, карлуков. Так, ягма «происходит» из семейства властителей тогузгузов. Эти ягма (Yaghma'iyān) имеют множество племен. Некоторые утверждают, что среди них насчитывается 1700 известных племен. Как низкие, так и благородные среди них почитают (namaz barand) своих властителей» [Там же: 40–41]. В настоящее время потомками ягма являются упоминаемые еще в «Худуд ал-Алам», атушские уйгуры численностью 350–400 тыс. человек, проживающие в районе Кашгара. Персидский аноним особо выделил карлуков, испытывавших мощное влияние оседло-земледельческой традиции мусульманского населения региона: «Халлухи близки к народам (цивилизированным) (mardumani-and ba-mardum nazdik), нравом приятны (khush-khu) и общительны (amizanda). В прежние дни властитель халлухов назывался Джабгуй (Jabghuy), а также Ябгу (Yabghu). Страна обладает городами и селениями. Часть халлухов – охотники, часть – земледельцы (kishavarz [sic] kunand), а часть – пастухи» [Там же: 42–43].

Сочинение «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») Абу Са'ида Абдалхайа б. аз-Заххака б. Махмуда Гардизи, написанное на персидском языке в Хорасане между 1050 и 1052 гг., содержит сведения о стране тогуз-огузов. Обычаи и политический порядок у тогуз-огузов, согласно сведениям Гардизи, не претерпели сколько-нибудь серьезных изменений со времен путешествия Тамима ибн Бахра. По-прежнему, тогуз-огузы исповедали манихейство и были веротерпимы по отношению к другим конфессиям – христианам, буддистам и др. Важным для понимания особенностей этногенеза тюркских народов Центральной Азии является следующее сообщение Гардизи: народы ягма и халлухи (халачи) по происхождению являются выходцами из тогуз-огузского союза, из которого они вышли по различным причинам [Бартольд, 1973: 43–47]. Ягма и халлухи составляли основу караханидских тюрок, участвовавших в этногенезе не только уйгуров, но и узбеков, казахов и кыргызов. Это расширяет круг раннесредневековых тюркских народов и племен, мигрировавших из монгольских степей, оседавших и смешивавшихся с автохтонным согдо-тохарским населением Семиречья и Восточного Туркестана. Кочевые уйгуры составили часть пришлых кочевников, обосновавшихся в этом регионе, вероятно, не самую многочисленную и влиятельную в сравнении с карлуками, караханидскими ягма и аргу.

Ценными источниками по этнической истории уйгуров являются литературные памятники: поэма «Кутадгу-билиг» Юсуфа Баласугуни, написанная на караханидском тюрки (хаканский язык по Махмуду Кашгари), «Диван Лугат ат-Тюрк» Махмуда ал-Кашгари, представляющая двуязычный энциклопедический словарь на арабском языке, «Золотая сутра», манихейские тексты из Кочо и деловая переписка, написанные на уйгурско-огузском языке. Лингвистический анализ этого круга источников показывает доминирование тенденции на разделение тюрок Восточного Туркестана на карлуков, караханидских тюрок и уйгуров, отразившаяся в формировании двух литературных языков – караханидского тюрки и уйгурско-огузского. Махмуд

Кашгари выделяет следующие народы в составе тюркского населения Семиречья и Восточного Туркестана, отличающиеся особенностями языка: 1) язык племен, смешивавшихся с оседло-земледельческим населением и перенимавших их обычаи. К ним он отнес племена сугдак, канжак и аргу «кто говорит на двух языках, речь становится ломаной» [*Махмуд аль-Кашгари*, 2005: 69]; 2) язык караханидских тюрков, который он счел «чистым тюркским языком». (Махмуд аль-Кашгари сообщает, что у уйгуров был в общении распространен другой язык); Обе эти группы были отнесены Махмудом Кашгари к оседлым народам; 3) язык кочевников жумул, кай, йабаку, татар, йасмил, которые имеют собственный язык, но вместе с тем хорошо владеют тюркским; 4) киркиз (кыргыз), кифжак (кипчак), угуз (огуз), тухси, йагма (ягма), жикил, уграк, у которых «чистый тюркский, единый язык» [Там же: 69–70]. Наиболее правильными, т.е. близкими к древнетюркскому, Махмуд аль-Кашгари считал языки племен ягма, тухси, караханидских тюрок, уйгуров, племен Семиречья и Прииртышья.

Средневековым энциклопедистом отмечен продолжающийся ирано-тюркский синтез в Семиречье и Западном Притяньшанье, в т.н. «стране Аргу». Махмуд аль-Кашгари локализует страну Аргу и ее города в одном случае между Баласагуном и Таразом, в другом – между Баласагуном и Исфиджабом, т.е. в западной части Семиречья. Махмуд аль-Кашгари несмотря на пренебрежительное отношение к иранцам свидетельствует о древнем заселении этой области согдийцами, в том числе самаркандцами и бухарцами, ныне, в его время, уже тюркизованными: «Согдаки – это народ, пришедший в Баласагун и поселившийся (там). Они из Согда, что между Бухарой и Самаркандом. Однако одеваются и ведут себя так же, как тюрки» [Там же: 437]. По поводу этноязыковых и этнокультурных интерференций и ассимиляций Махмуд аль-Кашгари пишет: «Население Баласугуна говорит на согдийском и тюркском, как и население Тираза и Мадина ал-Байда. На всех землях Аргу от Испижоба до Баласугуна у людей ломаный язык. В Кашгаре есть

селения, где говорят на наречии Канжак, но во внутренних землях говорят на тюркском Хаканийя» [Там же: 70]. Отметим, что в настоящее время носителем языка аргу являются халаджи Ирана и Афганистана. На наш взгляд, раннесредневековые аргу являются также предками казахских аргынов, локайцев, узбекских карлуков и отдельных групп ногайцев, алтайцев и других тюркских народов. Вероятно, кочевые племена ягма, хаканийские или караханидские тюрки и оседло-земледельческое автохтонное население сформировали основу субэтнических групп уйгурского этноса запада Восточного Туркестана, ориентированных на культурные центры мусульманского Мавереннахра, в то время как «подлинные» кочевые уйгуры, обосновавшиеся в восточной части региона, в силу своей религиозной принадлежности испытывали мощное влияние китайской и тибетской цивилизаций. Страна уйгуров, по описанию Махмуда Кашгари, включала территории вокруг пяти городов Сулма, Кужу (Кочо), Жанбалик, Бишбалик и Йанабалик, «жители которых самые сильные и заядлые безбожники» [Там же: 140]. Если рассматривать в целом различия между тюркскими языками того времени, то стоит принять во внимание следующий вывод Махмуда Кашгари: «В основном языке различий немного, они проявляются в чередовании или усечении отдельных букв» [Там же: 71]. Как уже выше отмечали, различия заключались также в степени влияния этнокультурной традиции и языков соседних иранских народов.

Этнической консолидации восточно-туркестанских тюрков препятствовали религиозные противоречия между караханидскими и карлукскими мусульманами, с одной стороны, и уйгурами-буддистами, с другой. В начале XIV века, по сообщениям Аль-Барзали, уйгуры сохраняли буддийское вероисповедание. Аль-Барзали пишет, что в 1313 г. скончался «царь Дешт-Кипчака» Токтакай, который «был неверным, (державшимся) поклонения идолам, любил Уйгуров, т.е. лам и волшебников и оказывал им почет» [*Тизенгаузен*, 1884: 174]. Лишь после перехода в XV–XVI вв. в ислам уйгуров Турфана были сняты рели-

гиозные противоречия между мусульманами и буддистами и, как следствие, появились предпосылки формирования относительно единого культурного порядка и тюрко-мусульманской идентичности населения Восточного Туркестана. Весьма значимую роль в сохранении этнического партикуляризма в Восточном Туркестане играл географический фактор, отмеченный еще О. Лэттимором, считавшим, что каждый оазис Внутренней Азии имеет тенденцию развиваться как автономный центр торговли и культуры, связывавший население гор, кочевников и земледельцев. Горные системы, по его мнению, препятствовали слиянию местных центров в одно государство. Жители гор вели пастушеский и полукочевой образ жизни, в то время как в оазисах были сосредоточены земледельцы, горожане и ремесленники. Оазисы не нуждались в товарообмене друг с другом, будучи больше заинтересованы в поддержании транзитной торговли по Великому Шелковому пути [Lattimore, 1962: 68]. Разобщенность оазисов Восточного Туркестана, изолированных друг от друга пустынями, полупустынями и величайшими горными системами, способствовала развитию этнического и религиозного партикуляризма. Население этого огромного региона не стремилось к этнической и политической консолидации вплоть до Нового времени.

Из числа письменных источников, в которых наиболее полно отражен ранний период этнической истории тюркских народов, исключительно важное место принадлежит фундаментальному труду «Джами ат-таварих» («Всеобщей истории» или «Сборнику летописей») мусульманского историка XIV в. Фазлаллаха Рашид ад-Дина (ум. в 1318 г.). Значительное место в сочинении Рашид ад-Дина занимает история тюркских и огузских племен. И.П. Петрушевским отмечено, что «Рашид ад-Дин называет тюрками все скотоводческие народы Азии как тюркоязычные, так и монгольязычные... у нашего автора “тюрки” – термин не столько этнический, сколько социально-бытовой» [Петрушевский, 1952: 28]. В труде Рашид ад-Дин говорится, что племена канглы и уйгуры существовали до Огуз-

хана, от которого пошли все огузские племена. Эти уйгуры именовались токуз-огурами или токуз-огузами. Хотя кыпчаки, канглы, халаджи и карлуки и показаны как племена, получившие эти имена во время Огуз-хана, однако автору представляется, что они жили до него. Племена и роды, которые к нему присоединились, согласно Рашид ад-Дину, получили от Огуз-хана имя *уйгур* в значении «соединяться и помогать. Все племена уйгуров (происходят) из этого рода» [*Рашид ад-Дин*, 1952: 83, 146]. Рашид ад-Дином выделены роды древних уйгуров, живших вдоль течения десяти рек – он-уйгуров – и живших по течению девяти рек – тогуз-уйгуров [Там же: 146–147]. Рашид ад-Дин упоминает также об уйкур-меркитах и джалаирах, которые некогда подчинялись гурхану уйгуров [Там же: 114]. Эти этнические группы представляли осколки некогда мощной этнополитической общности уйгуров, оказавшиеся, после гибели Уйгурского каганата, в составе надвигавшихся с востока монгольских народов.

Ценным источником по истории уйгуров периода Монгольской империи являются сочинения Гильома де Рубрука и Плано Карпини. Гильом де Рубрук сообщает, что земля уйгуров граничит с востока с землей «Органум». Историки не обратили внимание на название страны и этноним «Органум» и «органы» в следующем фрагменте: «Земля эта прежде называлась Органум, и жители ее имели прежде собственный язык и собственные письмены. Но теперь она была занята туркоманами. Этими письменами и на этом языке несториане из тех стран прежде справляли службу и писали книги» [*Гильом де Рубрук*, 1996: 124]. Рубрук ведет речь о стране Аргу, под которой понималась страна, где проживали семиреченские тюрки – карлуки, халладжи и собственно караханидские аргу, известные в карлукском союзе под названием «булак», переводимым как «помесь» или «метисы» [См.: *Зуев*, 1981]. Махмуд Кашгари использует термин «аргу» для обозначения племен караханидских тюрков, тогда как для племен, откочевавших вместе с огузами (сельджуками) с территории Семиречья, использует-

ся название «калач», от которого происходит название тюрок Индии и Хорасана – хилджи и халаджи. По свидетельству автора XIII в. Джемаля Карши, «страна Аргу» составила главную часть улуса Чагатая, а ее столицей был Алмалык, в долине р. Или. В понятие «страна Аргу» здесь включено все Семиречье [*Кляшторный*, 1964: 130–131]. Потомки аргу вошли в состав тюркских народов – казахов, крымских татар, ногайцев, узбеков и известны как карлуки, аргыны и локайцы. Уйгуры, или «югуры», отличались от соседних тюрок лишь буддийским вероисповеданием, которое названо Рубруком «идолопоклонством», язык же их «источник турецкого и команского наречий» [*Гильом де Рубрук*, 1996: 125–126]. Рубрук не оставил без внимания культурное влияние уйгуров на монгольских завоевателей, перенявших уйгурскую письменность. Вероятно, активное проникновение буддизма в монгольские степи проходило также через уйгурские оазисы северо-восточной части Восточного Туркестана.

Список нарративных источников по истории тюркских народов Средней Азии и Восточного Туркестана достаточно обширен. Среди них следует выделить особо произведения Абу-л-Гази Бохадур-хана (1603–1664), который был могущественным ханом Хивы, видным полководцем, одним из образованных людей своего времени. Абу-л-Гази известен как автор двух компилятивных исторических сочинений: «Родословная туркмен» и «Родословная тюрок», представляющих почти полное заимствование из сочинения Рашид ад-Дина «Джами-аттаварих». Выдающийся советский тюрколог А.Н. Кононов отмечал, что в отношении достоверности фактов «Родословная туркмен», равно как и «Родословная тюрок», может быть разделена на три части: сведения библейского характера (сказание об Адаме); сведения, основанные на огузско-туркменском эпосе, в основе которого лежит сказание об Огузе и его потомках; сведения, дошедшие в легендарной форме, но имеющие реальную подоснову: сведения о происхождении, разделении и размещении огузских племен, сведения о тамгах, онгонах, мест-

ничестве на пирах, сказание о смуте в огузовом иле, сказания об илях, присоединившихся к туркменам, рассказ о девушках, которые были беками в огузском иле [Кононов, 1958: 23]. В отношении происхождения кочевых уйгуров Абу-л-Гази вслед за Рашид ад-Дином придерживался версии этнической близости огузских, канглы-кипчацких, карлукских и уйгурских племен [См.: Родословная туркмен, 1958]. Согласно исторической трактовке Абу-л-Гази, Кара-хан – отец Огуз-хана, собирался погубить сына за принятие ислама, тогда последний обратился к кочевникам, и меньшая часть примкнула к нему: «У младших братьев Кара-хана было много детей; никому и в голову не приходило, что они отложатся от Кара-хана. Все они пришли к Огуз-хану. Огуз-хан дал им имя уйгуры. Уйгур – тюркское слово, значение его всем известно; оно значит: прилепившийся... Когда они [дети младших братьев Кара-хана] пришли и крепко, обеими руками ухватились (прилепились) за полы [одежды] Огуз-хана, хан назвал их уйгурами, что значит: прилепившиеся» [Родословная туркмен, 1958: 42–43]. Вероятно, интуитивно Абу-л-Гази связал происхождение уйгуров с караханидскими тюрками и указал на высокий статус уйгурского племени, согласно традициям генеалогической иерархии, стоящей выше племен огузов. Уйгуры считались потомками старших родственников Огуз-хана по отцовской линии и потому не были включены в состав огузов, являющихся по легендарной исторической версии Абу-л-Гази потомками сыновей Огуз-хана, составив особый эль. Таким высоким статусом не обладали кипчаки, карлуки и калачи, происходившие от беков и простых воинов Огуз-хана [Родословная туркмен, 1958: 46–48].

Ценным источником по этнической истории уйгуров является накопленный этнологами эмпирический материал, позволяющий уточнить особенности протекания процессов этнической консолидации уйгуров, их связь с соседними народами, в первую очередь, узбеками и таджиками. Л.А. Чвырь, исследовав элементы материальной культуры и семейной обрядности этнографических групп уйгуров, выявила у них отсутствие эт-

нического культурного «ядра», этногенетическое и культурное родство не с проживающим рядом тюркским населением (казахами, кыргызами, ташкентскими и ферганскими узбеками), а с карлуками, южнохорезмскими сартами, таджиками и народами огузского происхождения [Чвырь, 1986: 211–248; Чвырь, 2001: 432–446].

Таким образом, имеющиеся письменные источники, археологический и этнологический материал дают возможность проследить основные вехи этнической истории уйгурского народа. Очевидно, что китайские и другие письменные источники увязывают этногенез уйгуров с позднихунским кругом племен теле или огузов. Древние уйгуры являлись ядром тогузогузского племенного союза, в который входили также карлуки, басмылы, ягма. В период могущества уйгурской кочевой империи уйгуры выступили в качестве преемников империи древних тюрков, «первые уйгурские правители считали себя продолжателями тюркской традиции, и обосновывали свою легитимность связью с Бумын-каганом, создателем первой империи тюрков. Разница разделения тюрков и уйгуров была чисто политической. Как ясно показали надписи – эпитафии – тюрки и уйгуры говорили на одном языке, использовали одну и ту же руническую письменность и жили на одной и той же территории... Государство уйгуров в Монголии, по сути, Третья империя тюрков» [Sinor, 1990: 192].

После гибели Уйгурского каганата кочевые уйгуры частично мигрировали на юг и на запад от монгольских степей. Оставшиеся уйгуры влились в состав монгольских племен. Кочевые уйгуры, двинувшиеся на запад, в оазисы Восточного Туркестана, основали свою государственность и впоследствии участвовали в этногенезе широкого круга тюркских народов, в том числе уйгуров и узбеков. В то же время, круг тюркских племен, формировавший пришлый субстрат кочевников Восточного Туркестана, был шире и включал не только уйгур, но и караханидских тюрков – аргу, чигилей, тухси, карлуков, халладжей, ягма. На наш взгляд, именно караханидские и другие

группы семиреченских тюрков, пришедшие раньше и активно участвовавшие в тюрко-иранском синтезе, а не кочевые уйгуры, жившие изолированно в Турфане, составили этническое ядро уйгурского этноса, ассимилировав местное индоевропейское население и утвердив в регионе высокую исламскую культурную традицию Ирана и Средней Азии. Кочевые уйгуры, в силу религиозной принадлежности и близости монгольских степей, оказались на периферии восточнотуркестанского мира и имели более тесные связи с монголами и их имперскими преемниками – джунгарами. Лишь в XV–XVI вв. происходит исламизация уйгурского населения северо-восточной части Восточного Туркестана, во многом связанная с миграцией с юга могульских племен, бежавших на север от тимуровских погромов и феодальных войн. Этническая консолидация тюркоязычного мусульманского населения Восточного Туркестана связана с включением региона в состав Циньской империи и впоследствии в состав КНР.

Основные концепции этногенеза уйгуров. Этническая история уйгурского этноса, как видно из анализа сообщений средневековых источников, протекала не только в Восточном Туркестане, но и на сопредельных территориях Монгольского плато, Притяньшанья и Семиречья. Этногенез уйгуров происходил на базе постоянного смешивания и ассимиляций различных этнических групп на протяжении длительного периода. В этот процесс были втянуты как мигрировавшие кочевые группы населения, преимущественно тюркского происхождения, так и оседло-земледельческое автохтонное население, являющееся потомками европеоидного тохаро-иранского населения, проживавшего в регионе. С глубокой древности особенности этнической истории Восточного Туркестана определялись разнонаправленностью этнической и культурной диффузии. Миграции кочевников и военные вторжения шли с северо-востока и востока, с территории Монгольского плато и Северного Китая, культурные ценности иранского и исламского мира проникали с запада, с территории Мавереннахра и Семиречья. Этни-

ческие группы, вбивавшие религиозно-культурные традиции дальневосточной цивилизации, оказывались в изоляции, как это произошло с турфанскими уйгурами-буддистами до принятия ими ислама. Дальневосточная культурная и политическая традиция со средних веков отторгалась местным населением, рассматривавшим ислам как основу этнокультурной идентичности и стержень внутренней свободы. Соответственно изучение исторического прошлого уйгурского народа в значительной мере политизировано из-за продолжающейся оппозиции уйгуров набирающей мощь китайской цивилизации. В настоящее время в научных кругах распространены две основные версии этногенеза уйгуров – древнеуйгурской автохтонной и тюрко-ирано-тохарской миграционно-автохтонной.

Согласно древнеуйгурской автохтонной гипотезе – этногенез уйгуров представляет непрерывный процесс этногенетического и этнокультурного воспроизводства позднихуннского этноса, жившего в III–VI вв. на огромной территории, включающей Восточный Туркестан, кочевых уйгуров, создавших Уйгурский каганат в VIII – первой половине IX вв., вплоть до уйгуров Нового времени. Сторонники этой теории прослеживают происхождение уйгуров от тюркоязычных телеских кочевых племен, объединившихся в уйгурское этнополитическое объединение в III веке, бросив вызов другим племенным сообществам. Древнеуйгурская гипотеза формируется в первой половине XIX в. в работах европейских ученых Ю. Клапрота и Ф. Хирта, русских востоковедов Н.Я. Бичурина, А.К. Казембека и В.П. Васильева, предположивших, на основе изучения сведений китайских источников, трудов Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази, существование прямой связи происхождения тюркского мусульманского оседло-земледельческого населения Восточного Туркестана от древних кочевых уйгуров [См.: *Бичурин*, 1950: 214]. А.К. Казембек написал специальную работу «Исследования об уйгурах», особо отметив, что уйгуры – «народ древний и высокий по образованию» [*Казембек*, 1841: 37]. А.К. Казембек считал неопределенным по значению

и этническому содержанию этноним «уйгуры» [Там же: 37]. По мнению исследователя, поддерживавшего точку зрения Абу-л-Гази, этимология слова «уйгур» указывает на тюркские корни этого народа.

Версии древнеуйгурского происхождения систематизировал В.В. Радлов в работе «К вопросу о происхождении уйгуров». Положения и аргументы концепции В.В. Радлова приводятся приверженцами этой гипотезы практически во всех исследованиях. В.В. Радлов отказался от традиции следовать за этимологией этнонима для выяснения происхождения уйгуров, как это делали до него ученые, некритически подходившие к сообщениям Абу-л-Гази. В.В. Радловым отмечалось наличие в сведениях и китайских авторов, и раннесредневековых арабских авторов, и Рашид ад-Дина упоминаний о взаимосвязи огузов и уйгуров, происходивших из одного круга т.н. «кровных тюркских» племен, прародителем которых считался Огузхан. Тем самым В.В. Радлов поддержал тезис об идентичности огузов и уйгуров, выдвинутый В. Томсеном, полагавшим, что более древним из них является название племени или народа огуз. С его точки зрения, огуз – это этнический, а уйгур – политический термин, обозначавший династию, правившую огузами. В.В. Радлов писал: «...мы вправе предположить, что уйгуры не только принадлежали к числу древнейших тюркских племен, но и что это был весьма распространенный тюркский народ, занявший с давнего времени выдающееся место среди тюркских племен и на дальнем западе. Будь это не так, на западе не распространилось бы сказание о том, что легендарный родоначальник тюрков, Огуз-Хан, считал уйгуров своими ближайшими приверженцами. С другой стороны, то обстоятельство, что Рашид-эд-Дин встретил сказание об Огуз-Хане и о происшедшем при нем разделении племен и на западе у туркменов, и на востоке у уйгуров, указывает на то, что Огуз-Хан считался древнейшим героем всего тюркского народа, и что, следовательно, у всех тюрков в XIII веке сохранялось еще воспоминание о большом тюркском государстве, которо-

му было подчинено большинство тюркских племен» [Радлов, 1893: 19–20]. В.В. Радлов полагал, что в древности существовал могучий тюркский этнос, распавшийся после крушения кочевой империи на западных тюрков – огузов – и восточных тюрков – уйгуров. В истории кочевых народов подобные расколы некогда единых этнических общностей после распада имперского образования являются правилом. На основе джучидских тюрков возникли ногаи, казахи и кочевые узбеки, вобравшие в себя одну и ту же номенклатуру племен, распад Улуса Чагатая сопровождался отделением чагатаев и могулов от оседло-земледельческого населения. Особенности дальнейшего развития этноса в значительной мере определяются мощным влиянием местной культурной среды. Для западных огузов важнейшее значение имело влияние исламской культурной традиции и смешение с иранскими народами, прежде всего, с восточно-иранскими кочевниками. Миграция уйгурских и других восточно-тюркских племен на территорию Восточного Туркестана сопровождалась адаптацией и культурной ассимиляцией кочевников в местной этнокультурной среде.

В.В. Радлов выдвинул предположение о ранней инфильтрации восточно-тюркских племен под именем «хунну» на территорию Семиречья и Восточного Туркестана. Основная масса хуннских племен ушла на запад, а оставшиеся смешались с местным населением, унаследовав от кочевых предков традицию исторического противостояния Китаю [Там же: 85]. Радлов считал, что основу аборигенов Восточного Туркестана составляли «несомненно тюрки (Уйгуры, Хунну), которые оставались в восточном Туркестане задолго до христианской эры, смешались там с китайскими переселенцами и приняли многое из их нравов и обычаев. Проникшие туда в течение VIII и IX вв. уйгуры, без сомнения, примкнули отчасти к поселившимся там своим соплеменникам; таким путем образовался цивилизованный уйгурский народ, распространившийся по всему Восточному Туркестану» [Там же: 99]. В свете современных знаний о прошлом края, полученных археологами и

антропологами, гипотеза об автохтонности хуннов и тюрков на территории Восточного Туркестана не выдерживает критики.

Заслуживает внимания вывод В.В. Радлова об участии широкого круга хуннских и восточно-тюркских племен, родственных огузам, в этногенезе уйгурского народа. Он предположил, что за названиями хуннских племен с корнем «огур» или «югур» скрывается подлинный этноним народа хунну – он-уйгуры (десять племен уйгуров) [Там же: 126–127]. В.В. Радлов особое внимание уделил караханидским тюркам-мусульманам, включив их в состав племен, заложивших основу уйгурского этноса. Кочевые уйгуры, мигрировавшие на запад после крушения в 841 г. Уйгурского каганата, составляли лишь часть тюркского компонента в этногенезе уйгуров. Хуннские по происхождению кок-тюркские племена и кочевые уйгуры участвовали в этногенезе многих тюркских народов, включая ближайших соседей – казахов, узбеков, тюркских народов Южной Сибири и кыргызов.

Российский синолог Д.М. Позднеев прослеживал прямое происхождение мусульманского населения Восточного Туркестана от кочевых уйгуров, создавших кочевую империю в монгольских степях. Сами уйгуры в его версии являлись потомками племен диньлинов и гаогуй, длительное время соперничавшими с тюрками и другими племенами за господство. После поражения от енисейских кыргызов, уйгурские роды мигрировали в Ганьсу и в оазисы восточного Туркестана. Оседание и обращение в ислам, по его мнению, сделали уйгуров иным народом: «проникнувшее в массы магометанство, истребив все другие религии, дало особый оттенок, особую окраску и характер всему населению Западного Китая, Восточного Туркестана и При Тяньшаньского края, т.е. места расселения уйгуров» [Позднеев, 1899: 133, 140]. Исследования В.В. Радлова и Д.М. Позднеева заложили основу древнеуйгурской (тюркской) версии этногенеза уйгуров, разделявшейся большинством советских историков и этнографов, стремившихся изучить изначальные связи тюрков Синьцзяна. С оговорками поддерживали

древнеуйгурскую гипотезу В.В. Бартольд, С.Е. Малов, Д.И. Тихонов, Б.А. Литвинский, Л.Р. Кызласов, Л.А. Боровкова, И.В. Захарова и др.

Уйгурская проблематика была рассмотрена в трудах А.Н. Бернштама «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы», «Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии» и «Очерки истории гуннов». А.Н. Бернштам признавал принадлежность уйгуров к тюркскому этнополитическому объединению, состоящему из собственно тюрок, огузов, уйгуров и других племен. Вне круга этих родственных племен находились енисейские кыргызы, сяньбийские племена и кидани [Бернштам, 1946: 83]. Происхождение уйгуров, как и тюрок, Бернштам связывал с племенем огузов и общетюркским государством: «уйгурская династия, как плоть от плоти, кровь от крови, выростала из предшествующей и была закономерным этапом в развитии тюркского общества» [Там же: 191–192]. Уйгурская династия, тюркская по происхождению, согласно уйгурским надписям в честь кагана Моюн-Чура, сменила кок-тюркскую, и, истребив прежнюю племенную знать, оставила «черный народ» жить прежними порядками [Там же: 190–191].

В работе «Очерки истории гуннов» А.Н. Бернштам углубил представления об общехуннском и общеогузском происхождении тюрок и уйгуров. Он раскрыл этимологию китайского названия правящего рода шаньюев Хуянь (бык) через термины «огуз» и «uoğāg», сопоставив с названием «уйгур», означающие родовой тотем быка. Термины «уйгур» и «огуз», считал А.Н. Бернштам, равнозначны, при этом термин «уйгур» более древний. По его мнению, древнеуйгурские племена сформировались в «восточной группе гуннов (отчасти среднеазиатской)... древнеуйгурские племена, которые на протяжении всей своей истории имели тесную связь с кочевыми народами Средней Азии, прежде всего, – с огузами, предками туркмен. Начало их участия в истории народов Средней Азии и Припамирья падает на V век – век расцвета эфталитского государ-

ства» [*Бернитам*, 1951: 214]. Автор уделил большое внимание возникновению преданий об Огуз-кагане. Различия между огузами и уйгурами, появились, по его мнению, в результате смешения первых с сармато-иранскими племенами Средней Азии [Там же: 233–234].

Древнеуйгурская гипотеза развивалась в трудах С.Е. Малова. Выдающийся тюрколог С.Е. Малов проследил связи древних уйгуров с уйгурами Восточного Туркестана и пришел к выводу об их этногенетическом родстве. Сохранившейся «реликтовой» группой древнего тюркского этноса он считал сары-югуров (сары-уйгуров), сохранивших дописьменный древнеуйгурский язык. Современный литературный язык уйгуров Восточного Туркестана и Средней Азии, по мнению С.Е. Малова, «являясь языком очень большой массы носителей на большом пространстве, перетирался между собой и испытывал различные влияния со стороны тюрков, западнее уйгуров. В результате этот язык настолько отличается от языка желтых уйгуров, что разговор желтых уйгуров с приезжими во Внутренний Китай уйгурами из Синьцзяна является невозможным» [*Малов*, 1967: 5]. Исследования, проведенные в 1958 г. Э.Р. Тенишевым и Б.Х. Тодаевой, показали ошибочность точки зрения С.Е. Малова о сохранности в «чистоте» древнеуйгурского языка сары-югурами и наличие в их языке большого количества заимствований из нетюркских языков: «После переселения в Китай (IX–X вв.) язык сарыг югуров подвергся сильному и продолжительному воздействию китайского языка... Кроме китайских элементов, сары-югурский язык усвоил слова из монгольского, тибетского, санскритского языков. Таким путем, можно думать, сложился современный, сильно смешанный язык сарыг югуров» [*Тенишев, Тодаева*, 1966: 40]. Исследователи отметили существенные отличия языка современных юйгу от языка древнеуйгурских литературных памятников, предположив, что в древности язык сары-югуров был таким же, как литературный уйгурский язык рунических памятников [Там же: 9]. Перечень родовых групп также показал

вхождение в этнический состав сары-югуров разноэтнических компонентов. Э.Р. Тенишев пишет о наличии в составе юйгу элементов древних кыргызских, тюркешских, монгольских, тангутских и тибетских племен и родов, собственно уйгуры, по предположению ученого, составили около половины родовых групп [Тенишев, 1961: 59–66; Тенишев, Тодаева, 1966: 9]. Но выводы Э.Р. Тенишева и Б.Х. Тодаевой о происхождении юйгу были сделаны в духе существования изначальных основ уйгурского этноса, и из них следует, что сары-югуры генетически связаны с древними уйгурами [Тенишев, Тодаева, 1966: 38].

С.Е. Малов критически относился к миграционной гипотезе этногенеза тюркских народов, считая их индигенными на территории своего проживания, выдвинув весьма спорный тезис: «за пять веков до н. э. тюрки жили там же, где они живут главным образом (с малыми исключениями) и теперь. В Европе древнейшими местами обитания тюрков были: р. Дунай, нижнее и среднее течение Волги, бассейн Урала. В Средней Азии они жили около культурных стран Хорезма, Согда и др. Тюрки проникали и на Кавказ, и в Малую Азию. В юго-западных частях Сибири места тюрков – Алтай, Хакасия, в Монголии и около оазисов древних культурных очагов Китайского Туркестана» [Малов, 1952: 135]. Появление уйгурского этноса С.Е. Малов относил к временам могущественных кочевых империй: «В Азии в древние века объединяющим терминологическим названием для крупных тюркских народов одно время были огузы и тугю (кит.) и другие тюркские, более малочисленные племена, например, ягма и др. Далее, в Центральной Азии были историческим старым народом уйгуры» [Там же: 136]. Тем самым С.Е. Малов способствовал утверждению автотонной гипотезы формирования тюркских народов в ареале их современного проживания.

Этническая история уйгуров в контексте древнеуйгурской изначальной гипотезы освещалась в трудах Д.И. Тихонова, И.В. Захаровой и Л.Р. Кызласова [Тихонов, 1966; Захарова, 1954; Захарова, 1963; Кызласов, 1969]. В 1966 г. была опубли-

кована монография Д.И. Тихонова, посвященная изучению хозяйственного и общественного строя Уйгурского государства в Турфане. Автор проигнорировал этническую историю края до прихода уйгуров, не коснулся этноязыковой принадлежности и культурного порядка автохтонного оседло-земледельческого населения. Рассмотрев формирование уйгурского этноса в монгольских степях, автор изложил в основном материал по социально-экономическому и политическому строю, проанализировал причины быстрого перехода всех уйгуров к оседлой жизни. Д.И. Тихонов не раскрыл участие в этногенезе поздних уйгуров Восточного Туркестана различных этнических элементов, включая караханидских тюрков-мусульман. Причины исчезновения этнонима «уйгур» в XVI в. он объяснил религиозными преследованиями буддистов: «после подчинения Уйгурского государства чагатаидами мусульмане, господствовавшие в Кашгарии, преследовали буддистов, силой насаждали ислам. Борьба против неверных и постоянная междоусобная неурядица заставили уйгуров забыть свое самоназвание и заменить его религиозным – мусульманин или же территориальным – кашгарлык, турфанлык, хотанлык и т.п.» [Тихонов, 1966: 24–25]. Однако в истории Центральной Азии не прослеживаются факты массового отказа кочевников от прежних этнонимов в связи с религиозными преследованиями или сменой религии. Тюркские народы устойчиво сохраняли в течение длительного периода этнические самоназвания и идентичность вне зависимости от религиозной принадлежности. Примером тому являются огузы и кипчаки, этногенетически связанные с кочевыми уйгурами. Таким образом, исследователи, поддерживающие древнеуйгурскую гипотезу этногенеза современных уйгуров, оказались вынуждены либо удревнять время этнической консолидации и завершения ассимиляции нетюркского населения, как это сделала И.В. Захарова, предположившая, что тюркизация Восточного Туркестана завершилась в XII в. и уйгурский язык распространился в качестве письменного и разговорного по всему краю [Захарова,

1954: 222], либо поддерживать концепцию коренного народа (indigenous peoples).

Крайний автохтонизм активно поддерживается современными уйгурскими историками, исследования которых выдержаны в духе крайнего индегинизма, культурного и этнического примордиализма. Еще в советский период известный уйгурский историк М.Н. Кабиров доказывал автохтонность уйгуров в восточном Туркестане и в Семиречье. Так, государство Караханидов им было объявлено одним из двух средневековых уйгурских государств, созданных «токуз-уйгурами», и на территории Восточного Туркестана, Семиречья и Средней Азии происходило «слияние кочевых уйгуров и уйгурских карлуков с оседлыми уйгурами» [Кабиров, 1975: 57]. Этой же точки зрения придерживается А.К. Камалов в работе «Древние уйгуры: VIII–IX вв.» и Набиджан Турсун, опубликовавший книгу, посвященную китайской историографии по этнической истории уйгуров. Мы специально не касаемся откровенно ксенофобских и мифологических публикаций К. Масими и других уйгурских публицистов, пишущих в жанре «фольк-истории».

Наиболее последовательно тождество древних кочевых уйгуров и современных уйгуров прослеживается известным уйгуроведом А.К. Камаловым, поддерживающим концепцию изначальной и непрерывной этногенетической и этнокультурной преемственности уйгурского этноса. Он относит появление племен уйгуров – гаочэ к IV–VII вв., прослеживая на основе легенды о Небесном волке и хуннской принцессе определенные этногенетические связи: «Легенда отразила наряду с генетической связью гаочэ с сюнну идею божественного происхождения правящего дома гаочэ, выраженную в обосновании наличия родственной связи предков гаочэ с правящим домом сюнну и с божественным животным» [Камалов, 2001: 59]. Камалов отождествляет уйгуров с тогуз-огузским племенным объединением, считая первых господствующей группой [Там же: 95]. В 840 г. Уйгурский каганат прекратил свое существование, уйгурские племена бежали в нескольких направлениях. Однако

этническая история уйгуров, в изложении А.К. Камалова, не прерывалась и продолжилась в оазисах Восточного Туркестана. Самая крупная группа уйгуров, полагает исследователь, «обосновалась в северных оазисах Восточного Туркестана, создав здесь впоследствии Уйгурское Турфанское княжество (IX–XIV вв.). Во время существования Турфанского княжества уйгуры окончательно восприняли оседло-земледельческие формы хозяйственной, социальной и культурной жизни. Создание государства в Таримских оазисах Восточного Туркестана представляло собой возрождение уйгурской государственности в западной оседло-земле-дельческой части Уйгурского каганата и означало перемещение центра уйгурской государственности из бассейна Орхона и Селенги на юго-западную окраину Уйгурской империи – Таримский бассейн и Джунгарию. Таким образом, в течение всего периода существования Уйгурского каганата происходил длительный процесс приспособления уйгурской военно-политической организации к социальной и политической жизни оазисов Восточного Туркестана. Этот процесс подготовил основу для дальнейшего развития и расцвета средневековой уйгурской государственности в Восточном Туркестане» [Там же: 193].

Сторонники гипотезы ирано-тохарского происхождения уйгуров придерживаются мнения, что формирование уйгурского этноса шло через постоянную ассимиляцию мигрировавших в регион этнических групп кочевников из монгольских степей местными индоевропейскими тохаро-иранскими этническими общностями, издревле занимавшихся оазисным хозяйством и построившими крупные городские центры, представлявшие опорные пункты мировой транзитной торговли. Индоевропейские племена населяли Восточный Туркестан с эпохи бронзового века, последние письменные памятники тохарского языка датируются VI–VIII вв. Тохарский язык отражен в памятниках письменности III–VII вв. из Карашара, Турфана и Кучи в Восточном Туркестане. Он представлен двумя вариантами – ранний «тохарский язык А» и более поздний – «тохарский язык В», с

также субстратным «тохарским языком С». По мнению ученых, язык памятников этой письменности является языком особой ветви индоевропейской семьи, имеющим множество соответствий в западноевропейских языках [Ртвеладзе, 2005: 35–36; Сверчков, 1997: 176–197]. Сторонники тохаро-иранской гипотезы считают тохаров и согдийцев аборигенами края, никогда полностью не уходившими из своих мест обитания, культура их существовала до VIII – возможно X вв. Они подверглись языковой ассимиляции со стороны постоянно прибывающих тюркоязычных групп, в свою очередь автохтоны ассимилировали кочевников в хозяйственно-культурном отношении. Таким образом, процесс ассимиляции представлял двустороннее движение. На протяжении всей истории региона доминирующей культурой южной части Восточного Туркестана являлась оседло-земледельческая культура городов-оазисов. Тюрки, являясь носителями традиций кочевой культуры, первоначально оседали, а затем смешивались с автохтонами региона. Отсюда проистекает европеоидность большей части уйгуров, унаследованной от автохтонного населения древности и раннего средневековья. О европеоидном облике носителей тохарских языков позволяют судить таримские мумии. Большинство исследователей, включая В. Мэйра и Э. Пуллиблэнка, полагают, что мумии Тарима следует идентифицировать с носителями тохарских языков [Сверчков, 1997: 179]. О. Лэттимор, исходя из расовой принадлежности уйгуров, относил их к представителям индоевропейского ассимилированного населения: «Язык уйгуров – чистый тюркский вследствие тюркских завоеваний в средние века, но до этого они говорили на одном из индоевропейских языков. Они на самом деле относятся к “чисто белой” расе в мире, принадлежат к группе, которую антропологи называют “альпийской”. Уйгуры являются крестьянами и горожанами, живущими в орошаемых оазисах» [Lattimore, 1962: 126]. Культурные границы в Восточном Туркестане формировались не на этнической идентичности и общности языка, а на единстве способа хозяйствования, основанного на оппозиции

кочевников и оседлых жителей; религиозной принадлежности – мусульмане, в лице караханидских тюрок и карлуков, против родственных уйгуров – буддистов и манихеев; географической среде обитания – западные оазисы Кашгарии, тесно связанные с экономико-культурным миром Мавереннахра и Хорезма, и восточные оазисы Турфанской впадины и провинции Ганьсу, находящиеся в поле мощного цивилизационного «притяжения» Китая и Тибета. Это определило отсутствие общего этнического самосознания и этнонима у тюрок-мусульман Синьцзяна, отмеченное путешественниками и исследователями края в XIX – начале XX вв. [См.: *Аристов*, 1896: 277–456; *Валиханов*, 1985; *Грум-Гржимайло*, 1926; *Куропаткин*, 1879; Путешествия Г.Н. Потанина по Монголии, Тибету и Китаю, 1910; *Пржевальский*, 1948].

Одним из первых обратил внимание на возможность индоевропейского происхождения тюрок Синьцзяна Ч.Ч. Валиханов. Он, опираясь на сведения китайских источников, нарисовал следующую этнографическую картину прошлого края: «первоначальные обитатели этого края... ни нравом, ни языком не походили на хуннов и усуней, что все имеют впалые глаза и высокий нос, и густую бороду, исповедуют буддийскую религию. Письмо их походит на индийское» [*Валиханов*, 1985: 283]. Наблюдательный исследователь, сравнив антропологический облик восточных туркестанцев и тюрок Средней Азии, усомнился в древнетюркских корнях местного населения, предположив их родство с ирано-индийскими народами, в первую очередь с кушанами: «По лицу же своему туркестанцы напоминают тип индо-персидский и очень походят на среднеазиатских таджиков... которые считают себя аборигенами страны еще до прихода тюрок. Бронзовый или кофейно-черный цвет кожи, углубленные глаза, прямой крючкообразный нос и худощавое сложение делают их совершенно отличными от народов тюркских или монгольских. Если уйгуры, занявшие страну в XI веке, были монголы, то каким образом могли так измениться физически, тогда как монголы Джучиевой орды и

узбеки сохранили свой монгольский тип в Мавереннагре» [Там же: 226]. Археологические исследования рубежа XX–XXI вв. культур «расписной» и «серой» керамики, идентифицируемых с носителями тохарских языков, подтвердили догадку Ч.Ч. Валиханова об этногенетических связях древнего населения Западного Китая с индоиранским миром. С учетом всех имеющихся погрешностей, пишет Л. Сверчков: «в ареале культуры “серой керамики” преимущественно был распространен восточно-средиземноморский (индо-афганский) расовый тип. В могильниках “культуры расписной керамики” зафиксированы все физические типы европейской расы, а также немалый процент представителей монголоидной расы, особенно на восточных окраинах, но населения средиземноморского облика, насколько можно судить по имеющимся данным, там меньше всего» [Сверчков, 1997: 178].

Тюрков Западного Китая Ч.Ч. Валиханов идентифицировал в соответствии с районами их проживания – сарты, таранчи (илийские уйгуры-земледельцы), кашгарцы, яркендцы, турфанцы; по религиозно-языковой принадлежности – тюрки или мусульмане. Ч.Ч. Валиханов, как и другие российские ученые того времени, общее название тюрко-мусульманского населения края определял как «туркестанцы», отличая их по антропологическому облику от тюрков Средней Азии и сближая с населением Афганистана. Валиханов к потомкам кочевых уйгуров относил дунган. По его предположению, уйгуры насильственно или добровольно выселялись танской администрацией из степи в приграничные провинции империи, и, со временем, «живя среди китайцев, уйгуры мало-помалу забыли свой язык и приняли обычаи китайцев, так что в настоящее время они не отличаются с виду от китайцев ни одеждою, ни образом жизни, только как исповедующую отличную от китайцев веру – мусульманскую – они составляют поэтому особую общину и племя в государстве» [Валиханов, 1968: 38].

А.Н. Куропаткин в историко-географической работе «Кашгария» также затронул вопросы происхождения синьцзянских

тюрков-мусульман, считая их потомками индоевропейского «арийского» населения. В древности, писал он, «Местность, известная в настоящее время под именем Восточного Туркестана, первоначально была населена, по мнению современных писателей, арийскою расою» [Куропаткин, 1879: 74]. Со II в., считает А.Н. Куропаткин, начались вторжения гуннов, под которыми он понимал уйгуров, покоривших автохтонное население. Гунны или уйгуры, пишет он далее, «утвердились в Восточном Туркестане и слились с народностями, которые остались и после их нашествия в этой стране. В зависимости от того, какую часть страны заняли уйгуры, – горы или равнины, – они, с течением времени, образовали или оседлое население или кочевое. Первые, в дальнейшей истории Кашгарии, носят название по городам, в округах которых они поселились; так, встречаются кашгарцы, хотанцы, яркендцы, аксуйцы, кучинцы и др. Все жители этих городов, вследствие подмеси посторонних рас, утрачивают первоначальный монгольский тип» [Там же: 76]. Истинными потомками кочевых уйгуров Куропаткин считал ойратов и кыргызов, сохранивших хозяйственно-культурный уклад жизни и антропологический облик древних кочевников монгольских степей: «Уйгуры, занявшие горную страну, окружающую Восточный Туркестан – Тянь-шань северный и западный, остались кочевниками до настоящего времени. В дальнейшей истории Кашгарии мы встретим их под названием джунгаров (калмыков) и бурутов (кара-киргизов или дикокаменных киргизов). Монгольский тип особенно хорошо сохранился первыми из них» [Там же: 77]. Современные генетические исследования образцов мумий эпохи поздней бронзы из Кизилчока (Qizilchoqa) в Хами, проведенные П. Франкалаччи, показали, что древние жители входили в гаплогруппу «Н». Группа «Н» присуща европеоидному населению, но крайне редка у неевропеоидного – около 0,25%. Для сравнения, у французов и славян-боснийцев группа «Н» составляет 48%, у немцев – 46,3%, у испанцев – 45,1%, у русских – 42%, у шведов и финнов 40–41%, в то время как, например, у саамов – 4%, у

якутов и индусов – 3%. Генетические исследования китайских биологов показали начало проникновения генных признаков, присущих восточноазиатскому (монголоидному) населению, в оазисы Таримского бассейна только со II в. до н.э., что полностью согласуется с данными китайских письменных источников и предположениями дореволюционных российских ученых [Сверчков, 1997: 178–179].

В «таджикской» или «арийской» концепции Г.Е. Грумм-Гржимайло, коренным населением Восточного Туркестана признаются иранские народы. Выдающийся ученый предполагает, что уйгуры мигрировали после распада своей кочевой империи в Джунгарию и в Турфанский оазис. В этом краю их вожди (идикуты), отказавшись от военных экспансий и периодически подчиняясь более воинственным соседям, обеспечили сохранность своего народа: «слив свои интересы с интересами культурного населения своих новых владений... сумели оградить производительные и культурные центры от случайностей борьбы, грабежа и насилий, и последние разрослись, разбогатели и в свою очередь положили основание могуществу и богатству тьянь-шаньских уйгуров» [Грумм-Гржимайло, 1926: 367]. Автохтонным населением северной части Восточного Туркестана Г.Е. Грумм-Гржимайло считал «древних чешысцев», создавших в каменистой и маловодной степи уникальную земледельческую цивилизацию, основанную на строительстве кяризов. Он отверг предположение, что под «чешысцами» скрывается какая-то часть уйгуров, отколовшихся рано от основного этнического ядра [Грумм-Гржимайло, 1948: 211–212]. Исследователь отмечал общую тенденцию тюркизации автохтонного населения Центральной Азии, в первую очередь, затронувшую восточно-турке-станские города-оазисы, первыми принимавшие потоки мигрировавших кочевников. По его мнению, «первые жители Турфана были иранцы, которые благодаря наплыву с востока различных народностей тюркского корня, были частью оттеснены на запад, частью с ними настолько смешались, что утратили язык и свои расовые отличия. Подобное погло-

щение тюрками древних иранцев... не закончилось и поныне. Оно шло медленно, всего сильнее, конечно, выразилось на востоке и севере и вовсе не коснулось еще таджикского населения притоков Пянджа и верхнего Зеравшана. Но даже и на крайнем востоке, в Хами и Турфане, несмотря на сотню сменившихся затем поколений, иранская кровь сказывается в типе народном; а это, конечно, не может не служить доказательством, что и эта часть Притяньшанья когда-то также была населена таджиками» [Там же: 221].

Концептуальные основы гипотезы ирано-тохарского происхождения предков уйгуров и их тюркизации в течение первого тысячелетия нашей эры, были развиты в трудах В.В. Бартольда, рассматривавшего кочевых уйгуров как пришлый народ на территории Восточного Туркестана, часть тюркского субстрата, оседавшего и ассимилировавшего местное иранское население. Предшественниками уйгуров были басмылы и тюрки-огузы или тюрки-шато, участвовавшие в создании государства Караханидов и принявшие ислам. «Подлинные» уйгуры, по мнению Бартольда, входили в состав Тюркского каганата и их нельзя отождествлять с тогуз-огузами, под которыми им понимались тюрки-шато, одними из первых проникшие в Восточный Туркестан [Бартольд, 2002: 50–55]. Тюрки-огузы, карлуки и басмылы вели ожесточенную войну с «иноверцами» уйгурами, исповедовавшими буддизм и создавшими в Турфане свою государственность. Исследователь особо отмечал господствовавший в Восточном Туркестане до конца XIX в. этнический и политический партикуляризм, отсутствие общетнического сознания: «под властью калмыков и потом под властью китайцев турки Восточного Туркестана не имели своего народного названия и не нуждались в нем; отдельные части народа называли себя по городам и местностям, где они жили (кашгарлык, турфанлык и т.п.)» [Там же: 191]. В.В. Бартольд считал необоснованным принятие интеллигенцией Восточного Туркестана этнонима «уйгур» для обозначения тюрко-мусульманского населения края, так как владения «подлинных» уйгуров никогда

не охватывали территорию всего региона. Потомками средневековых уйгуров он считал юйгу провинции Ганьсу (сары-югуры и шира-югуры), сохранивших буддийское вероисповедание, пользование уйгурским алфавитом и уйгурской религиозной литературой. В отношении тюркского оседло-земледельческого населения Западного Китая им использовался термин «мусульманские турки» [Там же: 192]. В концепции В.В. Бартольда этногенез уйгуров происходил в результате длительной тюркизации местного оседло-земледельческого населения, близкого по происхождению и культуре ираноязычным народам Средней Азии и обратной аккультурации пришлых кочевников, оседлавших и принимавших ислам.

В историко-этнографической науке гипотеза ирано-тохаро-тюркского синтеза в различной степени поддерживалась и развивалась в трудах Ю.А. Зуева, А.Г. Малявкина, Л.А. Боровковой, А.Ш. Кадыр-баева, С.Г. Кляшторного, Э.В. Ртвеладзе, Л.В. Чвырь, В.П. Юдина. Наиболее последовательно критика гипотезы древнеуйгурского автохтонизма прослеживается в исследованиях известного сиолога А.Г. Малявкина, критически относившегося к устоявшейся традиции употребления этнонима «уйгур» в широком смысле, идущей от китайских нарративных источников и ставшей доминирующей в научной литературе, что не соответствует истине. По мнению ученого, основная часть кочевых уйгуров и тогуз-огузов не участвовала в сложении уйгурского этноса в Восточном Туркестане: «собственно уйгуры бежали с территории каганата в район Великой Китайской стены, в Принаньшань, и очень незначительная их часть откочевала в район Кучи. Общая численность населения, покинувшего в 840 г. восточную половину каганата, достигла примерно 400 тыс. – среди них были в основном собственно уйгуры и, возможно, часть других тогуз-огузских племен, сохранивших верность союзу. Из трех групп беглецов только кучарские уйгуры, потерявшие независимость около 866 г., приняли участие в этногенезе современного населения Восточного Туркестана» [Малявкин, 1983: 253–254]. А.Г. Малявкин указы-

вает на гибель основной части уйгуров в борьбе с Танской империей. Успех китайских властей был обусловлен серьезными разногласиями и межплеменными противоречиями среди значительных по численности групп уйгуров, переселившихся к границам Китая. «Китайские дипломаты – пишет он, – умело использовали отсутствие сплоченности в их среде, а также всевозможные затруднения, в том числе продовольственные, и, в конце концов, полностью уничтожили их. Часть уйгуров “добровольно” или в результате пленения перешла на службу к Танскому государству. Их расселили по различным генерал-губернаторствам, где они несли службу по охране границ» [Малявкин, 1975: 81–82; Малявкин, 1972: 29–35]. Миграция групп переселенцев, бежавших на запад в Ганьчжоу и Турфан, из-за их незначительной численности не вызывала каких-либо осложнений. Тогуз-огузские племена (кроме уйгуров), захватившие район Восточного Тянь-Шаня в 866 г. и примерно в это же время ликвидировавшие Уйгурское кучарское княжество, создали здесь крупное государство – Турфанское княжество, просуществовавшее более 400 лет. Поставив под свой контроль коренное оседлое население и отдельные мелкие кочевые племена, оказавшиеся на этой территории, тогуз-огузы стали кочевать на обширных степных пространствах, главным образом к северу от Тянь-Шаня. Тогуз-огузы в основной массе сохранили кочевой образ жизни до самой гибели Турфанского княжества. А.Г. Малявкин критикует уйгуроцентристский подход в изучении этногенеза современного населения Восточного Туркестана за недостаточное освещение участия в формировании современного уйгурского этноса других этнических групп, в частности согдийцев, издавна втянутых в мировую торговлю. В этногенезе уйгуров, считает ученый, участвовала лишь незначительная часть тогуз-огузов, осевшая во время их господства на Восточном Тянь-Шане, а также небольшая группа собственно уйгуров. В средние века, считает он, этноним «уйгур» трактовался весьма широко: «Уйгурами именовались не только все тогуз-огузские племена, входившие в состав каганата, но и

согдийцы, а позднее вообще мусульмане Западного края» [Малаякин, 1983: 254].

А.Ш. Кадырбаев считает попытки представить «новоуйгурскую» этническую общность как изначальную, восходящую к уйгурам хуннского времени, несостоятельной. По его мнению, в процессе своего переселения на запад уйгуры смешивались с карлуками и населением оазисов – носителями древнеиранских культурных традиций. В этой связи затруднительна идентификация симбиозных групп как «чистых» уйгуров. Ученый считает средневековую уйгурскую культуру Восточного Туркестана продолжением двух традиций: местной буддийской индоевропейского населения оазисов и уйгурской орхонского периода [Кадырбаев, 1993: 37].

С.Г. Кляшторный поддерживает концепцию многокомпонентности этнического состава уйгуров, включающих как потомков древнего оседло-земледельческого населения, так и многочисленные кочевые племена, непрерывно прибывавшие с севера и востока с II века. С.Г. Кляшторный полагает, что в эпоху, предшествующую концу I тыс. до н.э. – началу I тыс. н.э., Восточный Туркестан и северо-западная часть Ганьсу (Хэси), судя по имеющимся сейчас материалам, были областью индоевропейского этногенеза. С первой половины I тыс. н.э. эта область становится также одним из центров тюркского этногенеза [Кляшторный, 1964: 113–114]. Формирование тюркского субстрата происходило за счет принявших ислам карлуков, караханидских тюрков и тогуз-огузов, в том числе собственно уйгуров. С.Г. Кляшторным и Т.И. Султановым отмечена схожесть процесса «переплавки» тюркских племен в новые этнические общности в Средней Азии и Восточном Туркестане, этническим ядром которых выступало оседло-земледельческое население: «Оказавшись в зоне мощного воздействия оседлой цивилизации, тюркские племена были втянуты в новую систему экономических и социальных отношений, стали частью этой системы и нашли приемлемые пути вхождения в уже давно сложившиеся хозяйственно-культурные регионы

Средней и Передней Азии» [*Кляшторный, Султанов, 2009: 138*]. Т. Барфилд в исследовании «Опасная граница» отмечает отсутствие в иранском мире непримиримого противостояния оседлого населения и кочевников, в китайской цивилизации принявшего характер «культурного расизма» по отношению к «некультурным» скотоводам – варварам [*Барфилд, 2009: 250*]. Проникавшие в кочевую степь ираноязычные согдийцы несли достижения, культурные и социальные ценности древней цивилизации Мавереннахра. В свою очередь, двигавшиеся с востока кочевники создавали могущественные государства в Передней и Средней Азии, восхищая культурное население своим героическим духом и отсутствием пороков «цивилизованных» народов. Идеологическим основанием интеграции выступал ислам, принятый тюрками Центральной Азии от своих давних оседлых партнеров и союзников – иранских этнических групп. В домонгольский период, считают С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов, по мере сложения феодальной государственности, включения тюркских племен в сферу оседлой, прежде всего городской культуры, в Средней Азии, Семиречье и Кашгарии сложились предпосылки оформления надплеменной этнической общности с одним общеупотребительным языком и письменной культурой [*Кляшторный, Султанов, 2009: 138–139*].

Казахстанский востоковед В.П. Юдин обратил внимание на недооценку роли могульских племен в этногенезе уйгуров. Длительное время предки уйгуров за пределами Восточного Туркестана именовали себя могулами, а свою родину – Могулией или Могулистаном. Многие могульские племена ассимилировались, переходя от кочевого скотоводства к оседлому земледелию и другим традиционным хозяйственным занятиям уйгуров, сохраняя вплоть до XX в. память о своем могульском происхождении. Юдин считает могулов «самым крупным последним компонентом в необыкновенно сложной истории формирования современных уйгуров... Могуло-уйгурское этническое взаимодействие протекало под знаком ассимиляции могулов уйгурами» [*Юдин, 2001а: 132, 134*]. В.П. Юдин пола-

гает, что «могулы, наряду с другими этносами, являются прямыми физическими предками современных уйгуров» [Юдин, 2001а: 134]. Могулы и чагатаи также входят в число предков казахов, кыргызов, узбеков, тюрков Ирана и Афганистана, лобнорцев и доланов Китая [См.: Юдин, 2001б: 72–95].

Комплексные многолетние исследования народной обрядности тюркского населения Центральной Азии и таджиков позволили советским и российским этнографам говорить о многовековой этнокультурной интерференции и синтезе в регионе, приведших к подвижности и размытости этнических границ. Так, в сфере детской обрядности ближе к уйгурам находятся этнографические группы таджиков и узбеков Ташкентского оазиса, Зеравшанской и Ферганской долин, горных и предгорных районов Таджикистана [Чвырь, 2001: 436]. Сравнение традиционных наборов украшений среднеазиатских тюрков, проведенное Л.А. Чвырь, показало относительно минимальную (в сравнении с монголами, маньчжурами и другими центральноазиатскими народами), но, указывающую на общность происхождения связь уйгуров с соседними народами – казахами и кыргызами. Наибольшая близость и принципиальная схожесть в наборах традиционных украшений уйгуров отмечалась с карлуками и южнохорезмскими узбеками, потомками сартов [Чвырь, 1986: 211–248]. Праздники цветов, отмечаемые уйгурами Синьцзяна перед Наврузом, также имеют среднеазиатское и древнеиранское происхождение [Доржиева, 2009: 19–22]. Л.А. Чвырь, на основе изучения этнографии повседневности уйгуров и других туркестанских народов, пришла к выводу о том, что движущей силой этнической истории региона являлись: «долговременные и интенсивные контакты разнообразных тюрко- и ираноязычных групп населения в Средней Азии на протяжении почти полутора тысячелетий. Эти взаимодействия не могли не привести к синтезу тюрко-иранского культурного пласта, который хотя и изучается давно, но осмыслен все еще недостаточно. Следствием этого исторического феномена и является устойчивое и глубокое культурное сходство оседлых

групп ирано- и тюркоязычного населения (сартов, чагатаев, кашгарлыков и др.)» [*Чвырь*, 2001: 438].

На наш взгляд, территория исторического Хорасана, Хорезма, Западного и Восточного Туркестана с глубокой древности представляла своеобразный «плавильный котел», переплавлявший древние и средневековые индоевропейские и тюркомонгольские этнические группы в новые общности. «Конструирование» новых народов, на основе этнического синтеза оседло-земледельческого ираноязычного населения и тюркомонгольских кочевников, облегчалось мощной диффузией культурных ценностей ирано-мусульманского мира в мир кочевых групп восточного происхождения. Аккультурация кочевников приводила, с одной стороны, к сближению их с автохтонами региона, с другой – к их противостоянию с родственными по происхождению народами, как в случае с караханидскими тюрками и уйгурами, или туркменами-мусульманами и их собратьями язычниками карлуками и огузами. Центральная Азия издревле характеризуется взаимопроникновением оседло-земледельческого и кочевого типа хозяйствований. Для иранцев и тохаров тюркские кочевники не были некоей враждебной силой, непримиримыми степными варварами-хищниками, какими они предстают в дальневосточной культурной традиции. Некоторые иранские этнические общности, начиная с древних саков и кушан и до современных пуштунов и белуджей, сами были кочевниками, инкорпорировавшими отдельные группы тюрков или входившими в состав мигрировавших тюркских народов. Подвижность этнических границ была связана с хозяйственными, культурными и социальными особенностями развития локальных «миров» Ирана и Турана, открытостью их миграциям тюркских кочевников, двинувшихся в начале первого тысячелетия на запад. Иранско-тохарский мир не воздвиг культурной «Великой Китайской стены», отделившей бы их от грозных кочевников. Часть пришлого тюркского субстрата была ассимилирована местным ираноязычным населением (хазарейцы, гильзаи или хилджи Афгани-

стана), часть вошла в состав ассимилированного городского и земледельческого населения, пройдя сложный путь аккумуляции и адаптации к оседлому образу жизни и хозяйствования (узбеки, уйгуры, тюрки Ирана и Анатолии), часть перемешалась с кочевниками-иранцами, передав им свое название и антропологический облик (туркмены, казахи, кыргызы). При рассмотрении гипотез этнической истории уйгуров, на наш взгляд, следует отказаться от постулатов автохтонизма и поисков доказательств существования «вечного народа Восточного Туркестана». Этногенез уйгуров происходил в условиях непрекращающегося давления тюркских племен на индоевропейское оседло-земледельческое население, с последующей взаимной адаптацией и аккумуляцией. Вследствие этого происхождение уйгуров носит смешанный характер. Одни и те же родоплеменные группы кочевников, включая уйгуров, принимали активное участие в этногенезе народов Центральной Азии. На наш взгляд, основу кипчакских племен составили уйгуро-огузские племена. Этнические границы определялись локальными особенностями хозяйствования и степенью взаимопроникновения оседлых жителей и кочевников. В целом, этногенетическое родство и этнокультурная близость тюрков и таджиков Средней Азии с уйгурами Синьцзяна не подлежит сомнению.

Библиография

Источники:

- Арабские источники о тюрках, 1993: Арабские источники о тюрках в раннее средневековье / Сост. и ред. Ф.М. Асадов. Баку, 1993.
- Гильом де Рубрук*, 1996: *Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны*. Переизд. М., 1996.
- Китайские документы по истории, 1994: Китайские документы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана в XIV–XIX вв. / Отв. ред. Г.С. Садвокасов. Алматы, 1994.
- Кюннер*, 1961: *Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока*. М., 1961.

- Малявкин*, 1974: *Малявкин А.Г.* Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974.
- Материалы по истории, 1990: Материалы по истории кочевых народов в Китае. III – V вв. / Под ред. В.С. Таскина. Вып. 2 «Цзе». М., 1990.
- Махмуд аль-Кашигари*, 2005: *Махмуд аль-Кашигари.* Диван Лугат ат-Турк. Перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой. Алматы, 2005.
- Рашид ад-Дин*, 1952: Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Перевод Л.А. Хетагурова. Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952.
- Родословная туркмен, 1958: Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. М.; Л., 1958.
- Тизенгаузен*, 1884: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.
- Худуд аль-Алам*, 1973: *Худуд аль-Алам.* Пер. извлечений с перс. З.Н. Ворожейкиной // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.

Литература:

- Агаджанов*, 1969: *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.
- Аристов*, 1896: *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Вып. III–IV. 1896.
- Ахмедов*, 1985: *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1985.
- Бартольд*, 2002: *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории туецких народов // Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Переизд. М., 2002.
- Бартольд*, 1963: *Бартольд В.В.* Очерки истории Семиречья / Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
- Бартольд*, 1973: *Бартольд В.В.* Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг.» // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. М., 1973.
- Барфилд*, 2009: *Барфилд Т.* Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). СПб., 2009.
- Бернштам*, 1946: *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы // Труды института востоковедения. Т. XLV. М.; Л., 1946.

- Бернштам*, 1951: *Бернштам А.Н.* Очерки истории гуннов. Л., 1951.
- Бичурин*, 1950: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л. Т. I. 1950.
- Боровкова*, 1989: *Боровкова Л.А.* Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (Историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989.
- Боровкова*, 2001: *Боровкова Л.А.* Царства «западного края» во II–I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М., 2001.
- Валиханов*, 1968: *Валиханов Ч.Ч.* Восстание дунган в Западном крае Китайской империи / Валиханов Ч.Ч. Сочинения. Т. IV. Алма-Ата, 1968.
- Валиханов*, 1985: *Валиханов Ч.Ч.* О Западном крае Китайской империи / Валиханов Ч.Ч. Сочинения. Т. II. Алма-Ата, 1985.
- Ганиев*, 2006: *Ганиев Р.Т.* Восточно-Тюркский каганат в Южной Сибири и Центральной Азии во второй половине VI – первой половине VIII вв. // Автореф. дисс... к.и.н. Екатеринбург, 2006.
- Грумм-Гржимайло*, 1926: *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. В 2-х тт. Т. II. 1926.
- Грумм-Гржимайло*, 1948: *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Описание путешествия в Западный Китай. М., 1948.
- Доржиева*, 2009: *Доржиева Д.Д.* Праздники цветов как пережиток древнего культа плодородия у уйгуров Восточного Туркестана // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 41(179). История. Вып. 38.
- Захарова*, 1954: *Захарова И.В.* Материальная культура уйгуров Советского Союза // Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М., 1954.
- Захарова*, 1963: *Захарова И.В.* Уйгуры // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. М., 1963.
- Зуев*, 1981: *Зуев Ю.А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий: (К вопросу о сущности и пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма: (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.
- Зуев*, 2002: *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
- Кабиров*, 1975: *Кабиров М.Н.* Очерки истории уйгуров Советского Казахстана. Алма-Ата, 1975.

- Кадырбаев*, 1993: *Кадырбаев А.Ш.* Очерки истории средневековых уйгуров, джалаириров, найманов и киреитов. Алматы, 1993.
- Казембек*, 1841: *Казембек А.К.* Исследование об уйгурах // Журнал Министерства народного просвещения. 1841. Ч. XXXI.
- Камалов*, 2001: *Камалов А.К.* Древнеуйгурские рунические памятники и китайские источники (Опыт сопоставительного анализа) // Древнетюркская цивилизация: памятники письменности. Алматы, 2001.
- Камалов*, 2001а: *Камалов А.К.* Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы, 2001.
- Киселев*, 1957: *Киселев С.В.* Древние города Монголии // Советская археология. 1957. № 2. С. 91–101.
- Кляшторный*, 1964: *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кляшторный*, 2006: *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
- Кляшторный*, 2010: *Кляшторный С.Г.* Ордубалык: рождение городской культуры в Уйгурском каганате // Древние культуры Евразии. СПб., 2010.
- Кляшторный*, 2011: *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2011.
- Кляшторный*, *Савинов*, 2005: *Кляшторный С.Г.*, *Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Кляшторный*, *Султанов*, 2009: *Кляшторный С.Г.*, *Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб., 2009.
- Кононов*, 1958: *Кононов А.Н.* Введение // Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. М.; Л., 1958.
- Куропаткин*, 1879: *Куропаткин А.Н.* Кашгария. СПб., 1879.
- Кызласов*, 1969: *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
- Литвинский*, 1981: *Литвинский Б.А.* Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981.
- Малов*, 1951: *Малов С.Е.* Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XI. Вып. 2. М., 1952.
- Малов*, 1967: *Малов С.Е.* Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. М., 1967.

- Малявкин, 1972: Малявкин А.Г.* К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата // Известия СО АН СССР. № 1. Серия «Общественные науки». Вып. 1. Новосибирск, 1972.
- Малявкин, 1974: Малявкин А.Г.* Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974.
- Малявкин, 1975: Малявкин А.Г.* Китай и уйгуры в 840–848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
- Малявкин, 1980: Малявкин А.Г.* Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.
- Малявкин, 1981: Малявкин А.Г.* Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
- Малявкин, 1983: Малявкин А.Г.* Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983.
- Малявкин, 1989: Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
- Набиджан, 1997: Набиджан Т.* Вопросы этногенеза уйгуров в китайской историографии. Бишкек, 1997.
- Петрушевский, 1952: Петрушевский И.П.* Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Перевод Л.А. Хетагурова. Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952.
- Позднеев, 1899: Позднеев Д.М.* Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб., 1899.
- Потанов, 1966: Потанов Л.П.* Этноним теле и алтайцы // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. М., 1966.
- Потанов, 1969: Потанов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.
- Пржевальский, 1948: Пржевальский Н.М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. М., 1948.
- Путешествия Г.Н. Потанина..., 1910: Путешествия Г.Н. Потанина по Монголии, Тибету и Китаю / Под ред. М.А. Лялиной.* СПб., 1910.
- Радлов, 1893: Радлов В.В.* К вопросу об уйгурах. СПб., 1893.
- Рахманалиев, 2009: Рахманалиев Р.* Империя тюрков. Великая цивилизация. М., 2009.
- Ртвеладзе, 2005: Ртвеладзе Э.В.* Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент, 2005.

- Садри Максуди*, 2002: *Садри Максуди Арсал*. Тюркская история и право / Пер. с турец. Казань. 2002.
- Сверчков*, 1997: *Сверчков Л.* «Тохарская проблема» и культура расписной керамики эпохи раннего железа // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Ташкент, 1997.
- Тенишев*, 1961: *Тенишев Э.Р.* Этнический и родоплеменной состав народности юйгу // Этнографическое обозрение. 1961. № 1. С. 59–66.
- Тенишев, Тодаева*, 1966: *Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х.* Язык желтых уйгуров. М., 1966.
- Тихонов*, 1966: *Тихонов Д.И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства. X–XIV века. М.; Л., 1966.
- Трепавлов*, 2001: *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001.
- Чвырь*, 1986: *Чвырь Л.А.* Сравнительный очерк традиционных украшений уйгуров и соседних народов Центральной и Средней Азии (XIX – начало XX в.) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока / Под ред. Б.А. Литвинского. М., 1986.
- Чвырь*, 2001: *Чвырь Л.А.* Туркестанцы: уйгуры Синьцзяна и народы Средней Азии в этнокультурном отношении // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001.
- Шафиев*, 2000: *Шафиев Ф.* Этногенез и история миграций тюркских кочевников: закономерности процесса ассимиляции. Баку, 2000.
- Этнический атлас Узбекистана, 2002: Этнический атлас Узбекистана / Отв. ред А. Ильхамов. Ташкент, 2002.
- Юдин*, 1965: *Юдин В.П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии // Известия АН Казахской ССР. 1965. С. 52–65.
- Юдин*, 2001а: *Юдин В.П.* Могулы // Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001.
- Юдин*, 2001б: *Юдин В.П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими народам // Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001.
- Drompp*, 2002: *Drompp M.R.* The Uighur-Chinese Conflict of 840–848 // Warfare in Inner Asian History: 500–1800. Boston, 2002.
- Lattimore*, 1962: *Lattimore O.* Studies in Frontier History. L., 1962.
- Sinor*, 1998: *Sinor D., Geng Shimin, Kychanov Y.I.* The Uighurs, the Kyrgyz and the tangut (eighth to the thirteenth century) // History of civilizations of Central Asia. Volume IV. UNESCO. 1998.

Кыргызы: дискурсы этногенеза и этнической истории*

Кыргызы (самоназвание «кыргыз») – народ тюркского происхождения, являются основным населением Республики Кыргызстан. Кыргызский язык относится к киргизско-кипчакской подгруппе тюркской группы языков алтайской языковой семьи. Кыргызский язык близок к языкам народов Алтая, являясь по происхождению восточно-тюркским языком. Этногенез современных кыргызов проходил в среде кипчакоязычных народов, поэтому в своей современной лексике он все же ближе к кыпчакским языкам, к которым его причисляют (в составе отдельной киргизо-кыпчакской подгруппы). Современный кыргызский язык имеет значительное сходство с казахским языком. По вероисповеданию кыргызы – мусульмане суннитского толка. Небольшая группа тарбагайских киргизов (около 1800 чел.) исповедует буддизм ламаистского направления.

Расселение и численность. Численность кыргызов составляет более 4 млн человек. В Республике Кыргызстан, по данным переписи 2010 г., проживает 3804 тыс. кыргызов. Численность кыргызов в республике с 1926 г. по 2010 г. увеличилась в 6 раз, с 668 тыс. до 3800 тыс. В Узбекистане численность кыргызов составляет 250 тыс. человек. Основная часть узбекистанских кыргызов размещена в Ферганской долине, издавна являющейся районом интенсивных межэтнических контактов. В Китае численность кыргызов составляет 145 тыс. человек, расселенных в Кызыл-Суйском автономном округе Синьцзян-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ: грант 11-01-00534а «Этногенез: воображаемые пращуры и реальные потомки» и при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», направление 3: «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре», проект «Этносоциология гостеприимства: дрейф от солидарности к антропоцентризму».

Уйгурского автономного района КНР. В Таджикистане проживают примерно 65 тыс. памирских кыргызов. Установить численность кыргызов в Российской Федерации и Казахстане представляется затруднительным, вследствие большого миграционного притока из Республики Кыргызстан.

Источники по истории кыргызов. Первые упоминания о народе кыргызов мы находим в древних китайских источниках, в которых они выступают под различными названиями. Академик В.В. Бартольд отмечал: «Киргизы (кыргыз) принадлежат к числу древнейших народов Средней Азии. Из народов, живущих в Средней Азии в настоящее время, нет, по-видимому, ни одного, название которого так рано встречалось бы в истории» [Бартольд, 1963: 471]. Относительно целостную картину истории народов, проживавших севернее и западнее Великой Китайской стены, можно составить благодаря сведениям, сообщаемым китайской официальной историографией. Востоковедческая традиция относит к предкам кыргызов народы «гэгунь» и «динлин», упоминаемых в «Исторических записках» (Ши Цзи) Сыма Цяня. Тогда время появления кыргызов на исторической арене следует отнести к 201 г. до н.э. [Там же: 471–472]. Сыма Цянь скупно сообщил о включении предполагаемых предков кыргызов в состав кочевой империи хуннов: «Позднее, когда [Маодунь] покорил на севере владения хуньюев, цюйшэ, динлинов, гэгуней и синьли, все знатные люди и сановники сюнну подчинились [ему] и стали считать шаньюя Маодуня мудрым» [Материалы по истории сюнну, 1968: 41]. Бань Гу в «Цянь Хань Шу» («История ранней династии Хань») поведал о проживании динлинов севернее хуннов [Материалы по истории сюнну, 1973: 37]. После II в. исчезают из анналов истории динлины. Исчезновение на пять веков упоминаний о кыргызских племенах, возможно, связано с их временным упадком, как следствие крушения империи родственных хуннов. Нельзя не учитывать и кризис самой китайской государственности, переживавшей период распада и подчинении иноземным династиям между II–VI ве-

ками. Это обстоятельство влияло и на китайскую официальную историю.

Киргизы вновь появляются в исторических хрониках Танской империи (618–907 гг.), вновь объединившей под своей властью китайские земли. В танских хрониках указывается географическое размещение и впервые сообщается об антропологическом облике, языке и самоназвании кыргызов. Из истории китайской династии Тан – «Тан Шу» (618–907 гг.) известно, что китайский полководец Ли Лин, перешедший в 99 г. до н.э. на службу к гуннам, получил от них во владение страну Хягас. По сообщению китайских хроник: «Хагас есть древнее государство Гяньгунь. Оно лежит от Хами на запад, от Харашара на север, подле Белых гор. Иные называют сие государство Гюйву и Гйегу. Жители перемешались с динлинами... Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком, а жители с карими глазами считались потомками Ли Лина. Мужчин было менее, нежели женщин. Мужчины носили кольца в ушах. Они горды и стойки. Храбрые из них татуируют руки себе, а женщины, – по выходе замуж, татуируют себе шею. Оба пола живут не раздельно, и посему много распутства» [*Бичурин*, 1950: 350]. Н.В. Кюннер дополняет: «Храбрейшие из взрослых мужчин все чернят лицо в качестве отличия. Женщины, выйдя замуж, также чернят (лицо) от уха до шеи» [*Кюннер*, 1961: 60]. Из китайских хроник мы можем сделать вывод об этногенетических связях древних кыргызов с этническими общностями «скифского круга», конкретно с носителями пазырыкской культуры, отождествляемой либо с юэчжями (В.А. Могильников), либо с самодийцами (В.И. Молодин). Как и енисейские кыргызы, древние пазырыкцы имели европеоидный антропологический фенотип и наносили татуировки схожим образом: мужи-воины на руках, женщины на шее и предплечьях. Ю.С. Худяков, М.П. Грязнов и Н.В. Полосьмак отмечают существование обычая татуирования у кочевых племен скифо-юэчжийского круга Саяно-Алтая и у енисейских кыргызов [*Грязнов*,

1961: 12–13; Худяков, 2001: 81–82; Полосьмак, 1994: 32]. Это позволяет существенно корректировать выводы о путях развития этнической культуры пазырыкцев, так как сибирские археологи предполагали массовый отток пазырыкцев-юэчжей на запад или на север [Молодин, 2001: 136; Молодин, Полосьмак, 2000: 72; Могильников, 1988: 83]. На наш взгляд, существует определенная этногенетическая и этнокультурная связь между пазырыкцами и древними кыргызами. Вероятно, ареал расселения носителей пазырыкской культуры (VI–III вв. до н. э.) перекрывал территорию, на которой позже сформировался этнический субстрат, ассимилированный енисейскими кыргызами.

В исторических сочинениях империи Сун (960–1279 гг.) продолжена традиция историописания северных кочевников. В «Тайпинхуаньюцзи» сообщается о географии расселения, преемственности этнонимов ранних и более поздних кыргызов: «Сяцзясы есть государство в северо-западной степи. Первоначальное название – цэйегу, другое – цзюйу, еще называют их цзянь-гунь. “Исторические записки” называют их цзяньгунь, Ханьская история называет гэгунь. Находятся на северо-западе от хуйхэ, в 40 днях пути. Одно издание говорит о 3000 ли. Их жители телом все высоки и велики, с красными волосами, с зелеными глазами. Имеющих черные волосы называют несчастливыми. Ибо в “Сиюйцзи” (“Записки о западном крае”), сочинении Цзя Хуя, говорится: “Имеющие черные волосы и черные глаза – это потомки Ли Лина”. Поэтому их самоназвание есть: “потомки дувэя” (главноуправляющего, т. е. Ли Лина)» [Кюнер, 1961: 56]. Сунские хроники дают сведения о хозяйственно-культурном укладе жизни, торговых отношениях с соседями и военном потенциале кыргызов [Там же: 57–58]. В XI в. были написаны сочинения – энциклопедия «Цэфу юаньгуй» (1005–1013 гг.) и хроника «Цзычжи тунцзянь» Сыма Гуана (1066–1085 гг.), где также находим сведения о кыргызах. Династийные истории «Сун ши» и «Ляо ши» были составлены в XIV в. В «Сун ши» в главе 490, в «Путевых записях о Сичжоу» Ван Яньдэ (981–984 гг.) есть известия о кыргызах, кото-

рые вместе с другими народами Центральной Азии – тюрками, ягма, карлуками и др. – находились в подчинении государства Гаочан (Турфанского идыкутства) [Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана..., 2003: 8–9].

После крушения империи Тан и распада кыргызской державы между X – началом XIII вв. начинаются «темные века», не освещенные в китайской историографии [Там же: 9]. В период Монгольской империи кыргызы, как и другие «лесные» народы, были покорены Джучи. В период внутренних войн между потомками Чингиз-хана земли кыргызов разорялись армиями враждующих Хайду и Хубилая, что нашло отражение в китайских анналах династии Юань (Юань ши), в которых имеются упоминания о переселениях енисейских киргизов.

В Новое время ценные сведения о населении Центральной Азии, в том числе и о родоплеменном составе киргизов, содержатся в источниках Миньской и Циньской империй XVIII века. В Миньском Китае и в Циньской империи, завоевавшей Восточный Туркестан, велась активная работа по сбору и систематизации исторических материалов по истории завоеванного края, населенного преимущественно мусульманскими тюркоязычными этносами. Из китайских источников можно выделить «Минь ши» – сводную историю китайских династий, предшествовавших династии Цинь, а также «Хронику великой династии Цинь» («Дай Цинн личао шилу») и другие исторические произведения официального характера, издаваемые не только центральной властью, но и местной администрацией. Можно согласиться с К.Ш. Хафизовой, которая отмечает преемственность традиций китайской официальной историографии древности и Нового времени [Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана..., 1994: 5].

Исключительное значение для изучения этнической истории кыргызов имеют памятники рунической письменности. С VI в. в Минусинской котловине (Южная Сибирь) возникло кыргызское объединение, ставшее на рубеже VII–VIII вв. активным субъектом политики восточных евразийских степей и могучим

конкурентом прежних гегемонов – тюрков и уйгуров. Усиление кыргызского племенного союза не прошло незамеченным для создателей древнетюркских памятников рунической письменности. По мнению С.Е. Яхонтова, «древнейшими тюркоязычными источниками, в которых упоминается этноним киргиз, являются памятники рунической письменности. Слово киргиз неоднократно встречается в орхонских надписях начала VIII века. Оно имеет в них форму qīrqīz (пишется qīrqz). К несколько более раннему времени относится греческая запись того же слова – Chérkis» [Яхонтов, 1970: 110]. В древнетюркских рунических текстах кыргызы описываются в качестве противников тюрков и уйгуров. В Кара-баласугунской трехязычной надписи, открытой Н.М. Ядринцевым в 1889 г. в северной Монголии на реке Орхон, в сохранившейся согдийской версии рассказывается о походах против «кагана кыргызов», войско которого насчитывало 20 000 лучников [Кляшторный, 2006: 51]. Стела вблизи Золотого озера в Минусинской котловине, посвященная павшему в 710 г. кыргызскому кагану Барс-бегу, повествует о временах противостояния с тюрками и поражении от них, попытках брата погибшего вождя найти союзников. Важным источником являются рунические надписи эпохи «кыргызского великодержавия» (840–918 гг.). К этому кругу источников относятся Суджинская надпись, обнаруженная в начале XX в., енисейские надписи Уйбат VI и Уйбат IX, алтайская надпись Уюк-Орзак III и тувинская стела в местности Хербис Баары. С.Г. Кляшторный увязывает победоносные походы киргизского полководца Алп Сола в Китай в 842–843 гг. с появлением в XVI в. эпоса “Манас”. По мнению С.Г. Кляшторного, «тот поход не забылся – он наложился на многие другие события, его герой получил у алтайских кыргызов иное имя – Алп Манаш, и когда в XVI в. кыргызы с Алтая переселились на Тянь-Шань, сказание о Великом походе и его главном герое Манасе превратились на новой родине в грандиозный народный эпос, вошедший в себя память о многих веках нелегкой истории кыргызского народа» [Там же: 348–349].

Арабское завоевание Средней Азии включило кочевников в сферу интересов арабо-персидских держав, конкурировавших с китайскими империями за гегемонию в евразийских степях. Вслед за воинами газавата против «неверных» шли чиновники и ученые, старавшиеся описать завоеванные и окружающие земли. Наиболее обширный историко-этнографический материал о проживавших севернее Сыр-Дарьи средневековых кочевых племенах содержится в географическом сочинении неизвестного персидского автора «Худуд ал-Алам» (980-е годы). Полное название сочинения – «Книга о пределах мира от востока к западу». Компилятивное сочинение «Худуд ал-Алам» было написано в 982/983 г. и посвящалось хорасанскому эмиру Абул-Гарифу Мухаммаду бен Ахмаду. С оригинального манускрипта в 1258 г. была снята копия, которую в 1892 г. обнаружил в Бухаре русский ориенталист капитан А.Г. Туманский. Имеющиеся в «Худуд ал-Алам» сведения относятся в основном к кыргызам (хырхызам), жившим намного севернее Тянь-Шаня, т. е. к енисейским кыргызам. Но наряду с этим в источнике есть несколько упоминаний о хырхызах и их отдельных группах как о непосредственных соседях племен, занимавших территорию вблизи озера Иссык-Куль и севернее Алтайских гор. Персидский аноним перечисляет народы, в окружении которых жили киргизы – кимаки, тогузгузы, халлухи (халаджи), ягма [Материалы по истории киргизов и Киргизии, 1973: 36–37]. К кыргызам автор «Худуд ал-Алам» относит некое племя фури: «Фури – это название народа – также из хырхызов; [они] поселяются к востоку от хырхызов и не смешиваются с прочими хырхызами. Едят людей и беспощадны, их языка другие хырхызы не понимают, они подобны диким зверям, и недалеко от них находится город, который называют Кемиджкет, там живет хырхыз-хакан» [Там же: 41]. Сообщения автора Худуд ал-Алам представляют большой интерес для понимания этнической кыргызов и народов Алтая, но допускают различные толкования, так как не раскрывают взаимосвязи между тянь-шанскими и северными кыргызскими племенами, включая тех же загадочных фури [Там же: 7].

Географическое сочинение Абу Иехака Ибрахима ибн Мухаммада ал-Истахри «Китаб масалик ал-мамалик» (Книга путей государств) – один из самых ценных источников X в. по истории стран Востока от Средиземноморья до Средней Азии включительно. В основу сочинения Истахри был положен также географический труд Абу Зайда Балхи, написанный около 920 г. Труд этот не сохранился, и потому трудно судить о степени компилятивности сочинения Истахри. Биографических сведений об Истахри до нас не дошло; известно только, что он происходил из Фарса и много путешествовал. Побывал он, в частности, и в Мавераннахре [Там же: 16]. При переработке труда Абу Зайда Балхи Истахри дополнил его материалом, в значительной мере почерпнутым во время своих путешествий. Истахри сообщает о земле кыргызов: «А что касается хырхызов, то они живут между владениями тогуз-гузов, кимаков, океаном и землей хазладжей [Мавераннахре] [Там же: 16]. Учитывая ограниченность знаний Истахри о географии северных земель, наиболее ярко отразившуюся в сообщении о реке Итиль, якобы вытекающей из земли «хырхызов», мы можем предполагать, что речь идет о северных кыргызах. Это описание с упоминаниями о кыргызах, живущих в верховьях Джейхуна (большой реки) Атиль, текущей через земли кимаков, туркмен, болгар и русов, было затем повторено дословно в сочинении Ибн Хаукала «Книга путей и стран» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик») и приведено с незначительными изменениями в «Джахан-наме» Бекрана Мавераннахре [Там же: 16, 48]. Последнее сочинение составлено в 1208–09 гг. неким хорасанским автором Мухаммадом ибн Наджибом Бекраном для хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада ибн Текеша (1200–1220).

Монгольское вторжение привело к временному упадку мусульманского мира и древней цивилизации Мавераннахры. Временное возрождение эпохи Тимура и тимуридов способствовало подъему местного официального историописания, направленного на восхваления деяний грозных правителей Средней Азии. Из персидских источников того времени сле-

дует выделить по степени информативности «Зафар-наме» – первую полную официальную историю Тимура, написанную Низам ад-Дин Шами; «Аноним Искандара», представляющий собой самостоятельную, неофициальную версию истории Тимура и посвященную внуку последнего – Искандару, сыну Омар-шейха, написанную исфаханцем Муин ад-Дин Натанзи; «Зафар-наме» Шараф ад-Дин Али Йезди, придворного историка Шахруха – широко известное сочинение, представляющее собой наиболее полный свод исторических данных о Тимуре. Расцвет тимуридской придворной историографии был прерван вторжением новых масс кочевников-узбеков. В образовавшихся среднеазиатских государствах официальное историописание велось как на фарси, так и на узбекском языках. В этой связи интерес представляют исторические сочинения «Родословная туркмен» и «Родословная тюрок» Абу-л-Гази-хан (Абул-гази, Багадур-хан, Абульгази Багадырхан, 1603–1664 гг.) – хивинского хана-чингизида. По поводу кыргызов Абу-л-Гази-хан сообщает о происхождении их от огузов: «У Огуз-хана был внук по имени Киргиз: киргизы происходят от него; но в наше время очень немного людей из этого рода. Монголы и другие племена, истребив киргизов в огне и воде, вступили в землю их и, оставшись тут жить, приняли имя киргизов. Они сами знают, из какого они рода. Киргиз и Кемкемчут называются две области, близко одна к другой; на двух сторонах их текут две большие реки, одна называется Селенга, другая Айкара-Муран; эти две области называются Абирь и Сибирь» [Родословное древо тюрок, 1906: 38–39].

Значительный интерес представляет энциклопедический труд среднеазиатского ученого, поэта и путешественника XVII в. Махмуда ибн Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных»). Махмуд ибн Вали родился в Балхе приблизительно в 1595–1596 г., работал в дворцовой библиотеке балхского хана Аштарханида Надр Мухаммада. Автор много путешествовал по Индии и написал ряд этических и географических сочине-

ний. «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» – основной и единственный дошедший до наших дней труд Махмуда ибн Вали [Материалы по истории казахских ханств, 1969: 320–322]. В сочинении содержится значительное количество фактов о хозяйственном развитии, быте и религиозных верованиях союзных казахов и кыргызов. Подробно описаны области, города, реки и горы, расположенные на территории расселения кыргызов и сопредельных с нею землях. Приведены и важные сведения о взаимоотношениях кыргызов с соседними кочевыми и оседлыми народами. Географические сведения Махмуда ибн Вали о кыргызах фрагментарны, кратки и изложены в отрыве от конкретных исторических событий, но они большей частью оригинальны и важны. В исторических сочинениях, как правило, не содержится материалы такого характера [Маурапов, 2002: 27–37]. Согласно приведенным сообщениям Махмуда ибн Вали, в рассматриваемый период основным занятием кыргызов и калмыков оставалось традиционное для этих кочевых народов занятие – скотоводство. При этом большое место в их хозяйстве занимало коневодство. Важны сведения Махмуда ибн Вали о территории расселения кыргызов, сообщаемые им при описании Балха и его областей. «Хутталан, который ныне известен как Кулаб, считается четвертой частью [области Балх]. Ягсу, Чахарсу, Кангург, Даштак, Вашджерд, Дашт-и Кулак, Кала-и Земм и Ясси, почти до Дашт-и Алан являются жилищами и обиталищами киргизских племен; их причисляли к совокупности [округов] Мавераннахра» [Махмуд ибн Вали, 1977: 28]. По сообщению автора, кыргызы активно проникают в высокогорные районы Памира и Каратегина, не выдерживая противостояния с калмыками [Там же: 73, 125].

Из широкого круга среднеазиатских нарративных источников следует отметить сочинение «Тарих-и Кашгар» («История Кашгарии»). Это название условное, в тексте сочинения отсутствует. Анонимный автор написал сочинение на чагатайском языке. «Тарих-и Кашгар», составленное во второй четверти XVIII в., является ценным источником и по истории кирги-

зов XVI–XVII вв. [Материалы по истории казахских ханств, 1969: 398–399]. В «Тарих-и Кашгар» дается довольно подробное описание столкновений войск Абдаллах-хана с киргизами, приводится ряд географических названий, собственных имен киргизских военачальников и т. п.

Тюркоязычные народы Средней Азии, под влиянием древней цивилизации Мавереннахра и монгольской имперской традиции прошедшие путь от родовых вожеств к этническим государствам, создали обширные эпические циклы с широким политическим и историческим «фоном». Самая монументальная из этих народных эпоей – киргизский «Манас». Первые упоминания об эпосе относятся к XVI в. Они содержатся в полуфантастическом таджикском сочинении «Маджму ат-Таварих» («Собрание историй»), посвященном жизни ферганских шейхов, где Манас показан как историческое лицо, действующее вместе с реально существовавшими Тохтамышем, хорезмшахом Мухаммедом и т.д. Научное исследование эпоса началось в XIX в. Ч. Валихановым и академиком В. Радловым. Впервые в 1856 г. ряд эпизодов и отрывков из «Манаса» записал и перевел на русский язык Ч.Ч. Валиханов. В. В. Радлов в 1860-е годы записал сокращенный вариант эпоса. Полный текст «Манаса» (1-я часть) записан только при Советской власти в 1920-е годы со слов известного манасчи Сагымбая Орозбакова (ок. 250 тыс. стихотворных строк). Текст трилогии составляет около 600 тыс. стихотворных строк, записан у манасчи Саякбая Каралаева в 1930–1940-х годах. В классической версии, записанной в советское время от сказителя Сыгмбая Орозбакова, «Манас» содержит 250 000 стихов. Продолжением «Манаса» является (в порядке генеалогической циклизации) эпос о его сыне Семетее и внуке Сейтеке, наиболее полно записанный от другого манасчи – Саякбая Каралаева и насчитывающий 250 тыс. стихов.

Эпос делится на три части: собственно «Манас», «Семетей» и «Сейтек». Основное содержание эпоса составляют подвиги легендарного богатыря Манаса, прообразом которого, возможно, был реальный исторический персонаж эпохи «киргизского

великодержавия». По вышеприведенному мнению С.Г. Кляшторного, героем сказания, вероятно, был кыргызский военачальник Алп-Сол, чье имя и деяния не были забыты потомками. Алп-Сол – это Алп-Манаш алтайских народов [*Кляшторный*, 2006: 348–349]. М. Ауэзов и А.Н. Бернштам полагают, что сказание об Алпамыше (чье имя созвучно Манасу) первоначально возникло в предгорьях Алтая еще в эпоху Тюркского каганата и к древнейшей стадии ближе всего стоит алтайский Алып-Манаш. М. Ауэзов и А.Н. Бернштам считают, что эпос сложился еще в «енисейский» период. По их мнению, разгром киргизами уйгуров и их столицы Беш-Балык (Бейтин) в 840 г. является историческим субстратом сказания о «великом походе» Манаса в Китай и взятии им Бейджина [*Мелетинский*, 1985: 583]. Сказание об Алпамыше было в IX–X вв. занесено из предгорий Алтая в низовья Сырдарьи огузами, у которых оно получило самостоятельное развитие и вошло впоследствии в эпический цикл «Салор-Казана» (рассказ о Бамси-Байреке в книге «Китаб-и дэдэм Коркут») [*Мелетинский*, 1985: 584].

В.М. Жирмунский выдвинул другую версию и, не отрицая древности эпоса, полагает: «Воспоминания древнейшей (“енисейской”) эпохи жизни киргизского народа, перекрыты в “Манасе” более поздними событиями среднеазиатского периода, в центре которого стоят “калмыцкие войны” XV–XVIII вв.» [*Жирмунский*, 1960: 153]. По мнению В.М. Жирмунского, все достоверные гипотезы об исторических прототипах ведут к XV–XVIII вв., когда киргизы были тесно связаны с казахами и другими среднеазиатскими народами и вместе с ними участвовали в войнах против калмыков. Упоминаемые в эпосе враги Манаса могут быть сопоставлены с ойратскими вождями. Причем, Конурбай (Хонгор) оказывается одновременно важнейшим персонажем как киргизского, так и калмыцкого (ойратского) эпоса, только с противоположной оценкой. Богатыри Эр-Кекче, Кошой, Джамгырчи (Ямгурчи), Джанбай, Агыш, а также Каныкей – главная жена Манаса (в истории – дочь Темира, ставшая пленницей Едигея), являются персона-

жами казахских, ногайских и кыргызских эпических преданий. Манас часто рассматривается как ногайский богатырь (внук хана Ногая, представитель племени сары-ногай и т.п.) [*Жирмунский*, 1960: 155; *Мелетинский*, 1985: 584]. Возможно, истоки «Манаса» уходят в героические эпосы древних енисейских кыргызов – алыптыг ныхмахтар. Их еще называют воинскими, военными сказаниями – чаалыг ныхмахтар. В эпоху государства енисейских кыргызов – с VI по XIII вв., т.е. в период перехода к классовому обществу, появились такие алыптыг ныхмахи, как «Алтын Арыг», «Алтын Чус», «Ах ой аттыг Алып Хан», «Ай Мирген и Алтын Хус», «Хан Кичегей» и другие [*Елоглу*, 1995: 41–43]. Сюжетная основа алыптыг ныхмахи перекликается с сюжетами огузского героического эпоса.

Значительный интерес представляют кыргызские генеалогические предания, позволяющие изучить родоплеменной состав, принципы военно-политической организации и статусы отдельных патронимий кыргызов. Советские этнографы отмечали важность народных этногоний: «Ценность их, как показывает сравнительно-исторический анализ, заключается в том, что они, как правило, отражают реальные данные об этническом составе и его изменениях, о родословных племен, родов и более мелких подразделений, об исторических, социальных и этнокультурных связях и др. Именно поэтому фольклор и народные знания по этнической истории (сведения по этнонимике, о происхождении племен и родов и т.д.) существенно различаются и отождествлять их не следует» [*Абрамзон*, 1975: 28–29]. Народные предания о происхождении и этническом составе тех или иных родоплеменных или территориальных образований весьма широки и разнообразны. Они позволяют провести сравнение родоплеменного состава как современных тюркоязычных народов, так и древних носителей этнонимов. Одними из первых родоплеменной состав кыргызов осветили Ч.Ч. Валиханов и Н.А. Аристов. В настоящее время изучен и введен в научный оборот обширный историко-этнографический материал, накопленный кыргызами в богатейшем

фольклоре и в «санджыра» – родословном древе. Предания фиксируют приход кыргызов под предводительством Долон-бия и его сыновей на Тянь-Шань. Тогда же Н.А. Аристов отметил разделение кыргызов на собственно кыргызские рода, группирующиеся в два крыла он и сол, и иноплеменные рода [Аристов, 2007: 71]. Ч.Ч. Валиханов дал следующее разъяснение: «Деление на правую и левую руки существует и теперь у дикокаменных киргиз – ун и сул. К главным представителям первого принадлежит племя бугу, второго солту. Делению на правую и левую руки дает древнейшее начало – шесть сыновей Огуз-хана, родоначальника тюркских племен. Здесь видно, что племена разделялись во всем порядке на два крыла и каждое крыло имело свой арьергард» [Валиханов, 1984: 40–41]. Правое крыло, в свою очередь, делилось на два отдела – адыгене и тагай, считалось более высоким и престижным по статусу. К левому крылу относились племена кушчу, саруу, мундуз, чонбагыш, жетиген, кылыч, тамга, тѣбѣй (тебей) и др. К левому крылу у киргизов причислялись все те племена, которые ведут свое происхождение от этнически других родоплеменных объединений, а не от тех позднейших основных киргизских родов, которые считались потомками Долон-бия [Аристов, 2007: 80–109]. Позднейшие основные киргизские племена входили в правое крыло. К ним относятся племя солто, населяющее Чуйскую долину, племя джедигер, разбросанное по Южной Киргизии, племена сарыбагыш, бугу, бассыз, азык, багыш и черик и другие родовые группы. Кроме того, в состав кыргызов вошли инкорпорированные иноплеменные группы найман, кыпчак, кытай, ичкилик [Там же: 71].

Таким образом, широкий и разнообразный круг источников по этнической истории кыргызов позволяет представить основные этапы этнической истории кыргызского народа и их связи с соседними народами, выявить вошедшие в его состав основные этнические компоненты. В то же время имеющиеся на данный момент источники умалчивают о «темных веках» кыргызской истории после крушения кочевой империи хунну,

о родоплеменном составе древних кыргызов, создавших свою кочевую империю и миграции кыргызских племен с Южной Сибири в Притяньшанье.

Этноним и этническая история кыргызов. В настоящее время продолжают дискуссии вокруг происхождения и этимологии автоэтнонима «кыргыз». Несмотря на то, что исследованием этой проблемы занимались такие маститые ученые, как Н.А. Аристов, В.В. Радлов, П. Пельо, Л. Лигети, К.И. Петров, Н.А. Баскаков, А.Н. Кононов, Д. Банзаров: М. Абрамзон, Л.Р. Кызласов, Е. Яхонтов, Ю.А. Зуев, О.К. Караев, В.П. Юдин, В.Я. Бутанаев, до сих пор многие аспекты изучения этнонима «кыргыз», в первую очередь образования самоназвания этнических групп алтайских и тянь-шаньских кыргызов, остаются дискуссионными. Советские этнографы обращали внимание на необходимость изучения появления этнонима в совокупности обстоятельств действительной исторической ситуации и учета конкретной этнической среды, в которой принимается название народа. Зачастую этноним, возникший в одной этнической среде и в конкретно-исторической обстановке, может быть перенесен или принят в силу его престижности другим народом и в другую эпоху. Так, современные французы обязаны своим самоназванием древним германцам-франкам, хазарейцы Афганистана, халха-монголы, ойраты, могулы и индийские могулы ведут свое происхождение от средневековых разноплеменных завоевателей, объединившихся вокруг Чингиз-хана и принявших название «монгол», узбеки приняли этноним дашти-кипчакских завоевателей-кочевников и т.д. Казахстанский востоковед В.П. Юдин указывал на ошибочность традиции «решать вопросы этногенеза народов способом, который представляется самоочевидным в своей истинности, и наиболее легким – следование за этнонимом, в данном случае за этнонимом “киргиз”. Между тем, давно установлено, что история народа и история этнонима нередко не совпадают и представляют собой две независимо развивающиеся линии» [Юдин, 2001: 118]. По мнению В.П. Юдина, существуют так называемые

«кочующие» этнонимы, которые присваиваются по каким-то историческим причинам некоторым этническим коллективам, никогда не обозначавшимся этим этнонимом и никакого отношения к их прежним носителям не имевшим. Ярким примером являются турки, принявшие название древнего народа тюрков, с которыми практически не имеют этногенетических связей. Другой пример – хазарейцы, этногонии которых о происхождении от некой монгольской тысячи всерьез восприняты антропологами, проигнорировавшими факт расселения огузских племен в Хазараджате еще в домонгольский период [См.: *Кисляков*, 1973: 73–84]. По предположению В.П. Юдина, так могло произойти и с тянь-шаньскими кыргызами, которых он считал потомками могульских племен [Юдин, 2001: 118]. С.М. Абрамзон писал: «Взятое само по себе, в отрыве от конкретного этнического содержания, вне окружающей этнокультурной среды и без учета хронологии, название народности едва ли может послужить отправным пунктом для глубоких изысканий» [*Абрамзон*, 1990: 31].

Л.П. Потапов придерживался иной точки зрения и на основе этнологического материала показал устойчивость этнонимов кочевых народов: «Многолетнее изучение истории племен Саяно-Алтайского и Хангайского нагорий убеждает в том, что кочевые племена, особенно крупные, вовсе не исчезают бесследно даже в самые драматические времена их жизни, в период войн и поражений, а рассеиваются и вновь появляются, вновь консолидируются под старым или новым названием» [*Потапов*, 1969: 8].

На наш взгляд, при рассмотрении факта принятия определенной этнической общностью этнонима более древнего народа нельзя игнорировать возможность того, что ядром нового этноса становится группа, происходящая от этого народа, сохранившая и пронесшая через многие поколения громкое имя своих предков. Список кочевых народов, создавших могущественные империи и исчезнувших, не передав автоэтноним сменившим их этническим группам, весьма обширен и вклю-

чает хунну, сарматов, саков, диньлинов, сяньби, дунху, тоба, жоужаней, хазар и другие народы, в то время как древний этноним «кыргызы» сохранился за народом в Средней Азии. При изучении этнической истории народа важно учитывать этимологию и время появления этнонима «кыргызы».

Впервые этноним «кыргызы» фиксируется в китайских хрониках. Название «кыргызы» передавалось в китайских исторических текстах по-разному: гэгунь и гяньгунь (гянькунь, цзянькунь) в ханьскую эпоху; кигу (цигу), хэгу, гйегу в эпоху Троецарствия; хягас (хагас, сяцзясы) танского времени; киликисы (цизилицзисы) последующих веков – вот далеко не исчерпывающий перечень вариантов транскрипции. Лишь последний из них ближе к названиям «кыркыз» рунических памятников и хирхиз (в западных источниках). Более ранние транскрипции реконструируются иначе: кыркун, кыркут, кыркыр, гуркур и т.д. [Азбелев, 2007: 7–10].

По поводу этнонима «хягясы» существует несколько точек зрения. С.Е. Яхонтов критически отнесся к версии, что название хягясы обозначает только южно-сибирских хакасов, а не кыргызов в целом [Яхонтов, 1970: 110]. По его мнению, в китайских источниках все перечисленные формы рассматриваются как названия одного и того же народа (или государства). Название гэгунь приводит Сыма Цянь в связи с событиями, происходившими в первые годы династии Хань, т.е. примерно в 200 г. до н.э. Этноним гяньгунь появляется в 49 г. до н.э., кигу – в 553 г. или несколько позже, гегу – в 638 г. [Там же: 110]. С.Е. Яхонтов опирается на специальный раздел, посвященный народу «хагас» в «Новой истории Тан»: «Хагас есть древнее государство Гяньгунь. Оно лежит от Хами на запад, от Харашара на север, подле Белых гор. Иные называют сие государство Гюйву и Гйегу. Жители перемешались с динлинами. Владение Хагас некогда составляло западные пределы хуннов. Хунны покорившегося им китайского полководца Ли Лин возвели в достоинство западного Чжуки-князя, а другого китайского же полководца Вэй Люй поставили государем у

динлинов. Впоследствии Чжичжы шаньюй, покорив Гяньгунь, утвердил здесь свое пребывание, в 7000 ли от орды восточного Шаньюя на запад, в 5000 ли от Чешы на север; почему владельцы сей страны впоследствии ошибочно Хягас называли Гйегу и Гйегйесы. Народонаселение простиралось до нескольких сот тысяч, строевого войска 80 000. Прямо на юго-восток до хойхуской орды считалось 3 000 ли; на юг простиралось до гор Таньмань» [*Бичурин*, 1950: 350–351]. В китайской хронике хагасы отождествлены с гяньгунь и гегу, причем о формах хягасы и гегу говорится как об «ошибочных». Далее сообщается об антропологическом облике древних кыргызов, отличающем их от соседних кочевых и полукочевых народов: «Жители вообще росли, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались не хорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли Лин» [Там же: 351]. Китайские сведения свидетельствуют о преемственности хозяйственно-культурного уклада жизни древних кыргызов и современных хакасов. Древние кыргызы предстают народом воинов, скотоводов, охотников и землепашцев: «Они горды и стойки. Храбрые из них татуируют руки себе, а женщины, по выходе замуж, татуируют себе шею... Сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень. Муку мелют ручными мельницами; хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне. Вино квасят из каши. Нет ни плодов древесных, ни овоща огородного. Лошади плотны и рослы. Лучшими считаются, которые сильно дерутся. Есть верблюды и коровы; но более коров и овец. Богатые землепашцы водят их по нескольку тысяч голов» [Там же: 351–352]. Очевидно, что «хягас» – одно из названий кыргызов, использовавшееся в китайских исторических анналах эпохи Тан.

Концепцию С.Е. Яхонтова оспаривают Н.В. Кюннер, Л.Р. Кызласов и И.Л. Кызласов, которые предполагают, что китайские этнонимы принадлежат двум частям одного народа – кыргызам и хягасам (хакасам). Н.В. Кюннер считал: «Наименование хягасы, по-видимому, не является транскрипцией имени кыр-

гыз, для которого имеются более ранние транскрипции – гйегу, гйегунь, гяньгунь» [Кюнер, 1954: 120, 121]. Л.Р. Кызласов отверг связь между енисейскими и тянь-шаньскими кыргызами, считая кыргызов династийным аристократическим родом древних хакасов [Кызласов, 1965: 60]. И.Л. Кызласов также подверг критике концепцию тождества кыргызов и хягасов, посчитав, что археологические исследования и расшифровки памятников рунической письменности позволяют поставить под сомнение сведения китайских хроник: «Введенный в научную литературу синологами древний термин хакас/хагас ныне уже не может быть из нее изъят исследовательскими ревизиями одних лишь китаистов. Следует помнить, что историческая и этнополитическая неоднородность и неоднозначность обозначений хакас и кыргыз в китайских письменных памятниках были показаны историками, получившими качественно новую источниковедческую базу для наполнения конкретным содержанием свидетельств дальневосточных хроник. Основой этого послужило не только надежное вычленение археологических памятников, оставшихся от “государства Хакас”» [Кызласов, 1992: 54–55].

В свою очередь сибирские ученые Ю.С. Худяков и В.Я. Бутанаев поддерживают концепцию С.Е. Яхонтова и отвергают существование народа под названием «хакас» в досоветский период: «Топонимика и фольклор хакасов, где в изобилии представлены многочисленные названия средневековых и современных племен и народов, таких, например, как: хыргыс, пыраат, телек, моол, ойрат, торбет, хыдаят, соян, сарт и др., не знают своего мнимого самоназвания “хакас”... по всем известным данным в средние века в Южной Сибири проживало тюркоязычное население, именовавшееся себя “кыргызами” и известное другим народам под этим названием» [Бутанаев, Худяков, 2000: 3–34].

Исследования С.Е. Яхонтова показали, что заимствованный из китайских источников и введенный в научный оборот Н.Я. Бичуриным термин хагас/хакас, принятый в 1918 г. по желанию национальной интеллигенции в качестве самоназвания,

есть неточная транскрипция термина кыргыз. С.Е. Яхонтов пишет: «Основанием для прочтения хягасы как хакас, вероятно, послужила форма хагас, которой пользуется Н.Я. Бичурин. Но в действительности она представляет собой лишь искусственное упрощение китайского слова. Говоря о народе жуаньжуань, Н.Я. Бичурин замечает: “В переводе слово Жуаньжуань, для легкости в выговоре, сокращено в Жужань”. Такое же сокращение (но не оговоренное) представляет собой хагас. Таким образом, форма хягасы есть китайская транскрипция слова кыргыз; другие формы, к которым она приравнивается в китайских историях – гяньгунь, гегу и др. отражают фонетические варианты того же этнонима (например, кыркур или, может быть, кыркун, кыркут, кыркуз). Форма хягасы не может передавать звуки хакас» [Яхонтов, 1970:118–119]. Среди перечисленных китайских названий наиболее обычными являются гяньгунь, гегу и хягасы. Везде, где эти наименования выступают в пределах одного и того же текста, они определенно считаются равнозначными, и это специально оговаривается. Только в текстах компилятивного характера, включающих ряд отрывочных заметок различного происхождения, эти названия могут употребляться параллельно, не будучи отождествляемыми. Так, в разделе о хусюэ из главы 217б «Новой истории Тан», где перечисляется около десяти разных народов, об одном из них говорится, что он часто воюет с гегу, а в другом – что он соседствует с хягасы [Там же:112].

Хроника периода Сунской династии «Гайпинхуаньюйцзи» называет кыргызов сяцзясы, повторяя затем информацию из более ранних источников о хагасах и гэгунь: «Сяцзясы есть государство в северо-западной степи. Первоначальное название – цэйегу, другое – цзюйу, еще называют их цзянь-гунь. “Исторические записки” называют их цзяньгунь, ханская история называет гэгунь. Находятся на северо-западе от хуйхэ, в 40 днях пути. Одно издание говорит о 3000 ли. Их жители телом все высоки и велики, с красными волосами, с зелеными глазами. Имеющих черные волосы называют несчастливými.

Ибо в “Сиюйцзи” (“Записки о западном крае”), сочинении Цзя Хуя, говорится: “Имеющие черные волосы и черные глаза – это потомки Ли Лиина”. Поэтому их самоназвание есть: “потомки дувэя” (главноуправляющего, т.е. Ли Лина)» [*Кюнер*, 1961: 350–357]. Как считает С.Е. Яхонтов, «более 100 лет назад было выяснено, что сяцзясы есть одна из китайских записей этнонима киргиз. Последний в разное время писался по-разному: китайское произношение менялось, и то же самое слово приходилось обозначать другими иероглифами. Наиболее известные транскрипции его – цзянь-кунь, цзегу, сяцзясы (современное чтение). Китайские историки определенно пишут о них как о трех разных названиях одного и того же народа или государства... В современных китайских исторических и этнографических исследованиях или справочных пособиях слово сяцзясы рассматривается как одно из исторических названий кыргызов или их предков, например» [*Яхонтов*, 1992: 69–71]. С.Е. Яхонтов подчеркивает, что в зависимости от передачи информации в различных северокитайских диалектах появлялись названия «цилицисы», «цзянькунь», «цзегу», «сяцзясы». С.Г. Кляшторный полагает доказанным соответствие кыргызов указанным китайскими хрониками этнонимам: «Практически после исследования С.Е. Яхонтова стало совершенно очевидно, что и в китайских, и в древнетюркских, и в мусульманских, и в византийских, а позднее и в русских источниках название народа и страны фиксируется одинаково – кыргыз, хыргыз, кыргызская земля» [*Кляшторный*, 1992: 59–61]. На наш взгляд, точка зрения С.Е. Яхонтова и его последователей на время появления этнонима и этнической общности – носителя названия «кыргыз», является в науке наиболее аргументированной и взвешенной. Этноним «кыргыз», вероятно, охватывал широкий круг южно-сибирских племен, сочетавших земледелие, скотоводство и охоту в лесистой и горной местности, и тем самым, резко отличавшихся от соседей – степных кочевников хунну и тюрков. Носители этнонима «кыргыз», по китайским источникам, выделялись и своим антропологическим обликом.

Этимология этнонима «кыргыз» остается предметом научных дискуссий. В.В. Бартольд отмечал, что из всех народов Средней Азии наиболее ранним в истории является самоназвание кыргызов [Бартольд, 1963: 474]. К.И. Петров выдвинул свою версию происхождения этнонима «кыргыз», согласно которой производными являются древнетюркское слова «кырыг» или «кыргу» (в значении «красный»), и суффикса «ыз». Исходя из этого К.И. Петров этноним «кыргыз» связывал с топонимом «кызыл-жер» («красная земля») в смысле географического понятия междуречья Енисея и Оби для которого характерен красный цвет пород почв. Соответственно этнос, проживавший в этом районе, получил название «кызылдар» – «красные» [Петров, 1964: 81]. Гипотеза К.И. Петрова вытекала из его концепции сибирского происхождения среднеазиатских кыргызов, предки которых мигрировали на Тянь-Шань.

Известный тюрколог К.А. Баскаков исходил из традиции тюркских народов обозначать стороны света определенными цветами и толковал древнетюркское слово «кырыг» как «красный» или «южный». Известно, что красный цвет являлся цветом южных, а синий – северных племен кыргызов. По мнению Н.А. Баскакова, этноним «кыргызы» следует переводить как «красные» или «южные» огузы [Баскаков, 1964: 92]. Цветовой признак в тюркской традиции нес значительную смысловую нагрузку. А.М. Сагадаев и В.И. Октябрьская указывают на то, что в алтайских родовых подразделениях цвет служит средством дифференциации патронимий и указывает на их расселение по сторонам света. В тюркской традиции известна следующая цветовая топография: кара (черный) – север; ак (белый) – юг; кок (зеленый – синий) – восток; сары (желтый) или кызыл (красный) – запад [Сагадаев, Октябрьская, 1990: 27]. Следовательно, «красные» южно-кыргызские рода могут являться потомками продвинувшихся на запад енисейских кыргызов.

Оригинальное толкование этимологии этнонима «кыргыз» дал Ю.А. Зуев, который эндоэтноним «кыргыз» переводит как

«народ орлов» (из индоиранского *karkasa*, *karkas* и т. д. – орел), а экзотным «бурут» как «орел» [Зуев, 1967: 14]. Позднее Ю.А. Зуев выдвинул предположение о влиянии манихейских представлений, весьма распространенных в среде кочевников Центральной Азии, на появление этнонима «кыргыз» от названия сорока героев-сподвижников Манаса (кырк-чор), являвшихся потомками дракона – «ажидар зада» [Зуев, 2002: 256].

По мнению Н.В. Кюнера, термин «хягяс» был эквивалентом этнонима «кыргыз», попавшим в китайский язык через посредство уйгурского и игравшим роль клички «желто-краснолицые», указывавшей на особенности антропологического облика древних кыргызов, настолько отделявшего их от окружающих народов и самих китайцев, что это нашло отражение в династийных хрониках [Бутанаев, Худяков, 2000: 21]. Л.Р. Кызласов поддержал точку зрения Н.В. Кюнера, считая этнонимы «кыргыз» и «хягяс» оскорбительными кличками – экзотнонимами, данными уйгурами и китайскими авторами, и переводящееся как «краснолицые» [Кызласов, 1969: 8].

Не следует оставлять без внимания суть мифологического предания о происхождении кыргызов. В глубокой древности народ создал версию происхождения этнонима от «сорока дев», или «кырк кыз». Ч.Ч. Валиханов видел преемственность между этимологией этнонима енисейских и среднеазиатских кыргызов: «Дикокаменные киргизы тождественны с енисейскими хакасами, или киргизами, по китайскому произношению Ки-ли-ки-цзы, потому что китайский летописец, говорит, что ки-ли-ки-цзы на языке туземцев значит 40 девиц, т.е. кыр – сорок, кыз – девушек» [Валиханов, 1986: 284]. Ч.Ч. Валиханов обратил внимание на необходимость бережного изучения народных этногоний, в которых, возможно, сохранились воспоминания о социально-политическом строе и культурном порядке более древних прародительских обществ. Предание о происхождении кыргызов от красной охотничьей собаки-тайгана и царицы с сорока фрейлинами, по мнению Ч.Ч. Валиханова, имеет древний характер и связано с аналогичными этно-

гонимыми хунну и огузов [Там же: 286]. В записи Н.А. Аристова предок кыргызов произошел от миража (сагым). Он воцарился среди кыргызов и женился на кыргызке. От этого брака у него была единственная дочь, к которой было приставлено 40 прислужниц. Ханская дочь и ее прислужницы на берегу большой реки заметили плывущую пену и услышали слова, исходившие из нее: «Ты прав, и я прав». После того, как девицы из любопытства облизали пену, они забеременели. Будучи изгнаны в горы, они родили 40 сыновей и 40 дочерей. От этих 80 детей и произошел народ кыргызов. По мнению Н.А. Аристова, все предания о происхождении кыргызов представляют вариации на тему сорока девиц, встречающуюся в «Юань ши» – китайской хронике монгольской династии, повествующей о браке 40 ханьских девушек и 40 мужчин из рода ус [Аристов, 1895: 39–40]. По легендам, записанным Н.И. Гродековым, происхождение левого и правого крыльев он и сол связывается с известной легендой о происхождении кыргызов от сорока девиц, причем поколение он считается потомками ханских дочерей, а сол – потомками дочерей везиров [Гродеков, 1889: 4]. Вероятно, в генеалогических преданиях сохранились воспоминания о сорока матрилинейных родах алтайских кыргызов. Косвенно в пользу такой версии говорит сообщение китайских хроник о независимости кыргызских женщин, приведенное выше.

Большинство исследователей рассматривает этимологию этнонима «кыргыз» в контексте десятичной военно-племенной организации кочевников. По мнению В.В. Радлова, этноним «кыргыз» мог образоваться от обозначения военно-племенной сотни – «юз», тогда «кырк» и «юз» означают «сорок сотен» или «сорок племен». В.В. Радлов указывает на наличие племени кыркмен-юз в составе кочевых узбеков и казахских жузов [Радлов, 1989: 103, 106]. Эту гипотезу впоследствии поддержал Д. Банзаров, расшифровывавший термин как «сорокоплеменный народ» упоминаемый в эпосе «Манас». Другая версия, выдвинутая татарским ученым Хади Атласи, также исходит из числительного сорок «кырк». Согласно этой гипотезе этно-

ним «кыргыз» появился в результате слияния числительного «кырк» и древнетюркского антропонима «Огуз»: «Поскольку, как уже было сказано, кыргызы – потомки хана Огуза, родившегося 3400 лет назад... то народ этот древний. В самом деле с очень давних времен о них упоминается в китайской истории, которая свидетельствует, что в глубокой древности у кыргызов было независимое государство, называемое Гаян-Гун, покоренное в I–II вв. гуннами. Кыргызы оказались в южной части государства гуннов. Во времена гуннского владычества они смешались с монгольскими племенами, обитавшими на юге современной Енисейской губернии. В результате смешения название Гаян-Гун было забыто, и народ стал называться хагасы. Впрочем, так их называли, по-видимому, только китайцы, сами они по-прежнему именовали себя кыргызами. Со слов китайских историков, письменность и язык кыргызов были близки к уйгурским, религия была шаманской» [*Хади Атласи*, 2005]. Классик тюркологии З.В. Тоган также считал, что в основе этимологии этнонима «кыргыз» лежит военная единица «кырк» («сорок») и объяснял происхождением от словосочетания «кырк-эр» («сорок мужчин» или «сорок богатырей»). Венгерский исследователь Л. Лигети предложил свой вариант объяснения этнонима «кыргыз», согласно которому это слово образовалось в результате присоединения к числительному «кырк» («сорок») древнетюркского форманта множественного числа – «ыз». Следовательно, пишет Д. Банзаров, этноним «кыргыз» означает «сороковики» [*Банзаров*, 1955: 184].

Если провести сравнительный анализ происхождения этнонима и внутриэтнической структуры кочевых народов, то выясняется, что фольклорная версия и версия происхождения от названия принципов военно-политической организации кочевников не противоречат друг другу. В истории кочевников многие народы принимали в качестве этнонима названия структурных единиц военной организации – хазарейцы, ойратские торгоуты, отуз-татары, уч-карлуки, сегиз-огузы, тогуз-огузы, найманы и другие. Консолидация кочевых этносов вокруг правящих родов

сопровождается созданием мифологических генеалогических преданий, повествующих о чудесном рождении прародителя от тотемических существ, будь то «солнечный луч» в истории происхождения рода Борджигинов, красная собака в легендах о происхождении кыргызов или серый волк – прародитель тюрков и монголов. Только эти «царские» рода обладают «мандатом Неба» на управление народом. Вокруг этих патронимий происходит объединение и организационное оформление этноса по десятичному принципу. Правящие рода передают свое название подчинившимся, и вот уже в эпосе «Манас» знаменитый манасчи Сагынбай Орозбаков воспеваает сорокоплеменных кыргызов, заселивших Алтайские горы и разгромивших Китай.

Концепции этногенеза и этнической истории кыргызского народа. Этническая история кыргызов до настоящего времени является предметом дискуссий и споров. Советские этнографы обращали в свое время внимание на сложность освещения ранней этнической истории кыргызов. Сложность проблемы, по их мнению, заключалась в том, что «историческими источниками засвидетельствовано существование двух этнических общностей, носивших название *кыргыз*: в Южной Сибири – на Енисее и в восточной части Средней Азии – в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая» [Народы Средней Азии и Казахстана, 1965: 157]. Наличие сведений о могущественном народе «кыргыз» или «кыргыз», жившем в Сибири на Енисее и в Минусинской котловине в древние времена и создавшем одну из могущественных кочевых империй раннего средневековья, возможная этногенетическая связь древнего енисейского этноса с двумя современными народами – носителями современных эндоэтнонимов «кыргыз» и «хакас», определяет основные направления в изучении этногенеза кыргызов Средней Азии. Мнения ученых расходятся по нескольким принципиальным вопросам: 1) этногенетической и этноисторической преемственности древних енисейских и современных тяньшаньских кыргызов; 2) этническим компонентам, составив-

ших ядро кыргызского народа; 3) времени сложения кыргызской этнической общности.

Центральное место в историографии занимает вопрос происхождения современных кыргызов. В проблеме этногенеза кыргызов наиболее дискуссионными оказались вопросы об енисейских кыргызах, как основе кыргызского этноса, времени сложения народа на Тянь-Шане и его основных этнических составляющих компонентах. Выдвигаются гипотезы о происхождении от енисейских кыргызов или же от тянь-шаньских тюркоязычных племен, принявших древний прославленный этноним. В исторической этнологии условно можно выделить три конкурентные теории этногенеза кыргызов: миграционная, или южно-сибирская концепция происхождения кыргызского народа, исходным пунктом которой признается факт образования кыргызской этнической общности в Южной Сибири и последующая миграция и компактное расселение в Семиречье; автохтонная, или тянь-шаньская теория, признающая кыргызов аборигенами горных районов Семиречья; и смешанная теория, сторонники которой полагают, что в процессе складывания кыргызского этноса произошла «переплавка» компонентов различного этнического происхождения, при этом собственно южно-сибирские племена сыграли незначительную роль. Мы специально не затрагиваем мифологические версии этногенеза кыргызов, например, арийские или гуннские, создаваемые больше для решения сиюминутных политических целей. Как правило, мифологические версии этногенеза кыргызов отражены в учебниках по истории Кыргызстана. Как пример можно привести взгляды кыргызстанского академика В.М. Плоских, отождествившего этноним «кыргыз» с названием государства и открывшего миру древнюю кыргызскую государственность: «Говоря о 2200-летию этнонима “кыргыз”, почему-то оставляют в тени упоминаемый в этом же источнике рядом термин “владение”, или “страна”, что является синонимом слова “государство”. В течение двух с лишним тысяч лет развивался, трансформировался этнос. Соответственно трансформирова-

лась и государственность кыргызского народа, прошедшая несколько этапов своего развития» [Плоских, 2003]. В.М. Плоских насчитывает пять этапов развития кыргызского этноса и государства от енисейских кыргызов до кыргызской этнонации и суверенной Республики Кыргызстан.

Среди ученых долгое время поддержкой пользовалась миграционная концепция происхождения кыргызов, согласно которой предки современных кыргызов в течение длительного времени мигрировали из Южной Сибири на Тянь-Шань и стали основой кыргызского этноса. Ф. Миллер в своем труде «Описание Сибирского царства» одним из первых поместил родину кыргызов в Южной Сибири. Ф. Миллер считал кыргызов насельниками верховьев Енисея, позже выведенными джунгарами из Южной Сибири [Миллер, 1937: 175, 179]. Немногом позднее И.Э. Фишер предположил, что кыргызы первоначально жили вдоль реки Икар-Муран, под которой понимал Хуанхе, и начали мигрировать вместе с ойратами из исторической родины на Енисей в период тридцатилетней войны между потомками Угедая и Тулуя. Часть кыргызов, по версии И.Э. Фишера, обосновалась вблизи Кашгара, в «Земле Алмалыкской». Южно-сибирские кыргызы после длительной войны с русскими были в XVII веке переселены джунгарами с Енисея на территорию современного Кыргызстана, к своим собратьям – «магометанским киргизам» [Фишер, 1774: 63]. Мнение И.Э. Фишера о появлении киргизов на Тянь-Шане во времена джунгарского переселения енисейских кыргызов разделили Ю. Клапрот и А.И. Левшин. По мнению последнего, «подлинные кыргызы», или буруты – это древний южно-сибирский этнос, упоминаемый в китайских летописях Танской династии, чье имя из-за набегов и грабежей стало «столь страшным и ненавистным, что россияне, вместо брани, дали оное имя казачьим ордам, которые после киргизов наиболее делали вреда южным областям Сибири» [Левшин, 1996: 144].

Миграционную концепцию происхождения кыргызов поддерживал В.В. Радлов, отметивший большую близость кыр-

гызского языка к алтайским языкам, нежели к языку соседних казахов [Радлов, 1989: 354]. По его мнению, кыргызы в период монгольских завоеваний были оттеснены с Южных Саян: на Тянь-Шань, Верхний Енисей и к северу от Саян [См.: Радлов, 1929]. С этой точкой зрения согласился Н.Н. Козьмин, считавший кыргызов господствующей в Минусинской котловине до XVII в. племенной группой, образовавшей четыре «княжества». Длительная борьба с Российским государством и вывод кыргызов в Джунгарию привели к фактической дезинтеграции южно-сибирских кыргызов [См.: Козьмин, 1925: 7–8]. Н.Н. Козьмин отрицал тождество терминов «гяньгунь» («цзянькунь») и «хягясы» («сяцзяс») и соответствие последнего этнониму «кыргызы» [Козьмин, 1925: 7–8]. Тем самым доказывалась историчность народа хакасов, имеющих самобытную историю и культуру. Позже эта точка зрения будет развита Л.Р. Кызласовым и И.Л. Кызласовым.

Комплексное изучение проблем этногенеза кыргызов было предпринято В. В. Бартольдом, широко использовавшим написанное в середине XVI в. на персидском языке сочинение «Тарихи Рашиди» Мухаммеда Хайдера Дуглата, содержащее первые достоверные сведения о пребывании киргизов на Тянь-Шане. В.В. Бартольд допускал частичное появление кыргызов в этом регионе примерно в X в., но при этом подчеркивал отсутствие известий о переселении кыргызов на юго-запад, по «направлению к той стране, где они живут теперь» [Бартольд, 1963: 508]. Утверждение В.В. Радлова, сославшегося на сообщение китайца Чан Дэ, в 1259 г. посетившего Среднюю Азию, о присутствии кыргызов на Тянь-Шане, В.В. Бартольд считал ошибочным, так как путешественник проезжал через страну кара-китаев в Семиречье и «только слышал о киргизах, как о каком-то народе далекого севера, но сам их не видел и через их страну не проезжал» [Там же]. Самое раннее появление кыргызов на Тянь-Шане, зафиксированное в источниках, он относит к началу XVI в., причем «нет никаких сведений о том, как и когда они туда пришли» [Там же: 509–510]. Окончательное

закрепление кыргызов в Семиречье, по его мнению, связано с выводом джунгарами киргизских родов из Южной Сибири.

В 1930–1940-е годы миграционные концепции этногенеза народов СССР отвергались по политическим причинам как недостаточно патриотические. Под влиянием крайних автохтонных концепций Н.Я. Марра и Б.Д. Грекова утверждалась парадигма, согласно которой родиной этноса является район его настоящего обитания. Это коснулось освещения этнической истории кыргызов. Лишь в середине XX в. А.Н. Бернштам вновь вернулся к проблеме миграции кыргызов из Южной Сибири, попутно раскритиковав крайние автохтонные концепции этногенеза: «Теория автохтонизма сыграла заметную отрицательную роль в изучении истории народов Средней Азии. Многие из нас трактовали происхождение народов Средней Азии от “генеалогического древа”, выросшего исключительно на той же почве, на которой сформировались современные народы, фактически отрицая культурные связи народов Средней Азии» [*Бернштам*, 1955: 16]. Киргизов и казахов А.Н. Бернштам относил к молодым образованиям, «у которых при наличии древних предков и ранних государственных образований процесс сложения народности был прерван монгольским завоеванием, а затем тормозился слабым развитием земледельческой культуры и рядом особых конкретно-исторических условий. Одним из таких тормозящих условий явилось расселение киргизов за пределы Енисея и Южной Сибири и долгое подчинение их различным другим народам» [Там же: 16–26]. Особенность этногенеза кыргызов, по мнению А.Н. Бернштама, заключалась в формировании данного этноса на двух территориях: по берегам Енисея и на Тянь-Шане. Более древней ветвью кыргызов он считал енисейских кыргызов. В результате создания кочевой империи кыргызов начинается проникновение части киргизов на Тянь-Шань, особенно усилившееся в VIII–X вв., когда окончательно укрепляется тянь-шаньская ветвь киргизов. Согласно концепции А.Н. Бернштама, переселение киргизов на Тянь-Шань происходило постепенно. На основе трак-

товки исторических источников он выделил два основных этапа: I в. до н.э. и VIII–X вв. н.э., предположив, что третий этап переселения имел место при каракитаях и монголах, когда окончательно складывалась основная этническая масса киргизов на Тянь-Шане. Миграция киргизов на Тянь-Шань, по мнению А.Н. Бернштама, привела к образованию ядра киргизской этнонации: «В процессе формирования киргизского народа особенно большое значение имело массовое переселение енисейских киргизов на Тянь-Шань в IX–X вв. Именно в X в. западные авторы начинают выделять на Тянь-Шане киргизскую этническую группу, окончательно возобладавшую в послемонгольский период... Несомненно, что в образовании современных киргизов Тянь-Шаня основное ядро составляли племена енисейских киргизов. Численность тяньшанских киргизов увеличивалась не только за счет перекочевки енисейских киргизов, не только за счет естественного прироста населения, но в значительной степени и за счет ассимиляции киргизами кочевого, отчасти оседлого населения Тянь-Шаня» [Там же: 16–26]. В то же время А.Н. Бернштам не отрицал влияния сакков, усуней, хунну и других древних насельников Семиречья на формирование этнокультурного и этноисторического наследия киргизов.

О.К. Караев развил положение А.Н. Бернштама о проникновении киргизов в Восточный Туркестан, занятии ими обширных пространств от Кастека до Тарима и захвате в X веке города Аксу. О.К. Караев считал, что современные киргизы сформировались на основе енисейских киргизов, переселившихся на территории современного Киргизстана в IX–X вв., во времена так называемого «киргизского великодержавия». Кыргызский этнос, по мнению О.К. Караева, сложился в XI–XV вв. Начальный период датировался им с XI в., когда часть енисейских киргизов продвинулась в Восточное Притяньшанье и стала ядром киргизской народности, окончательно консолидировавшейся в XV в. К XVII в. отнесено формирование киргизской государственности и этноса [*Караев*, 1995: 139–141]. Свою

точку зрения на проблемы киргизского этногенеза О.К. Караев высказал и в совместной с М. Кожобековым статье, поддержав предположение Ч.Ч. Валиханова о том, что енисейские кыргызы проникли на Тянь-Шань и участвовали в местных этнокультурных и политических процессах в IX–XIII вв. Концепцию переселения енисейских киргизов на Тянь-Шань в IX–XIII вв. также поддерживают современные киргизские историки Ч.Д. Турдалиева, Т.К. Чороев. Последний, опираясь на предпринятую Л.А. Боровковой локализацию киргизов времен династии Хань в районе хребта Боро-Хоро, предположил, что киргизы издревле жили в Восточном Тянь-Шане, затем переселились на Енисей и потом тремя основными волнами вернулись на Тянь-Шань [Абдуманов, 2007: 7].

Миграционной концепции придерживаются российские ученые В.Я. Бутанаев и Ю.С. Худяков. Наиболее вероятным из всех они считают мнение о двухэтапном переселении кыргызского этноса с Енисея в IX–X вв. в Восточный Туркестан и Монгольский Алтай и разделении кыргызов на два этноса: енисейских и восточно-туркестанских и переселение последних в XV в. на Тянь-Шань. Военная гегемония кыргызов в центрально-азиатских степях привела к их инфильтрации в Восточный Туркестан. Распад Кыргызского каганата привел к изоляции восточно-туркестанских кыргызов от основного этнического ядра в Южной Сибири. В монгольский период они заселяли лесные районы Могулистана и были переселены могулистанскими правителями из-за постоянных набегов и мятежей в центральные районы страны, на Тянь-Шань, составив основу среднеазиатского кыргызского этноса [Бутанаев, Худяков, 2000: 143–144].

В историографии этнической истории тюркских народов большое влияние имеют сторонники автохтонных концепций. В случае с историей происхождения кыргызов речь идет о формировании этноса на территории Семиречья из местного тюркоязычного субстрата. Широкую известность получила автохтонная концепция Н.Я. Бичурина, исходившего из взглядов

традиционной китайской официальной истории, в соответствии с которыми описанные в древних хрониках «варварские» народы являлись прямыми предками большинства южносибирских и центрально-азиатских народов. Н.Я. Бичурин считал кыргызов коренным населением, издавна жившим на Тянь-Шане и в Восточном Туркестане. К этой теории вплотную примыкает точка зрения о происхождении киргизов Н.А. Аристова, предполагавшего существование в древности кыргызов под именем усуней. Он писал: «Мне кажется весьма возможным, что кыргызы именно и есть усунь, и что народное имя у усуней было кыргыз, а имя усуней было только политическим термином, названием того аймака или того политического союза кыргызских родов, который ранее III века до Р.Х. передвинулся в западный Тяньшань» [Аристов, 2001].

Большой вклад в развитие автохтонной концепции этногенеза внес известный казахский ученый XIX в. Ч.Ч. Валиханов, допускавший возможность влияния миграций кочевников из Южной Сибири в Семиречье и предполагавший, что сибирские кыргызы переселились в Среднюю Азию в домонгольское или в монгольское время. Вместе с тем, Ч.Ч. Валиханов критиковал точку зрения ученых, отождествлявших кыргызов китайских хроник с тянь-шаньскими кыргызами, ссылаясь на те же хроники, в которых последние именовались бурутами, происходящими от народа, проживавшего в Тибете, а кыргызы (киликидзи) на Енисее [Валиханов, 1984: 51]. Изучение кыргызских преданий и отсутствие в исторической памяти народа сведений о переселении и пребывании на Енисее, позволили казахскому ученому сделать вывод: «Ясно, что народ считает себя старожилом Андижанских гор и совершенно не помнит о переселении своем или движении. Трудно себе представить, чтобы такой важный факт, как эмиграция из родной страны и в такое короткое время, как двести лет, мог совершенно изгладиться из памяти народа, сохраняющего предания гораздо древнейшие» [Там же: 55]. Ч.Ч. Валиханов предположил, что факт откочевков из Южной Сибири имел место в глубокой древности

и отделение кыргызов от сибирских сородичей произошло в домонгольскую эпоху [Там же: 64–65]. Концепция Ч.Ч. Валиханова сводилась к признанию кыргызов народом, близким в этнокультурном и этноязыковом плане и по происхождению к кругу ногайцев, казахов и тюрко-язычных народов Средней Азии, в то время как сибирские кыргызы им были отнесены к кругу алтайских народов [Там же: 64–67]. Казахские ученые А.Х. Маргулан и А. Хасанов развили идеи Ч.Ч. Валиханова и пришли к выводу об образовании кыргызского политического союза в IX–X вв. в районе Урумчи и к северу от Турфана. Позже откочевка некоторых сильных родов и племен на Тянь-Шань дала толчок к образованию народности, получившей имя этих переселившихся групп – «кыргыз».

Г.Е. Грумм-Гржимайло также отверг гипотезу о миграции енисейских кыргызов в Новое время, так как выведенные джунгарами кыргызские рода были рассеяны маньчжурами и растворились в среде родственных племен. Г.Е. Грумм-Гржимайло исходил из факта раннего появления немногочисленных кыргызов на Тянь-Шане в X в. как защитников и вассалов карлуков от уйгурских идикутов. Г.Е. Грумм-Гржимайло отрицал массовость переселений кыргызских родов из Южной Сибири и, ссылаясь на Абу-л-Гази, пришел к выводу: «Настоящих киргиз осталось уже очень мало, и их именем стали называть себя племена другого происхождения» [Грумм-Гржимайло, 1926: 366–367]. Г.Е. Грумм-Гржимайло считал тянь-шаньских кыргызов «продуктом» синтеза разноплеменных этнических компонентов, причем собственно кыргызы не играли роли этнического ядра. Кыргызы, по мнению Г.Е. Грумм-Гржимайло, представляют народный конгломерат, который «сложился в Тянь-Шане, главным образом в монгольскую эпоху и служит не менее ярким примером, чем узбекский союз, того значительного смешения этнических элементов, какой происходил на всем пространстве Средней Азии» [Там же: 545].

Среди последовательных критиков миграционной концепции и идеи этногенетической преемственности енисейских и

тянь-шаньских кыргызов следует выделить Л.Р. Кызласова, И.Л. Кызласова и М.Б. Дзамгерчинова. Л.Р. Кызласов и И.Л. Кызласов разделяют историю хакасов и кыргызов, считая, что эти народы объединяет только этноним. По мнению Л.Р. Кызласова, центрально-азиатские киргизы не были родственны кыргызам Енисея, представлявшим аристократический род древних хакасов, выведенный в Джунгарию. Л.Р. Кызласов называет центрально-азиатских кыргызов активными участниками подавления восстания саяно-алтайских племен в составе карательной армии Тутухи, действовавшей по приказу императора Хубилая в 1293 г. Л.Р. Кызласов противопоставил хакасов и «центрально-азиатских кыргызов», происходивших из многочисленных тюркских племен, которые обитали в Центральной Азии еще в периоды Тюркского (VI–VIII вв.) и затем Уйгурского (VIII–IX вв.) каганатов. В 840–847 гг. эти земли были захвачены древними хакасами, во главе которых стояли каганы и беги из рода кыргызов. После того как восточные монголоязычные племена вытеснили древних хакасов из Центральной Азии обратно на Енисей, бывшие подданные кыргызского кагана, центральноазиатские тюркоязычные племена в XII–XIII вв. восприняли имя киргизов» [Бутанаев, Худяков, 2000: 55]. И.Л. Кызласов также считает неправомерным смешение истории древних енисейских кыргызов и современного кыргызского народа: «Этим создается путаница, неизбежно приводящая к ошибочному восприятию реального исторического процесса, совершенно ложному его истолкованию, что в свою очередь не позволяет проводить конкретно-исторические изыскания. В этом не заинтересованы ни исторические потомки древней державы – ряд так называемых малых народов Сибири, ни, что не менее важно, современный киргизский народ. Таковы причины, заставляющие нас признать непродуктивным наименование древнего южносибирского государства кыргызским. Желательно оставить понятие “древние киргизы” за прямыми предками киргизского народа» [Кызласов, 1992: 56–57]. Л.Р. Кызласов критикует «однозначное» понимание этнонима

как обозначения конкретной этнической общности, в то время как в среде кочевых народов этническая самоидентификация весьма неустойчива и подвижна; поэтому «перенос имени одного народа на другие при отсутствии должного исторического подхода ныне приводит к неясностям, ошибкам и сложностям, вполне подобным тем, которые я указывал для этнонима кыргызы» [Там же: 74]. К аналогичным выводам о том, что енисейские кыргызы не являлись предками современных киргизов, пришел и кыргызский историк М.Б. Джамгерчинов [Джамгерчинов, 1971, 1972].

Среди автохтонных дискурсов этногенеза кыргызов можно выделить кипчако-кыргызскую и могуло-кыргызскую гипотезы, нашедшие отражение в исследованиях К.И. Петрова, С.Г. Кляшторного, Д.Г. Савинова, А.М. Мокеева и В.П. Юдина. Уместно сказать, что сторонники этих гипотез развивали идеи Ч.Ч. Валиханова, предполагавшего, что местный тюркоязычный субстрат сыграл ведущую роль в формировании кыргызского этноса и включил пришлый сибирский элемент. В 1960-е годы появились работы К.И. Петрова, положившие начало новому подходу, заключающемуся в системном изучении этнической истории кыргызов, с учетом научных исследований в области истории, археологии, этнологии и филологии. К.И. Петров попытался реконструировать исходные этнические компоненты, составившие кыргызский этнос и вошедшие в состав кыргызского народа. По его мнению, принадлежность кыргызов к кипчакской языковой группе дает основание считать именно кипчаков и близких к ним кимаков и карлуков этническим ядром кыргызского народа. Согласно его исследованиям, основным массивом (или массивом-поток, или ядром) племен, которые образовали в дальнейшем киргизскую народность и формировались в I тыс. н.э., являлись кыпчакско-кыргызские племена «Енисейско-Иртышского междуречья», а также близкородственные им восточно-кыпчакские племена. Заняв сначала Или-Иртышское междуречье (в середине и второй половине XIII в.), они затем стали продвигаться к Центральному Тянь-

Шаню. Первоначально продвижение к Тянь-Шаню происходило мелкими группами, которые перемешивались с прочим монгольско-тюркским населением [См.: *Петров*, 1961, 1963; *Абдуманов*, 2007]. К.И. Петров и Е.И. Кычанов, опираясь на сообщения из «Юань ши», предположили, что в период внутримонгольских войн 1280-х годов около 9 тыс. семей кыргызов из областей Енисейско-Иртышского междуречья, входивших в состав территориально-государственного объединения Хайду, по приказу Хубилая были выселены на Хангайское нагорье и в разные районы Монголии [*Кычанов*, 1965: 59–65]. Поскольку граница между владениями Токтака и Хайду в начале XIV в. стабилизировалась по линии Кара–Ходжа–Тарбагатай, по мнению К.И. Петрова, действовавшие с обеих сторон кыпчакско-киргизские племена заняли в конце концов все Иртышско-Илийское междуречье. В послетимуровское время (XV в.) переселение на Тянь-Шань приобрело массовый характер. Распространение названных племен по Тянь-Шаню (XIII–XV вв.) совпало, по мнению автора, с началом процесса сложения киргизской народности. Здесь формирование кыргызов происходило на основе уйгуро-карлукских племен Тянь-Шаня; монгольских племен, прибывших на Тянь-Шань в XIII в. и племен верховий Енисейско-Иртышского междуречья, основное ядро которых составляли кимако-кыпчакские племена верховий Оби и Северного Алтая, ассимилировавшие родоплеменные группы кыргызов Енисея в период, начало которого можно отнести к XIII–XIV вв. Формирование этноса происходило на территориях современного Кыргызстана с некоторыми прилегающими районами Восточного Туркестана.

Несмотря на критику, теория К.И. Петрова получила свое развитие в работах целого ряда историков. По мнению А.М. Мокеева, завершающие этапы формирования киргизского народа протекали на Тянь-Шане в XV–XVIII вв., там происходил длительный процесс взаимодействия и взаимовлияния двух его основных компонентов – древних и средневековых племенных объединений Притяньшанья с собственно киргизскими

племенами, переместившимися сюда в XV в. из Прииртышья и Алтая. В процессе интеграции остатков древнетюркских и монгольских племен в рамках этой дуальной этнополитической структуры, считает А.М. Мокеев, постепенно созревало этническое самосознание, что нашло отражение в новых вариантах племенных и общекиргизских генеалогических преданий («Маджму ат-таварих») и в двойных наименованиях ряда родоплеменных объединений (кыргыз-кыпчак, кыргыз-кытай и др.). А.М. Мокеев уделяет исключительное значение формированию в середине XVIII в. этнокультурного единства, когда «окончательно сформировались этнополитическая организация киргизской народности, возникло ее этническое самосознание, определился устойчивый хозяйственно-культурный тип, сложилось фольклорное выражение историко-культурного единства киргизских племен (эпос “Манас”» [Мокеев, 1990: 131–137]. В развитие гипотезы К.И. Петрова на V тюркологической конференции в 1988 г., ряд авторов – С.Г. Кляшторный, А.М. Мокеев и В.П. Мокрынин, выдвинули версию об образовании кыргызов вследствие взаимодействия в Прииртышье и Горном Алтае кимако-кыпчакских и кыргызских племен. Кыргызы, по мнению авторов, переселились туда с Енисея и полностью растворились в кимако-кыпчакской среде после XII в. Эти кыргызы в XV в. переселяются на Тянь-Шань, где в свою очередь ассимилируют местные тюркские и монгольские племена [Кляшторный и др., 1988: 42–43].

В современных исследованиях ученых Кыргызстана имеет место попытка развить кыпчакско-кыргызскую гипотезу за счет включения в процесс консолидации кыргызского этноса различных субэтнических групп. Исследователи В.П. Мокрынин и В.М. Плоских полагают, что на Алтае и в Джунгарии в IX–X вв. образовался один из шести кыргызских субэтносов. Эти группы кыргызов и алтайцев в результате длительных взаимосвязей с численно превосходящими местными народами, входившими в кимако-кыпчакское объединение, приобрели новое «этническое лицо», включая язык, но сохранили этно-

ним «кыргыз». Слабым местом кимако-кипчако-кыргызской гипотезы является несоответствие ее частных положений современному состоянию знаний об археологии Алтая и Прииртышья, на что обратили внимание В.Я. Бутанаев и Ю.С. Худяков. По их мнению, культуры кимаков и кыргызов в IX–X вв. граничили в степях Приобья и Прииртышья, однако общей «кимако-кыргызской» культуры не возникло и, следовательно, «ассимиляция кыргызов кимаками на Алтае и в Прииртышье» не подтверждается данными археологии» [Бутанаев, Худяков, 2000: 143]. В.Я. Бутанаев и Ю.С. Худяков считают, что наличие родоплеменных групп с общими этнонимами и схожесть этнографических особенностей культуры, фольклора и языка присутствуют не только у кыргызов с алтайцами, но и у кыргызов с другими тюркскими народами Саяно-Алтая.

Могульско-кыргызская гипотеза была высказана видным казахстанским востоковедом В.П. Юдиным. Объяснение появления кыргызов на Тянь-Шане проникновением их с Алтая и Енисея в притяньшаньские районы в период после монгольского завоевания, накопление там собственно кыргызских племен и последующие вытеснение и ассимиляцию ими могулов он считал малоубедительной гипотезой [Юдин, 2001: 87–88]. В.П. Юдин полагает, что в период расцвета Могулистана южно-сибирские народы и кыргызы жили по соседству, «имели тесные этнические связи, совершали микромиграции внутри региона, приводившие их к миксации, а в какой-то период входили в состав могульской общности. Это объясняет и определенную общность родоплеменного состава могулов, алтайцев, тувинцев (калучи) и языковое сходство определенного таксономического уровня в пределах тюркских языков» [Там же: 124]. Из всех гипотез о происхождении тянь-шаньских кыргызов наиболее доказательной В.П. Юдин считал гипотезу, высказанную еще в XVI в. Мирзой Хайдаром. По его сведениям, кыргызы – это часть могулов, обособившаяся от остальных могульских племен на политической и религиозной основе. Массив могульских племен, по его мнению, формировался не только в

Могулистане, но и за его пределами, в заиртышских областях, которые могли в определенный исторический период входить в состав Могулистана или подчиняться политически: «Все эти тюркоязычные могульские племена, включая Тянь-шаньских кыргызов, и алтайские, и сибирские племена, составляли в далеком прошлом единство, которое покрывалось общим этнонимом “киргызы” [Там же: 124–125]. Лингвистическое единство алтайского, уйгурского и кыргызского языков, наличие в алтайском языке заимствований из арабского и персидского языков В.П. Юдин объясняет тем, что: «могулы и племена, из которых сформировались алтайцы, в прошлом были единым народом... в связи с политическим упадком Могулистана и этнической деградацией могулов племена алтайцев оторвались от могульского этноса, а ислам у них “эрозировался” и исчез. Но следы его остались в виде значительного пласта арабо-персидской лексики в алтайском языке» [Там же: 122–123].

По поводу происхождения кыргызов Тянь-Шаня В.П. Юдин считал, что они происходят в такой же мере от древних кыргызов, как и все могулы, так как «в их составе было много сибирских тюркских племен, которые традиционно могли возводить свое происхождение к древним киргизам» [Там же: 127]. Ученый считает гипотезы о переселении кыргызов с Алтая и Енисея на Тянь-Шань малоубедительными, основанными в значительной мере на неправильно интерпретированных данных персоязычного агиографического источника «Маджму аттаварих» Сайф ад-Дина Ахсиканти. Интерполяция данных этого сочинения, по мнению В.П. Юдина, написанного не ранее середины XVIII в., т.е. времени военно-политической активности уже собственно кыргызских племен в Средней Азии, значительно исказила выводы об этноисторических процессах в Средней Азии, способствуя формированию гипотезы о миграции енисейских и алтайских кыргызов на Тянь-Шань [Там же: 127]. В.П. Юдин полагает: «Тянь-шаньские кыргызы вообще составляют обособившуюся часть могульского этноса» [Там же: 131]. «Могульская» гипотеза В.П. Юдина позволила шире

взглянуть на этногенез киргизов и включить в этот процесс могульские племена, которые в значительной мере повлияли на сложение этнического состава тюркских народов Центральной Азии, при этом долгое время игнорировались в историографической традиции.

Смешанная концепция этногенеза киргизов нашла отражение в трудах С.М. Абрамзона и в советских академических изданиях, посвященных этнографии народов Средней Азии и Казахстана. С.М. Абрамзон представлял крайностями как суждения тех, кто стремится утверждать глубокую автохтонность киргизов, так и взгляды тех, кто сводит этногенез киргизов к переселению каких-то «потоков» или «массивов» киргизских племен с весьма отдаленных территорий на Тянь-Шань. С.М. Абрамзон считал этногенез киргизов весьма сложным процессом, так как этническая история киргизов складывалась в многообразных связях с этническими процессами, протекавшими в Центральной Азии, Южной Сибири, Средней Азии, на степных просторах современного Казахстана. По мнению ученого, она не может рассматриваться без учета этих связей. С.М. Абрамзон полагает, что название «киргиз» складывается и утверждается как этническое самоназвание постепенно, в ходе исторического развития и в процессе формирования самого киргизского этноса. Первоначально этноним имел не столько этническое, сколько политическое содержание и распространялся на группы племен различного происхождения, жившие не только в Минусинской котловине и в пределах Саяно-Алтая, но и значительно южнее и юго-западнее, на территории Джунгарии и частично Восточного Туркестана. С.М. Абрамзон соглашался со сторонниками автохтонных концепций, в первую очередь с В.П. Юдиным, в том, что часть племен центрально-азиатского происхождения, которых соседи называли киргизами, проживала поблизости от современной территории расселения киргизов. В связи с этим он ставил под сомнение факт массового переселения киргизов с Енисея, так как части киргизских племен достаточно было передвинуться на несколько

сот километров с северо-востока и востока на Западный Тянь-Шань, а затем и южнее, чтобы оказаться на территории расселения современных киргизов. С.М. Абрамзон предположил, что на территорию современного Кыргызстана пришли преимущественно не киргизы, жившие на Енисее, а некоторые, главным образом тюркоязычные, племена, проживавшие ранее в пределах Восточного Притяньшанья, отчасти – Прииртышья и Алтая. В истории края подобные перемещения были известны со времен караханидских тюрков, принявших имя вождя одного из племен в качестве самоназвания. По мнению С.М. Абрамзона, название «киргиз» было вначале не этнонимом, а названием того политического союза, к которому они принадлежали, включавшим предков не только киргизов, но и других тюркоязычных народов. Начало процесса складывания киргизов как этнической общности начинается примерно к XIV–XV вв., но наиболее интенсивно он шел, несомненно, в XVI–XVII вв. Завершение процесса формирования киргизской народности по всем признакам происходило в XVIII в., хотя в отдельных районах этот процесс частично еще продолжался и позднее. Именно в это время, по мнению С.М. Абрамзона, термин «киргиз» стал самоназванием тянь-шаньских кочевников-тюрков [См.: *Абрамзон*, 1990].

В настоящее время гипотезы о сложном синтезе различных этнических компонентов преимущественно тюркского происхождения, выдвинутые В.П. Юдиным и С.М. Абрамзоном, нашли отражение в исследованиях А.М. Мокеева. По его мнению, «генеалогические предания самих киргизов единогласно указывают на вторую половину XV в. как важнейший этап в истории киргизского народа на территории Тянь-Шаня» [Мокеев, 2009: 259]. А.М. Мокеев первостепенное внимание уделяет формированию военно-политической организации киргизских племен, необходимой для успешной борьбы за богатые земли Притяньшанья: «Решающим моментом в процессе формирования киргизского народа явилось возникновение на Тянь-Шане дуальной этнополитической организации – онг канат (“правое

крыло”) и сол канат (“левое крыло»)» [Там же: 259]. Северная часть притяньшаньских тюрков приняла название «кыргыз», или «сорок девушек», южная – «отуз огул», или «тридцать молодцов». Это были осколки могульских племен, спасавшихся от врагов. Согласно сведениям китайских источников, северная ветвь – Кыргыз – занимала в основном территорию Северного Кыргызстана и включала в себя следующие родоплеменные объединения: саяк, сары багыш, кытай, кушчу, саруу, монолдор, солто, ават, мундуз, басыз, черик. В южную ветвь – Отуз-Уул (Огул) – входили родоплеменные объединения, проживавшие в пределах Южного Кыргызстана. К их числу относились кыпчак, каратегин, багыш, адигине, берю, найман, жору [Там же: 264]. Глубокие политические и генеалогические связи кыргызских и могольских племен в значительной мере способствовали интеграции могольских племен в дуальную этнополитическую организацию кыргызского общества. А.М. Мокеев полагает, что этническое смешение местных древнетюркских и могульских племен с кыргызами произошло в сравнительно короткий исторический период, ибо в условиях подвижного полукочевого хозяйства между ними быстро развивались экономические и культурные связи. Вскоре этноним «кыргыз» стал общим наименованием для всех племен Кыргызстана [Там же: 268].

На наш взгляд, современный уровень знаний и существующая источниковая база позволяют говорить о преобладании в составе кыргызского этноса местного тюркоязычного субстрата, «переплавившего» не только южно-сибирские родоплеменные группы, но и более поздние инкорпорированные элементы, такие как сарт-калмыки, отдельные группы казахских и узбекских кочевников. Представляется, что одной из причин формирования кыргызской общности, четко отделявшей себя от соседей казахов и узбеков, был образ жизни кыргызов, проживавших в горной и лесистой местности и сочетавших отгонное скотоводство, охоту и земледелие, как и древние кыргызы. Прежняя дифференциация между енисейскими кыргызами – горными скотоводами, охотниками и земледельцами, и «чи-

стыми» кочевниками хунну, тюрками и кипчаками, сохранилась в условиях Тянь-Шаня и была этническим «маркером», отделяющим кыргызов от кочевых казахов и полуседлых и оседлых узбеков. Объединившиеся могульские и кыргызские племена приняли этноним древнего и прославленного южно-сибирского этноса. Возможно, память о своем происхождении от кыргызов эпохи «великодержавия» была сохранена одной из групп переселенцев, в среде которых и возник эпос «Манас», имеющий явно древнее происхождение. Интенсивно ведущиеся этногенетические исследования подтверждают выводы, сделанные еще советскими этнографами, о многокомпонентном составе кыргызского народа.

Библиография

Источники:

- Бичурин*, 1950: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950.
- Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана..., 1994: Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы, 1994.
- Кюнер*, 1961: *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Материалы по истории киргизов..., 1973: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973.
- Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана..., 2003: Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана (Извлечения из китайских источников II в. до н.э. – XVIII в.) Т. 2. Бишкек, 2003.
- Материалы по истории сюнну..., 1968, 1973: Материалы по истории сюнну / Предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. Вып. I. М., 1968; Вып. II. М., 1973.
- Махмуд ибн Вали*, 1977: *Махмуд ибн Вали.* Море тайн относительно доблестей благородных. (География) / Введение, перевод, примечания Б.А. Ахмедова. Ташкент, 1977.
- Маширанов*, 2002: *Маширанов Т.Т.* «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» (География) Махмуда ибн Вали как источник по истории

- Кыргызстана XVI–XVII вв. // Вопросы востоковедения и востоковедного образования. Бишкек, 2002. Вып. 1.
- Материалы по истории казахских ханств, 1969: Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.

Литература:

- Абдуманов*, 2007: *Абдуманов Р.А.* Кипчакский компонент в этногенезе киргизов. Автореф. дисс... канд.ист.наук. Томск, 2007.
- Абрамзон*, 1990: *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990.
- Абрамзон, Потапов*, 1975: *Абрамзон С.М., Потапов Л.П.* Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников) // Советская этнография. 1975. № 6.
- Азбелев*, 2007: *Азбелев П.П.* Кыргызы и Китай: о пределах доверия к летописям // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов (Мат-лы VIII междунар. конф., г. Горно-Алтайск, 19–23 сентября 2007 г.). Т. I. Горно-Алтайск, 2007.
- Аристов*, 2007: *Аристов Н.А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родословных делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Аристов Н.А. Этногенез и этническая история казахов. Астана, 2007.
- Аристов*, 2001: *Аристов Н.А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек. 2001 // <http://www.centrasia.ru>.
- Банзаров*, 1955: *Банзаров Д.* Собрание сочинений. М., 1955.
- Бартольд*, 1963: *Бартольд В.В.* Киргизы. Исторический очерк // Бартольд В.В. Соч. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963.
- Баскаков*, 1964: *Баскаков Н.А.* К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз» // Советская этнография. 1964. № 2.
- Бернштам*, 1955: *Бернштам А.Н.* К вопросу происхождения киргизского народа // Советская этнография. 1955. № 2.

- Бутанаев, Худяков*, 2000: *Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.* История енисейских кыргызов. Абакан, 2000.
- Валиханов*, 1984: *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах // Валиханов В.В. Соч. Т. 2. Алма-Ата, 1984.
- Валиханов*, 1986: *Валиханов Ч.Ч.* Очерки Джунгарии // Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. Алматы, М., 1986.
- Гродеков*, 1889: *Гродеков Н.И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Ташкент, 1889.
- Грум-Гржимайло*, 1926: *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Ленинград. 1926.
- Грязнов*, 1961: *Грязнов М.П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник Государственного Эрмитажа (АСГЭ). Вып. 3. Л., 1961. С. 7–31.
- Джамгерчинов*, 1971: *Джамгерчинов М.Б.* Были ли сибирские киргизы этническим компонентом киргизской народности? // Труды Киргизского гос. ун-та. Вып. XI. Фрунзе. 1971.
- Джамгерчинов*, 1972: *Джамгерчинов М.Б.* Из истории киргизской народности XVI – I половины XVIII в. Автореф. дис... к.и.н. Фрунзе, 1972.
- Елоглу*, 1995: *Елоглу Г.* Следы общетюркской культуры в алыптыг-нымахах енисейских кыргызов // Эпос «Манас» как историко-этнографический источник. Тезисы международного научного симпозиума, посвященного 1000-летию эпоса «Манас». Бишкек, 1995.
- Жирмунский*, 1960: *Жирмунский В.М.* Новые материалы о киргизском эпосе «Манас» // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. XIX. Вып. 2. М., 1960.
- Зуев*, 1967: *Зуев Ю.А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1967.
- Зуев*, 2002: *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
- Караев*, 1995: *Караев О.К.* Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек, 1995.
- Кисляков*, 1973: *Кисляков В.Н.* Хазарейцы, аймаки, моголы // Советская этнография. 1973. № 4.
- Кляшторный*, 1988: *Кляшторный С.Г., Мокеев А.М., Мокрынин В.П.* Основные этапы этногенеза киргизского народа // Тюркология–88. Фрунзе, 1988.

- Кляшторный*, 1992: *Кляшторный С.Г.* О статье И.Л. Кызласова «О самоназвании хакасов» // Этнографическое обозрение. 1992. № 2. С. 59–61.
- Кляшторный*, 2006: *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
- Козьмин*, 1925: *Козьмин Н.Н.* Хакасы, историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1925.
- Койчуев, Мокрынин, Плоских*, 1994: *Койчуев Т., Мокрынин В., Плоских В.* Кыргызы и их предки. Бишкек, 1994.
- Кызласов*, 1992: *Кызласов И.Л.* О самоназвании хакасов // Этнографическое обозрение. 1992. № 2.
- Кызласов*, 1992: *Кызласов И.Л.* Об этнонимах хакас и татар и слове хоорай (ответ оппонентам) // Этнографическое обозрение. 1992. № 2.
- Кызласов*, 1965: *Кызласов Л.Р.* К истории племен Саяно-Алтайского нагорья в XIII–XV вв. // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XI. Абакан, 1965.
- Кызласов*, 1969: *Кызласов Л.Р.* Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках // Уч. зап. Хакаского НИИЯЛИ. Вып. XIII. Абакан, 1969.
- Кылдыроглу*, 2007: *Кылдыроглу М.* Этнополитические связи кыргызов и кыпчаков во второй половине IX–XVI вв. Автореф. дисс... к.и.н. Бишкек, 2007.
- Кычанов*, 1965: *Кычанов Е.И.* Сведения в «Юань-ши» о переселениях кыргызов в XIII в. // Изв. Академии наук Киргизской ССР. Серия «Общественные науки». Т. V. Вып. 1. Фрунзе, 1965.
- Кюнер*, 1954: *Кюнер Н.В.* Китайские историки-летописцы о хакасах // Зап. Хакаского НИИЯЛИ. Вып. III. Абакан, 1954.
- Левшин*, 1996: *Левшин А.И.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. Ч. 2. Алматы, 1996.
- Мелетинский*, 1983, 1985: *Мелетинский Е.М.* Среднеазиатский эпос об Алпамыше // История всемирной литературы: В 9 томах / АН СССР. М., 1983. Т. 3. М., 1985.
- Миллер*, 1937: *Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе, по сии времена. Т. 1. М.; Л., 1937.
- Могильников*, 1988: *Могильников В.А.* Курганы Кер-Кечу (к вопросу об этническом составе населения Горного Алтая второй половины

- I тыс. до н.э.) // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988.
- Мокеев*, 2009: *Мокеев А.М.* Дуальная этнополитическая организация кыргызов на Тянь-Шане в XVI – середине XVIII вв. // Тюркологический сборник. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009.
- Мокеев*, 1990: *Мокеев А.М.* Этапы этнической истории киргизского народа на Тянь-Шане в XVI–XVIII вв. // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 2. М., 1990.
- Молодин*, 2000: *Молодин В.И.* Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. № 4. С. 131–139.
- Молодин, Полосьмак*, 2001: *Молодин В.И., Полосьмак Н.В.* Пазырыкская культура и самодийская проблема // Самодийцы. Мат-лы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2001. С. 69–74.
- Народы Средней Азии и Казахстана, 1965: Народы Средней Азии и Казахстана / Под ред. С.П. Толстова и др. Т. II. М., 1965.
- Петров*, 1961: *Петров К.И.* Киргизо-кыпчакские отношения и этногенез киргизов // Известия АН Киргизской ССР. Т. 3. Вып. 2. 1961.
- Петров*, 1961а: *Петров К.И.* Очерки феодальных отношений у киргизов в XV–XVIII веках. Фрунзе, 1961а.
- Петров*, 1963: *Петров К.И.* Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963.
- Петров*, 1964: *Петров К.И.* К этимологии этнонима «кыргызы» // Советская этнография. 1964. № 2. С. 81–91.
- Плоских*, 2003: *Плоских В.М.* Этапы становления кыргызской государственности. Бишкек, 2003 // <http://www.centrasia.ru>.
- Полосьмак*, 1994: *Полосьмак Н.В.* К вопросу о древней татуировке // Гуманитарные науки в Сибири. Серия «Археология и этнография». № 3. 1994.
- Потанов*, 1969: *Потанов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев: историко-этнографический очерк. Л., 1969.
- Радлов*, 1929: *Радлов В.В.* Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск. 1929.
- Радлов*, 1989: *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника / пер. с нем. Т. I. М., 1989.

- Родословное древо тюрков, 1906: Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 2. Вып. 5–6. Казань, 1906.
- Сагадаев, Октябрьская, 1990: Сагадаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.
- Фишер, 1774: Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири и до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
- Хади Атласи, 2005: Хади Атласи. История Сибири / Пер. с татар. яз. А.И. Бадюгиной. 2005 // <http://2005.proTatar>.
- Худяков, 2001: Худяков Ю.С. Проблемы истории древних кыргызов (первоначальное расселение) // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 75–83.
- Юдин, 2001: Юдин В.П. Могулы // Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001.
- Юдин, 2001а: Юдин В.П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и их этнических связях с казахским и другими соседними народами // Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001.
- Яхонтов, 1970: Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // Советская этнография. 1970. № 2. С. 110–120.
- Яхонтов, 1992: Яхонтов С.Е. Слово хакас в исторической литературе // Этнографическое обозрение. 1992. № 2. С. 61–63.

Кипчаки: концепции этнической истории*

Проблемы этнической истории кипчаков являются одними из наиболее изучаемых в современной тюркологии. Национальные историографии тюркских республик бывшего СССР и автономий Российской Федерации связывают этногенез большинства евразийских тюркских народов преимущественно с кипчаками (куманами или половцами), игнорируя другие этнические компоненты, к примеру, карлуков и караханидских тюрков, сыгравших огромную роль в формировании казахов, кыргызов, уйгуров и узбеков. Кипчакоцентричные концепты этнической истории в различных вариациях (кипчакской, кипчако-кыргызской, кипчако-булгарской, карлуко-кипчакской) преобладают на страницах вузовских и школьных учебников, в научных публикациях, посвященных этнической истории казахов, узбеков, кыргызов, каракалпаков, башкир, татар, северокавказских и южно-сибирских тюрков.

Господство кипчаков в восточно-европейских и казахстанских степях приходится на вторую четверть XI – первую четверть XIII вв. – это «срединное время» в этнической истории тюрко-монгольских народов, период между временем глобального доминирования в Евразии военных держав тюрков – огузов и монголов многочисленных этнополитических объединений кочевников, с достаточной условностью объединенных авторами арабо-персидских, западноевропейских и древнерусских источников в этнические общности, известные под названиями кипчаки, куманы, половцы. Именно в начале активной

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ: грант 11-01-00534а «Этногенез: воображаемые пращуры и реальные потомки» и при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», направление 3: «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре», проект «Этносоциология гостеприимства: дрейф от солидарности к антропоцентризму».

экспансии кипчаков (1030-е годы) в арабо-персидских историко-географических сочинениях, наряду с этногеографическим названием «Туркестан», т.е. «страна тюрков», утверждается и просуществовало до XV в. название «Дешт-и-Кипчак», на персидском обозначающее «Пустыни кипчаков», или «Кипчакская степь». Тем самым, мусульманские средневековые авторы констатировали смену этнополитической гегемонии огузов – носителей в среднеазиатских и казахстанских степях и пустынях этнонима «тюрк», на доминирование их собратьев и конкурентов – кипчаков. Закат эпохи кипчаков связан с монгольским вторжением, приведшим к подчинению или истреблению большинства кипчакских племен, а также откочевке части восточноевропейских кипчаков на территорию Венгрии, где они сейчас проживают под названием куны. На территории же Дешт-и-Кипчака до конца XV в. установилось господство джучидских кочевых племен, известных под названием «татары», основным этническим компонентом которых были кипчакские и тюрко-монгольские племена найманов, мангытов, керейтов, уйгуров и др. Татарские племена Улуса Джучи позже стали ядром новых этносов – узбеков, ногайцев, казахов, различных групп татар, каракалпаков, башкир, карачаевцев, кумыков и кыргызов. Кипчаки в качестве одной из родоплеменных групп присутствуют практически во всех указанных тюркских этносах, являясь важным компонентом в составе алтайцев, башкир, казахов, ногайцев, узбеков и кыргызов.

В национальных историографиях доминируют генерализующие кипчакоцентричные версии этнической истории. Авторы последнего 6-томного академического издания «История Казахстана с древнейших времен» пишут о формировании ядра казахского народа в домонгольский период на основе кипчакских племен и появлении в их среде этносоциальных группировок под названием «казак» [История Казахстана с древнейших времен, 1996: 428–430]. Весьма популярно мнение о процессе формирования «кипчакской народности», прерванном в результате вторжения монголов. Павлодарский историк

Н.Е. Кузембаев отмечает: «Кипчаковедение как научное направление в общественных и гуманитарных науках Республики Казахстан занимает приоритетное место. Это связано с тем, что кипчакский язык лег в основу казахского языка, кипчакский этнический компонент составил основное ядро в образовании казахской народности, культура кипчакских племен составила единый фундамент с культурой казахского народа» [Кузембаев, 2008: 3]. Подходы казахстанских историков не являются исключением. Эссенциалистские концепции этнической истории характерны для национальных историописаний большинства постсоветских государств. В этой связи необходимо критически проанализировать не только современные дискурсы, но и интерпретации информации средневековых письменных источников о кипчаках.

Средневековые письменные источники по этнической истории кипчаков

На наш взгляд, в этнической истории кипчаков выделяются следующие периоды: 1) этап ранних кипчаков и кимаков, вышедших из среды западно-тюркских и огузо-телеских племен – наследников хуннских этнополитических объединений (VIII – первая четверть XI вв.); 2) время существования конгломерата кипчако-куманских племен, доминировавших в евразийских степях с середины XI в. вплоть до монгольского завоевания и включавших в свой состав кангаро-печенежские, болгарские и огузские группы; 3) история собственно кипчакских племен в составе тюркских этносов, существующих с конца XV – начала XVI вв. Ядром этих народов стали этнические общности, проживавшие на территории Восточной Европы, Южной Сибири, Средней Азии и Казахстана.

На наш взгляд, в концептах этнической истории чрезмерное внимание уделяется древности появления той или иной этнической общности. Как правило, существует определенная тенденция к удревнению «начальных» веков формирования и

консолидации народа или его некоего этнического «ядра». Зачастую наблюдается сведение изучения этнической истории народа к поиску древних государств и «подлинных» этнонимов; как следствие, мы имеем серьезное искажение исторического прошлого. Эссенциалистская историография, будучи одним из вариантов традиционной политической истории, игнорирует значимость других факторов, в первую очередь этнокультурного синтеза. Одним из таких примеров является ранняя история кипчаков, на наш взгляд, сформировавшихся в среде огузо-тюркских племен Западной Монголии и Семиречья в VIII–IX вв. и подпавших в результате своей победоносной экспансии в «поле притяжения» оседло-земледельческих цивилизаций. Исходя из этого положения, наиболее важными письменными источниками, проливающими свет на процессы складывания кипчакских племен в далекой периферии средневековых цивилизаций – в Прииртышье и на Алтае, можно считать китайские династийные истории, арабо-персидские историко-географические сочинения и древнетюркские камнеписные тексты. Экспансия кипчаков вывела их в середине XI в. на границы мусульманской, византийской, древнерусской и западноевропейской цивилизаций, что нашло отражение в различных историописаниях, центральным сюжетом которых является борьба с чужаками – иноверцами или дикими кочевниками. Даже великий тюркский энциклопедист XI в. Махмуд Кашгари, происходивший из караханидских тюрков, представлявших союз исламизированных карлуков и огузов, собрав эпические сказания X в., одобрял войну с «неверными» собратьями из числа алтайских карлуков и басмылов во главе с «Великим Змеем» Будрачем:

Припустим-ка мы коней на рассвете,
Будем искать крови Будрача,
Сожжем-ка мы бека басмылов
Пусть теперь собираются йигиты (джигиты).
Они тоже были тюрками

[*Махмуд Кашгарский*, 1960: 330].

Из «Книги Деде Коркута» мы узнаем об истребительных войнах огузов – мусульман Баяндур-хана и Салор-Казана – с сирийскими огузами – «гяурами» во главе с Шюкли-Маликом. Огузы – христиане в исламизированном эпосе – отображены свирепыми людоедами, попирающими все нормы морали. В отношении огузов-гяуров нельзя вести войну по правилам шариата как с другими христианами – грузинами, абхазами или греками, которым в случае сдачи следует сохранять жизнь. Древние сказители – ашуги, дегуманизовав образ огузов-христиан, призывают к полному уничтожению мусульманами-огузами своих врагов- собратьев [Книга Деде Коркута, 1962: 23–32]. Р. Шартье отмечает зависимость и скованность средневековых хронистов, поскольку автор «находится во власти множества детерминант, которые подчиняют себе социальное пространство производства литературы...» [Шартье, 2006: 47]. В числе «множества детерминант», определяющих характер сообщаемой информации о кочевниках, следует выделить политические и культурные пристрастия авторов текстов. Культурные модели серьезно корректируют, в соответствии с признаваемыми в обществе стандартами, восприятие и описание автором чужого образа жизни и поведения. В этой связи Д. Вазари высказал принципиальную точку зрения о тенденциозности основных письменных источников по истории куманов и татар, так как почти полностью отсутствуют собственные источники, а в китайской, исламской, византийской и средневековой западной историографии существует серьезное предубеждение против кочевых врагов. Их сведения фрагментарны и отражают лишь отдельные аспекты кочевого образа жизни: «Таким образом, волей-неволей нам придется довольствоваться половецкими и татарскими историями, написанными в основном через призму взглядов их “цивилизованных” врагов» [Vasary, 2005: 17].

Наиболее пристрастными в этом отношении, и в то же время наиболее информированными, являются авторы китайских династийных хроник, ведшихся в течение почти двух тыся-

челетий. Традиции официальной китайской историографии были заложены Сыма Цянем и Бань Гу в канонических трудах «Ши цзи» и «Хань шу». Последующие поколения китайских ученых-чиновников неизменно описывали соседние народы с позиций ортодоксальных конфуцианцев, противопоставляя «варварский» культурный порядок и повседневную жизнь северных кочевников некоему идеальному «культурному» образу жизни и поведения древних китайцев. Еще Сыма Цянь вкладывал в написание своего труда определенный назидательный смысл. М.В. Крюков отмечает: «Сыма Цянь отдавал себе ясный отчет в том, каковы были цели его труда. Он писал историю не только для того, чтобы изложить события прошлого, но и для того, чтобы помочь людям сделать выводы из этого прошлого для их настоящей и будущей деятельности» [Крюков, 2001: 56]. Оценивая объективность информации китайских источников, можно согласиться с мнением Л.А. Боровковой, указывающей на ценность сведений китайских официальных историй. Эти сочинения являлись плодом коллективного труда придворных чиновников – хронистов, использовавших официальные материалы, собранные и хранившиеся при императорском дворе. По ее мнению, следует учитывать и характеристику информантов, так как записи сведений об иноземных царствах были сделаны со слов военных и дипломатов, многие из которых имели смутные представления об описываемом регионе или же сознательно искажали информацию с целью преувеличения собственных заслуг и получения материальных выгод [Боровкова, 2001: 8–9]. В.С. Таскин объяснял появление искажений и откровенных фальсификаций, зачастую намеренно внесившихся в текст хроник, существовавшим в Китае взглядом на историю как на прикладную социально-политическую науку, призванную помогать Сыну Неба в делах управления государством: «Исторические труды образно сравнивались с блестящим зеркалом, правдиво отражающим события минувших дней, и их назначением было давать правильные, проверенные опытом ответы на постоянно возникающие вопросы государственной

важности. Не удивительно, что, исходя из этих чисто практических задач, китайские историки уделяли основное внимание военно-политическим и дипломатическим отношениям Китая с соседями, в то время как различные аспекты собственной жизни последних представлялись им как нечто второстепенное, не имеющее существенного значения» [Таскин, 1979].

Существует мнение о тождественности средневекового этнонима «кипчак» и более древнего этнонима «кюйше», или «цюйше». Эта гипотеза была впервые высказана В. Карлгреном и поддержана многими исследователями (Г.Е. Грумм-Гржимайло, М.И. Артамонов, С.М. Абрамзон, Д.Г. Савинов, С.Г. Кляшторный, С.А. Плетнева, Г.В. Косточаков). Сторонники древности кипчакского этноса опираются на сообщения наиболее ранних китайских хроник «Ши цзи» Сыма Цяня и «Цянь Хань шу» Бань Гу, о покорении шаньюем Модэ владений «кюеше» («цзюеше») и «динлинов»: «Впоследствии на севере они (хунну – С.К.) покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динлин, Гэгунь и Цайли; посему-то старейшины и вельможи повиновались Модэ-Шаньюю и признавали его мудрым» [Бичурин, 1950: 50]. На наш взгляд, большего внимания заслуживают сведения ранних китайских хроник о хуннах, с перечислением названий доминирующих племен, позволяющие сопоставить их наименования с более поздней номенклатурой огузо-уйгурских племен. На основе выявления наименований племен прослеживается определенная этногенетическая связь между древними хуннами и средневековыми кочевыми тюркскими народами: «Хуянь, Лань и впоследствии Суйбу суть три знаменитые Дома» [Бичурин, 1950: 50]. Родоплеменная группа «куян» входит в число известных кипчакских подразделений в составе казахов и башкир.

Представляется, что наибольший интерес по истории ранних кипчаков представляют средневековые китайские письменные источники, сообщающие достаточно полные сведения об этнических преемниках хунну и динлинов – народах огузов или теле, проживавших севернее Великой Китайской стены.

По нашему мнению, в среде огузо-уйгурских племен VIII–IX вв. следует искать этнические компоненты, составившие ядро кимако-кипчакской общности.

В китайской традиции историописания можно выделить 24 канонические китайские исторические произведения (династийные хроники) из 26, составляющие официальную серию хроник «Эршисы ши». Редактированием хроник занималась специальная комиссия, которую назначал император династии-преемницы. Императорские анналы описывали историю предшествующей династии на основе «правдивых», или «доподлинных» императорских хроник «ши лу», хранившихся в дворцовых архивах. После утверждения текстов хроник правящим императором прежние «истории» уничтожались. Как уже отмечалось выше, первым подлинно историческим трудом Древнего Китая считается сочинение знаменитого китайского историка Сыма Цяня (ок. 145–86 гг. до н.э.) «Ши цзи» («Исторические записки»), где описываются события с глубокой древности до конца II в. до н.э., выдержанное в жанре «общей истории». «Исторические записки» послужили образцом для создания Бань Гу (32–92 гг.) первой династийной истории «Цянь Хань шу» («Истории ранней династии Хань»), структура которой легла в основу всех последующих династийных историй [Бокцанин, 1980: 3]. Сыма Цянь и Бань Гу заложили традицию изложения материала по определенному принципу и в хронологической последовательности по четырем разделам – бэньцзи (анналы и хроники императорской династии), бяо (собственно хроники), лечжуань (биографии и жизнеописания выдающихся лиц), шу, или чжи (трактаты, истории, описания). В соответствии с методикой систематизации, которым следовали в «Ши цзи» Сыма Цянь и в «Хань шу» Бань Гу, каждая последующая династическая хроника также делилась на четыре раздела [Боровкова, 2001: 9; Боровкова, 1989: 7–8; Ганиев, 2006: 6].

Истории средневековых кочевников, неоднократно вторгавшихся и многократно завоевывавших китайские царства и основывавших собственные династии, посвящены материалы

восьми летописей, составленных по заказу правящей Танской династии в VII в. В числе официальных хроник следует выделить «Чжоу шу», «Бэй Ци шу», «Суй шу», а также «Цю Тан шу» и «Тан шу», составленные позднецзиньскими и сунскими историками в X – середине XI веков. Летописи монгольской династии Юань содержат материалы по истории предшествующих династий Ляо, Цзинь и Сун. Империи Ляо и Цзинь были созданы киданями и чжурчженями, такими же «варварами» для культурных конфуцианских хронистов, как и монголы. Позже тексты неоднократно редактировались под влиянием политической и идеологической конъюнктуры в угоду правящей династии. Так, китайские и чжурчженьские анналы династии Цзинь стали создаваться в пору расцвета одноименной чжурчженьской династии. С целью организации написания труда был создан Гошиюань – Институт истории государства, деятельность которого была четко ориентирована на сбор документов для написания «ши лу». В Институте предполагалось хранить выявленные материалы, соответствующим образом систематизировать их, а также вести дневники поступлений и составлять должные архивные реестры. Основная часть работы велась по написанию истории чжурчженей и их правящего клана Ваньян. Исторической предшественнице чжурчженьской династии Цзинь – киданьской династии Ляо, уделено было незначительное внимание. Итогом работы Института стало написание десяти «Подлинных историй царствований» [История Золотой империи, 1998: 7]. Разгром империи Цзинь монголами положил конец деятельности Института. Окончательно хроники чжурчженьской династии были составлены в 1340-х годах по приказу монгольского императора Токто-Темур. В период возвышения маньчжуров – потомков чжурчженей, «Цзинь ши», «Ляо ши» и «Юань ши» были переведены на маньчжурский язык. В результате, отмечают исследователи, получилось оригинальное историческое сочинение, компактное, «удобочитаемое», четко нацеленное на восхваление деяний предков – чжурчжэней, а также их вождей и на «утверждение величия маньчжурского

народа» и их «исторического права» на господство в Срединной империи [Там же: 7]. Кроме того, важным источником для периода возвышения «варварских» династий Ляо и Цзинь, являются «История государства киданей» Е Лунли и «История великого государства Цзинь» Юйвэнь Моучжао, не включаемые в число канонических хроник [*Крюков и др.*, 1984: 9–10]. Из поздних династийных историй следует выделить «Юань ши» и «Минь ши», составленные в правление династий Мин (1368–1643) и Цинь (1644–1911).

Отличительной чертой «Юань ши» является отсутствие материалов официальных хроник монгольской династии Юань, в связи с чем китайские авторы умело компилировали цитаты из официальных сводов законов и распоряжений юаньских властей из сборников «Юань дянь-чжан» (Установления династии Юань) (дошел до наших дней), «Да Юань тун-чжи (Всеобщие законы Великой Юань)» (до наших дней дошла его часть под названием «Тун-чжи тяогэ» (Кодифицированные положения Всеобщих законов)) и «Цзин-ши дадянь» (Всеобщее собрание законов, управляющих миром) (была окончена весной 1331 г., состояла из 894 цзюаней, до нашего времени дошли некоторые ее части, а также предисловия к каждому из ее разделов), а также материалами жизнеописаний выдающихся деятелей эпохи «лечжуань» (сводчики «Юань ши» пользовались такими юаньскими собраниями «образцовых сочинений» и лечжуань, как «Гочао вэньлэй» и «Хоу-фэй гун-чэнь лечжуань») [См.: *Храпачевский*, 2009]. Среди них особо выделяются два жизнеописания Субэдэя-багатура, вместе с нойоном Джебе проводившего разведывательный рейд 1221–1224 гг. и руководившего монгольской армией во время военной кампании завоевания восточноевропейских степей и Руси (1236–1242 гг.).

Выше уже отмечалось значение секретных дворцовых хроник «ши лу», или «правдивых записок», предназначенных для императора и высших сановников, достоверность информации которых отмечается исследователями [*Крюков и др.*, 1987: 14; *Мелихов*, 1969: 68–72]. Многие пробелы в этнической

истории приграничных народов устраняются на основе изучения литературы жанра «хуэй яо» («сводных обозрений»), представляющих тип исторической компилятивной работы, построенной по тематическому принципу. Кроме материалов о государственных институтах, аппарате управления, текущих государственных делах и мероприятиях правительства, в «сводных обозрениях» династий содержатся также сведения об иноземных странах, их местоположении, нравах и обычаях народов, посольских миссиях [Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана..., 1994: 11]. Следует выделить такие сочинения, как «Тан хуэйяо» («Свод важнейших материалов по истории Тан»), написанный Ван Пу в X в., а также соответствующие книги, касающиеся эпохи Пяти династий и Сун. Из более поздних источников этого жанра, содержащих сведения об иноземных странах, в частности, относящихся к истории Восточного Туркестана и Средней Азии XV–XVI вв., следует назвать «Мин хуэй яо», а также примыкающие по содержанию сборники историко-географических очерков края и сопредельных ему районов Средней Азии и Казахстана, справочники и каталоги книг. Среди прочих сочинений необходимо отметить историческую энциклопедию «Тундянь» («Всеобщий свод установлений государственного управления») Ду Ю, в которой сведения об отдельных сторонах жизни общества сгруппированы по разделам, что значительно облегчает задачу их обобщения, историко-географический труд Юэ Ши «Тайпин хуаньюй цзи» («Описание мира, составленное в период Тайпин син-го», 976–983 гг.), а также написанную в 1005–1013 гг. более обширную энциклопедию «Цэ фу юань гуй» (Изначальная черепаха императорской библиотеки) [Зуев, 1998: 153–154]. В целом, китайские письменные тексты разного жанра, от династийных историй и дворцовых хроник до историко-географических произведений и записок путешественников Чжан Цяня, Сюань Цзана и Чан Чуня, составляют целостный комплекс источников, позволяющий раскрыть страницы истории кочевых народов, проживавших севернее и западнее Великой

Китайской стены. Необходимо также учитывать идейную направленность китайских источников, писавшихся и отбравшихся ответственными чиновниками – явными приверженцами культурного расизма по отношению к варварам-кочевникам.

На наш взгляд, следует обратить внимание на названия отдельных родов и племен в составе хуннов и их этнических преемников теле или ранних огузов, из среды которых, по нашему мнению, выделились кипчаки. По нашему мнению, термин «кюйше», упоминаемый в китайских источниках и нередко интерпретируемый как «кипчаки» [*Грум-Гржимайло*, 1926: 259, 272; *Савинов*, 1979: 53–55; *Савинов*, 1994: 73], вполне может быть передачей китайскими авторами общего названия номадов по роду занятий через тюркское слово «койчи», или «койши», т.е. кочевые, или пастухи, а не этнонимом народа, появившегося спустя тысячелетие. По замечанию А.А. Семенова, Рашид ад-Дин под тюрками понимал общую совокупность кочевников вне зависимости от этнической и лингвистической принадлежности [*Семенов*, 1952: 29].

В отличие от древних и средневековых этнических общностей кочевников, подверженных распаду вследствие военных поражений или внутриэтнических конфликтов, составляющие их родоплеменные подразделения более устойчивы и могут спустя сотни лет после исчезновения этноса входить под прежними древними названиями в состав других этносов. К примеру, после краха Уйгурского каганата в 840 г. и фактического исчезновения могучего степного этноса кочевых уйгуров отдельные уйгурские племена приняли активное участие в этногенезе современных монголов, уйгуров, алтайцев, казахов, кыргызов, башкир и узбеков. В составе алтайцев присутствует племя теленгит, по мнению Л.П. Потапова представляющее этногенетических преемников уйгурского племени долангге; среди тувинцев сохранились группы, носящие этноним «уйгур»; в составе шорцев и телеутов находятся рода киби и аба [*Потапов*, 1969: 154, 158; *Он же*, 1966: 233–234; *Он же*, 1972: 52–66]. Л.П. Потапов обратил внимание и на уйгурское племя

«дабо» китайских хроник, отождествив их с племенем «дубо», входящим в состав алтайцев и тувинцев [Потанов, 1969: 179–181]. Ю.А. Зуев считает джалаирав, входящих в состав казахов, потомками уйгурского каганского племени яглакаров, оставшихся после крушения Уйгурской державы на территории Монголии и вошедших в состав набиравших мощь монголов. Джалаиры мигрировали на территорию Казахстана и Средней Азии вместе с другими тюрко-монгольскими племенами и вошли в состав казахов Старшего жуза [См.: Зуев, 1969]. Монгольские племена баятов и баргутов, вероятно, были ранее известны как теле – уйгурское племя байырку в составе уйгуров и баяндуров в составе среднеазиатских огузов-туркмен и кипчаков [Малявкин, 1989: 141]. Наличие обширной номенклатуры этнонимов, восходящих к глубокой древности, позволило Л.П. Потапову сделать вывод: «Многолетнее изучение истории племен Саяно-Алтайского и Хангайского нагорий убеждает в том, что кочевые племена, особенно крупные, вовсе не исчезают бесследно даже в самые драматические времена их жизни, в период войн и поражений, а рассеиваются и вновь появляются, вновь консолидируются под старым или новым названием» [Потанов, 1969: 9].

Интерес представляют названия родоплеменных групп, именуемых китайскими авторами «Домами», или «поколениями», в составе хунну, образовавших в III в. до н.э. на севере от Великой Китайской стены этнополитический союз во главе с шаньюями из рода Люаньди. Фань Е в своем труде «Хоу Ханьшу» («История династии Поздняя Хань») дает сведения о названиях и статусе близких к правящему шаньюйскому роду родоплеменных групп: «Шаньюй происходил из фамилии Сюйляньти, а из других фамилий имелись Хуянь, Сюйбу, Цюлинь и Лань. Эти четыре фамилии являлись в государстве сюнну наиболее знатными родами и постоянно вступали в брачные связи с шаньюем. Фамилия Хуянь, относящаяся к левой, а Лань и Сюйбу – к правой стороне, ведали разбором судебных дел и определяли степень наказания, о чем сооб-

щали шаньюю устно, не составляя письменных документов и книг» [Материалы по истории сюнну, 1973: 73]. Сторонники монгольской индигенной гипотезы относят правящие рода хунну к протомонгольским группам кочевников [Сухбаатар, 1976, 1975]. Б. Нацагдорж название хуннского правящего клана сюйлянты считает «передачей монгольского слова хоридай (монг. qorigadai, qorigai; варианты на бур. языке хорёодой, хоридой)... Хэлянь (кит. 赫連) – название правящего рода сюннуской династии Ся, можно считать другим вариантом передачи нашего сюйлянты и хори» [Нацагдорж: электронный ресурс]. Полемика между сторонниками монголизма и тюркизма хунну продолжается до сих пор. отождествление названия шаньюйского племени Сюйлянты, или Люаньди с монгольским племенем хори-дай, как это делают монгольские историки, пытающиеся доказать монголоязычие хунну и их этногенетическую связь с монгольскими народами, на наш взгляд, весьма проблематично. П.Б. Коновалов отмечает, что для древних китайцев, писавших о хунну, вопрос о языковой принадлежности хунну не вызывал сомнений: у них в то время была своя, вполне понятная им, классификация этносов. В китайских источниках имеется прямое указание, что язык хунну сходен с языком племен хойху (ойхор, уйгур), генетически восходящих к древним Чи-ди (дили), впоследствии прозванным Чилэ, или Тйелэ (теле) [Коновалов, 1985: 47–48]. В отношении же брачных партнеров шаньюйского племени – племен Хуян и Цюлинь, мы можем высказать предположение о возможной их связи с происхождением позднейших племен куян и кулан в составе казахских кипчаков и башкирских племен кыпсак, мин и тамьян. Род Хуян попадет в Танские хроники в связи с расселением тюркских беглецов в приграничных районах империи, в специально созданных округах Хуян, Хэлу, Гэло и Седе [Малявкин, 1981: 81; Он же, 1989: 19]. По данным В.В. Вострова и М.С. Муканова, племя кулан-кипчаков, наряду с кара-кипчаками, сары-кипчаками и торы-кипчаками, относится к четырем основным племенным подразделениям ка-

захских кипчаков Среднего жуза [Кузеев, 1960: 119; Востров, Муканов, 1968: 75].

Фан Сюаньлин (Фан Цяо, 578–648 гг.) в труде «Цзинь шу» («История династии Цзинь»), написанном в 648 г., т.е. в начале существования династии Тан (618–917 гг.), перечисляя кочевые племена «северных дисцев», фиксирует изменение внутриазиатской иерархии в обществе хунну: «Северные диски образуют группу, делясь на кочевья. Среди явившихся на жительство внутри укрепленной линии всего насчитывается девятнадцать племен: чугэ, сяньчжи, коутоу, утань, чицинь, ханьчжи, хэйлан, чиша, юйби, вэйсо, тутун, боме, цянцой, хэлай, чжунци, далоу, юнцой, чжэньшу и лице. В каждом [племени] есть кочевья, не смешивающиеся друг с другом. Наиболее сильным и знатным является племя чугэ, поэтому его представители могут становиться шаньюями, которые управляют всеми племенами» [Материалы по истории кочевых народов..., 1989: 153]. У южных хунну очевидно падение прежнего рода Сюйляньти и возвышение прежних брачных партнеров шаньюского рода – рода Хуян: «Из существующих четырех фамилий имеется род Хуянь, род Бу, род Лань и род Цяо, из которых наиболее знатен род Хуянь; из него выходят левый жичжу и правый жичжу, поколениями являющиеся главными помощниками [шаньюя]. Из рода Бу выходят левый цзюйцой и правый цзюйцой, из рода Лань – левый данху и правый данху, из рода Цяо – левый духоу и правый духоу... Среди населения в их государстве есть роды Циу и Лэ, которые отличаются смелостью и имеют склонность к мятежам» [Там же: 153]. А.Н. Бернштам считал название Хуянь передачей в китайском языке этнонима «Хуяр»: «Само произношение этого имени на основе пекинского диалекта доказывало, что иероглифы можно читать Хуяр, а наличие двух гласных позволяло предполагать об утраченном интервокале. Следует учесть, что здесь идет речь о транскрипции иностранного для Китая слова из области архаичной монголо-тюркской лексики. Предположения оправдались и данными аналитической китайской фонетики» [Бернштам, 1951: 228–229]. А.Н. Бернштам

полагал, что прочтение иероглифов «хуянь» дает исходную форму «укер» («бык»), или «укюз», т.е. фонетический архетип «огуз» («огур»), т.е. тоже «бык» [Там же: 228–229]. Тем самым, исследователь увязывал происхождение огузо-уйгурских племен с правящими хуннскими группами.

Китайские источники прямо говорят об этногенетической преемственности хунну и их преемников – теле, представлявших конгломерат огузо-уйгурских племен, кочевавших в монгольских степях с V по IX вв.: «Тйелэ собственно есть отдельное племя Сюнну. В начале годов правления Удэ (618–627) были сйеяньто, циби, хуйхэ, дубо, гулигань, доланьгэ, пугу, байегу, тунло, хуньбу (буквально: поколение хунь), сыцзйе, хуса, си, адйе, байси и пр., рассеянно жившие на север от Ци (шамо), все поколения, подчиненные (подвластные) Тйелэ» [Кюнер, 1961: 36]. Среди перечисляемых телеских племен мы видим пугу, тунло, бэйхэ, байегу, фуло, шиби, боло, чжи, чжи, субо, нагэ, уху, гухэ, учжи, сйеяньто, чжилэрр, шибань, даци, хэчжи, гэцзие, боху, туньцян, бэйхай, гэбиси, ача, суба, сулу, цзйесянь, сойе, вацзу, сйеху, эньюй, алань, бэйчжэнь, цзюйли, фувохун, дубо и другие племена, имеющие единое самоназвание: «Хотя фамилия и роды все различны, в общем называются тйелэ» [Кюнер, 1961: 37–39]. Признавая условность и подвижность этнических границ в кочевых обществах, следует признать обоснованность точки зрения Лю Маоцяя и А.Г. Малявкина, понимающих под собственно уйгурами девять телеских или тогуз-огузских племен, непосредственно входивших во «Второй Уйгурский каганат» – уйгуры, буку/букут, хунь/кунь, байирку, тонра, сёгир/сёкир, киби и эдизов; остальные племена отнесены к «деяти племенам теле» [Малявкин, 1983: 6–7].

Китайские хронисты прослеживают не только происхождение уйгурских племен от хунну, но и тесные союзнические отношения между хунну и динлинами, скрепленные брачными узами, т.е. наиболее прочными в кочевом обществе «изначальными» связями кровного единства. Н.Я. Бичурин сообщает о происхождении теле-уйгуров от динлинских и хуннских

родов: «Хойху есть народное название поколения, известного прежде под названием Дили, а потом Гаогюй. Слово Хойху на монгольском языке выговаривается по произношению южных монголов Хойхор, а по произношению северных Ойхор» [*Бичурин*, 1950: 213]. Из материалов средневековых китайских источников можно сделать вывод о формировании огузо-уйгурских племен как результата партнерства и смешения отличавшихся первоначально антропологическим обликом и образом жизни хуннских и «дилиских» родов: «Китайская история говорит, что Дом Ойхоров [Хойху] происходит от хуннов с женской стороны: следовательно, нет сомнения и в том, что основатель Дома Ойхоров [Хойху] был сын дочери или племянницы хуннского хана, выданной за владетельного князя, принадлежавшего к союзу дилиских поколений, а это обстоятельство должно отнести к началу II в. пред Рождеством Христовым, когда хунны совершенно покорили Монголию» [Там же: 213]. Возможно, среди упомянутых четырех хуннских племен, являвшихся брачными партнерами шаньюйского племени, и были уйгуры – хойху. Тотемным предком уйгуров считался Небесный волк, женившийся на младшей дочери хуннского шаньюя: «Предки гаогюйского Дома происходят от внука по дочери из Дома Хунну. Рассказывают, что у хуннского Шаньюя родились две дочери чрезвычайной красоты. Вельможи считали их богинями. Шаньюй сказал: можно ли мне таких дочерей выдать за людей? Я предоставлю их Небу. И так на север от столицы в необитаемом месте построил высокий терем и, поместив там обеих дочерей, сказал: молю Небо принять их... один старый волк стал денно и ночью стеречь терем, производя вой: почему вырыл себе нору под теремом и не выходил из нее. Меньшая дочь сказала: наш родитель поместил нас здесь, желая предоставить Небу; а ныне пришел волк; может быть, его прибытие имеет счастливое предзнаменование... Меньшая сестра... сошла к волку, вышла замуж и родила сына. Потомство от них размножилось и составило государство: посему-то люди здесь любят продолжительное пение, или воют подобно

волкам» [Там же: 215]. В Танских хрониках сообщается «Предки Дома ойхор [хойху] были хунны. Они обыкновенно ездили на телегах с высокими колесами; почему при династии Юань-вэй [с 386 г.] еще называли их Гао-гюй или Чилэ, ошибочно превращенное в Тйелэ. Поколения их суть: Юаньгэ, Сйеяньто, Кибиной, Дубо, Гулигань, Доланьгэ, Пугу, Байегу, Тунло, Хунь, Сыгйе, Хусйе, Хигйе, Адйе, Бай-си, всего пятнадцать поколений. Они рассеянно обитали по северную сторону Великой песчаной степи. Юань-гэ, т. е. хойху, еще называлось Уху, Угэ; при династии Суй называлось Вэйгэ. Ойхорцы [хойху] храбры и сильны. Первоначально они не имели старейшин; смотря по достатку в траве и воде, перекочевывали с места на место. Искусны были в конной стрельбе из лука; склонны к воровству и грабежам» [Там же: 301].

Данные современной археологии в целом подтверждают этнокультурную преемственность между хунну и древними тюрками с учетом культурных диффузий, исходящих от соседних цивилизаций иранских народов и Китая. По мнению сибирских археологов, «Основные элементы древнетюркского предметного комплекса сложились в кочевой среде еще в хуннское время. Это относится к предметам военно-дружинной субкультуры: вооружению, конской сбруе, воинскому снаряжению, украшениям и пиршественной посуде, которые присутствуют в сформировавшемся виде уже в культуре хуннов. Ко времени сложения культуры древних тюрков данный комплекс претерпел существенные изменения. В середине I тыс. н.э. древнетюркская культура испытывала значительный приток инокультурных инноваций из иранской и китайской среды. В их числе были седла с жестким остовом и стремянами, новые формы вооружения ближнего боя, украшений и пиршественной посуды. В Первом Тюркском каганате для прокламативных целей стала применяться согдийская письменность. Древнетюркские петроглифы и тамги восходят к центрально-азиатской культурной традиции бронзового и раннего железного века. Стилистические и сюжетные изменения в изобразительном искусстве

древнетюркского времени характерны для всего Центрально-азиатского историко-культурного региона» [Борисенко и др., 2000: 13–14].

Теле, или огузы в лице уйгуров были основой могущества тюркских каганов, о чем пишут китайские авторы: «Они считались подданными тукюеского Дома. Тукюесцы их силами геройствовали в пустынях севера» [Бичурин, 1950: 301]. Но в их генеалогических преданиях и исторической памяти сохранялись воспоминания о веках могущества предков, и теле-уйгурские племена тогуз-огузов и сеяньто неоднократно поднимались против своих правителей из «ничтожного» (кыбчак) рода тюрк [Худяков, 2004: 138–153]. Генеалогическая легенда о волке- прародителе объясняет причины неприятия уйгурскими племенами имперской гегемонии кок-тюрков, приведшей к длительной и ожесточенной борьбе между двумя этнополитическими объединениями постхуннских кочевников. Это предание является связующей нитью между уйгурами, огузами и кумано-кипчакскими племенами, одинаково почитавшими волка как прародителя и проводника воинов–завоевателей новых земель. А.Н. Бернштам предполагал: «По-видимому, род гуннских шаньюев связывал свое происхождение с теми же тотемами, воспоминание о которых сохранились у всех кочевых, прежде всего тюркских, народов и среди них уйгурских» [Бернштам, 1951: 40–41]. Уйгуры, если принимать во внимание китайские сообщения, в степной иерархии обладали более высоким статусом, чем «ничтожные» кок-тюркские рода. Согласно Терхинской надписи, титул «каган» не присвоен правящим родом уйгуров самозванно, а унаследован от предков [Кляшторный, 1980: 82–95]. Китайские источники определенно говорят о происхождении уйгуров из среды высокостатусных хуннских племен. В целом же китайские письменные источники говорят в пользу версии о происхождении кипчаков, уйгуров или тогуз – огузов, собственно огузов и тюрков из круга телеских племен, которых условно можно объединить как «ранних огузов», являющихся этногенетическими преемниками хунну.

По нашему мнению, нужно обратить внимание на следующие племена теле – ранних огузов – сеяньто, киби, тонгра, байерку, а также таинственное племя си-цзе, дешифрованное Дж.Р. Гамильтоном как «айгыр» (тюркск. «жеребец»)» [Зуев, 1960: 116–117]. Айгыры фигурируют в списке уйгурских племен, бежавших в 630–640-е годы из степи в Танскую империю, будучи расселены по одноименным округам вместе с хунь (кунь), кюребирами, эдизами и теленгутами [Малявкин, 1989: 22]. Названия «айгыр» и «кулан» в тюркских языках синонимы слова «лошадь», вероятно тотема хуннских и теле-уйгурских племен. Учеными отмечается наличие культа пегих лошадей у хуннов, тюрков, уйгуров и других групп центрально-азиатских кочевников. Огуз-каган – мифический прародитель тюрков, ездил на пегом коне. Л.П. Потапов указывает на древние сказания о древнетюркском божестве, изображаемого верхом на пегом коне. Такой рисунок был обнаружен и зафиксирован Л.П. Потаповым при обследовании алтайского шаманского бубна [Потапов, 1978: 85–95]. Выше мы уже говорили о наличии среди казахских кипчаков подразделений кулан-кипчаков и торе-кипчаков. В составе торе-кипчаков одним из основных является племя тор-айгыр [Красовский, 1868: 364–365; Харузин, 1895: 62, 76].

С.Г. Кляшторный и его последователи отождествляют сеяньто китайских источников – «самое сильное из Телэ/Огузов племя» и сиров тюркских камнеписных сводов, считая их предками кипчаков [Кляшторный, 1986: 153–164; Кумекоев, 1972; Кляшторный, Султанов, 1992; Кляшторный, Султанов, 2009]. Ю.А. Зуев на основе сообщения энциклопедии «Цэ фу юань гуй» («Изначальная черепаха императорской библиотеки»): «Племя (було) Турук кюль-эркина, называемого йемек, а также племя кештим (кыштым = зависимое, вассальное племя у теле; т.е. йемеки и племя их вассалов) ...находятся на востоке от [страны] Пегих/Пестрых коней (племя Ала-ат/Алат)...», идентифицировал йемеков как племя було, упоминавшееся выше в составе телеских племен [Зуев, 2004: 3]. По нашему мнению,

из обозначенного широкого круга теле-огузских племен VIII в., втянутых в жестокие братоубийственные войны различных этнополитических союзов кочевников, выделились родоплеменные группы, которые, мигрировав на запад, стали основой кипчако-кимакских племен.

После крушения в 840 г. Уйгурского каганата центрально-азиатские степи постепенно занимают монгольские и монголизированные племена, известные под общим названием «татар». Ю.А. Зуев, исследовав военно-политический строй Сеянтьоского каганата, отмечал наличие восточного (йемекского) крыла, состоящего из татаро-огузских племен, под которыми он понимал монголоязычных шивэй-татар, кочевавших на огромной территории вдоль реки Керулен от Хинганских гор до озера Кулун-нор в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР [Зуев, 2004: 4]. Исход с территории монгольского плато огузских племен, носителей политонима и этнонима «тюрк», способствовал распространению этнонима «татар» на широкий круг монгольских и тюркоязычных племен, включая найманов, джалаириров и керейтов. В материалах хроник X–XIII вв., посвященных степным народам, под названием татары (да-дань) проходят все кочевники независимо от их действительной этнической принадлежности; в зависимости от степени влияния китайской культуры они условно разделены на три части – белых татар, черных татар и диких татар. Критерии этнической дифференциации китайскими авторами выдержаны в духе ортодоксального конфуцианства чжусианского толка и в соответствии с культурообразующими принципами добродетели и почтительности к старшим: «У татар все люди отважны и воинственны. Те, которые ближе к китайским землям, называются культурными татарами. [Они] умеют сеять просо, варят его в глиняных котлах с плоским дном и едят. Те, которые дальше [от китайских земель], называются дикими татарами. [Они] не имеют утвари и доспехов, а для стрел употребляют только костяные наконечники. Так называемые дикие татары еще различаются как белые и чер-

ные... Так называемые белые татары несколько более тонкой наружности, вежливы и почитают родителей. Когда умирают [у них] отец или мать, то [они] ножом изрезают себе лицо и плачут... Во всех случаях, когда [раньше они] захватывали в плен сыновей и дочерей Китая, [пленные китайцы] с успехом просвещали и делали [их] мягче. [Поэтому] белые татары в общении с людьми душевны. Ныне [они] являются потомками тех племен» [Мэн-да бэй-лу, 1975: 45–46].

Китайские авторы связывали происхождение татар с «окультуренными» тюрками – шато. По предположению Ю.А. Зуева, татары входили в состав огузских племен восточного крыла каганата сеяньто, а из числа огуз-татарских племен им выделены кумоси [Зуев, 2004: 4–7]. Ряд исследователей считает кумоси создателями Кимакского каганата в Приртышье [Ахинжанов, 1980: 47; Он же, 1989: 109–114; Бутанаев, Худяков, 2000: 91–92]. В.С. Таскин отмечает противоречивость сведений династийной истории «Ляо-ши», согласно которым кумоси и кидани относятся и к сюнну, и к дунху. Авторы «Ляо-ши», используя текст Вэй-шу, кумоси относят к «отдельной ветви юйвэней», представляющей южные группы хунну. В то же время авторы «Ляо ши», написанной в 1343–1344 гг., в правление монгольской династии Юань, указывают на родство монголоязычных киданей и кумоси, «с которыми они одного корня, но разной ветви. Являются отдельной ветвью восточных сяньби» [См.: Таскин, 1979]. Западная ветвь киданей после разгрома империи Ляо в 1225 г. во главе с Елюй Даши мигрировала по проторенному тюркскими кочевниками пути на запад и создала в Семиречье и Восточном Туркестане государство каракитаев. Племена китаи после распада Монгольской империи активно участвовали в этнополитической жизни кочевников Средней Азии и вошли в китай-кипчакское объединение, возникшее в XVII в. и известное в составе узбеков, кыргызов и ногайцев. П.П. Иванов, исследовавший восстание китаи-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821–1825 гг., пришел к выводу о военно-политическом характере союза двух неродственных

племен, отличавшихся происхождением, родовой структурой и боевыми кличами «уранами», сделал важное заключение: «Единство китаев и кипчаков носило в действительности, по видимому, скорее характер внешнего политического союза, чем внутреннего родства или объединения» [Иванов, 1937: 29]. Установление эндогамных связей, формирование межплеменной солидарности, складывание генеалогических преданий о кровном родстве способствовали интеграции двух разных племен китая (потомки киданей) и кипчак в единое племя китай-кипчак. В.В. Радлов, посетивший Зеравшанскую долину в 1868 г., отмечал, что «оба “отдела”, китаяи и кипчаки, слились так тесно, что считаются за одно племя, и на вопрос о том, к какому роду они принадлежат – отвечают: “qbtai-qbrcaq шэп”, т. е. “я из (рода) китай-кипчаков”» [Иванов, 1937: 28]. Аналогичным образом происходила интеграция курлеутов и кипчаков, маджаров и кипчаков. По сути это своеобразная модель процессов складывания этнических общностей у степных кочевников Центральной Азии, в которых военно-политические факторы и единый или схожий хозяйственно-культурный уклад жизни и модели социального поведения и культуры играли ведущую роль по отношению к факторам схожести антропологического типа, этнического или лингвистического родства.

В эпоху империй Ляо и Цзинь отсутствовал интерес к народам, проживавшим западнее монгольских степей. Кидани династии Ляо и чжурчжени династии Цзинь относились к «варварским» народам, силой захватившим «Небесный мандат на правление», но не установившим контроля над всей территорией Китая, поэтому в глазах ханьского чиновничества – основного коллективного модератора историописаний, право на легитимность захватчиков было сомнительным. Создание глобальной Монгольской империи и воцарение в Китае династии Юань (1271–1368), правители которой активно использовали в управлении китайский чиновничий аппарат, расширили географические границы средневекового китайского историописания. Китайские авторы, описывая походы Чингиз-хана

в «Западный край», называют кочевых жителей «кинча», или «кибча». В корпусе китайско-монгольских источников империи Юань центральное место занимает не сохранившееся на монгольском языке историческое сочинение Чагана «Шэн-у цинь-чжэн лу» («Описание личных походов священно-воинственно-го»), написанное в 1280–1290-х годах и содержащее сведения из секретных «историй» правящей династии на монгольском языке, ставших известными под названиями «Алтан дэбтэр» и «Сокровенное сказание», и династийная хроника «Юань ши», составленная в 1369–1370 гг. по приказу первого минского императора Чжу Юаньчжана. В отношении «Шэн-у цинь-чжэн лу» высказывались предположения, что этот источник представляет резюме «Ши-лу» («Правдивые записи») о Чингиз-хане и Угэдэе, написанных на китайском языке, а «Алтан дэбтэр», вероятно, представлял собой сокращенный перевод «Ши-лу» на монгольский язык [Мункуев, 1965: 163–165]. Ценные сведения о кипчаках содержатся и в других письменных источниках, повествующих о покорении монголами Центральной Азии и Восточной Европы. К ним следует отнести «Юань-чао би-ши» («Сокровенное сказание монголов»), оставленное в 1240 г. неизвестным автором-монголом, вероятно, имевшим прямое отношение к правящему роду Борджигинов или же близким сподвижником самого Чингиз-хана, дошедшее до нас на монгольском языке в китайской иероглифической транскрипции.

Интересные сведения о народах Западного края содержатся в «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар») сунского посла Чжао Хуна, «Хэй-да шилюэ» («Краткие известия о черных татарах») сунских дипломатов Пэн Да-я и Сюй Тина, датированный 1237 г.; сообщается об ожесточенной войне кипчаков и монголов, об участии покоренных кипчаков в завоевательных походах потомков Чингиз-хана.

В целом, изучаемый круг источников представляет интерес при освещении страниц политической и военной истории Центральной Азии и Восточной Европы, но содержит лишь отрывочные сведения об образе жизни, антропологическом облике

и культуре покоренных народов, чем отличается от письменных памятников более ранней эпохи. В китайском источнике за 1237 г. сообщается о кочевом образе жизни и антропологическом облике кипчаков, отличавшихся от монголов синими глазами и рыжими волосами [Цит.: *Гальперин*, 2008: 393]. Из отрывка «Сокровенного сказания», сообщающего: «Посланные в помощь Субеетаяу царевици Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все другие царевици, покорив народы Канлин, Кипчаут и Бачжигит, разрушили города Эчжил, Чжаях и Мегет, а также совершенно разгромили и полонили Орусутов. Они полностью покорили Асутов и Сесутов, а также население городов Белерман, Керман-кива и прочих городов, поставили даругачинов и танмачинов и возвратились на родину» [Сокровенное Сказание, 1941: 194], очевидно, что канглы, башкиры и кипчаки в период монгольских завоеваний представляли разные этнические общности. Окончательное слияние канглы и кипчаков, также как и китаев и кипчаков, курлеутов и кипчаков в единое племенное кипчакское образование произошло, по нашему предположению, уже во время формирования основного этнического ядра казахского, узбекского, ногайского, башкирского и каракалпакского народов, т.е. самое раннее в XVI в. Этнические компоненты, вошедшие в состав кипчаков, были не только тюркского, но монгольского (кидани и курлеуты) и угорского происхождения (мадьяр-кипчаки).

Материалы китайских источников позволяют говорить о формировании племен, составивших позже кипчакскую этническую общность в полиэтничной и разноразноязыковой среде телеских или огузских племен, являвшихся преемниками хунну. Доминирующими в этнической истории кочевников были военно-политические факторы и схожие культурные модели, с презрением и ужасом описанные китайскими историками и дипломатами. Более поздние кочевники – туркмены и казахи – ощущали большее чувство этнической солидарности друг к другу, чем по отношению к сартам – оседлым земледельцам и торговцам Средней Азии. Объяснение кроется в том, что тур-

кмены и казахи имели схожий хозяйственно-культурный уклад жизни и в социальном общении вели себя одинаково, что диаметрально отличалось от образа жизни и поведения сартов. Это объясняет наличие в составе кипчаков не только огузо-уйгурских, но и первоначально монголоязычных татар и угроязычных групп мадьяр.

Наиболее информативными по этнической истории кипчаков являются арабо-персидские источники и примыкающие к ним более поздние источники, написанные на тюркских языках, но в соответствии с канонами историко-географической науки исламского мира. В исторической науке наиболее полные исследования арабо-персидских историко-географических источников о кипчаках были проведены В.В. Бартольдом, Б.Е. Кумековым и С.М. Ахинжановым.

Анализируя арабо-персидские источники о средневековых тюркских этносах, следует обратить внимание на эволюцию мусульманской историографии, прошедшей путь от квазиисторических сочинений, истоки которых необходимо искать в своде преданий о жизни и военных походах пророка и «праведных» халифов, через историко-географические компиляции, «местные» истории и хроники правителей, к трудам в жанре анналов «всеобщей истории», с оговоркой, что подлинная история начинается с зарождения ислама [Гибб, 1960: 119–133]. На раннем этапе развития арабского историописания (VIII–IX вв.) в центре внимания была история мусульманской уммы. Историки изучали на основе хадисов жизнь пророка, «праведных» халифов, писали биографии алидских и аббасидских правителей, уделяли внимание богословию и праву. С.М. Прозоров объясняет универсализм ранних мусульманских ученых тем, что «вся совокупность знаний, которыми обладала ранне-мусульманская община, существовала в виде некоего неделимого комплекса. К концу VII – в начале VIII в. из этого комплекса выделились как отдельные дисциплины богословие и право. С середины VII–VIII вв. начинается повсеместная письменная фиксация традиционных мусульманских знаний» [Прозоров, 1980: 11].

С X в. начинается новый этап мусульманского историописания. Х. Гибб, характеризуя новые веяния в арабо-персидской историографии, пишет: «...основным видом исторического сочинения являются современные анналы, часто предваряемые кратким обзором всеобщей истории. В этих анналах интерес и осведомленность автора не остаются больше “всеобщими”; каждый из них ограничен пределами области, в которой он живет, и редко бывает в состоянии заниматься событиями, происходящими в других, более отдаленных местностях... Более важным для нас является то, что фиксация политической истории переходит в основном в руки чиновников и придворных. Это изменение сразу же отразилось на форме, содержании и духе сочинений. Для опытных писцов и секретарей составить хронику текущих событий было делом нетрудным и привычным. Источниками, откуда они черпали свои сведения, были официальные документы, личные связи с чиновными и придворными кругами, а также ходившие среди них сплетни; поэтому внешне иснад сводился к краткому указанию на источник, а позднейшие компиляторы часто обходились и без него. Однако их изложение неизбежно отражало предубеждения, и односторонние взгляды социальные, политические и религиозные – того класса, к которому они принадлежали... С другой стороны, сведения, приводимые в этих секретарских сочинениях о внешнеполитических событиях своего времени, в целом достоверны при всех недостатках каждого отдельного автора» [Гибб, 1960: 131–132]. Основным жанром с X в. становятся политические анналы Халифата и историко-географические сочинения направления «наука о путях и государствах».

В.В. Бартольд писал о «вторичности» арабо-персидских историко-географических сочинений, представлявших «не столько рассказы путешественников, которые бы описывали то, что видели сами, сколько сочинения, составленные на основании письменных источников» [Бартольд, 1968а: 49]. Отметив компилятивность большинства дошедших до нас историко-географических сочинений арабо-персидских исто-

риков, опиравшихся на труды более ранних авторов, в то же время следует сказать и о том, что они пытались добросовестно передать дошедшие сведения, как в случае с передачей Ибн Хордадбехом рассказа Саллам ат-Тарджумана о путешествии к стене, построенной якобы Александром Македонским (Зул-Карнайном) для защиты от мифических племен йаджудж и маджудж. Р. Хенниг считает реальным факт путешествия арабов к Великой Китайской стене [Хенниг, 1961: 193–196; *Ибн Хордадбех*, 1986: 130–131]. Примером является труд «отца мусульманской историографии» Абу Джафар Мухаммад ибн Джарир ибн Язид ибн Катир ат-Табари «История пророков и царей», представляющий громадную компиляцию, составленную из различных источников и доведенную до 915 г. По мнению советских ученых, сочинение ат-Табари представляет ценность «громадным количеством исторических сведений, имеющих в большинстве случаев указанный источник, что позволяет не только установить происхождение данного рассказа и зачастую его достоверность или тенденцию, а также тем, что ат-Табари сохранил в больших выдержках целый ряд не дошедших до нас сочинений: сличение выдержек с сохранившимися произведениями (Ибн Исхака, Ибн Тайфура и др.) показывает для разных периодов большую добросовестность ат-Табари в цитировании чужих слов, что позволяет с доверием отнестись к передаче им своих источников вообще» [Большаков, Халидов, 1987: 7]. Фундаментальный недостаток арабо-персидских сочинений, включая и труд ат-Табари, кроется, как верно указывает С.М. Ахинжанов, в отсутствии интереса к социальным явлениям, культурным моделям и политической жизни тюркских кочевников [Ахинжанов, 1989: 13]. Этот недостаток существенно отличает мусульманское историописание от средневековой китайской историографии, придающей большое значение описанию культурных начал в жизни северных кочевников, проживавших на границе Срединной империи. Отсюда и появление в мусульманской историко-географической науке некой абстрагированности от реальной этнической

и этнокультурной картины земель, находящихся за границами исламского мира. Вследствие этого появляются обобщенные историко-географические названия «страна турок», «страна франков», «Дашт-и-Кипчак», «Судан» и т.д., выделенные в соответствии с образом жизни и хозяйствования наиболее многочисленной и известной среди многих этнической общности.

Первые сообщения о мусульманских историков о кимако-кипчакской общности восходят к отчету арабского путешественника и дипломата Тамим ибн Бахр ал-Мутавваи, в 821 г. сумевшего проехать от Семиречья в центр монгольских степей и посетить столицу тогуз-огузского кагана на р. Орхон. Материалы отчета арабского дипломата цитируются арабскими историками Ибн Хордадбехом (820–912 гг.), Кудама ибн Джафаром (X в.), Якутом аль-Хамави (XIII в.). Наиболее полное описание шестимесячного путешествия сохранилась в Мешхедской рукописи XIII века, содержащей, наряду с сочинениями известных путешественников X в. Абу Дулафа Мисара б. Мухалхила о его путешествиях по Персии, Средней Азии, Китаю и Индии, и Ибн Фадлана о его путешествии к волжским булгарам в 921–922 гг., неизвестную редакцию труда Ибн ал-Факиха ал-Хамадани «Ахбар ал-булдан» («Известия о странах»). Отрывок, охватывающий рассказ Тамима б. Бахра ал-Мутавваи, был опубликован с английским переводом и комментариями В.Ф. Минорским. Исследование В.Ф. Минорского показало, что рассказ Тамима ибн Бахра в наиболее полном виде сохранился в мешхедской редакции Ибн ал-Факиха – арабоязычного географа конца IX – начала X вв. По мнению Ф.М. Асадова, «для тех, кто писал позже него, Ибн ал-Факих, по всей вероятности, сам выступал в качестве источника» [Асадов, 1993: 136–137]. В.Ф. Минорский, проведя анализ текстов компендиума аш-Шайзари, изданного Де Гье, и Мешхедской рукописи, пришел к выводу о неполной редакции труда Ибн ал-Факиха в обоих источниках, поскольку в тексте Мешхедской рукописи нет часто того, что есть в варианте аш-Шайзари. Выводы В.Ф. Минорского поддержал П.Г. Булгаков: «Меш-

хедская рукопись, – пишет он, – это такой же сокращенный вариант обширного некогда труда Ибн ал-Факиха, как и редакция аш-Шайзари» [*Жамкоян*, 1979: 10]. Ибн ал-Факих пишет о наличии широкого круга тюркских этносов, к самым могущественным причислены огузы, тогуз-огузы и кимаки: «Это повелители, они подчинили себе много земель в их стране, это наиболее могущественные из тюрков» [*Ибн ал-Факих ал-Хамадани*, 1993: 44]. Страна же кимаков находится восточнее Тараза; со слов Тамим ибн Бахра, «до царя кимаков путь в 80 дней для усердного всадника с запасом провианта. И все кругом обширные полупустыни, пустыни и степи с многочисленными пастбищами и родниками. Там и лежат кочевья кимаков. И сказал он, что ходил этой дорогой и видел царя кимаков с его войском в палатках, а неподалеку были деревни и возделанные поля. Он кочевал с одного места на другое в поисках пастбищ. Лошадей у них много, и копыта у них тонкие и изящные. Численность войска он определил приблизительно в двадцать тысяч всадников» [Там же: 49].

Наиболее ранние сообщения о тюркских кочевниках северных евразийских степей содержатся в географическом трактате «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»), составленном в IX в. начальником почт северной Персии ибн Хордадбехом. По мнению большинства исследователей, труд ибн Хордадбега создавался на протяжении более сорока лет: первый вариант был закончен в 846/847 г., а второй, дополненный, – не позднее 885/886 г. [*Крачковский*, 2004: 148]. Книга ибн Хордадбега содержит рассказ о путешествии Саллам ат-Тарджумана и отчеты Тамим ибн Бахр ал-Мутаваи о странах и народах, проживавших севернее Мавераннахра – пограничной в то время провинции исламского мира. Ибн Хордадбех описал маршруты торговых путей, области Халифата и размер налогообложения, расстояния между населенными пунктами и народы, проживавшие в описываемых землях. Ибн Хордадбех называет центрально-азиатских кочевников собирательным этнонимом «тюрки», особо выделяя тогуз-огузов, карлуков,

халладжей, огузов, чигилей, азкишей, кыргызов, и как отдельные этнические общности – кимаков и кипчаков (хифшах). Кимаки помещены восточнее страны тюрок – тогуз-огузов, расположенной между Танским Китаем, Тибетом и «страной карлуков»: «Левее (т.е. восточнее и северо-восточнее) от них [живут] кимаки» [*Ибн Хордадбех*, 1986. С. 65]. Ряд исследователей связывают информацию Тамим ибн Бахра о нахождении племен кимаков в 80 днях пути от Тараза (примерно 3500–4000 тыс. км.), на территории Восточной Монголии и степной части Маньчжурии, с их происхождением из группы шивэй-татарских племен, входивших в огузские этнополитические объединения [*Ахинжанов*, 1989: 100–120; *Зуев*, 2004: 4–6]. Ибн Хордадбехом отмечаются интенсивные контакты приграничных тюркских этносов с исламским миром, выражающиеся в активной торговле огузскими рабами и наймом на службу карлуков.

Одним из основоположников прагматического направления в арабской исторической литературе был Ахмед ал-Якуби (ум. 897 или 905 г.) [*Куббель, Матвеев*, 1960: 35]. Его перу принадлежит не дошедшее до нас полностью географическое сочинение «Китаб ал-булдан» («Книга стран»), завершенное в 891 г. и по характеру своему близкое к сочинениям типа административно-географических справочников, таких как работы Ибн Хордадбега и Кудама ибн Джафара [Там же: 36]. Однако в отличие от современных ему авторов ал-Якуби более критичен в подборе рассказов и у него, по мнению исследователей, совершенно отсутствуют небывшие, в изобилии встречающиеся в средневековых мусульманских географических трудах.

Ахмед ал-Якуби сообщает о тюркизации северных степей, именуемых «страной тюрок», о перманентной войне кочевников друг с другом: «Все страны тюрок граничат с Хорасаном и Седжестаном. А Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей и несколько государств, в том числе карлуки, токузгузы, тюргеши, кимаки и гузы. У каждого племени тюрок отдельное государство, и одни из них воюют с другими» [*Ахмед ал-Якуби*, 1939: 149]. Ахмед ал-Якуби уделяет внимание опи-

санию хозяйства и образа жизни тюрков: «У них нет селений и укреплений, они живут только в тюркских ребристых шатрах, в которых вместо гвоздей ремни из шкур животных и коров и которые покрыты войлоком. Они – самый искусный народ в изготовлении войлока, потому что из него их одежда. В Туркестане нет земледелия, кроме проса, которое называется джаварс. Пища их – только молоко кобылиц, и они едят их мясо, а больше всего едят дичь. Железа у них мало, и стрелы они делают из костей, но они окружают хорасанскую землю со всех сторон, с ними все воюют и делают на них набег. И нет города из городов Хорасана, который бы не воевал с тюрками и с которым бы не воевали тюрки всех племен» [Там же: 149–150]. С ним солидарен ал-Истахри, писавший непрерывную войну на границах мира ислама: «Все границы Мавераннахра – место военных действий, от Хорезма до окрестностей Исфиджаба с тюрками-гузами, от Исфиджаба до отдаленнейших мест Ферганы с тюрками-карлуками...» [Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939: 178].

Одним из наиболее оригинальных и ценных источников по истории Восточной Европы и Центральной Азии являются «Записки» («Рисале») Ибн Фадлана – арабского путешественника и секретаря посольства 921–923 гг. халифа ал-Муктадира в Волжскую Булгарию. Высокую оценку достоверности и качеству изложенных сведений в труде Ибн Фадлана дал А.П. Ковалевский: «Рассказы Ибн-Фадлана подкупают своей непосредственностью и правдивостью. Его наблюдательность, интерес к самым разнообразным вопросам, в частности к мелочам, просто изумительны. Однако мы знаем, что эти особенности сами собой не даются. Даже современные ученые путешественники и собиратели этнографических материалов проходят специальную подготовку, чтобы выработать в себе способность обращать внимание на то, чего не замечает обычный наблюдатель, составляют себе специальную программу наблюдений» [Ковалевский, 1950: 277]. Ибн Фадлан описал в основном встретившиеся на пути народы тюрков-огузов, печенегов, башкир,

булгар, руссов и других народов. Ибн Фадлан не упоминает о кимаках и кипчаках, обитавших на дальней периферии, вдали от караванных путей, по которым был проложен маршрута посольства, и находившихся в тени доминировавших в степи родственных огузов.

В 942 г. путешествие в Китай совершил Абу Дулаф, оставивший воспоминания о собственно путешествии и собранных сведениях в двух «Записках» («Рисале»). В «Первой записке» Абу Дулаф описал хозяйство, религию и быт кочевых тюркских племен, включая кимаков. В исторической науке существует устойчивое критическое отношение к сведениям, сообщаемым этим арабским путешественником, зачастую пользовавшимся непроверенными слухами и склонным «пускать пыль людям в глаза», что отмечено еще арабскими хронистами [Ахинжанов, 1989:17; Кумекоев, 1987: 7–8; Булгаков, Халидов, 1960: 23–24]. Абу Дулаф, упоминая кимаков, огузов, карлуков, чигилей, обходит молчанием кыпчаков. Он свидетельствует об обширности страны кимаков, соседями которых были огузы: «Ехали мы среди них (кимаков) 35 дней. Потом доехали до племени, называемого гузы» [Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939: 427]. Абу Дулаф, по сообщению Якута аль-Хамави, отметил различия в употреблении пищи: кимаки использовали мясо только самцов, а огузы – самцов и самок [Там же: 427]. Как правило, пищевые предпочтения один из устойчивых маркеров определенной этнокультурной традиции.

С середины X в. арабо-персидская географическая наука переживает расцвет. Выдающийся вклад внесли Абу ал-Истахри, Абу Зайда ал-Балхи, представители «школы ал-Джайхани» – ал-Бакри, ал-Марвази, ал-Ауфи, Гардизи, анонимный автор «Худуд ал-алам», получавшие информацию от купцов каспийско-волжского направления [Галкина, 2003: 3]. Абу ал-Истахри свидетельствует о единстве происхождения и языка тогуз-огузов, огузов, кыргызов и кимаков: «А что касается Туркестана, то у тогузгузов, хырхызов, кимаков, гузов и хазладжей – один и тот же язык, и все они [происходят] один от другого...» [Ма-

териалы по истории киргизов и Киргизии, 1973: 25]. Страну кимаков ал-Истахри располагает севернее страны халаджей, на границе с сакалиба и мифическим народом йаджуджи [Там же: 15–16].

Ценным источником по истории тюркских кочевников является труд «Золотые копи и россыпи самоцветов» арабского географа и историка ал-Масуди, получившего от ибн-Халдуна прозвище «имам» (главы) всех историков» [Кумекон, 1987: 8]. Кимаки и огузы причислены аль-Масуди к четырем племенам тюрков, чьи кочевья расположены в междуречье Иртыша и Черного Иртыша. Арабскими историками отмечалась постоянная война мусульман с тюрками, из труда аль-Масуди историки узнали о войне за господство в присырдарьинских степях между печенежско-башкирской и огузо-кимакско-карлукской коалициями, закончившейся вытеснением или покорением кангаров – печенежских племен – надвигавшимися с востока новыми родственными между собой этническими общностями, вышедшими из круга уйгуро-телеских племен.

Ценным источником по истории Восточной Европы и Центральной Азии является «Худуд ал-Алам» («Книга о пределах мира от востока к западу») – компилятивный географический трактат, написанный в 982 г. анонимным автором на персидском языке. Среди письменных источников «Худуд ал-Алам», которых сам автор не называет, исследователям удалось установить труды арабоязычных географов: Балхи, Истахри, Ибн Хордадбега, Джайхани (последнего – особенно в главах о тюркских народах) [Худуд ал-Алам, 1973: 35–36]. «Худуд ал-Алам» сохранился в единственной рукописи XIII в., приобретенной русским востоковедом А.Г. Туманским в Бухаре в 1893 г. В научный оборот источник был введен в 1930-е годы В.В. Бартольд и В.Ф. Минорским. В силу компилятивности труда многие сведения анонимного автора повторяют и в какой-то мере искажают информацию других арабских географов.

Аноним локализует страну кимаков между реками Иртыш и Итиль (вероятно, искажено название р. Есиль (Ишим)): «К вос-

току от этой страны живет племя (jinsi) хырхызов; к югу от нее – реки Артуш (Artush) [sic] и Итиль (Atil); к западу от нее некоторые из хифчахов (Khifchakh) и некоторые из Северных Ненаселенных Земель (virani-yi shamal); север ее расположен в тех северных местностях, где люди не могут жить. В этой стране есть только один город, но много племен (qabila)» [Hudud al-Alam, 1937: 99]. Аноним сообщает о зимних откочевках кимаков на юг, к границам огузов, с оговоркой, что это имеет место в мирное время. На основе сведений персидского анонима можно говорить о сложении еще в эпоху господства в степи кимаков и огузов практики сезонных меридиональных миграций кочевников из северных районов современного Казахстана и Южной Сибири на юг, в сухие и теплые присырдарьинские степи и Приаралье, что характерно для казахского кочевого хозяйства. Персидский автор выделил несколько локальных групп кимаков, особо отметив область «андар аз хифшах», «жители которой напоминают гузов некоторыми (своими) обычаями» [Там же: 100]. В исторической науке существует несколько мнений по поводу области «Андар аз хифшах» [Кулеков, 1987: 9–10], нас же интересуют сведения о близости кипчаков и огузов, а также сообщение об отделении кипчаков от основной массы кимаков, занятии ими обширных территорий от границы с печенегами на юге до «Ненаселенных Земель Севера, где нет существа живого». Аноним пишет: «Хифчаки – это род (qaum) который, отделившись от кимаков (Kimak), поселился в этих местах, но хифчахи более злонравны (badh-khutar), чем кимаки. Властитель (malik) их (назначается) от кимаков» [Hudud al-Alam, 1937: 315]. Весьма интересна информация о кипчаках и племени страны Yighur, или Yughur. В.Ф. Минорский указывает на документ 1182 г. из канцелярии хорезмшахов Ануштегинидов, где говорится о подчинении племени кипчаков Алп-Кара Урана, приславшего в стан шаха своего старшего сына с большим числом yughur zadkan [Там же: 310]. В целом, можно признать резонным существование на Иртыше кимако-уйгуров. Более поздний автор XIII в. Шихаб ад-дин ан-Насави пишет о проис-

хождении Теркен-хатун из байатов, причисляемых китайскими хронистами к одному из основных уйгурских племен байерку: «Упомянутая была из племени Байавут, а это одна из ветвей [племени] Йемек. Когда власть перешла к султану Мухаммаду по наследству от его отца Текиша, к нему примкнули племена Йемек и соседние с ними из тюрок. Благодаря им умножились силы султана, и он воспользовался их силой» [*Шихаб ад-дин ан-Насави*, 1996: 82]. Байаты отнесены Махмудом Кашгари и Рашид ад-Дином к числу «коренных» огузских племен из подразделения Бузуки («Серые стрелы»). Часть байатов осталась на территории Монголии и приняла участие в этногенезе монголов. Вероятно, именно об огузах, оставшихся на родине после массовых миграций тюркоязычных племен на запад и ставших ядром некоторых монгольских племен, идет речь в сочинении Гардизи, сообщившего: «...Абу Зейд говорит, что тюрки-гузы – соседи китайцев» [*Бартольд*, 1973: 54].

Из сочинений арабских авторов X в. мы можем сделать выводы о скудости сообщений о кипчаках, находившихся на далекой периферии развитых цивилизаций, о их вероятной обособленности от кимаков, о родстве происхождения и тесных связях уйгуров, огузов и кипчаков.

В конце X – первой половине XI в. в центрально-азиатских степях начинаются существенные подвижки кочевых племен, сопровождающиеся миграциями огузов на юго-запад, в Мавереннахр и Хорасан, и на северо-запад, в восточно-европейские степи. Кипчаки постепенно выдвигаются к границам исламского мира, и в 1030 г. Насир Хусрау называет северные степи и полупустыни «Дешт-и-Кипчаком». Огузы же завоевывают Западную Азию, сделав доступной внутреннюю жизнь тюркских племен для внимательного взгляда мусульманских хронистов.

Не случайно именно в труде газневидского историка Гардизи «Зайн аль-ахбар» («Украшение известий»), написанном между 1049–1953 гг., находит отражение генеалогическая легенда о происхождении кимаков и их родоплеменной состав. Предание о происхождении кимаков и кипчаков, на наш взгляд, является

ся передачей подлинной устной истории, имевшей хождение среди самих кочевников, из среды которых был сам информатор самого Гардизи или автора неизвестного источника, использованного газневидским хронистом. В пользу подлинности приводимой Гардизи легенды говорит и упоминание о спасении прародителем кимаков своей жены от речного бога – крокодила [Бартольд, 1973: 54]. Автором настоящей статьи зафиксирована легенда о происхождении одного из вождей северных казахов из племени аргынов от дочери речного бога, представлявшего неизвестное чудовище. Вероятно, в среде тюркоязычных племен наряду с основными культами Тенгри, Умай и Эрклига, существовал пантеон речных богов. Этот культ мог быть заимствован у автохтонных жителей Южной Сибири, унаследовавших мифологию сако-юэчжйских предшественников.

Согласно легенде основоположник племени кимак был из племени татар и бежал на Иртыш от преследования своих сородичей: «Происхождение кимаков таково. Начальник татар умер и оставил двоих сыновей; старший сын овладел царством, младший стал завидовать брату; имя младшего было Шад. Он сделал покушение на жизнь старшего брата, но неудачно; боясь за себя, он, взяв с собой рабыню-любовницу, убежал от брата и прибыл в такое место, где была большая река, много деревьев и обилие дичи; там он поставил шатер и расположился. Каждый день этот человек и рабыня вдвоем выходили на охоту, питались мясом дичи и делали себе одежду из меха соболей, белок и горностаев. После этого к ним пришли 7 человек из родственников-татар: Ими, Имек, Татар, Баяндер, Кипчак, Ланиказ (?) и Аджлад (?). Эти люди пасли табуны своих господ; в тех местах, где [прежде] были табуны, не осталось пастбищ; ища травы, они пришли в ту сторону, где находился Шад. Увидев их, рабыня вышла и сказала: “Иртыш”, т. е. остановитесь; отсюда река получила название Иртыш. Узнав ту рабыню, все остановились и разбили шатры. Шад, вернувшись, принес с собой большую добычу с охоты и угостил их; они остались там до зимы. Когда выпал снег, они не могли вернуться назад; тра-

вы там было много, и всю зиму они провели там. Когда земля разукрасилась и снег растаял, они послали одного человека в татарский лагерь, чтобы он принес известие о том племени. Тот, пришедши туда, увидел, что вся местность опустошена и лишена населения: пришел враг, ограбил и перебил весь народ. Остатки племени спустились к этому человеку с гор; он рассказал своим друзьям о положении Шада; все они направились к Иртышу. Прибыв туда, они приветствовали Шада как своего начальника и стали оказывать ему почет. Другие люди, услышав эту весть, тоже стали приходить [сюда]; собралось 700 человек. Долгое время они оставались на службе у Шада; потом, когда они размножились, они рассеялись по горам и образовали семь племен, по имени названных семи человек» [*Бартольд*, 1973: 43–44]. Информация Гардизи свидетельствует о происхождении двух эпонимов Ими (вероятно Эймур) и Баяндер из числа огузов. Б.Е. Кумеков относит Ими (Эймуров) к числу 12 уйгурских племен [*Кумеков*, 1972: 38]. Татары происходят из круга шивэй-татарских племен, входивших, по предположению Ю.А. Зуева, в восточное крыло Сеяньтоского каганата и имевших тесные этнокультурные контакты с кипчаками [*Кумеков*, 1987: 11; *Зуев*, 2004: 4–7]. Махмуд аль-Кашгари считал татар и кайи тюркскими племенами, оговариваясь, что татары, кайи и басмылы, хорошо владея тюркским языком, имеют собственный язык [*Махмуд аль-Кашгари*, 2005: 70, 387, 835]. Этноним «ланиказ» С.М. Ахинжанов, вслед за В.Ф. Минорским, трактует как нилкан; это наряду с кумаутами, одна из десяти «больших ветвей, из которых каждая в отдельности стала большим народом» уйгурского племени джалаир [*Ахинжанов*, 1989: 108].

Опираясь на генеалогическую легенду, Б.Е. Кумеков выделил основные формирования кимако-кипчакской этнической общности: миграции на Иртыш представителей аристократического рода татар, бежавших от преследования своих сородичей; последующего прихода осколков семи племен, входивших некогда в могущественную кочевую державу в монгольских степях; широкого расселения кимаков и кипчаков в казахстан-

ских степях [Кумеков, 1972: 46]. Д.Г. Савинов связывает происхождение правящей группы кимаков с внутренними конфликтами Сеяньтоского каганата, а происхождение семи племен кимаков – с бегством уйгуров на северо-запад после крушения в 840 г. Уйгурского каганата. Д.Г. Савинов считает легенду подлинным отражением имевших место событий: «генеалогическая легенда кимаков, по сути дела, представляет собой своеобразную историческую летопись, охватывающую длительное время и связывающую происхождение и развитие государства кимаков с огузо-уйгурской и кыпчакской средой. Судя по тому, что события третьего этапа, наиболее близкие по времени, только обозначены фактом расселения «по горам», можно предполагать, что вся история, записанная Гардизи, приобрела в начале XI в. уже легендарный характер и, скорее всего, сохранилась как государственная версия происхождения кимаков в среде широко расселившихся племен» [Савинов, 2005: 280]. Таким образом, генеалогическое предание, записанное Гардизи, устойчиво связывает происхождение кимаков и кипчаков из круга телеских или огузских этнических общностей, включавших и сеяньто, и уйгуров.

Ценнейшим источником по этнической истории тюркских народов является знаменитая книга «Диван Лугат ат-Тюрк», представляющая своеобразную тюркскую энциклопедию, составленную не позднее 1083 г. «Диван Лугат ат-Тюрк» вобрал богатый историко-географический, этнографический и лингвистический материал, собранный и обобщенный выдающимся тюркским ученым Махмудом аль-Кашгари (1029–1101 гг.). Лингвистический анализ языков и наречий тюркских народов, в разное время посещенных Махмудом аль-Кашгари, позволил ученому выделить несколько тюркоязычных общностей, отличающихся «наречиями». К первой группе он относит язык племен, смешивавшихся с иранским оседло-земледельческим населением и перенимавших их обычаи. К ним он причисляет племена сугдак, канжак и аргу. Это те тюрки, «кто говорит на двух языках, речь становится ломаной» [Махмуд аль-Кашгари,

2005: 69]. Аргу, по нашему предположению, связаны происхождением с более поздними аргынами, в состав которых входит родоплеменная группа канджигалы, вероятно являющаяся преемницей средневековых канджак. Ко второй группе отнесены племена, сохранившие кочевой образ жизни и относительную изолированность от иранского культурного влияния. К ним причислены этнические группы киркиз (кыргызы), кифжак (кипчаки), огуз (огузы), тухси, йагма (ягма), жикил, уграк, у которых «чистый тюркский, единый язык», в языковом отношении к ним близки башкиры и йемеки [Там же: 69–70]. Махмуд аль-Кашгари по поводу языковых различий между различными группами тюркских народностей конца XI – начала XII вв. писал: «В основном языке различий немного, они проявляются в чередовании или усечении отдельных букв» [Там же: 71]. Появление особенностей в языке и культурном порядке средневековый энциклопедист связывал с влиянием соседних оседло-земледельческих, преимущественно иранских, народов. Махмуд аль-Кашгари передает в своей книге взаимоотношения огузов и кипчаков друг к другу, осознание родства представителями этих этнических общностей, называя их братьями [Там же: 835]. Вероятно, близки к ним и карлуки, тюркским энциклопедистом выделена группа карлук-кипчаков [Там же: 437]. Труд Махмуда аль-Кашгари отражает реальную этноязыковую и этнокультурную ситуацию в центрально-азиатских степях своего времени, когда еще в этнической идентификации культурные и религиозные факторы играли подчиненную роль по отношению к исторической памяти, сохранявшей и ретранслировавшей через устные истории воспоминания об общем происхождении кипчаков, огузов и карлуков. Обращает внимание условность этнических границ между различными этническими группами тюркских кочевников, вышедших из общего круга телеских племен, включавших уйгуров и родственных им сеяньто, наличие «переходных» групп, как, к примеру, карлук-кипчаки.

Список мусульманских историков, писавших о тюркских кочевниках, весьма широк и достаточно полно освещен в исто-

риографии. В основном письменные источники мусульманской историографии домонгольского периода повествуют о миграциях степных племен Дешт-и-Кипчака и монгольских степей. Сельджукидский врач и попутно хронист ал-Марвази в труде «Природа животных» сообщил важные сведения о причинах, подтолкнувших к миграции туркмен и огузов в X–XI вв. из присырдарьинских степей на юг – в Мавераннахр и Хорасан, а кипчаков – выведших к границам древнего Хорезма. Вероятно, эти сведения были сообщены знатоками устной истории огузов, поведавших дворцовому историографу подлинную канву драматических событий в степи, недоступных для стороннего взгляда арабских географов. Сельджукский ученый пишет: «Среди них (тюрков) есть группа племен, которые называются кун, они прибыли из земли Кытай, боясь Кыта-хана. Они были христиане – несториане. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из них был хорезмшах Икинджи ибн Кочкар. Их (кунов) преследовал народ, который назывался каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. (Тогда) куны переселились на землю шары, а шары переселились на землю туркменов. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов поблизости от Армянского (Черного) моря» [*Ал-Марвази*, 1959: 212]. Большинство исследователей (В.В. Бартольд, С.Г. Агаджанов, Б.Е. Кумеков, С.М. Ахинжанов) связывают указанные миграции с утверждением в монгольских и маньчжурских степях господства киданей, стремившихся установить контроль над степными племенами цзубу и представлявших условную общность тюркских и монгольских народов, населявших земли нынешней Монголии от Большого Хингана до Алтая, ядро которых составляли татары [*Дробышев*, 2010: 117]. С начала X в. кидани грабили и угоняли в рабство кочевников, строили города и заселяли завоеванные территории покоренными земледельцами – бохайцами и китайцами [Там же: 110–113]. Ю.И. Дробышев видит истоки конфликта цзубу с киданями в имперской политике последних: «Киданьское иго было для племен

тяжелее китайского, о чем красноречиво говорят следующие примеры. Так, оказавшиеся в подчинении киданей туюйхуни страдали от их жестокости и алчности, и в 940 г. их вождь увел в земли Поздней Цзинь (936–947) более тысячи юрт... на следующий год Гао-цзу получил от генерал-губернатора Чэндэ – ненавидевшего киданей Ань Чжун-жуна – челобитную, в которой указывалось, что туюйхуни, а также западные и восточные туцзюэ, хуни, шато и циби хотят подчиниться Китаю, а правители дансянов и некоторых других владений сдали полученные от киданей грамоты об их назначении на престол. Все жаловались на притеснения киданей и выражали готовность подготовить войско для совместного с Цзинь нападения на Ляо» [Там же: 70]. Мы можем предполагать, что целенаправленная политика киданей на вытеснение кочевников вытолкнула оставшиеся в монгольских степях после крушения уйгурской державы огузские племена (кайи, кунов) на запад, на территорию современного Казахстана. В пользу этой версии говорит и упоминание в сочинении Е Лун-ли народа хуни (куни), ранее упоминавшегося китайскими хронистами в списке основных племен уйгуров и сеяньто. Кайи отнесены Махмудом аль-Кашгари к основным огузским племенам, и если учесть вероятность тождества кунов и куманов, то вполне понятно, по какой причине тюркский энциклопедист называет огузов и кипчаков братьями.

В 1154 году арабским географом ал-Идриси (1100–1165 гг.) по инициативе короля Сицилии Рожера II был составлен труд «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» (варианты перевода: И.Ю. Крачковский – «Развлечение истомленного в странствии по областям»; И.Г. Коновалова – «Отрада страстно желающего пересечь мир»), известное также под названием «ал-Китаб ар-Руджжари» («Книга Рожера»). Основные источники, использованные ал-Идриси, относятся к известным арабо-персидским историко-географическим сочинениям IX–XI вв., вышедшим из-под пера Ибн Хордадбеха, ал-Йакуби, Кудама ал-Басри, ал-Масуди, ал-Джайхани, Ибн Хаукаля, ал-Узри, а также пло-

хо известных Джанах ибн Хакан ал-Кимаки, Муса ибн Касим ал-Каради и Исхак ибн ал-Хасан ал-Мунаджжим [Коновалова, 2006: 27–30]. По мнению Б.Е. Кумекова, ал-Идриси использовал не сохранившийся труд сына кимацкого хакана Джанах ибн Хакан ал-Кимаки, что позволило ему более подробно описать земли, заселенные куманами и их кочевыми соседями [Кумеков, 1987: 16].

Из общего корпуса мусульманских письменных источников, проливающих свет на этническую историю кипчаков и родственных им тюркских кочевых групп, следует особо выделить труд хулагуидского министра и историка Рашид ад-Дина (ок. 1247 – 18 июля 1318 гг.). В труде Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих» (1310 г.) история кипчаков показана в широком контексте истории тюрко-монгольских народов от времен легендарного Огуза, правнука библейского Ноя, до эпохи Монгольской империи. Великий историк причислял огузов, кипчаков, канглы, карлуков, халаджей и агачери к общему кругу родственных племен, сплотившихся вокруг Огуз-кагана и подчиненных ему уйгуров [Рашид ад-Дин, 1952: 76].

Сведения Рашид ад-Дина о происхождении кипчаков из уйгурской этнической среды перекликаются с информацией других письменных источников. Анонимный автор персоязычного сочинения XV в. «Муизз ал-Ансаб» («Прославляющее генеалогии»), презентующего генеалогические предания чингизидов и тимуридов, перечисляет представителей кочевой аристократии, происходящих из рода курлеут (одно из основных кипчакских племен), отнесенных к подразделению племени ягма (уймавут) [Муизз ал-Ансаб, 2006: 35, 72, 73, 83]. В этнической истории тюрков Центральной Азии ягма относятся к кругу уйгурских племен, создавших Уйгурский каганат и государство Караханидов. Д.И. Тихонов дает следующие названия родоплеменных групп, объединенных Пэйло (742–756) – иологе, худугэ, кюйлоу, мокосига, аучжай, гэса, иовугэ, хасиву. Согласно реконструкции Дж. Хамильтона, названия 9 родов – «фамилий» звучат так: яглакар, утуркар, турламвюр (кюрламвюр), бокасыкыр,

авучаг, карсар (или касар), хогорсув, ягмавюркар, хиейямвюр [Тихонов, 1966: 26]. Гардизи писал, что народы ягма и карлуки по происхождению являются выходцами из тогуз-огузского союза, отделившись от «материнской» общности по различным причинам [*Бартольд*, 1966: 43–47]. Персидский аноним «Муизз ал-Ансаб» также указывает на некоего амира Кунчека из племени кипчак-уйгур, при этом отделяя кочевые племена уйгур и ягма от оседло-земледельческого народа уйгуров [Муизз ал-Ансаб, 2006: 35, 56, 57, 66, 72, 86, 96, 98, 101, 193].

Арабо-персидские авторы XIII–XIV вв. основное внимание уделяли истории Золотой Орды, по традиции именуемой «страной тюрок». В сочинениях ан-Нувайри, ад-Димашки, Казвини, Абу-л-Фида, Ибн Халдуна и других авторов даются ценные сведения о политической истории, расселении и племенном составе кипчаков, преимущественно западной части Золотой Орды. Список племен в составе кипчаков, среди которых выделяются наиболее многочисленные племена дурут, йети-оба, токсоба, олборили, кангарогли, ал-арс, бурджоглу, манкуроглу, йемек, баджанак, карабориклу, джортан (шортан), кутан (котан) и уз, говорит о распространении этнонима «кипчак» на конгломерат тюркских и тюркизированных племен [*Кумеков*, 1990: 122–127]. Очевидно происхождение части племен от более ранних кимако-кипчакских групп Прииртышья. К ним можно отнести определенно йемеков, олборили, бурджоглу, а также дурут, анджоглу (см.: андар-аз-хифшах), токсоба и йети-оба, представляющих объединения, названные по количеству входящих в них подразделений – четыре, семь и девять родов. Вероятно, более ранние уйгуро-огузские племена послужили ядром более поздних вышеуказанных кипчакских племенных подразделений, в пользу этой версии говорит вышеприведенное свидетельство ан-Насави о происхождении Туркан-хатун из кипчакских байатов, представляющих «ответвление» йемеков. Ибн Халдун в одном из рассказов поведал о принадлежности племени дурут к кипчакам, а их соперников токсоба к татарам, прямо указав, что эти племена «не из одного рода»

[Кумеков, 1987: 28]. Ибн Халдун совершенно определенно относит токсоба к тюркам, и это позволяет говорить не о наличии монгольского компонента в составе кипчаков, а о сохранении древних огузо-уйгурских групп под новыми названиями. Не случайно и принятие частью кипчаков названия токсоба («девять родов»), указывающее на то, что в исторической памяти кипчаков не угасли воспоминания о могуществе их предков тогуз-огузов («девять огузов»), создавших Уйгурских каганат и бежавших на запад от беспощадных врагов после внезапного крушения своей державы. Обращает внимание наличие в списке ан-Нувайри племени кутан (котан). Как правило, этнонимы кочевых племен связаны с личными именами эпонимов, в данном случае Котана, имя которого в казахских генеалогических преданиях ассоциируется с Алашем – легендарным прародителем казахов. Особо следует сказать о племени ольбери, ранее не отмеченном в составе объединений огузо-уйгурских кочевников, получившем известность в XIII в. благодаря ожесточенному сопротивлению части племени монгольским завоевателям и преданной службе последним вождя Тутука. По мнению Т. Оллсена, вероятно, что монголоязычные ольбери мигрировали с территории Восточной Монголии на тридцать тысячи ли (10 тыс. км.) на запад, в заволжские степи, в начале XII в. под давлением чжурчженей или киданей. На новой родине ольбери прошли аккультурацию в среде тюркоязычных кипчаков и приняли новый этноним, привязанный к топониму гор Юйли-боли [Allsen, 1983: 7–8].

Племена кангароглу, баджанак, карабориклу ранее входили в состав кангаро-печенежского союза, разгромленного совместными действиями кипчаков, огузов и карлуков во второй половине IX в. Мы не можем не упомянуть здесь информацию Константина Багрянородного о наличии в первой половине X в. у печенегов трех отдельных правящих племен кангаров, характеризующихся как «более мужественные и благородные, чем прочие». О. Прицак связывал происхождение кангаров с восточно-иранскими этносами и тохарами, считая пе-

ченежский этнос аморфной, полиэтничной и мультязыковой общностью кочевых пастухов, объединенных харизматичными кланами кангаров [Pritsak, 1976: 211–235]. Часть печенегов и вероятно кангаров, вошла в состав огузов: «Когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): ведь одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезали от самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников» [Константин Багрянородный, 1989: 154]. Со временем печенеги интегрировались в огузскую общность. Махмуд аль-Кашгари называет печенегов в числе 22 огузских племен. По аналогии с известными историями из жизни тюркских и монгольских народов мы можем предполагать подчиненный характер политического и социального статуса кангаро-печенежских племен и ассимилированных ираноязычных приаральских кочевников ал-арс по отношению к «коренным» господствующим группам кипчаков и огузов. Несомненным является также влияние этих племен на складывание антропологического типа и культурных особенностей кипчаков, приведшим к появлению различий от родственных огузов и других тюркских народов, что нашло отражение в мусульманских письменных источниках. Современные канглы-кипчаки в составе казахов и кыргызов отличаются от иноплеменного окружения светлыми глазами (голубыми или зелеными) и европеоидным антропологическим обликом. Интеграция канглы в кипчакское племенное объединение, вероятно, произошла уже в период реформирования и складывания на основе объединений пост-ордынских кочевников новых этнических общностей казахов, ногайцев, узбеков, каракалпаков и кыргызов.

Египетский историк и географ ал-Умари (1391–1349), занимавший пост секретаря египетского султана из числа мам-

люков – бахритов, набравшихся из тюрков, имел доступ к архивам мамлюкского государства и смог передать сведения о положении в союзной Золотой Орде в сочинении «Пути взоров по владениям городов». Ал-Умари пишет о господстве завоевателей татар над кипчаками и активном смешении этих народов, приведшем к утверждению кипчакского этнокультурного начала и антропологического типа в Золотой Орде: «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они (Татары) смешались и породнились с ними (Кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (Татар), и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого что Монголы (и Татары) поселились на земле Кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (Кипчаков). Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменять прирожденные черты согласно ее природе, как мы сказали уже выше» [*Тизенгаузен*, 1884: 235]. Ал-Умари, будучи чиновником, имел доступ к дипломатической и разведывательной информации, собираемой не только среди послов и купцов, но и среди собственно мамлюков-бахритов, многие из которых были определенно кипчакского происхождения (султаны Бейбарс, Калаун). Золотоордынский посол ан-Номан поведал ал-Умари о полиэтничном составе населения дешт-и-кипчакских степей: «Большая часть подданных этого царя – обитатели западной части Севера. Их несметное множество народов; самый многочисленный из них Русские; потом, за ними, Тюрки Дешт-и Кипчака. Это большие племена, между которыми есть и мусульмане, и неверные» [*Тизенгаузен*, 1884: 241]. Арабские хронисты восхищаются особым культурным порядком и своеобразием ментальности татарских, кипчакских и тюркских кочевников, что способствует их внутренней интеграции и отличает от представителей других средневековых народов: «Люди ее – мужи [в полном смысле], воины ее – [превосходные] стрелки. По языку это самые красноречивые Тюр-

ки, по жизни – самые праведные, по челу – самые прекрасные, по красоте – самые совершенные... Нет в них ни лжи, ни обмана, нет между ними ни хитрости, ни лукавства» [Там же: 459].

Из мусульманских источников XV–XVIII вв. следует отметить компилятивные труды тимуридских историков Мирхонда (1433–1498 гг.) и его внука Хондемира (1475 – около 1536 гг.), собравших материалы по истории тюркских народов Центральной Азии в предмонгольский и монгольский периоды истории.

Важнейшими источниками для изучения основных проблем этнической истории тюркских народов являются сочинения «Шаджара-и турк» («Родословная тюрков») и «Шаджара-и таракима» («Родословная туркмен»), написанные хивинским ханом Абу-л-Гази Бахадуром (1603–1665 гг.). В соответствие с канонами мусульманской историографии «Родословная туркмен», равно как и «Родословная тюрков», может быть разделена на три части: библейско-коранические мифы; сведения, основанные на огузско-туркменском эпосе, в основе которого лежит сказание об Огузе и его потомках; сведения, дошедшие в легендарной форме, но имеющие реальную подоснову: сведения о происхождении, разделении и размещении огузских племен (в частности, сказание о салорах), сведения о тамгах, онгонах, местничестве на пирах, сказание о смуте в огузовом иле, сказания об илях, присоединившихся к туркменам [*Кононов*, 1958: 23–24]. Абу-л-Гази в процессе создания своих трудов продемонстрировал глубокое знание не только основных трудов предшествующей мусульманской историографии, но и народных преданий. По вопросу о происхождении кипчаков Абу-л-Гази повторяет версию Рашид ад-Дина о мальчике-сироте, усыновленном Огуз-каганом: «Хан вырастил этого ребенка на своих руках. После того как он стал джигитом, Уруссы, Олаки, Маджары и Башкурды возмутились [против Огуз-хана]. Дав Кыпчаку много илей и нукеров, [хан] послал [его] в те края, на берега Тина и Итиля. Триста лет царствовал Кыпчак в тех местах. Все кыпчаки – его потомки. Со времен Огуз-хана и вплоть до времен Чингиз-хана на Тине, Итиле и Яике,

на берегах этих трех рек, других илей, кроме кыпчакского, не было. Они жили в тех местах в течение четырех тысяч лет. Поэтому те места и называют Дешт-и кыпчак – Кыпчакская степь» [*Абу-л-Гази*, 1958: 43–44]. Абу-л-Гази считает канглы, кипчаков, карлуков и халаджей илями, «которым Огуз-хан дал имя, но которые не происходят из его рода (насл)» [Там же: 51]. В.В. Радлов обратил внимание на приведенное Абу-л-Гази предание, в соответствии с которым правящий род Огуз-кагана именовался «уйгуры», т.е. «сторонники» легендарного прародителя тюрков. Абу-л-Гази привел легенду о печальной судьбе могущественного народа он-уйгуров и тогуз-уйгуров, живших в долине десяти и девяти рек, но разбитого и рассеянного врагами. Часть уйгурских родов осталась на родине, часть бежала на Иртыш, где они распались на три «колена». Одни направились к Биш-Балыку и занялись земледелием, другие занялись разведением лошадей и овец вблизи Биш-Балыка, а третье «колено» поселилось в лесах Прииртышья, отказалось разводить скот, занявшись рыболовством и охотой на пушного зверя: «...питалось их мясом, одевалось в их шкуры; они в жизни своей не видели ни скота, ни льняных, ни бумажных тканей» [*Радлов*, 1893: 55]. В этой легенде речь идет о значительной деградации социально-политической структуры и хозяйственно-культурного уклада жизни бежавших на Иртыш уйгуров, некогда бывших властителями монгольских степей. Уйгурские рода утратили достижения своей процветавшей степной городской и земледельческой культуре превратившись в охотников и рыболовов, как и населявшие ранее край племена, с которыми они смешались. Уйгуры повторили судьбу своих предков хунну, также архаизировавшихся в ходе бегства на запад от преследовавших врагов, прибыв в Западную Европу воинственной ордой, основанной на ведении набегового хозяйства. Вероятно, об этой части прииртышских уйгурских родов идет речь у арабо-персидских авторов, сообщавших, что кипчаки выделяются из общего числа кимакских племен своей «дикостью» и «злонравностью».

В целом, мусульманская историография дает возможность

представить начальные этапы этнической истории собственно кипчаков, выделившихся из круга кимакских племен. Арабо-персидские историко-географические сочинения и зафиксированные в трудах выдающихся ученых мусульманского мира устные истории говорят о происхождении кипчаков из аморфной общности уйгуро-огузских племен, в состав которой входили не только тюркские группы, но и, возможно, монголоязычные татары. Миграция неизбежно втягивала спасшихся на Иртыше семь уйгурских родов в культурные контакты и брачные связи с местными этническими группами тюркского и нетюркского происхождения. Результатом этнических миксаций стало образование в Прииртышье кипчакской этнической общности, тесно связанной с родственными огузами и карлуками. Сопоставление сведений китайских и мусульманских письменных источников не дает оснований говорить о существовании на Алтае и в Монголии гипотетической кипчакской или сирской этнической общности, изначально в этнокультурном и этногенетическом отношении отличающейся от окружающих тюркских и телеских племен. Наоборот, дошедшие до нас типичные по сюжету предания о миграциях кочевников из восточных пустынь на запад под предводительством Небесного волка, записанные В.В. Радловым в изложении уйгурской версии легенды об Огуз-кагане, Михаилом Сирийцем в описании преданий средневековых огузов и Р.Г. Кузеевым в генеалогических повествованиях юго-восточных башкир [Из хроники Михаила Сирийца, 1960: 51; *Радлов*, 1893: 24–26; *Кузеев*, 1974: 129–132], говорят о происхождении большинства кочевых кипчакоязычных и огузоязычных народов из общего круга огузо-уйгурских племен. Тотемным прародителем уйгуров считался Небесный волк, находившийся, как свидетельствуют китайские династийные истории, в родственных отношениях с правящим кланом хуннских шаньюев. Опираясь на китайские и мусульманские письменные источники, можно говорить о том, что одни и те же огузо-уйгурские племена составляли ядро этнополитических объединений тюркских кочевников, известных как огузы,

кипчаки, карлуки, тогуз-огузы, караханидские или хаканийские тюрки и т.д. Кочевой образ жизни (обусловливавший наличие особых культурных установок в ментальностиномада), осознание родства происхождения и сохранение в исторической памяти воспоминаний о былом единстве играли главную роль в первоначальном формировании кипчакской и огузской общностей. Этноязыковые и этнокультурные различия между огузами, кипчаками и карлуками сформируются значительно позже под влиянием культурных заимствований и этнических миксаций с окружающими народами. Постепенное оседание тюркских кочевников в Западной Азии, Хорасане, Восточном Туркестане, Мавереннахре, Поволжье, на Северном Кавказе и Закавказье, включение их в состав мощных военных империй, созданных земледельческими народами, усилило роль религиозных и культурных маркеров, сближавших их с ранее презираемыми оседлыми жителями, сыграло важную роль в этническом самоопределении кипчаков и огузов.

В изучении этнической истории кипчаков, особенно в определении времени появления их на исторической арене, важное значение имеют памятники письменности на древнетюркском и кипчакском языках. Впервые атрибуция кипчаков как этнонима была сделана Г. Рамстедом, обнаружившем в 1909 г. надпись на каменной стеле в честь уйгурского кагана Элетмиш Бильге-кагана (Моюн-чура) (747–759). В научной литературе эта надпись получила название «Селенгинский камень» (Надпись из Шине-Усу). На северной стороне Селенгинского камня в четвертой строке было выбито: «...когда тюрки-кипчаки властвовали пятьдесят лет» [*Ramstedt*, 1913: 12–13; *Малов*, 1959: 34, 38; *Кляшторный*, 1983: 84–85; *Он же*, 1986: 154]. Многие исследователи считают доказанной версию С.Г. Кляшторного о правомерности толкования слова «кипчак» как этнонима союзного тюркам отдельного народа кипчаков, ранее известных как сеяньто в китайских источниках и сиры в древнетюркских текстах [*Ахинжанов*, 1989; *Кляшторный*, 1986; *Кляшторный*, *Савинов*, 2005]. На наш взгляд, более значимым в древнетюрк-

ских надписях является упоминание самоназваний тюркских племен – «огузы», «тогуз-огузы», «уйгуры». Следует сказать, что в древнетюркских надписях под «народом» понимали племя или племенную группу, жившую на определенной территории и связанную родством происхождения. В.В. Бартольд было высказано предположение о тождественности этнонимов «тюрк» и «огуз», так как письменные памятники тюрков свидетельствуют о существовании достаточно сплоченной этнокультурной и этноязыковой общности тюркоязычных племен. Бартольд пишет: «...в орхонских надписях хан, обращаясь к своему народу, называет его тогуз-огузами или просто огузами, из чего можно заключить, что слово огуз не только обозначало северных соседей тюрков-тукю, но употреблялось и в более широком смысле, в качестве синонима слова тюрк» [*Бартольд*, 1968б: 271]. В Большой надписи Бильге-кагана в честь его усопшего брата Куль-тегина прямо провозглашается происхождение харизматичного племени тюрков из тогуз-огузского племенного союза: «Тогуз-огуз были мой собственный народ, Так как небо и земля были в тревоге, а их желчные чувства... обуяла зависть, они стали нам (правящему племени тюрков – С.К.) врагами» [*Малов*, 1951: 42; *Он же*, 1959: 21]. Китайские источники определенно считают тюркские и теле-огузские племена потомками хунну: «Предки тукюеского Дома обитали от западного моря на запад и одни составляли аймак. Это есть отдельная отрасль Дома Хунну, по прозванию Ашина» [*Бичурин*, 1950: 220]. Тюркские каганы обращаются к бекам тюркским и огузским, призывая их к повиновению законной общеимперской власти для всеобщего блага, угрожая покарать не только мятежных тогуз-огузов, но и независимых тюргешей, которых Бильге-каган признает вышедшими из повиновения сородичами: «Тюргешский каган был наш же тюрк, из нашего же народа. Так как он не понимал (своего блага), каган был убит, его “приказные” и правители также убиты, народ “десяти стрел” подвергся притеснению» [*Малов*, 1951: 38]. В.В. Бартольд считал этноним «тюрки» политическим термином, обозначавшим

огузские племена, признававшие верховенство каганов из рода Ашина. Собственно, этнографическое самоназвание тюркских кочевников было огузы: «Надписи не дают ясного ответа на вопрос, какие народы уже в то время назывались турками; столь же мало известно, как постепенно распространялось это название на разные народы и как оно приобрело то значение, которое имеет теперь. Хан называет свой собственный народ турками и в то же время огузами или токуз-огузами, хотя в некоторых местах огузы или токуз-огузы называются врагами хана. Еще до открытия ключа к чтению надписей Радлов пришел к выводу, что турки VI–VIII вв. принадлежали к народу огуз, и надписи вполне подтвердили это мнение... Присвоение слову турк того лингвистического значения, которое оно имеет теперь, было, по-видимому, делом мусульман. Арабы заметили, что многие народы говорят на том же языке, как те турки, с которыми они имели дело в VII и VIII вв. и стали называть их всех турками; по мере принятия ислама и сами турецкие народы стали так называть себя, хотя и до сих пор даже не все мусульманские турецкие народы называют себя турками и свой язык турецким» [*Бартольд*, 1968а: 23–24].

Таким образом, древнетюркские памятники не позволяют на основе имеющихся названий отдельных племен и племенных союзов однозначно говорить о появлении в среде телеских племен этнических общностей тюрков, огузов, уйгуров, кипчаков, карлуков и т.д. На наш взгляд, анализ сведений китайских, арабских и древнетюркских письменных источников подтверждают правоту В.В. Радлова и В.В. Бартольда о происхождении тюркских народов из племен ранних огузов. Следовательно, исходные этнические компоненты, мигрировавшие в Прииртышье и составившие ядро кипчакской общности, следует искать в круге огузо-уйгурских племен Монголии. Эти же этнические компоненты послужили основой в процессе формирования других кочевых общностей – огузов, карлуков, тогуз-огузов, халаджей. Круг кипчакских племен постоянно пополнялся не только за счет включения покоренных тюркских и

тюркизированных племен, но и за счет миграции новых волн кочевников из монгольских степей. Это определяло условность и подвижность этнических границ между кипчакскими и некипчакскими группами тюркских кочевников северных евразийских степей.

Определенный интерес в изучении этноязыковой истории западной части кипчакских племен представляют письменные памятники на куманском и армяно-кипчакском языках, датируемые XIII–XV вв. Древнейшим из текстов на куманском языке является 164-страничная тетрадь католического миссионера, латинского переводчика конца XIII – начала XIV вв., известная как «Codex Cumanicus», или «Codex Comanicus», обнаруженная в Венеции среди фолиантов знаменитого поэта итальянского Возрождения Франческо Петрарки [Гаркавец, 2007: 65]. Рукопись состоит из итальянской (латино-персидско-куманский словарь) и немецкой (кумано-немецкий словарь) частей. Содержит около 1300 слов. В Кодексе представлены самая ранняя в истории коллекция из 47 тюркских загадок, впервые переведенные на язык кыпчаков-куманов и переданные в латинской графике «Десять Божьих Заповедей», фрагменты из «Книги притч» Соломона, Евангелия, авторитетных сочинений, религиозные гимны Целия Седулия (ум. 450), Венанция Фортуната (530/540–600), Теофила из Сент-Обена (XII–XIII вв.) и других латинских поэтов – «Радуйся, дверь рая», «Иисусе, наш выкуп», «Слово стало плотью», «Знамена Царя», «Вспоминая бесценную кровь», «От угла восхода солнца» и оригинальные куманские проповеди. Авторство формально можно приписать Антонио де Финале, оставившему памятную запись со своим именем на обороте одной из страниц [Гаркавец, 2007: 66]. Вероятно, «Codex Cumanicus» был результатом подвижнического труда многих католических миссионеров Половецкого епископства, живших в среде тюркских кочевников и пытавшихся обратить их в христианство. По мнению А.Н. Гаркавец, окончательный вариант Кодекса был доработан представителем нищенствующего монашеского ордена францисканцев [Там

же: 69]. Лингвистический анализ памятника указывает на наличие в куманском языке нескольких диалектов, язык самого текста носит смешанный огузо-кипчакский характер [Там же: 19]. Это свидетельствует о многокомпонентном составе кипчакской этнической общности восточно-европейских степей, включавших не только «коренные» кипчакские подразделения, но и инкорпорированных торков – огузов, печенегов, берендеев, ковуев и т.д.

В западноевропейских исторических хрониках интерес к кочевникам был весьма незначителен. Более важные сведения о быте, нравах, страницах военной истории кочевников евразийских степей, именуемых по византийской традиции куманами, команам или татарами, включенных в состав Монгольской империи, содержатся в полуофициальных или неофициальных нарративных источниках, представляющих в основном записки и отчеты католических миссионеров, дипломатов и путешественников XIII–XV вв. – Фомы Сплитского, Юлиана, Джованни дель Плано Карпини, Гильома де Рубрука, Рюи Гонсалес Клавихо [Аннинский, 1940: 71–76; Джованни дель Плано Карпини и др., 1997; Клавихо Рюи Гонсалес, 1881]. Следует отметить также разделенные двумя столетиями воспоминания участника крестовых походов Робера де Клари и рыцаря-наемника Иоганна Шильтбергера, попавшего в двойной плен (сначала в 1396 г. в плен к туркам после разгрома крестоносцев султаном Баязидом, а затем к чагатаям Тимура) и пробывшим в плену до 1427 г. Робер де Клари и Иоганна Шильтбергер оставили сведения о военном искусстве, обычаях и занятиях тюркских кочевников восточноевропейских и центрально-азиатских степей [Робер де Клари, 1986; Шильтбергер Иоганн, 1984].

Особенностью русских письменных источников является хорошая осведомленность их авторов в политических событиях в части половецкой степи, непосредственно граничащей с русскими землями, позже в западной части Улуса Джучи. Постоянные контакты восточных славян с тюркскими степняками способствовали расширению рамок повествования в русских

летописях, на страницах которых тюркские кочевники выступали под различными названиями, близкими к подлинному звучанию самоназваний. Следует отметить, что древнерусские летописи, как и западноевропейские хроники и анналы, в основном были посвящены фиксации и описанию политических событий в русских княжествах, информация о Половецкой степи весьма скудна и отрывочна. Русским летописцам, как и западноевропейским и византийским авторам» неизвестен этноним «кипчак». Советские исследователи отмечают, что древнерусские летописи употребляют термин «половцы», а византийские, как и авторы, писавшие на латинском языке, термин «команы». Половцы попадали в поле зрения летописцев лишь в связи с изложением политических связей кочевых вождей и русских князей, военных походов половцев на русские земли и русских дружин на половецкие станы. Только в этом контексте можно согласиться с П.П. Толочко, высоко оценивающим информированность летописцев: «Русские были хорошо осведомлены о жизни половецких орд. Летопись называет поименно не только тех ханов, которые принимали активное участие в набегах на Русь..., но и тех, которые не участвовали в набегах...» [Толочко, 2003: 109]. Наиболее полные сведения о русско-половецких отношениях содержат Ипатьевская и Лаврентьевская летописи, прослеживающие появление половцев в восточноевропейских степях в середине XI в. и их контакты с русскими княжествами вплоть до монголо-татарского нашествия в конце первой трети XIII в. Согласно летописи первая встреча, произошедшая в 1054 г., была на редкость мирной и вполне удовлетворила обе стороны, кочевники удалились в новоприобретенные кочевья [Егоров, 1994: 189]. Несмотря на последующие столкновения и активное участие половцев в русских усобицах, русские князья заключали брачные союзы и организовывали совместные военные походы. Владимир Мономах в 1117 г. женил сына Андрея на внучке хана Тугоркана, через три года родственники ходили на «ляхов» кочевья [Там же: 194]. До этого Владимир Мономах женил сына Юрия Дол-

горукого на дочери половецкого хана Аепы. Никоновская летопись содержит сведения о взаимоотношениях половцев с Северо-Восточной Русью, участии половцев в русских усобицах и взаимоотношения, в том числе брачные, половецкой и русской аристократии [Инков, 2001: 28]. Преимущественно отрицательное отношение русских летописцев к половцам определялось противостоянием мира оседлых земледельцев-христиан с миром воинственных язычников – кочевников. В.А. Гордлевский полагал, что негативное изображение половцев в летописях и русских исторических сочинениях связано с влиянием постулатов церкви, воспринявшей воинственные установки католицизма в отношении иноверцев и делившей мир на антагонистические мир христиан и языческий мир, считавшийся источником зла и пороков. В.А. Гордлевский пишет: «Официальное, навеянное церковью представление о народе, живущем не в городах, где утвердилась христианская вера, а в степи, идет, как говорит уже слово “поганый” (от лат. – “pagus” деревня), с запада, через католическое духовенство – через католических миссионеров... Для церкви половцы часто враги, которые “губят землю русскую и проливают христианскую кровь беспрестанно” – повторяются затверженные слова» [Гордлевский, 1947: 321]. В целом, описания русскими летописцами и западноевропейскими хронистами тюркских кочевников как вечных грабителей и диких язычников серьезно повлияли на формирование подходов в европейской и российской историографической традиции XIX – начала XX вв. Н.И. Костомаров возлагал ответственность за постепенное ослабление Киевской Руси на тюркских кочевников, под давлением которых древнерусское население мигрировало на северо-восток [Костомаров, 1903: 112–114].

В целом, корпус имеющихся письменных источников позволяет историкам восстановить страницы истории времени расцвета кумано-кипчакской этнической общности с начала XI в. Древний период истории кипчаков предположительно уходит в эпоху господства тюркских и огузо-уйгурских эт-

нополитических объединений на территории Монголии. Тем самым, ценнейшими источниками являются китайские и арабо-персидские источники. Важным дополнением являются сведения сирийских, армянских, грузинских, западноевропейских, древнерусских и византийских источников.

Концепции этнической истории кипчаков

В кипчаковедческой историографии можно выделить две основные проблемы, интересующие не только ученых, но и околонуучный мир. С момента появления первых исследований в XIX в. ученых интересует проблема времени появления, происхождения и особенностей сложения этнической общности кипчаков. Вторая проблема связана с попытками проследить влияние кипчаков на формирование и консолидацию современных тюркских народов.

Наиболее ранняя группа гипотез о происхождении кипчаков характеризуется приверженностью ее авторов (Ю. Клапрот, Ж.-П. Абель-Ремюза, Г.Е. Грумм-Гржимайло, Н.А. Аристов) модной в XIX в. расовой теории [Ахинжанов, 1989: 78]. Исследователи акцентировали внимание на изучении антропологического типа и формировании языка какого-либо народа. Арийский дискурс в изучении этнической истории народов Средней Азии и Казахстана формировался в трудах европейских и российских дореволюционных исследователей, рассматривавших антропологический облик местного населения как доказательства их индогерманского происхождения. Лишь А. Вамбери считал, что расовые черты внешнего облика народов формируются под влиянием окружающей среды. Главную же роль в обеспечении воспроизводства этничности он отводил языку, образу повседневной жизни, способам хозяйствования и формам культурных контактов [Вамбери, 2006: 243–248]. Странники изначальной европеидности указывали на видимые отличия антропологического типа кипчаков в составе казахов, узбеков и кыргызов от более монголоидных соседних

племен, рассматривая светлые глаза и волосы кипчаков в качестве стабильных этнических маркеров. А. Куник одним из первых связал возникновение экзоэтнонима «половцы» со словом «половый» – светло-серый, соломенный» т.е. с вероятной европеоидностью кипчаков, относя их к светловолосым европеоидам [Куник, 1854: 735]. Значительная часть исследователей поддержала точку зрения А. Куника. Ранее аналогичная точка зрения была высказана Н.А. Аристовым, высказавшим мнение, что «светлую окраску части кипчаков», отмеченную средневековым китайским источником, следует отнести к смешению их с западными динлинами [Аристов, 1897: 368].

Е.Ч. Скржинская предположила отсутствие связи между внешним обликом половцев и их названием. Она считает название «половец» не собственным самоназванием народа, а «прозвищем» со стороны другого народа – в данном случае русских, с которым была постоянная конфронтация степняков [Скржинская, 2000: 37–38]. По мнению Е.Ч. Скржинской, специфический русский этникон обозначал враждебных, чужих степняков, чьи кочевья начинались на левобережье Днепра, на чужой стороне (оной). Отсюда возник экзоэтноним «об он пол» равнозначный «половцы». Ближайшие союзники свои «поганые» – черные клобуки кочевали на правобережье, на своей (сей) стороне [Там же: 87]. Однако в концепции Е.Ч. Скржинской некоторые ее аргументы говорят как раз о возможности европеоидности половцев. Во-первых, для древних русичей антропологический тип половцев был привычным, близким к славянскому. В противном случае русский летописец отобразил бы монголоидность кипчаков в своих сочинениях, как это сделал Аммиан Марцеллин в описаниях гуннов или армянские летописцы в отношении монголов. Во-вторых, частые брачные узы представителей русских княжеских семей с девушками из семей половецких ханов могли быть заключены только в случае, если половчанки были бы не так далеки по внешнему виду от славянок. Трудно представить ситуацию, когда бы русские аристократы вместо девушек из своего народа выбирали бы

монголоидных кочевниц, со своеобразными культурно-бытовыми привычками и моделями поведения.

И.Г. Добродомов пришел к выводу о вероятной связи названия «половцы» с территориальным делением кипчаков, совпадавшим с китайско-уйгурской системой обозначения сторон света. Термин «сары» («желтое») мог обозначать центр или север, тогда экзотным «половцы» является калькой слова «шары» [Добродомов, 1978: 118]. И.Г. Добродомов отмечал, что русским летописцам были известны этнонимы «куман» и «кун», обозначающие восточные группы кипчаков-половцев в южнорусских степях [Там же: 105–106]. Цветовой маркер в тюркской традиции нес значительную смысловую нагрузку. А.М. Сагадаев и В.И. Октябрьская указывают на то, что в алтайских родовых подразделениях цвет служит средством дифференциации патронимий и указывает на их расселение по сторонам света. В тюркской традиции известна следующая цветовая топография: кара (черный) – север; ак (белый) – юг; кок (зеленый – синий) – восток; сары (желтый) или кызыл (запад) запад [Сагадаев, Октябрьская, 1990: 27].

По нашему мнению, полемика об антропологическом облике восточноевропейских половцев XI–XIII вв. не приближает нас к пониманию проблем формирования ядра кипчакской общности во второй половине IX–X вв. За два столетия антропологический облик кипчаков мог претерпеть серьезные изменения в связи с активной экспансией в казахстанских степях и включением канглы, печенегов, огузов, приаральских аланов, имевших, за исключением присырдарьинских огузов, выраженные европеоидные черты.

Приверженцем генерализующей этноисторической концепции происхождения кипчаков от белокурых европеоидных динлинов был Г.Е. Грумм-Гржимайло, специально остановившийся на этой проблеме в статье «Белокурая раса в Средней Азии» и во втором томе книги «Западная Монголия и Урянхайский край». Г.Е. Грумм-Гржимайло выделил особую «динлинскую расу», этногенетическими преемниками которой были объяв-

лены четыре племени вне Великой Китайской стены, имевшие голубые (зеленые) глаза и белокурые (рыжие) волосы. К ним были отнесены кыргызы на верхнем Енисее; динлины в Прибайкалье; усунь, которых история застает у оз. Лобнор, но в момент передвижения их на запад – в северный Тянь-Шань; бома в Саяно-Алтае [Грумм-Гржимайло, 1926: 5–6; *Он же*, 1998: 340]. Исследователь нарисовал впечатляющую картину тысячелетней межрасовой войны «черноголовых» ханьцев и свободолюбивых кавказоидных динлинов, закончившейся поражением и распылением последних. По мнению русского ученого, динлины сохранились как реликтовые группы в составе тюркских и монгольских народов, отличаясь европеоидным обликом и замечательной красотой. Г.Е. Грумм-Гржимайло и Л.Н. Гумилев говорили о влиянии динлинов на складывание антропологического типа уйгуров, кардинально отличавшихся от ханьцев. По их мнению, на китайском рисунке уйгуры изображались как люди с «толстым носом, большими глазами и с сильно развитою волосяной растительностью на лице и на всем теле и, между прочим, с бородой, начинавшейся под нижней губой, с пышными усами и густыми бровями. Ныне потомки теле уцелели только в Наньшане (пров. Ганьсу); у них нет косоглазия и желтизны в лице» [Грумм-Гржимайло, 1926: 18; *Гумилев*, 1959: 17–26]. По предположению Г.Е. Грумм-Гржимайло, кипчаки могли быть ассимилированными потомками динлинов, либо иметь значительную «примесь динлинской крови» [Грумм-Гржимайло, 1926: 57–59].

Л.Н. Гумилев развил динлинскую концепцию Г.Е. Грумм-Гржи-майло, рассматривая динлинов как потомков носителей афанасьевской культурой. Происхождение кипчаков – «кюеше», считал Л.Н. Гумилев, связано с европеоидными группами андроновцев, проникших в Минусинский край и смешавшихся с динлинами [Гумилев, 1959: 17–26]. Л.Н. Гумилев усиление монголоидности у ранее европеоидных кипчаков связал с этническими миксациями с черноволосыми канглы и монголоидными кимеками: «Кыпчаки происходили от европеоидного

народа динлинов, обитавших в эпоху бронзы в Минусинской котловине и на Алтае. Позже, объединившись с племенем кимаков, ответвлением хуннов, они унаследовали некоторые элементы хуннской внешности. Хунны, хотя и относились к монголоидной расе, имели специфические черты, делавшие их немного похожими на североамериканских индейцев. Когда в 350 г. в Китае было предпринято истребление живших там хуннов, было убито много китайцев «с возвышенными носами» и бородатых. Поэтому смесь кимаков с кыпчаками не выделялась среди широколицых европеоидов» [Гумилев, 1998: 258].

Гипотезу о преобладании европеоидных черт у кипчаков поддерживали в разное время Д. Расовский, З.В. Анчабадзе, Д.Е. Еремеев, С.М. Ахинжанов, К.Ш. Шаниязов, М.И. Артамонов, М. Закиев [Артамонов, 1962; Ахинжанов, 1989; Закиев, 1995; Шаниязов, 1974]. М.И. Артамонов, вслед за Г.Е. Грумм-Гржимайло и Л.Н. Гумилевым, удрежнял время сложения пракипчакской общности, полагая, что «первые упоминания самоназвания «этого народа было «кыпчак» и зафиксировано китайскими хрониками в форме «кюеше». Это алтайское племя, покоренное хуннами в конце III в. до н.э.» [Артамонов, 1962: 421–422]. Ученый считал убедительной версию динлинского происхождения древних кыпчаков, смешавшихся позднее со степным населением современного центрального Казахстана. М.И. Артамонов интерпретировал сведения русских и арабских источников о внешнем облике половцев как подтверждение существования определенных европеоидных признаков, свидетельствующее об их этнической принадлежности и этногенетической преемственности с западными динлинами: «Русское название произошло от соломенно-белого (полового) цвета волос, характерного для динлинов. Это мнение подтверждается сведениями мусульманских авторов; так, например, один из мамлюкских вождей Шемс ад-Дин Сонкор, родом кипчак, был рыжеволосым. Венгерский ученый Мункачи пишет: «Команы были светловолосыми блондинами, и чанго, их вероятные потомки, сохранившиеся в Молдавии и Венгрии,

еще в столь слабой степени утратили эту особенность типа, что их антропологической характеристикой и до сих пор могут служить белокурые, иногда светлые как лен, иногда рыжеватые, нередко вьющиеся волосы и голубые глаза, хотя субъекты с карими глазами среди них вовсе не редкость» [Там же: 420–421]. В то же время М.И. Артамонов признавал, что «основы половецкой культуры сложились в рамках Тюркютского каганата и что половцы развивали культурное наследие последнего» [Там же: 425].

Версия происхождения кипчаков от европеоидных тюркоязычных скифов проводится татарским филологом М. Закиевым, который убежден в автохтонности тюркских народов, включая татар, на территории Восточной Европы. Арабский этноним «сакалиба», по его мнению, обозначает не славян, а белолицых и рыжеволосых людей, проживавших совместно с тюрками и известных как кипчаки и куманы. Благодаря таким антропологическим и языковым интерполяциям генерализуется этногенез тюрков Поволжья, от скифов и кипчаков до современных татар. Формирование тюркоязычных общностей в Восточной Европе сдвигается во времена киммерийцев, скифов и сарматов, непрерывно проживавших на местах своего современного проживания, меняя лишь самоназвания в зависимости от этнонима господствующего племени. Первое появление следов кипчаков отнесено татарским ученым к миграции американских индейцев «команов-команчей» 30–20 тыс. лет до н.э. из Азии в Америку [Закиев, 1995: 68–81]. М. Закиев в своих этимологических изысканиях проигнорировал подлинное самоназвание народа американских индейцев – «Numunuu», «нымы», «нывы», переводимое как «истинные люди», «люди» [Истомин, 2000: 647]. Внешнее название «команчи» произошло от обозначения этой группы восточных шошонов на языке юта как – «враги, чужаки», с последующим искажением через англизированный этноним Comanche.

Узбекский этнолог К.Ш. Шаниязов также обращал внимание на вероятность европеоидности ранних групп кипчаков,

так как среди поздних групп узбеков-кипчаков Ферганы и долины Зеравшана, несмотря на вариабельность антропологического облика вследствие постоянных этнических смешиваний, достаточно часто встречались белокурые и светлоглазые европеоиды [Шаниязов, 1974: 34]. Среди казахов и кыргызов такой комплекс европеоидных антропологических признаков присутствует в племенах канглы-кипчак и маджар-кипчак. В академическом издании «Истории Казахстана», отмечается, что в наиболее крупный кыпчакский клан Среднего жуза казахов – кара-кыпчак входили, наряду с другими родовыми группами, «маджары (мадьяр) – кыпчаки», кочевавшие в Тургайских и Ишимских степях Прииртышья (северо-западный, северный Казахстан) и оказавшие заметное влияние на соседние племена Западной Сибири [История Казахстана, 1997: 154]. Фенотипически маджар-кипчаки резко отличаются европеоидным обликом от окружающих казахских родов. По предположению казахстанского историка Кушкумбаева, «мадиары уже в XVI–XVII вв. или чуть ранее в эпоху развитого средневековья находились в тесной связи с кыпчаками (или в их составе), проживавшими на территории Казахстана или сопредельных землях. Оторвавшись от своих основных кланов, маджары (мадиары) безболезненно включились в новые для них трибальные структуры формирующейся казахской кочевой общности – кыпчаков, аргынов, стабильно сохраняя собственное самоназвание в условиях инородного окружения» [Кушкумбаев, 2001: 67].

Но следует сказать, что такие антропологические признаки, как светлые волосы, долихоцефалия, крупные прямые носы, синие или зеленые глаза являются значимыми родовыми маркерами других родоплеменных групп казахов – представителей племени атыгай в составе аргынов, племени уак в составе кереев, усуней Старшего жуза и племени алтын Младшего жуза. К примеру, атыгаи Северного Казахстана по этим признакам отличали себя в прошлом от монголоидных кереев, с которыми считалось нежелательным поддержание брачных связей, в

отличие от аргынских караулов, считавшихся «братьями». В то же время кулан-кипчаки и курлеут-кипчаки не отличаются от кереев и найманов, для которых характерен смешанный антропологический тип, с преобладанием монголоидных признаков. Атрибуция кипчаков как европеоидных блондинов, отличающихся от других тюркоязычных монголоидных племен, не совсем верна. В других племенных группах на территории Казахстана в разной степени присутствуют те же европеоидные признаки, на выявлении которых выстроена гипотеза о динлинском происхождении кипчаков.

О смешанном европеоидно-монголоидном антропологическом облике восточноевропейских половцев и дешт-кипчацких кочевников домонгольского времени пишут археологи и антропологи. С.А. Плетнева придерживается мнения, что в целом для кочевого населения Причерноморья характерна антропологическая однородность. Как половцы, так и доловецкие кочевые тюркские группы характеризуются преобладанием европеоидного компонента и наличием монголоидных признаков, выявленных на основе описания половецких захоронений в Белой Веже [Плетнева, 2003: 157, 158, 164]. Исследователь истории карачевцев и балкарцев Е.П. Алексеева указывает на кипчацкие балбалы, передающие смешанный антропологический облик их установщиков [Алексеева, 1993: 35–36]. С.С. Черников на основе материалов археологических и антропологических исследований 1930–1950-х годов пришел к выводу о сложении современного смешанного южносибирского антропологического типа казахов в эпоху ранних кочевников. С.С. Черников указал на существенные подвижки в материальной культуре и в историческом развитии сарматских кочевых племен Западного Казахстана и потомков андроновцев Восточного Казахстана, испытывавших влияние со стороны мигрировавших с востока гуннских и тюркских племен. Складывание монголоидного облика местных насельников было результатом этнических смешений [Черников, 1951: 149–150]. Андроновский антропологический тип, имеющий автохтонное

происхождение, послужил основой сложения антропологического типа современных казахов, кыргызов и алтайцев, исчезнув в «чистом» виде достаточно поздно. В кимакских курганах X в. у одного из погребенных обнаруживается андроновский тип, характеризующийся европеоидностью, низким и широким лбом, хорошо развитой мускулатурой [Черников, 1960: 112–113]. Эту же точку зрения в отношении средневековых кочевников казахстанских степей разделяет видный антрополог О. Исмагулов. По его мнению, можно считать доказанным длительное проживание и автохтонность на территории Казахстана носителей древнеказахстанской европеоидной расы, длительное время контактировавших с пришлыми монголоидами [Исмагулов, 1970: 152]. Усиление влияния миграций монголоидных групп населения на антропологический облик древних насельников пришлось на период монгольских завоеваний. Однако, считает О. Исмагулов, «расово-генетическое развитие племен Казахстана носило в основном автохтонный характер. Пришлые этнические группы поглощались коренным населением, не нарушая преемственности и единства этногенетического процесса» [Там же: 145–146]. По мнению антропологов, в домонгольский период антропологический облик населения Казахстана сохранял этногенетическую преемственность с ираноязычными и европеоидными насельниками края. В то же время отмечается мощная диффузия носителей монголоидного антропологического облика. В наибольшей степени усиление монголоидной примеси коснулось Северного Казахстана, где сформировалось ядро кипчакских племен. На территории Средней Азии в X–XIII вв. также проявляется комплекс признаков южносибирского типа на севере, северо-востоке и на крайнем северо-западе Средней Азии, что связывается с миграциями кочевников центральноазиатских степей. Городское и оседло-земледельческое население характеризуется сохранением европеоидного антропологического облика [Ходжайов, 1987: 54–55].

Экскурс в историческую антропологию средневековых кочевников евразийских степей показывает усиление монго-

лоидного компонента в результате миграций и инвазий хуннских и тюркских племен, смешивавшихся с автохтонным европеоидным населением. Судя по принадлежности кимаков и кипчаков к кругу телеских племен, именуемых нами ранними огузами, новые пришельцы в Прииртышье были явно носителями монголоидного антропологического типа. По информации арабских источников о тюрках и огузах, у них преобладал монголоидный антропологический облик, столь далекий от представлений средневекового мусульманского автора о каноках красоты: «Аллах сотворил их подобным львам, с широкими лицами, приплюснутыми носами, огромными руками, озорным характером. Однако редко, но бывает у них изящный стан, узкое лицо и большие красивые глаза» [Арабские источники о тюрках, 1993: 50]. Если судить по названиям семи родов-эпономов кимаков и кипчаков, приведенным Гардизи, то в Прииртышье мигрировали группы огузо-уйгурского происхождения, родственные присырдарьинским огузам и караханидским тюркам. Привнесение монголоидных компонентов в население Восточного Казахстана в раннее средневековье – это результат их миграций и обретения новой родины.

Китайские средневековые источники также ничего не сообщают об отличиях антропологического типа племен теле – ранних огузов от собственно ханьцев, монголоидных хунну и тюрков, при этом четко фиксируя европеоидные черты у кыргызов – гянгунь, у которых монголоидность считалась нежелательной примесью от потомков китайского полководца Ли Лина. В танских хрониках пишется: «Хагас есть древнее государство Гяньгунь. Оно лежит от Хами на запад, от Харашара на север, подле Белых гор. Иные называют сие государство Гюйву и Гйегу. Жители перемешались с динлинами... Жители вообще росли, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком, а жители с карими глазами считались потомками Ли Лин. Мужчин было менее, нежели женщин. Мужчины носили кольца в ушах. Они горды и стойки. Храбрые из них татуируют руки себе, а

женщины, – по выходе замуж, татуируют себе шею. Оба пола живут не раздельно, и посему много распутства» [*Бичурин*, 1950: 350–351]. Существование обычаев татуирования и европеоидный антропологический облик средневековых кыргызов говорят об их этногенетической и этнокультурной связи с носителями пазырыкско-берельской культуры, распространенной на территории Южной Сибири и Восточного Казахстана. В сунской хронике содержатся сведения о фиксации кыргызами в качестве этнических маркеров особенностей своего антропологического облика, отличающего их от ханьцев. Китайский автор не преминул отметить, что кыргызы четко отделяют от себя потомков смешанных китайско-кыргызских браков: «Сяцзясы есть государство в северо-западной степи. Первоначальное название – цзйегу, другое – цзюйу, еще называют их цзянь-гунь. «Исторические записки» называют их цзяньгунь, Ханьская история называет гэгунь. Находятся на северо-западе от хуйхэ, в 40 днях пути. Одно издание говорит о 3000 ли. Их жители телом все высоки и велики, с красными волосами, с зелеными глазами. Имеющих черные волосы называют несчастливыми. Ибо в «Сиюйцзи» («Записки о западном крае»), сочинении Цзя Хуя, говорится: «Имеющие черные волосы и черные глаза – это потомки Ли Лина». Поэтому их самоназвание есть: «потомки дувэя» (главноуправляющего, т. е. Ли Лина) [*Кюнер*, 1961: 56]. Исходя из этих сведений, на наш взгляд, нельзя игнорировать влияние кыргызов на складывание антропологического облика и культурного порядка кипчакской общности. Контактные зоны между кимаками и древними кыргызами находились в Верхнем Прииртышье, Приобье и степной части Алтая [*Худяков, Плотников*, 1995: 99–100].

В середине IX в., после падения Уйгурского каганата, на территорию Верхнего и Среднего Прииртышья, лесостепного Приобья и Притомья хлынули значительные группы уйгуров и огузов, за которыми двигались преследовавшие их кыргызы и кыштымы (зависимые племена), представлявшие покоренные племена бома [*Худяков*, 2004]. Предположительно кимаки су-

мели удерживать границы, вступив в контакты с периферийными группами кыргызов. Сибирские археологи отмечают культурные контакты и интерференции между различными группами выходцев из монгольских степей и кыргызами. Саяно-алтайские кимаки активно заимствовали и трансформировали элементы религиозного культа и символики кыргызов [Алехин, 1998: 201–203; Киселев, 1949: 353; Могильников, 1981: 44; Борисенко, Худяков, 2002: 107–113]. На наш взгляд, этнические связи кимацких племен с кыргызами могли внести свой вклад в формирование смешанного антропологического облика ранее монголоидных групп уйгуров и огузов, оказавшихся на Иртыше. К.И. Петровым выдвигалась гипотеза о формировании основного этнического ядра кыргызов на основе кимако-кыргызских племен и родственных им восточных кипчаков, в междуречье Енисея и Иртыша в домонгольский период. Впоследствии кимако-кыргызские группы продвинулись в Семиречье и на склоны Центрального Тянь-Шаня, перемешавшись в XIII–XV вв. с прочим монгольско-тюркским населением [Петров, 1960, 1961, 1963]. Версия К.И. Петрова подверглась серьезной и всесторонней критике со стороны С. Абрамзона и О. Караева, придерживавшихся канонической концепции миграции кыргызских племен из Сибири на Тянь-Шань. Однако наличие в составе правого крыла кыргызов племен бугу, баргу и азык, соответствующих телеским племенам пугу, байерку и аскизов, а также в составе левого крыла и группы ичкилик племен саруу, телес и мундуз, говорит о фундированности ряда положений гипотезы К.И. Петрова. На V тюркологической конференции в 1988 г. ряд авторов (С.Г. Кляшторный, А.М. Мокеев и В.П. Мокрынин) развили концепцию К.И. Петрова об образовании киргизов вследствие взаимодействия в Прииртышье и Горном Алтае кимако-кипчацких и киргизских племен. Киргизы, по мнению авторов, переселились туда с Енисея и полностью растворились в кимако-кипчацкой среде после XII в. Накопленный археологический материал, свидетельствующий о широких этнокультурных контактах и взаимовлияниях кыргы-

зов и кимаков, позволяет также не согласиться с высказанной Б.Е. Кумековым точкой зрения об отсутствии тесных политических, этнических и хозяйственных связей между кипчаками и кыргызами в VIII–XI вв. [Кумеков, 1972: 47, 55, 58, 86]. Анонимный автор «Худуд аль-Алам» (982–983 гг.) говорит об обратном, описывая кыргызских данников – племена киштымов (кестим), которые представляют «название другого народа, также из хырхызов, (они) поселяются на склонах гор, в шатрах, добывают меха, мускус, рог хуту и другое. Это один из хырхызских народов, их речь близка к халлухской (карлухской – С.К.), а по одежде они напоминают кимаков» [Материалы по истории киргизов и Киргизии, 1973: 42; Бутанаев, Худяков, 2000: 92–93]. Средневековый автор в этом сообщении свидетельствует о межэтнических интерференциях, проявлявшихся в культуре, языке и хозяйственном образе жизни кыштымов, порожденных их тесными контактами с карлуками, кимаками и кыргызами.

Примером многосторонних уйгуро-кимако-кыргызских связей является аскизская культура в Южной Сибири в X в., сложившаяся на местной древнекыргызской этнокультурной основе, обогащенной миграциями западных племен – носителей хазаро-болгарской и кимако-кыпчакской культурных традиций. И.Л. Кызласов пришел к выводу о значительной роли аскизской культуры, существовавшей с X до XVII в., в сложении нескольких современных народов Южной Сибири [Кызласов, 1983: 70]. Представляется, что аскизы, или аскилы, отнесенные Ю.А. Зуевым к самому сильному племени в списке десяти уйгурских племен, жили первоначально на территории Внутренней Монголии. Они бежали на северо-запад и северо-восток после крушения в 840 г. Уйгурского каганата [Зуев, 2004: 35]. Аскизский вождь Искал был в числе половецких вождей, упоминаемых в Лаврентьевской летописи [Зуев, 2004: 35]. В 921–922 гг. булгарское племя аскел упоминается в отчете Ибн Фадлана [Ковалевский, 1956: 139, 141; Togan, 1939: 223; Заходер, 1962: 132; Артамонов, 1962: 131; Зуев, 2004: 35]. Народ аскизов мы встречаем в 1237 г., когда они совместно с дру-

гими болгарскими и мордовскими воинами сошлись в битве с монголами за Золотаревское городище в Пензенской области.

На наш взгляд, на этногенез кипчаков и кимаков могли серьезно повлиять отдельные группы народа бома (алаты). По мнению ученых, этноним бома является китайской калькой этнонима алачи, булак-ат, алан, алачин [Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе, 2010: 230]. Хуннское племя хэлай входило в состав девятнадцати южнохуннских племен, переселившихся с севера в Ордос, позднее последовательно подчиняясь и входя в чередующиеся этнополитические объединения кочевников монгольских степей. Китайские источники передают о родстве алатов тюркоязычным племенам Монголии: «бома от тюрков туцзюе ничем особенным не отличаются» [Малявкин, 1989: 104]. Китайские авторы сообщают о схожести антропологического облика и хозяйственно-культурного уклада жизни алатов и кыргызов: «Поля пашут с помощью лошадей, масть лошадей пегая, поэтому страна, так называется (Бома)... Часто воюют с кыргызами, внешнею большинство похоже на кыргызов, но языка их не понимают» [Там же: 106]. В.В. Бартольд идентифицировал бома как енисейских кетоязычных остяков, у которых сохранились предания о нападении на них с юга могучих кыргызов [Бартольд, 1943: 19]. Будучи таежными жителями алаты активно занимались рыболовством и охотой на оленей и пушного зверя, как следует из китайских хроник: «Любят рыбную ловлю и охоту. Мясо добытых рыб, оленей, выдр, соболей и других съедают, а шкуры используют в качестве одежды» [Малявкин, 1989: 105]. Эта информация китайских источников о занятиях алатов – бома совпадает с сообщениями Абу-л-Гази о хозяйственно-культурном укладе жизни одной из групп кочевых уйгуров, забросивших скотоводство и земледелие, занявшись охотой и рыболовством, став изгоями для своих сородичей, сохранивших на новой родине привычный образ жизни и хозяйствования. Вероятно, алаты-бома оказали серьезное воздействие на формирование кипчакской общности и изменение антропологического облика монголоид-

ных уйгуров и огузов, составивших ядро кимакского союза. В генеалогических преданиях казахов, записанных А.И. Левшиным, предки казахов составляли некогда один народ с алатами, или сибирскими татарами. Раскол между казахами и алатами произошел из-за внутренних конфликтов, в результате первые под предводительством хана Алаша напали на Бухарию и, будучи побеждены, были расселены в Туркестане, а алаты остались в Сибири [Левшин, 1996: 147–148]. Казахская этногония отразила далекие, реально существовавшие в глубокой древности этногенетические и этнополитические связи кипчакских и алатских племен. Л.П. Потапов указывает на широкое участие алатов-бома в этногенезе сибирских татар и казахов. Первоначально жители Ордоса и северных склонов Наншаня, алаты в VII в. жили севернее Алтая и на запад от Байкала, где соприкасались с местообитанием кыргызов, с которыми они часто враждовали. Подчинившись уйгурам, они продвинулись в Среднее Приобье, где стали известны под названием Пегая Орда в районе Нарыма [Потапов, 1969: 178]. Часть пеголошадников-алатов вошла в состав кыпчаков-половцев, а позднее в Младший жуз. Память о былом единстве могла сохраниться и в общем названии племен казахского Младшего жуза, именуемых алшынами или алчинами [Аманжолов, 2001: 50].

На наш взгляд, генерализующие антропологические концепции этнической истории кипчаков, нашедшие отражение в трудах Г.Е. Грумм-Гржимайло, Л.Н. Гумилева и других известных кипчаковедов, сыграли свою роль в изучении этнической истории кипчаков и других тюркских народов. Комплекс этнологических, антропологических и археологических сведений говорит о многокомпонентном составе аморфной раннесредневековой кипчакской этнической общности, сложившейся в Восточном Казахстане и в Южной Сибири из мигрировавших уйгуро-огузских кочевых племен, известных по названиям семи родов – эпонимов, других пришлых тюркоязычных групп, автохтонного угро-самодийского населения, занимавшегося рыболовством и охотой на пушного зверя [Могильников, 1981: 45].

Последние, вероятно, слились с частью телеских мигрантов, передав им свой навык адаптации и тип хозяйствования, став известны как «дикие» кимаки. Смешанный антропологический тип кипчаков, выступающий в некоторых исследованиях в качестве этнического маркера, был сформирован в результате этнических миксаций монголоидных уйгуров и огузов с носителями европеоидного антропологического облика, характерного для кыргызов, алатов-бома и южносибирских автохтонов – самодийцев и угров. На наш взгляд, европеоидные черты внешнего облика кипчаков усилились в результате завоеваний казахстанских и зауральских степей, населенных канглы, печенегами, мадьярами и ассимилированными группами приаральских сарматов – аланов (яньцай).

В настоящее время известна и широко тиражируется в национальных историографиях тюркоязычных государств генерализующая эссенциалистская гипотеза выдающегося тюрколога С.Г. Кляшторного. Суть этой гипотезы заключается в положении о существовании особой пракипчакской общности тюркоязычных кочевников монгольских степей – сиров-сеяньто-кыпчаков, мигрировавших на территорию Южной Сибири и Восточного Казахстана, где на основе выделенной сросткинской археологической культуры IX в., занимающей лесостепные районы Приобья, Притомья и Обь-Иртышского междуречья, появились кимако-кипчакские племена. В основу гипотезы С.Г. Кляшторного легло прочтение Г. Рамстедом четвертой строки северной стороны эрозированного текста Селенгинского камня. Г. Рамстед отметил возможность слитного прочтения словосочетания «тюрк-кыбчак», предложив свою версию перевода: «Когда турки-кипчаки властвовали [над нами] пятьдесят лет...» [Рамстед, 1913: 40]. Реконструкция Г. Рамстедом племенного названия кипчак в тексте Селенгинского камня была проигнорирована ведущими тюркологами начала XX в. – В.В. Бартольд, П. Пельо и В.Ф. Минорским, которые предпочли отнести первое упоминание этнонима к списку тюркских племен у Ибн Хордадбега (IX в.) [Кляшторный, 1986: 154]. С.Г.

Кляшторный отверг возможность слитного прочтения и отождествления в унитарном написании двух этнонимов «тюрк» и «кипчак», так как для надписи характерно «обычное для рунических текстов чтение стоящих подряд этнонимов как самостоятельных имен: “тюрки и кыпчаки (кывчаки)”» [*Кляшторный*, 1986: 155]. Тем самым, в прочтение древнеуйгурского памятника ученым была внесена корректировка, призванная доказать наличие в Тюркском каганате дуального союза правящего племени тюрков и их союзников кипчаков, господствовавшего над огузами.

Исследователями проблем этнической истории тюркских народов были высказаны критические замечания в адрес текстовых интерпретаций Г. Рамстеда и С.Г. Кляшторного. И.Г. Добродомов указывал на то, что слова «тюрки-кипчаки» на Селенгинском камне являются конъектурой Г.И. Рамстеда, которую безоговорочно принять нельзя [*Добродомов*, 1978:115]. М.И. Артамонов считал возможным прочтение текста как обозначения двух этносоциальных терминов «тюрки и кыпчаки», «что не меняет смысла надписи, но меняет значение этнонима “кыпчак”». При таком толковании текста кыпчаки не составляли единого с тюрками народа, но находились с ними в одной системе – тюркском эле – державе. По-видимому, кыпчаки были опорой западно-тюркской орды на севере, т.е. составляли ее будун – народ, но не в смысле “этнос”, а в смысле “демос”, так как будуну противопоставлялись беги» [*Артамонов*, 1962: 421]. М.И. Артамонов считает кипчаков «реликтом» древнетюркской кочевой империи – эля, и носителями этнокультурного наследия Тюркского каганата [Там же: 423–425]. Ю.С. Худяков поставил под сомнение вероятность упоминания в Селенгинской надписи этнонима «кипчак», полагая вероятным, что речь идет о характеристике тюркского племени Ашина, узурпировавшего власть в степях над «прирожденными» степными правителями – уйгурами: «...присутствие термина «кыпчаки» в сочетании с тюрками в надписи уйгурского кагана Моюн-Чура на памятнике Могойн Шинэ-Усу нужно объяснять не особой ролью

кыпчаков во Втором Восточном Тюркском каганате, а иными причинами. Если, как утверждают тюркологи, слово «кыпчак» имеет уничижительное значение “злосчастный”, “неудачный”, “никчемный” [*Кляшторный*, 1986: 160], то логичнее предположить, что в прокламативной по своему характеру, надписи основателя Уйгурского каганата Моюн-Чура, это слово служит эпитетом поверженных врагов – “никчемные тюрки... властвовали (над нами) пятьдесят лет.. ”» [*Худяков*, 2004: 141].

В анализе С.Г. Кляшторным сообщения Селенгинской надписи возникла дилемма, заключающаяся в отсутствии в китайских письменных источниках и в других рунических камнеписных текстах упоминания народа или племени «кыбчак». Эту проблему С.Г. Кляшторный решает путем сопоставления текста Селенгинского камня с другими руническими надписями в честь Тоньюкука, Кюль-тегина и Бильге-кагана, где рядом с «тюрк бодун», «тюркским племенным союзом» упоминаются шесть племен сиров, многочисленный и могущественный племенной союз токуз-огузов, отождествляемый с уйгурами, и два племени эдизов. С.Г. Кляшторный склоняется к тому, что в авторы надписи зафиксировали наличие отдельных племен тюрков и сиров, составивших военно-политический союз: «В заключительной строке надписи Тоньюкука “племенной союз тюрков и сиров” и “племенной союз огузов” поименованы как два отдельных объединения...» [*Кляшторный, Савинов*, 2005: 128]. По версии С.Г. Кляшторного, сирь занимали высокое положение в военно-политической организации тюрков, входя в группу, господствующую над огузами: «Если Тоньюкук выделяет сиров как ближайших союзников тюрков, причастных к власти над страной и покоренными племенами, то Йоллыг-тегин, хотя и не столь отчетливо, выделяет высокое положение сиров в этнополитической структуре каганата... Господствующая группа племен, которую собственно тюркские памятники именуют “тюрками и сирами”, уйгурский (огузский) памятник из Шине Усу называет “тюрками и кыбчаками”. Напрашивается вывод, что при обозначении одного и того же племенного

союза, в какой-то мере делившего власть с тюрками, тюркские источники пользуются этнонимом сир, в то время как уйгурский – этнонимом кыбчак (кывчак). Иными словами, оба эти этнонима тождественны, а различия их употребления применительно к известным авторам надписей племени (племенному союзу) проистекают из политических или каких-то иных причин» [Там же: 128–129].

Следующим логическим шагом было нахождение упоминаний народа сиров-кыбчаков в китайских историописаниях. С этой целью племенной союз сиров был отождествлен с племенами сеяньто, история которых достаточно широко освещена в средневековой китайской историографии. Сеяньто считались главными в союзе десяти племен уйгуров. После крушения в 630 г. Первого Тюркского каганата они вышли из союза и создали могущественный каганат, уничтоженный в 646 г. совместными действиями Танской империи, восточных тюрков и племенного союза тогуз-огузов. С.Г. Кляшторный пишет: «Гибель могучего племенного союза оказалась столь внезапной и полной, что породила среди остатков сиров легенду о злом вмешательстве сверхъестественных сил. Легенда представлялась убедительным объяснением событий и в степи была общеизвестна. Во всяком случае, китайскими историографами она была зафиксирована в нескольких весьма близких вариантах... Дальнейшая история сиров – это история “племенного союза тюрков и сиров”, в котором главенствующая роль принадлежала тюркам. Сиры были верны союзу. Вместе с тюрками они восстали против помыкавших их племенами китайских правителей и стали грозными противниками Танской империи. В войске Эльтериш-кагана и Тоньюкука они мстили уйгурам за гибель сородичей в резне 646 г. Вместе с тюрками они отвоёвывали Отюкенскую чернь, “страну тюрков и сиров”, и разделили судьбу тюрков. Но судьба названий племен была различна. Этноним тюрк не только сохранился, но и возродился как политический термин, утратив прежнюю этническую определенность. Этноним сир после 735 г. не упоминает ни один извест-

ный источник, но уже во второй половине VIII в. в руническом тексте и в первом арабском списке тюркских племен появляется этноним кыбчак (кывчак) – кипчак» [Там же: 132–133]. Исчезновение одного этнонима и появление другого объясняется необходимостью уберечь остатки народа сиров-сеяньто от уничтожения посредством магических действий, призванных обмануть духов – покровителей уйгуров. Средством подобного спасения была избрана смена названия племени: «Принятие прозвища-оберега с уничижительным значением (“злосчастные”, “никчемные”), возникшего, скорее всего, как подмена этнонима в ритуальной практике... Для уйгуров, давних соперников сиров, подмена древнего названия этого племени уничижительным прозвищем-оберегом была как нельзя более кстати. Победа над тюрками рисуется уйгурскими руническими памятниками торжеством исторической справедливости и генеалогического легитимизма. Но в сравнении с сирами, их правящим родом Ильтэр, никакого превосходства знатности князя из рода Яглакар не имели... Предать забвению имя сиров, акцентировать их прозвище с уничижительным значением оказалось политически выгодным и необходимым, и вот в памятнике Элетмиш Бильге-кагана племя, делившее власть с тюрками, названо кыбчаками» [Там же: 132–133]. Впоследствии, считает С.Г. Кляшторый, этноним кипчак сохранился за потомками сиров-сеяньто, закрепившись в общеогузских генеалогических историях.

Однако из китайских хроник, упорно игнорируемых С.Г. Кляшторным, известно о принадлежности сеяньто к общности огузо-уйгурских племен. А.Г. Малявкин, отмечая кажущееся противоречие в танских хрониках, перечисляющих телеские плена в составе пятнадцати племен уйгуров [Малявкин, 1981: 83, коммент. 29], приходит к выводу о намеренной позиции и глубоких знаниях китайских хронистов, трактовавших этноним «уйгур» в самом широком смысле [Малявкин, 1982: 118–120; *Он же*, 1989: 23]. Китайские историки ничего не говорят об особой прасеяньтоской общности, отличающейся

кардинально в этноязыковом и этнокультурном отношении от их огузо-уйгурских сородичей, указывая на этногенетическую преемственность сеяньто и южных хунну: «Сйеяньто – особое поколение тйелэ. Во время Муюн Цзюня ранней династии Янь (349–360) шаньюй сунну Хэлатоу с подвластными 35 000 [юрт] явился, [чтобы] подчиниться [Китаю]. [Сйеянь]то именно их потомки. Живут смешанно с поколением сйе, отсюда называются сйеяньто. Фамилия кагана – Илиду. Из поколения в поколение были сильным племенем» [Кюнер, 1961: 42]. Сеяньто создали свой каганат во главе с родом Илиду и вместе с союзом уйгурских племен, возглавляемых родом Яглакар, в 628 г. встали во главе восстания огузских племен, а затем способствовали краху восточнотюркских каганов, напав в 641 г. вместе с другими огузскими племенами на китайского ставленника кагана Семо. Восточные тюрки в 640-х годах вели ожесточенную борьбу с сеяньто, игравшими главную роль в сеяньто-уйгурской коалиции [Малявкин, 1980: 105–107; *Он же*, 1989: 20]. Китайские источники ничего не сообщают о союзе тюрков и сеяньто, скорее о конфедерации сеяньто с уйгурами, предавшими своих союзников после серии сокрушительных поражений [Малявкин, 1989: 327]. В 645 г. танские и восточнотюркские войска напали на сеяньто и сокрушили их. Прежние союзники уйгуры в 646 г. воспользовались ситуацией и захватили власть в тогуз-огузском объединении [Малявкин, 1980: 112–113; *Он же*, 1989: 21]. Остатки сеяньто бежали к границам Танской империи и были расселены в приграничных «уйгурских» округах, включавших не только беглецов огузов, но и кыргызов. Как мы видим, нет ни особой преданности сиров-сеяньто союзническим отношениям с тюркским родом Ашина, ни активного участия в функционировании военно-политической организации Восточно-Тюркского каганата. Сеяньто были в числе злейших врагов рода Ашина и союзниками своих братьев – девятиплеменных уйгуров. Китайские источники называют и сеяньто и уйгуров потомками этнической общности хуннов.

Ю.С. Худяков отмечает очевидную слабость и натяжки в аргументации С.Г. Кляшторного, в первую очередь отсутствие памятников особой культуры сеяньто для возможности отождествления их с кипчакскими [Худяков, 2004: 140]. По его мнению, длительная и ожесточенная борьба восточных тюрков и сеяньто не способствовала установлению союзных и партнерских отношений между этими племенами. Нет сведений китайских историков о господствующем положении союза тюрков и сиров среди огузов, об участии сеяньто в восстании восточных тюрков, провозгласивших своим ханом потомка Хйели-кагана Фуняня в 679–681 гг. [Бичурин, 1950: 265–266]. Ю.С. Худяков задается вполне резонным вопросом о реальности самого факта смены этнонимов: «Не вполне понятно, почему смена этнонима сир на кыбчак, ради того, чтобы избавить это племя от несчастий, была предпринята после крушения Второго Восточно-Тюркского каганата в VIII в. н.э. В источниках нет сведений о том, что именно сиры были объектом истребления со стороны победителей уйгуров и других телесских племен, в состав которых некогда входили и сеяньто. Если уж менять имя, то логичнее было бы сделать это после крушения своего собственного каганата и больших людских потерь в резне 646 года» [Худяков, 2004: 140–141].

Среди семи кимацких родов-эпонимов три рода – баяндуры, ими (эймуры), ланиказ, – представляли огузо-уйгурские племенные группы. Сеяньто не сохранились как родовые подразделения в составе более поздних тюрко-монгольских народов. Это тем более удивительно, так как в истории степных народов были более страшные катастрофы, когда целые народы подвергались целенаправленному избиению, но, тем не менее, сохранялись в качестве более мелких подразделений, входивших в новые общности. В период возвышения Чингиз-хана тотальный этноцид предпринимался в отношении меркитов, татар, тумэтов, канглы и самих кипчаков. Пострадали и ближайшие сородичи монгольского кагана – тайчиуты и кияты, а также конкуренты в борьбе за верховенство в монгольских

степях – найманы и керейты. Однако все указанные родоплеменные объединения существуют и в настоящее время входят в состав современных тюркских и монгольских народов. Так, осколки меркитов – заклятых врагов Чингиз-хана, присутствуют в родовой структуре найманов, тумэты в составе халха-монгол и бурятов. Утверждение кипчакских племен в центрально-азиатских и восточно-европейских степях сопровождалось включением побежденных кангаров, печенегов и торков в этнополитическую организацию победителей. Не случайно средневековые мусульманские авторы не сомневались в близком родстве между кипчаками и кангарами (канглы). В.В. Бартольд отмечено, что мусульманские писатели XII и начала XIII вв. употребляли слова «канглы» и «кипчак» почти как синонимы [Бартольд, 1968: 272].

На наш взгляд, отсутствие отдельных сеяньтоских родов и племен в более поздних этнических общностях говорит об их тождестве с уйгурами и другими огузскими племенами. После краха Сеяньтоского каганата родовые подразделения смешались с соседними племенами огузов и татар, войдя в новые этнополитические объединения тюрко-монгольских народов. Ю.А. Зуев относит к этническим «преемникам» сеяньто племена йемеков и шивэй-татар, составлявших восточное крыло державы [Зуев, 2004: 3–4]. Гибель каганского рода Илиду привела к миграции 70 тыс. йемеков в Западный край – в Прииртышье и на Алтай. С этого времени, пишет Ю.А. Зуев: «Носителями этно-государственной традиции каганата се-яньто теперь выступают йемеки/кимеки. Называя их се-яньто, источник сообщает, что в 648 г. они сражались с танскими отрядами на Алтае» [Там же: 17–18]. Возможно, часть сеяньтоских племен бежала не только к танским пограничным линиям, но и на восток Монголии, где образовались шесть татарских объединений. Вероятно, о сеяньтоско-уйгурско-татарских связях пишет Рашид ад-Дин, когда отмечает, что в «глубокой древности» татары подчинили своей власти «до границ областей Китая» все племена и области. Подчинившимися племенами были – прежде других – «тюрк-

ские роды» [*Рашид ад-Дин*, 1952: 103; *Кляшторный*, 1993:140]. Этот союз стал именоваться «татарами» по названию господствующего племени, пишет Рашид ад-Дин, относя события к IX–X вв. [*Кляшторный*, 1993: 140]. В составе Уйгурского каганата (744–840 гг.) татары считались данническим вассальным племенным союзом; по свидетельству китайских источников, «татары были пастухами коров у уйгуров» [*Кычанов*, 1980: 143]. Татары были верны сеяньто и уйгурам и после крушения обеих держав, они частью укрепились в Восточной Монголии, частью мигрировали на запад вместе со своими товарищами по несчастью. В «Худуд ал-Алам» татары упомянуты как соседи и союзники тогуз-огузов, т.е. уйгуров, а Восточный Туркестан назван «страной тогузгузов и татар» [*Hudud al-Alam*, 1937: 47; *Кляшторный*, 1993: 143]. Мусульманские источники называют род Татар одним из семи родов-эпонимов, три из которых (Баяндуры, Ими, Ланиказ) являются огузо-уйгурскими. Вхождение татар в сеяньтоскую и уйгурскую конфедерацию объясняет и наличие вероятно монголоязычных племен в составе кимаков и кипчаков, а также успешную и быструю инкорпорацию более поздних, вероятно монголоязычных, племен (кайи, кумоси, ольбери, куны, кытан) в огузские, кимако-кипчацкие и карлукские этнополитические союзы.

На примере уйгуров мы видим условность границ между кочевыми этническими общностями. Вожди девяти родов уйгуров сумели объединить семь огузских племен (уйгуры, буку/букут, хунь/кунь, байирку, тонгра, сёгир/сёкир, киби) в конфедерацию, известную в истории под названием Второй Уйгурский каганат [*Малявкин*, 1983: 6]. В уйгурскую конфедерацию вошли и эдизы, упоминаемые отдельно в списках тюрко-огузских племен рунических памятников. Узурпация власти эдизами и привела к крушению Уйгурского каганата в 842 г. В эпоху расцвета уйгурской державы в зависимость от них попали кидани. Мы можем предполагать, что упоминаемое куманское племя кытан представляет инкорпорированных киданей-уйгур [*Кляшторный*, *Савинов*, 2005: 141; *Кляшторный*, *Султанов*, 2009: 159].

Эссенциалистское видение этнической истории тюркских народов С.Г. Кляшторный подкрепил экскурсами в археологию и в тюркский фольклор. В генеалогических легендах тюрков, по мнению С.Г. Кляшторного, можно увидеть «истоки еще трех племенных традиций, связанных, как оказывается, с начальными этапами этногенеза кыргызов, кипчаков и теле (огузов)» [*Кляшторный, Султанов, 2009: 107*]. Учеными был сделан вывод о формировании четырех основных групп тюркских племен: «на весьма раннем этапе тюркского этногенеза, когда еще ощущалось и запечатлевалось в повествовательной традиции их родство», т.е. к IV–VI вв. [Там же: 108]. На территории Саяно-Алтая было выделено четыре «материнские» археологические культуры, которые были атрибутированы как раннекыргызская, раннетелеская и раннекипчакская. Таштыкская культура (III–V вв.) была идентифицирована как культура, на основе которой развилась культура енисейских кыргызов; памятники берельской культуры (III–V вв.) были отождествлены с раннетелеской (раннеогузской) культурой; в синхронных памятниках Северного Алтая, входящих в круг верхнеобской культуры, были прослежены «элементы, характерные для культуры раннесредневековых кипчаков» [Там же, 2009: 108]. По мнению С.Г. Кляшторного, дальнейшим развитием протокипчакской культуры стала сротскинская культура, отождествляемая с кимако-кипчакской этнической общностью.

Известный тюрколог для подтверждения своей версии тождества археологических культур III–V вв. с более поздними тюркоязычными этническими общностями Южной Сибири использовал явно устаревшие концепции динлино-гяньгуньского этногенеза, согласно которым таштыкская культура отразила формирование на Енисее единого этноса «древних хакасов» (енисейские кыргызы) через ассимиляцию угроязычных динлинов пришлыми тюркоязычными гяньгунями. Ю.С. Худяков высказал сомнение в наличии преемственности таштыкской культуры и ее предшественницы тагарской с культурой енисейских кыргызов. По его мнению, археологические комплек-

сы тагарской культуры и таштыкской культуры в Минусинской котловине не имеют отношения к этнокультурогенезу древних кыргызов [Худяков, 2001: 75–83] Ю.С. Худяков и Э.Б. Вадецкая отвергли «динлино-гяньгуньскую гипотезу», выдвигавшуюся С.В. Киселевым и Л.Р. Кызласовым для решения проблем этнокультурогенеза на территории Южной Сибири. Ю.С. Худяков и Э.Б. Вадецкая ограничили территориальные границы ареала динлино-гяньгуньского синтеза Восточным Притяньшаньем, то есть территорией более позднего сложения этнической общности среднеазиатских кыргызов [Вадецкая, 1995: 23]. Археологи не сомневаются в сложном этническом составе носителей таштыкской культуры, выделяя пришлый южный компонент, соотнесенный с тюркоязычными группами, и местное тагарское население, представляющее, по мнению Э.Б. Вадецкой, самодийцев. По другим исследованиям, таштыкские грунтовые могилы определялись селькупскими (В.Ф. Генинг), кетскими (Р.В. Николаев), а при подробном анализе – угорскими (Л.Р. Кызласов) [Вадецкая, 1986: 143–144]. Э.Б. Вадецкая предполагает вероятность формирования енисейских кыргызов западнее Саян, считая, что: «Население было, безусловно, многоязычным. С наибольшей вероятностью можно говорить о преобладании самодийцев (потомков тагарцев) и тюркоязычных народностей... основное наследие минусинского населения таштыкской эпохи в целом прослеживается у народов Западной Сибири и у северных народностей» [Вадецкая, 1999: 201].

Также неоднозначно атрибутируют археологи берельскую культуру, признавая лишь частичную связь с этнической историей ранних огузов. А.А. Гаврилова в середине 1960-х годов соглашалась с С.В. Киселевым в отождествлении берельской культуры с культурой алтайских племен тйелэ конца V в. [Гаврилова, 1965: 57, 104–105]. Однако в настоящее время археологические исследования казахстанских и российских археологов позволяют рассматривать Берельскую группу памятников, имеющую некоторые этнографические отличия в сравнении

с памятниками Алтая, как локальный вариант Пазырыкской культуры юэчжей. Д.Г. Савинов ссылается на трудность выявления телеского компонента и четкого отделения от юэчжийского в берельской культуре: «Обычай сопроводительных захоронений коней не был характерен для хуннов. Обряд погребения динлинов (предположительно – теле) неизвестен. В то же время погребения с конем составляют отличительную черту алтайского (юэчжийского?) населения вплоть до заключительного (шибинского) этапа пазырыкской культуры. Идентификация их с племенами теле предполагает заимствование этого обряда динлинами-теле у юэчжей, после того как последние были изгнаны ими со своей территории, и только какая-то их часть сохранилась на Горном Алтае. С какого хронологического уровня можно называть алтайские погребения телескими – сказать трудно» [Савинов, 1984: 30]. Ряд сибирских археологов относят «берельский тип могил» к наиболее ранним памятникам, относящиеся к периоду формирования культуры древних тюрков на Алтае в V–VI вв., восходящей к местным дотюркским группам: «Истоки обряда погребения с конем восходят к предшествующим культурам хунно-сарматского и скифского времени в Горном Алтае. Хотя в берельских памятниках не представлены поминальные оградки, не приходится сомневаться, что древнетюркская поминальная обрядность восходит к местным культурным традициям, поскольку поминальные комплексы с оградками и балбалами имеются в булан-кобинской культуре хунно-сарматского времени» [Борисенко и др., 2000: 12–13]. Если же сопоставить сведения китайских источников об антропологическом облике и обычаях татуирования енисейских кыргызов и находки археологов в пазырыкских курганах, то прослеживается большая вероятность этногенетической и этнокультурной преемственности древних юэчжи как раз с кыргызами и их преемниками – народами Горного Алтая.

Вопросы вызывает положение С.Г. Кляшторного о наличии в верхнеобской культуре элементов раннекипчакской этнокультурной традиции. Советские археологи М.П. Грязнов и

А.П. Уманский провели этнокультурную атрибуцию носителей этой культуры и пришли к выводу, который в корне противоречит положениям С.Г. Кляшторного: «Верхнеобская культура оставлена оседлыми племенами. Они вели комплексное хозяйство» [Уманский, 1974: 148]. В археологической науке ведется дискуссия по поводу этнической принадлежности создателей верхнеобской культуры. М.П. Грязнов на основании типологического анализа керамики определял эту культуру как угорскую, точнее созданную уграми, ассимилировавшими местное самодийское население. По мнению Л.Р. Кызласова, формирование верхнеобской культуры могло быть результатом движения раннеташтыкских угров на северо-запад; они отодвинули часть южных племен Западной Сибири на Верхнюю Обь и частично смешались с ними. В свою очередь А.А. Гаврилова, опираясь на отмеченные хуннские традиции в культуре берельских племен (имеется в виду лук хуннского типа), относит их к потомкам хуннов и их этнических преемников – телеским племенам. А.П. Уманский из этого заключил: «Новый материал не позволяет решить проблему этнической принадлежности верхнеобской культуры, но на основании его можно поставить вопрос о внедрении в этническую среду не только Горного Алтая, но и Верхнеобья раннетюркских элементов по крайней мере с III–IV вв.» [Уманский, 1974: 149]. Д.Г. Савинов указывает на постоянные смешения местного населения, находившегося под очень сильным тюркским влиянием или инкорпорировавшим в свой состав пришлые группы алтае-телеских тюрок, продвигнувшихся сюда в период распада Первого Тюркского каганата, фактически признавая отсутствие «изначальной пракипчакской общности» в лице носителей берельской культуры [Савинов, 2000: 175].

Нет единства у археологов по вопросам происхождения и этнической принадлежности сротскинской культуры. Первый исследователь этой культуры М.П. Грязнов считал, что она продукт местного развития и распространилась со своими носителями на север, по лесостепным районам Оби [Грязнов,

1956: 151]. А.А. Гаврилова склонялась к уйгурской принадлежности сротскинской культуры. По ее мнению, в районах нахождения памятников сротскинской культуры долгое время обнаруживались следы кыргызского влияния, появившиеся к IX в. Удревнение времени формирования сротскинской культуры до конца VIII в. дало «возможность связать появление новой культуры на Алтае с выходом на историческую арену уйгуров (745–840 гг.). При этом было установлено, что в предгорьях Алтая в это время появилось какое-то пришлое племя сротскинцев, отличающееся по антропологическому типу и обряду погребения, распространившее свою культуру и в Горном Алтае среди населения с прежним антропологическим типом и прежним обрядом погребения» [Гаврилова, 1974: 181–182]. Т.Н. Троицкая проводила связь между появлением сротскинской культуры в южной части Западной Сибири и взаимодействием местных угро-самодийских притаежных племен верхнеобской этнокультурной общности с тюркскими племенами Горного Алтая [Троицкая, 1980: 74–77; Троицкая, 1988: 101].

В.А. Могильников пошел по пути дифференциации этнической принадлежности археологических культур, выделив на основе материалов западно-алтайских погребений комплексы предметов, характерные для огузов рубежа VIII–IX – начала X в., енисейских кыргызов рубежа VIII–IX – первой половины X в. и кимаков середины IX – середины X в., середины X – середины XI в. Аборигенное население Северного Алтая было отнесено к угро-самодийскому субстрату, находящемуся в процессе тюркизации. В.А. Могильников считает, что в сложении сротскинской культуры, помимо пришлого тюркского этноса, участвовали местные угро-самодийские племена, которые были ассимилированы тюрками. Многокомпонентность этнического состава обусловила неоднородность сротскинской культуры [Могильников, 1981: 45–46]. Д.Г. Савинов признает отсутствие археологических памятников кипчаков как в докимакский, так и в кимакский период этнической истории [Савинов, 2005: 300], а ведущую роль в складывании и развитии

всех выделенных локальных вариантов сротскинской культуры отводит в различных соотношениях местному угро-самодийскому таежному населению и пришлым алтае-телеским племенам, уйгурам и кыргызам [Там же: 297]. Выделив уйгурский компонент в качестве основы культуры прииртышских кимаков, он, тем не менее, пришел к выводу, противоречащему прежним аргументам об огузо-уйгурской доминанте в этническом составе носителей сротскинской культуры и невозможности ее идентификации как кипчакской – выводу о наличии особой кимако-кипчакской культуры на основе сротскинской. Отмечая условность этой идентификации, Д.Г. Савинов пишет: «Этнические определения средневековых археологических культур (древнетюркской, алтае-телеской, кыргызской, уйгурской) также подразумевают стоящие за этими этнонимами сложные полиэтнические образования, названные по имени ведущего этноса (политонимы), многие компоненты которых (в узком, этническом значении термина) остаются неизвестными. Этническое определение сротскинской культуры как кимако-кипчакской не представляет исключения. Это была «государственная культура», получившая наибольшее распространение в пределах созданного кимаками этносоциального объединения» [Там же: 298–300]. А.М. Илюшин считает, что существующее многообразие гипотез и концепций о происхождении и территории распространения сротскинской культуры отражает большие несоответствия, существующие в позициях разных исследователей. Проведенный им анализ точек зрения разных исследователей привел его к выводу о необходимости отказа от целостного взгляда на сротскинскую культуру: «С позиции истории развития средневековой археологии Западной Сибири рассматривать понятие сротскинская культура как явление историографическое, появление которого во второй половине 1950-х годов было обусловлено необходимостью обобщения археологических источников, датируемых концом I тыс. н.э. с территорий степных, лесостепных и горно-степных ландшафтов Западной и Южной Сибири... под понятием “сротскинская

культура” на современном этапе изучения средневековых археологических источников Западной Сибири надо понимать механическое объединение культурных традиций многочисленных племен и народов, сосуществующих и сменяющих друг друга на разных территориях этого обширного региона» [Илюшин, 2002: 88–94].

Выводы Д.Г. Савинова и А.М. Илюшина относительно этнической атрибуции археологических культур Южной Сибири III–VIII вв. имеют эпистемологическое значение, так как позволяют понять цели и методы, которыми руководствуется исследователь, создавая генерализующие концепции, положения и выводы которых взаимно противоречивы. На наш взгляд, отказ от рассмотрения многокомпонентности формирования кочевых народов, ведущей роли межэтнических миксаций, культурного синтеза и социальных адаптаций неизбежно ведет к эссенциалистскому видению этнической истории, в соответствии с которым исследователь считает существующие этнические общности результатом длительного развития изначальных общностей, объединяемых по признакам культурного, антропологического и языкового сходства. Генерализующие трактовки этнической истории оказались весьма удобны для национальных историографий тюркских народов Центральной и Западной Азии, разделивших по этническим «квартирам» кочевые этносы: огузы были объявлены основой турок, туркмен и азербайджанцев; уйгуро-карлукские племена причислены к предкам преимущественно уйгуров и узбеков; древние кыргызы – современных кыргызов, а кипчаки признаются этническим ядром казахского народа. На наш взгляд, в этнокультурогенезе казахов ведущую роль играли не только кипчакские группы, но и огузо-уйгурские и карлукские племена, а также более поздние выходцы из монгольских степей XIII в. – найманы, джалаиры и керейи. В формировании кыргызского народа огромную роль сыграли огузо-уйгурские племена Восточного Туркестана, Притяньшанья и Семиречья. В этногенезе туркмен следует учитывать влияние карлуков и доогузских тюркских и

тюркизированных племен (халаджи, абдали). Дифференцирование огузо-уйгурских пришельцев по определенному набору культурных признаков, зачастую появляющихся в результате смешений с более древними аборигенными группами насельников, и принадлежности к определенным этнополитическим объединениям, представляется схематизацией этнической истории тюркских народов. При этом игнорируется прямое свидетельство Махмуда аль-Кашгари об этногенетическом, этнокультурном и этноязыковом родстве племен, составлявших кипчакские, огузские, уйгурские и карлукские союзы.

В настоящее время, на наш взгляд, нет веских доказательств в пользу версии происхождения кипчаков от особой этнокультурной и этноязыковой общности сиров-сеяньто-кипчаков, вышедших из среды носителей изначальной верхнеобской культуры. Весьма далека от фактической истории гипотетическая картина утверждения гегемонии притаежных угро-самодийских племен в монгольских степях, выступающих в качестве наследников хуннской степной мощи, каковыми считали сеяньто китайские источники и каковыми должны были быть носители верхнеобской культуры, если следовать концепции С.Г. Кляшторного. Очень ценное замечание оставлено В.В. Бартольд по поводу отношения таежных охотников и кочевников к простой смене хозяйственно-культурного уклада жизни, описанного в рассказе Рашид ад-Дина: «Зверолову жизнь кочевника представлялось невыносимым рабством, как кочевнику – жизнь оседлого земледельца» [Бартольд, 1968: 125]. Для того чтобы пришлые тюрки в приртышской тайге стали заниматься охотой и рыболовством необходимо было налаживание тесных добрососедских отношений с аборигенным населением, с последующими миксациями. Адаптировавшиеся к новым условиям мигранты воспринимались родственными группами, сохранившими прежний образ жизни и кочевой тип хозяйства, как «дикие», с которыми нельзя заключать брачных уз; в свою очередь для «лесных» уйгуров степные племена становились чужими, о чем прямо пишет Абу-л-Гази: «Когда их

матери хотели проклясть своих дочерей, то говорили: “Пусть ты будешь женой человека, у которого есть лошади и овцы, и пусть на твою голову придут злые дни, когда ты будешь есть мясо и пить кумыс”» [*Радлов*, 1893: 55].

В исторической науке существует и еще одна группа генерализующих гипотез, выводящая кипчаков из круга монголоязычных татарских племен, подвергшихся тюркизации в тюркоязычной этнической среде кочевников казахстанских и южносибирских степей. Монголоязычность кимаков отстаивали в разное время *Й. Маркварт* и *С.М. Ахинжанов*, опиравшиеся на сообщения *Гардизи* и последующих мусульманских авторов об участии татарского племенного объединения в образовании кимако-кипчакской общности. В своем труде «О происхождении народа куманов» (1910) *Й. Маркварт* признает вероятным происхождение куманов из огузских племен: «При поверхностном рассмотрении источников можно прийти к выводу, что куманы полностью принадлежали к большой группе огузских племен... Тем не менее, не подлежит сомнению тот факт, что начиная по меньшей мере с XII в. именем «огуз» обозначали большую группу племен, которые первоначально принадлежали к самым различным племенным союзам и были оттеснены из весьма удаленных друг от друга местностей в степь на границе ирано-исламского мира. Новые группировки в том виде, как они сложились к XII–XIII вв., судя по описанию *Рашид ад-Дина*, по большей части возникли за счет переселения народов, которое являлось следствием падения великой державы уйгуров (846 г.), возникновения государства киданей (916 г.) и создания после его гибели государства кара-китаев в Семиречье» [*Маркварт*, 1910]. Выдающийся исследователь считал недоказанным существование генеалогической связи куманов с древними огузами и, соответственно, с тогдашними десятью племенами (западными тюрками), несмотря на наличие родственных связей с сельджуками и туркменами [Там же]. *Маркварт* выдвинул гипотезу трех этапов тюркизации кипчаков, предками которых были кимаки. Ведущую роль на первом

этапе в кимацком союзе играли монголоязычные татары. В середине X в. вторгаются новые монголоязычные племена куннов; возможно, вместе с племенами каи являвшиеся «тюркизированной ветвью» тунгусоязычного народа мохэ, перешедшего на монгольский язык. Третью волну тюркизации Маркварт связал с приходом в 1120-е годы на территорию Южного Урала собственно кипчаков, внедрившихся в тюркоязычную среду, передав местным племенам свой этноним. Именно кипчаки, утверждает Маркварт, возглавили западный поход половецких племен. С конца XII в. племена кипчаков, половцев и команов превращаются в самостоятельные объединения и уже не имеют ничего общего между собой [Там же].

С.М. Ахинжанов попытался объединить генерализующие концепции Г.Е. Грумм-Гржимайло, Й. Маркварта и С.Г. Кляшторного, предложив версию разноэтнического происхождения кипчакской общности, состоящей из кимаков и кипчаков. Признание мультиэтничности кипчаков, убежден С.М. Ахинжанов, снимает противоречия между показаниями восточных нарративных источников и исследованиями ученых [Ахинжанов, 1989: 91]. Ученый ссылается на сообщение Махмуда ал-Кашгари, который, упоминая народ каи, отмечает, что у них и татар «свой язык» и они «хорошо знают тюркский». С.М. Ахинжанов толкует неясное высказывание средневекового энциклопедиста как аргумент в пользу монголоязычности каи, или кумоси – народа, упоминаемого в китайских источниках. С.М. Ахинжанов отождествляет кимаков, или кумаков с монголоязычным народом каи, известным еще из-за племенного тотема под названием «народ змей» [Там же: 112–115]. Этноним «каи» монгольского происхождения, в тюркских же языках калькой являются названия «жылан, джилан, елан», другое слово для обозначения змеи – уран, урен, орен. Отсюда возникает тюрко-монгольский композитный этноним уран-каи, состоящий из двух этнонимов уран и каи, обозначающих змей. Исследователь полагает, что уран-каи – подлинное самоназвание кимаков [Там же: 117–120]. Успешность внедрения мон-

голоязычного элемента в тюркоязычную этническую среду в прииртышских степях объясняется ученым давними этнополитическими связями кумоси с тюркоязычными этносами в центральноазиатский период их жизни [Там же: 112]. Кипчаки и йемеки причисляются им к тюркоязычному компоненту в кимакском объединении. Происхождение кипчаков ученый связывает с племенным союзом шары-сары, под напором кунов – киданей и преследовавших их кай-кимаков мигрировавших с территории Западного Семиречья на запад [Там же: 187]. Махмуд аль-Кашгари (X в.) писал в своем знаменитом труде «Дивану лугат-ит тюрк», что у народов чумул, кай, ябаку, татар и басмыл свой язык, но вместе с тем они хорошо говорят по-тюркски. Эта информация однозначно трактуется как косвенное подтверждение монголоязычности древних татар [*Ибрагимов, Храковский, 1958: 28–30*]. Но Махмуд аль-Кашгари может говорить и об особом тюркском языке, отличающемся от его любимого языка карахандских тюрков – хакани. С.Г. Кляшторный и Д.Г. Савинов относят кунов к древнейшим тюркоязычным племенам, известным в огузо-уйгурской общности как народ «хунь». Кай также отнесены к телескому племени, известному как «белые си» [*Кляшторный, Савинов, 2005: 140*]. На наш взгляд, язык кай и татар мог быть языком этнических групп смешанного тюрко-монгольского происхождения, своего рода *lingua franca*, понимаемый и монголоязычными, и тюркоязычными группами. Племена шары С.Г. Кляшторный отождествил с басмылами – крупным тюркским этносом, известным как враги не только имперских тюркютов, но и карахандских тюрков и мусульман-карлуков.

Из концепции С.М. Ахинжанова а priori следует монголоязычие средневековых урянхайцев. Однако еще Н.Ф. Катанов в конце XIX в. писал о наличии уйгурских элементов в составе урянхайцев: «Остатки Уйгурского народа сохранились среди Урянхайцев Северной Монголии. Буряты называют Урянхайцев “Хойр”, а Дархаты – “Уйгур”... С Урянхайским наречием, следовательно, и с Уйгурским, сходны языки карагасский и

якутский; наречия минусинских татар сходятся все с наречием барабинских татар» [*Катанов*, 1893: 147]. Эпизод с переговорами Субэдей-багатура с кипчакскими вождями, когда монгольский вождь обращается к врагам с просьбой о мире, так как монголы и кипчаки составляют «один народ, одно племя», трактуется С.М. Ахинжановым как признание происхождения правящих родов кипчаков из среды монголоязычных племен, к которым принадлежали и урянхаты [*Ахинжанов*, 1989: 140–141]. Однако в этом фрагменте обращает внимание другое – не возникает затруднений в языковом общении между половецкими вождями и урянхатом Субэдеем-багатуром. Вероятно, партнеры по переговорам контактировали на особом тюрко-монгольском языке, отмеченным ал-Кашгари, либо же различия между тюркскими и монгольскими языками были весьма незначительны.

В историко-этнологической науке сложилась традиция однозначного толкования скудных сообщений средневековых источников с последующей однозначной этнической атрибуцией упоминаемых коллективов. К примеру, калмыцкий историк Г.О. Авляев вывел монголоязычие керейтов и найманов из интерпретации текста летописи «Сокровенное сказание»: «Керейты, меркиты и найманы общались с монголами группировки Темучина только на монгольском языке, другого языка обе стороны не знали. В детстве Темучин бывал в гостях в ставке керейтского Тоорил-хана (Ван-хана), с которым дружил еще его отец Есугай-батур» [*Авляев*, 1984]. Но в тексте «Сокровенного сказания» Чингиз-хан свободно общается и с представителями явно тюркоязычных этносов – онгутами, карлуками, уйгурами. Его сын Джучи ведет переговоры с тюркоязычными «лесными народами» и лично обращается к хорезмшаху Мухаммеду Ануштегиниду с увещеваниями о необходимости мира. Сам хорезмшах и вождь найманов Кучлук также не испытывают языковых затруднений в дипломатической переписке [*Шихаб ад-дин ан-Насави*, 1996: 47, 49–50]. Ближайшие сподвижники братья Джелме и Субэдей также принадлежат к тюркоязычным

уряняхатам, если исходить из трактовки С.М. Ахинжановым переговоров Субэдей-багатура с половцами. Здесь речь не идет о тюркоязычии монголов и урянхайцев, а о возможной близости тюркских и монгольских языков в раннее средневековье, позволявшей их носителям свободно общаться между собой.

Отдельные этнические элементы могли входить в состав иноэтнических объединений, образуя переходные группы между тюрками, монголами и другими кочевыми этноязыковыми сообществами. Е.И. Кычанов высказал мысль о подвижности этноязыковых ареалов и стертости этнических границ между тунгусо-маньчжурскими и монгольскими языками, допуская вероятность существования переходных групп: «Можно быть уверенным, что границы между монголоязычными шивэй и киданями и тунгусо-маньчжурскими мохэ, бохайцами и др. и в языковом отношении, и этнически были более стертыми, образуя массу переходных групп, по сравнению с более резкими границами между тюркоязычным и монгольским миром, хотя и здесь, наверное, были переходные группы племен, промежуточные по языку, этносу и культуре» [Кычанов, 1980: 138, 139]. Средневековых урянхатов можно отнести к таким переходным группам, так же как и хоринские группы, присутствующие в составе якутов и бурятов, и баятов, входивших в огузские объединения и в ойратский союз. Современные алтайские и хубсугульские урянхайцы, разговаривающие на монгольском языке, сохранили понимание тюркского языка, в то время как основная часть этноса в Туве тюркоязычна. Часть урянхайцев смешана с казахским населением Западной Монголии, образуя переходную группу между казахами, ойратами и халха-монголами. Казахи Монголии, преимущественно найманы и керей, считают урянхайцев наиболее близким и родственным народом, несмотря на наличие найманских и керейтских подразделений в составе южных монголов. Другим примером переходных групп являются чоросы. В составе тюрков-могулов одним из наиболее влиятельных племенных подразделений были чоросы [Юдин,

1965: 52–53]. Этнополитическим ядром монголоязычных племен Джунгарского государства являлись также чоросы, выдвинувшиеся на первые роли в первой половине XVII в. при объединителе ойратов Хара-Хуле и его сыне хунтайтджи Батуре [Бичурин, 1991: 29–32].

При выяснении возможного монгольского происхождения каи и татар следует учесть исследования тюркологов и монголоведов в области сравнительного языкознания. Ряд исследователей объясняют тюрко-монгольскую близость не древним родством языков, а историческими контактами, при этом монгольский язык все более сопоставляется с тунгусо-маньчжурскими языками [Дашибалов, 2007: 60]. А.М. Щербак доказывает заимствование монголами основной части терминов, связанных с животноводством, у тюркских народов [Щербак, 1997, 2005]. А.М. Щербак придерживается мнения об одностороннем влиянии тюркских языков на монголоязычные этносы в раннее средневековье, поддерживая ранее выдвинутую аналогичную точку зрения Д. Клосона: «Взаимодействие тюркских и монгольских языков происходило непрерывно на протяжении многих сотен лет в условиях как компактного, так и разрозненного размещения тюркских и монгольских племен на территории Евразии. Было время относительной “непродуктивности” контактов, и были периоды, когда контакты становились интенсивными и сопровождались частичным смешением языков. При этом, как полагал Дж. Клосон, в древнетюркском языке не было монголизмов. “Если слово, общее для тюркских и монгольских языков, выступает в тюркских текстах до XIII в., то оно наверняка собственно тюркское и в монгольских языках должно рассматриваться как заимствование”. Общее же слово, не встречающееся в древнетюркских текстах, вероятнее всего, монгольского происхождения... Из этого следует, что до XIII в. процесс заимствования был односторонним: из тюркских языков в монгольские, и что, таким образом, монгольское влияние на тюркские языки началось не ранее XIII в.» [Щербак, 1986: 48].

П.Б. Коновалов на основе выявления степени интенсивности заимствований из тюркских и тунгусо-маньчжурских языков выделил два центра этногенеза монгольских народов – западный и восточный, киданьский и шивэйский [Коновалов, 2002: 60–66]. Лингвист В.И. Рассадин поддержал взгляды П.Б. Коновалова и выдвинул гипотезу о существовании двух языковых ареалов, в рамках которых происходило формирование монгольских языков. Восточный ареал был связан с происхождением киданей, здесь сильно заметно влияние китайского и тунгусо-маньчжурских языков. Этническими преемниками киданеязычного населения являются дауры. Северо-западный ареал включал группу языков монгольских племен, выдвигавшихся на запад, в сторону Центральной Азии, где они вступали во взаимодействие с обитавшими там тюркскими племенами. В северо-западный ареал входили языки монгольских племен, получивших в китайских летописях название шивей [Рассадин, 2007: 105–106]. В.И. Рассадин пишет: «...явно тюркская по происхождению лексика, заимствованная из различных тюркских языков, проникала в монгольские языки в разные исторические эпохи, начиная с глубокой древности. Тюркская по происхождению лексика прослеживается не только на общемонгольском уровне, но и на ареальном. В то же время большое количество тюркизмов свойственно именно конкретным монгольским языкам, составляя их специфику и способствуя обогащению и развитию их лексического состава» [Рассадин, 2007: 110]. Татары относились к кругу шивэйских племен, имевших наиболее интенсивные контакты с тюркоязычными племенами, и потому владели древнетюркским языком, либо же общались на тюрко-монгольском пиджине, что и было отмечено ал-Кашгари.

Другим аргументом сторонников монгольского происхождения кимаков и кипчаков являются сообщения средневековых мусульманских источников о татарском происхождении кимакского харизматичного рода. Однако не решен вопрос о том, являлись ли сами татары Восточной Монголии однородной

монголоязычной общностью или же в них присутствовал мощный тюркский компонент. По крайней мере, татарские племена XII в. известны под вполне тюркским названием отуз-татар, т.е. «тридцать татарских родов». В монгольском языке число «тридцать» обозначается словом «*γurban*». Другое обозначение татар было «токуз-татары» – девять татарских родов, также вполне тюркское, как и наименование племени алчи-татары (шесть татарских родов). В монгольском языке число «шесть» обозначается словом «*јiγууан*». Рашид ад-Дин в отношении средневековых татар пишет: «Тех татарских племен, что известны и славны и каждое в отдельности имеет войско и своего государя, – шесть, идущих в таком порядке: татары-тутукулуйт, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары-баркуй. Племя тутукулуйт – самое уважаемое из татарских племен» [*Рашид ад-Дин*, 1952:101–102]. В «Сокровенном сказании» говорится об истреблении монголами татарских вождей следующих дорбен-татарских племен «Чаган-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар» [*Козин*, 1952, § 53, 58, 141, 153, 154]. Дорбен – числительное, обозначающее «четыре», следовательно, речь идет о четырех татарских подразделениях. На наш взгляд, сами названия татарских племен свидетельствуют о мощном тюркском влиянии. Указанное Рашид ад-Дином татарское племя баркуй предположительно может быть передачей названия огузо-уйгурского племени байирку, а этноним терат-татары может быть обозначением народа терс, упомянутого в енисейских рунических памятниках. Л.П. Потапов указывает на нахождение в XVI в. терс-татаров окрестностях Тюмени. Группа терс, по его предположению, вошла в этнический состав башкир, сохранив свой этноним в названии аймака, или рода – терсатский [*Потапов*, 1972: 159–160]. В перечне татарских родов можно выделить тюркские (отуз-татары, тогуз-татары, алчи-татары, баркуй и терат) и монгольские (чаган-татары, дутаут-татары, дорбен-татары, тутукулуйт) этнонимы. Мы можем предположить, что отуз-татарский этнос был полиэтничным образованием кочевых племен, связанных

давними этногенетическими, политическими и культурными связями с миром тюркоязычных кочевников – тюркютами, сяньто и уйгурами. Существует гипотеза о происхождении части древних тюрков из сяньбийской среды, «тюркоязычность которой, по крайней мере в отношении топа (тоба), не вызывает сомнения» [Потанов, 1974: 305]. Китайские источники передают вполне тюркское название «диких» татар как «анци-татары», т.е. «татары-охотники» [Румянцев, 1962: 44–45]. Взаимные инфильтрации и культурные взаимовлияния тюркских, монгольских и тунгусских народов отчетливо прослеживаются в археологии. Е.И. Деревянко, прослеживая схожие элементы в материальной культуре погребальных обрядах тюрков VI–VIII вв. и населения Приамурья, приходит к выводу: «Если присутствие однотипных вещей можно объяснить культурно-экономическими контактами этих племен, то погребальный обряд остается устойчивым этническим признаком, что обуславливается проникновением в среду тунгусоязычных племен отдельных тюркских групп и обратным явлением, т.е. взаимной инфильтрацией» [Деревянко, 1978: 127–128]. Очевидно, что татары, расположенные на границе кочевого и оседлое земледельческого миров, в большей степени были подвержены проникновению тюркских элементов, участвуя в то же время в миграциях тюркских народов на запад от монгольских степей и в создании в восточно-туркестанских и в прииртышских степях новых этнополитических объединений номадов. Б.Е. Кумекоев рассматривает кимакских татар как тюркоязычную группу, входившую в состав уйгурской конфедерации. В пехлевийском манихейском тексте из Турфана, датируемым серединой VIII в., в списке уйгурских князей значится предводитель татар, носивший тюркский титул «tatar ara tegin» [Кумекоев, 1972: 42]. Появление татар в Прииртышье Б.Е. Кумекоев связывает с миграцией огузо-уйгурских племен на запад – в Ганьсу, Восточный Туркестан и к предгорьям Тянь-Шаня, где они фиксируются китайскими и хотано-сакскими документами IX–X вв. Вхождение татар и эймутов в кимакскую конфедерацию про-

изошло в результате крушения Уйгурского каганата в 840 г. и бегства тогуз-огузских племен [Там же: 42].

На наш взгляд, часть отуз-татарских племен могла вполне иметь огузо-уйгурское происхождение, а монголоязычные татары, будучи выходцами из сяньбийских племен, испытывать мощное влияние тюрков. Неустановленный китайский автор сочинения «Мэн-да бэй-лу» «Полное описание монголо-татар» относил татар к особому поколению тюркок-шато: «Земли, на которых впервые возвысились татары, расположены к северо-западу от (земель) киданей. Племена (татар) происходят от особого рода шато» [Мэн-да бэй-лу, 1975: 46]. Татары, имевшие давние связи с уйгурами и сеяньто, могли мигрировать на запад и участвовать в образовании кимакской конфедерации, выступая в качестве полноправных партнеров других огузо-уйгурских племен и местных этнических групп смешанного происхождения. На востоке, в «коренном юрте», татары унаследовали политические традиции уйгуров и их тесные, разнообразные связи с китайскими империями, противопоставив себя надвигавшимся с северо-востока монголам. Борьба с монголами и чжурчженями привела к уничтожению в конце XII – начале XIII в. татарских племен и преодолению монголами барьера из «замиранных» кочевых народов, ограждавших китайскую цивилизацию от вторжений более воинственных племен северных степей.

Таким образом, генерализующие концепции этнической истории кипчаков и других тюркских народов не учитывают фактора постоянных смешений и взаимных культурных интерференций в кочевой среде, а также мощного влияния окружающих оседло-земледельческих народов. Нестабильность этнополитических объединений не способствовала консолидации и формированию «начальной» этнической общности со стабильными этноязыковыми, антропологическими и этнокультурными признаками. В случае крушения кочевых образований более мелкие подразделения входили в состав новых политий, зачастую интегрируясь с этническими группами с

иным антропологическим обликом и языком. Попытки выделения четких этнических маркеров, по которым можно выделить именно кипчаков, отождествление их с «начальными» общностями динлинов и сеяньто, на наш взгляд, обречены на неудачу. Сторонники генерализующих гипотез не могут игнорировать связь кипчаков с кругом близких по происхождению, языку и культурному порядку этнических общностей огузов, уйгуров, карлуков и тюрков, а также кыргызов и сибирских «лесных» народов.

Другая группа гипотез по тюркской этнической истории основана на представлении о ведущей роли миграций, взаимных социокультурных адаптаций пришлого и автохтонного населения и последующих этнических миксаций. В результате кочевые народы формировались из различных компонентов, порой кардинально отличавшихся в антропологическом и культурном отношении, и потому не связанных между собою общностью происхождения. Авторы этих гипотез признают генерализующую связь между общим кругом хунно-тюркских племен и их преемниками – средневековыми и современными тюркскими народами, но отрицают существование «начальных» этнических общностей, ставших их единственной основой. Детерминирующими факторами этнической истории тюркских народов признаются способ хозяйственной деятельности, социальный и культурный порядок, нашедший отражение в устных историях, и межэтнические миксации.

Успех этнических миксаций требовал не только времени, но и стабильности отношений между пришлым и местным населением. На примере истории Барабинских степей сибирские археологи показали особенности этнических процессов и картину смешения обеих групп населения. По их мнению, в середине VIII в. в район Барабинской лесостепи вторглись группы тюркоязычного населения, продвигавшиеся с территории Северного Алтая. Инвазии кочевников совпали с расцветом Уйгурского каганата. С этого времени начинается процесс смешения тюркского населения с местными племенами

горносталевского этапа потчевашской культуры. Процесс тюркизации на территории Барабы происходил в обстановке стабильности культурно-этнических отношений между местным и пришлым населением. Сибирские ученые отмечают, что длительное сосуществование двух этнических групп было возможно потому, что их хозяйственная деятельность была различной. Аборигенное таежное население потчевашской культуры наряду с отгонным скотоводством занималось охотой и рыболовством, причем данные отрасли равнозначны. В хозяйственной деятельности пришлых тюрков ведущее место занимало кочевое скотоводство. «В Барабе, – считают исследователи, – где имелись, с одной стороны, пойменные зоны, удобные для отгонного скотоводства, реки и озера, изобиловавшие рыбой и водоплавающей птицей, леса, богатые зверем и дичью, а с другой – широкие степные пространства, пригодные для кочевого скотоводства, были все условия для сосуществования различных в экономическом и культурно-этническом плане групп населения» [Бараба в тюркское время, 1988: 3–4, 168].

На роль культурного синтеза и межэтнических миксаций обращали внимание Махмуд аль-Кашгари и Рашид ад-Дин, которых можно считать основоположниками миграционно-смешанной концепции этногенеза. Так, появление этнонима «туркмен» и сложение средневековой туркмено-огузской этнической общности Рашид ад-Дин связывает со смешением тюркских кочевников с иранским населением Мавераннахра и Хорасана: «В то время, когда эти племена Огуза пришли из своих областей в страны Мавераннахра и в землю Ирана и в этих местах стали плодиться и размножаться, их внешний вид под влиянием воды и воздуха мало-помалу сделался похожим на облик тазиков [таджиков]. Но так как они не были настоящими тазиками [таджиками], то тазикский народ назвал их – туркман, что значит: тюркоподобный. По этой причине это имя обобщили со всеми ветвями племен Огуза, и они стали известны под этим именем» [Рашид ад-Дин, 1952: 86]. Таким образом, по мнению Рашид ад-Дина, туркменами стано-

вились те тюркские племена, которые, активно смешиваясь с иранскими этническими группами, вероятно, «переплавляли» их, одновременно перенимая культурные модели поведения и антропологический облик ассимилируемых персоязычных и европеоидных автохтонов. Тем самым, они кардинально в антропологическом и культурном отношении («становились как таджики») отличались от своих уйгуро-огузских предков и кипчако-карлукских тюрков северных степей. Эти изменения коснулись и представлений современных туркмен о красоте. Опрошенные автором тебженские туркмены имрели и языры в качестве эталонных признаков красоты называли долихоцефалию и удлиненные лица, смуглый цвет кожи, высокий рост, пухлые губы и большие черные глаза. Махтумкули воспевая «тонкий стан», черные глаза и густые брови туркменских красавиц, тем самым отразил восприятие туркменами фенотипа и стандартов красоты персоязычного населения «Большого Ирана».

Сторонники миграционно-смешанных версий этногенеза тюркских народов исходят из многокомпонентного подхода к этногенезу. Ученые признают этногенетическую и этнокультурную связь хуннских и огузо-уйгурских племен с более поздними тюркоязычными общностями, факт миграции хунну и раннесредневековых тюрков на территорию Средней и Западной Азии и последующее смешение пришлого и автохтонного населения. Однако главное внимание они уделяют культурному синтезу и особенностям этнополитического развития, определившим специфику этнической истории каждого из этносов [См.: *Агаджанов*, 1969, 1973, 1977; *Бартольд*, 1963; *Гордлевский*, 1941; *Зуев*, 2002; *Еремеев*, 1971; *Исхаков*, 2004; *Кузеев*, 1974; *Малявкин*, 1983; *Масанов*, 1995, 2007; *Радлов*, 1893; *Росляков*, 1955; *Сафаргалиев*, 1951; *Толстов*, 1948; *Якубовский*, 1947].

П. Голден солидаризовался с мнением ученых, рассматривающих кипчакскую общность как аморфный конгломерат лингвистически и этнически разнообразных элементов, объединенных кочевым способом хозяйствования, социальной

организацией и культурным порядком [Голден, 2008: 310]. Кипчакская полития, по его мнению, – «представляла собой протяженную кочевую конфедерацию, сочетавшую в себе элементы различного этнического и лингвистического происхождения, в том числе монгольские и иранские, часть которых представляла собой весьма архаичные группы, подвергшиеся тюркизации. Другие, такие как алано-асские, были тесно связаны политически. Подобная этническая и лингвистическая гетерогенность была характерна для большинства объединений и государств, имевших тюркское кочевое происхождение. Эта общность простиралась от Дуная до степей, окружавших города среднеазиатских оазисов, особенно Хорезм, и глубоко вдавалась в Западную Сибирь» [Голден, 2004: 106]. П. Голден исходил из сведений арабских авторов о вхождении племенной группировки татар в Кимацкую конфедерацию и пришел к выводу, что это указывает на связи кимаков с монголоязычным миром [Голден, 2008: 311]. К монголоязычным группам в составе кипчакской конфедерации он отнес каи и кунов, двинувшихся на запад под ударами киданей. Куны заключили союз с кипчаками и стали известны в восточноевропейских степях под названием «куманы» и «половцы», в центральноазиатских степях укрепились кипчаки-канглы [Там же: 311]. П. Голден рассматривает кипчакскую этническую историю как пример невероятной устойчивости безгосударственной организации и социальной адаптивности кочевого общества, заключавшейся в «пассивной стратегии выживания». Это позволило кипчакам ассимилировать разные этнические элементы, и даже одержать победу над монгольскими завоевателями [Голден, 2004: 104].

Торговые, культурные и другие контакты кочевников с центрами древних оседло-земледельческих цивилизаций приводили к значительным культурным диффузиям, неуловимо изменявшим внутренний культурный порядок самого кочевого общества. Х. Хаарман полагает, что в Центральной Азии и Западной Сибири в состав куманов входили не только тюркоязычные куманы и кипчаки, но и ираноязычные шары [Haarman, 2002:

805–806]. Нетюркские элементы неизбежно втягивались в информационные и культурные связи кипчакских объединений и ассимилировались. Р. Груссе примером такой ассимиляции считает кипчакизацию монголоязычных племен, родственных киданям, пришедших на Урал в 1120-х годах и составивших «правящий класс» в кипчакских объединениях вплоть до монгольского нашествия [Груссе, 2005: 182].

Среди миграционно-смешанных гипотез следует выделить хунно-уйгурскую версию происхождения огузов и родственных им кипчаков. Хунно-уйгурская версия происхождения тюркских народов нашла отражение в трудах Н.А. Аристова, Н.Я. Бичурина, К.А. Иностранцева, А.Н. Бернштама, З. Валиди, Л.П. Потапова, О. Прицак, В.В. Радлова, А.Г. Малявкина, Ю.А. Зуева, В.С. Таскина, Ю.С. Худякова.

В.В. Радлов обращал внимание на «уйгуроцентризм» в изложении истории происхождения тюркских народов в трудах китайских авторов, Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази, считая это отражением каких-то действительно имевших место в глубокой древности событий и отношений. В.В. Радлов выделил в составе европейских гуннов три племени, явно носивших название огур-уйгур. Одно из них представляет основное племенное объединение уйгур, второе – сары-уйгур (желтые или желтоголовые уйгуры), третье – он-огур, представляет десятиплеменный союз уйгуров, упоминаемый в сочинениях Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази [Радлов, 1893: 108–109]. В.В. Радлов был убежден в том, что значительную часть гуннов составляли те восточнотюркские племена, которые позже стали известны под названием уйгуры [Там же: 109]. К уйгурским племенам также были причислены утригуры и кутригуры, предположительно отнесенные ученым к тогуз-уйгурам [Там же: 110–111]. Реконструкция этнонимов хуннских племен позволила В.В. Радлову сделать заключение: «Ядро хуннского государства составляли, по-видимому, Он-Уйгуры и не невероятно, что китайское наименование Хунну есть не более как искаженное слово Он-уйгуры...» [Там же: 126–127]. После распада Хуннской дер-

жавы огуры-уйгуры смешались с соседними народами, принявшими названия их племенных союзов, в то время как их собратья тогуз-огузы пережили господство жоужаньских и тюркских каганов, а затем возродили свою державу, рухнувшую в середине IX в. от внутренних конфликтов и поражения от кыргызов [Там же: 129]. Происхождение кипчаков В.В. Радлов, опираясь на генеалогические предания в изложении Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази, производил от могучего народа уйгуров, объединенного под властью Огуз-кагана. Согласно легендам, мальчик Кипчак был сыном одного из павших в боях с язычниками уйгурских беков, рожденного в дупле старого дерева. Огуз-каган усыновил и воспитал мальчика и по достижении совершеннолетия отправил его с войском и народом к берегам Дона, Волги и Урала [Там же: 48–49]. В.В. Радлов генерализовал линию происхождения кипчаков от хунно-уйгурских племен, отмечая, что главную роль в развитии кочевых обществ играют родоплеменные образования (колена), периодически объединяющиеся в военно-политические союзы и под властью выдающихся вождей покоряющие соседние народы. После крушения державы они вновь рассыпаются и собираются уже в новых образованиях [Там же: 72–73]. Выдающийся ученый указывал на наличие племенных и родовых подразделений с названием кыпчак среди алтайцев – алтай-кижи, теленгитов и телеутов, а также казахов и узбеков [Радлов, 1989: 96, 103, 111, 124–125].

Прослеживая этногенетические связи хуннов и уйгуров, А.Н. Бернштам выдвигает гипотезу о движении гаогюй – уйгуров как заключительном этапе хуннской экспансии (IV–V вв.). Видный советский ученый был убежден в хуннском происхождении огузо-уйгурской общности и предполагал, что protoуйгурские племена проникли на территорию Средней Азии в общем потоке движения хуннских племен в середине I в. до н.э., затем в конце I – начале II в. н.э. [Бернштам, 1951: 231]. Участием гунно-уйгурских этнических групп в этногенезе туркмен Бернштам объяснял такие факты, как общие имена в то-

понимике уйгуров и туркмен, общие названия племен (толес), общий эпический герой (Огуз-каган), а также сходный обычай деформировать голову, резко выделяющий туркмен из всех других народов Средней Азии [*Бернштам*, 1951: 201; *Неразик*, 1968: 205–206]. На основе археологических исследований Е.Е. Неразик солидаризовалась с точкой зрения Бернштама. Придерживаясь мнения о тюркоязычии и родственном происхождении огузов и местного населения долины низовий Аму-Дарьи в VIII в., она предположила вероятность более позднего прихода в Хорезм огузов-туркмен и наличие в Средней Азии тюркоязычных групп эфталитов [*Неразик*, 1968: 202, 206].

Этническая история тюркских народов в генерализующем хунно-огузском аспекте рассматривалась Заки Валиди. По мнению классика мировой тюркологии, происхождение тюркских народов непосредственно связано с хуннами. Кипчаки и башкиры, полагает Заки Валиди, входили в состав телеских племен и разговаривали, со ссылкой на Махмуда ал-Кашгари, на одном языке. Заки Валиди прослеживал этногенетическое и этнокультурное единство кипчаков, башкир и огузов, представлявших локальные союзы теле – ранних огузов: «Башкиры принадлежали к тюркскому племени “телес”, а те, в свою очередь, считались потомками племени хун, телесы представляют собой кипчакские племена, жившие в Алтай-Иртышском регионе, Есть данные, свидетельствующие о том, что в первые века нашей эры кипчаки жили в Южном Туркестане, Позже, во времена хуннов эти племена переселились в Восточную Европу» [*Валиди*, 2010: 23].

Хунно-огурская гипотеза была поддержана выдающимся тюркологом О. Прицак, который изучив дошедшие до нас гуннские имена и этнонимов, пришел к выводу о тюркоязычии европейских гуннов [См.: *Pritsak*, 1982: 428–476]. О. Прицак по лингвистическому признаку выделил две основные тюркские группы кочевников, прибывавших в восточно-европейские степи с IV века: хунно-болгарскую (огурскую) и подлинную тюркско-огузскую. К хунно-болгарской (огурской) группе он

причислял гуннов (и их азиатских предшественников сюнну), прото-болгар (булгары), оногуров, кутригуров, волжских булгар, европейских псевдо-аваров и тюркизированных кангаров – печенегов (баджанакон). К настоящим тюркам – огузам им были отнесены хазары, торки (гузы), черные клобуки и половцы. О. Прицак поддержал концепцию В.В. Бартольда, считавшего тюрков и огузов единой этнической общностью тюркоязычных кочевых племен: «Слово “турки” было политическим термином, слово “огузы” – этнографическим... Огузы, первоначально жившие в северо-восточной Монголии, при своем движении на запад принесли с собой слово “турки”, которое только арабами стало употребляться для обозначения народов определенной лингвистической группы» [Бартольд, 1963: 553–554]. Согласно воззрениям О. Прицак, хунну-огуров и уйгуров-огузы представляли единый круг тюркоязычных племен, из которых выделились все другие тюркские этнические общности болгар, огузов, тюрков, карлуков и кипчаков. До X века, считает О. Прицак, в западной части евразийских степей функцию лингва-франка выполнял огузский (гунно-болгарский) язык, который впоследствии уступил эту роль тюрко-огузскому языку торков и кипчаков-половцев [Pritsak, 2002: 535]. О. Прицак не сторонник этнической гомогенности хунну, аваров и огузов-уйгуров, полагая, что в их среде находились также протомонгольские племена сабинов, втянувших в 460 г. в свое движение на запад протовенгерские прииртышские и приобские племена, родственные современным хантам и манси. О. Прицак также склоняется к мысли о полиэтничности кипчаков и существовании в рамках кимако-кипчакской этнополитической общности двух народов – тюркоязычных кипчаков и монгольских кимаков. Собственно кипчаков О. Прицак считает восточными тюрками, вытесненными уйгурами из Монголии на запад. В конце IX в. их соседями в прииртышских степях становятся протомонгольские племена куомаки/кимаки, бежавшие из Восточной Монголии под напором внешних врагов и ставшие известными под названием «куманы» [Pritsak, 1982:

331–336]. Тем самым, в истории кочевых народов Северной Евразии еще с хуннских времен этнополитические общности не совпадали с этнокультурными и этноязыковыми границами и могли включать самые разнообразные комбинации племен и родов, отличающихся друг от друга антропологическим обликом.

Вероятность огузо-уйгурского происхождения кипчакских племен и огромной роли уйгуров в этногенезе и культурогенезе Центральной Азии признается в трудах Ю.С. Худякова, Л.Р. Кызласова, Д.Г. Савинова, Б.Е. Кумекова, Л.П. Потапова и ряда других исследователей. Л.Р. Кызласов отмечает особое значение уйгурской традиции для формирования относительно единого этнокультурного пространства, охватывавшего кочевников евразийских степей, ставших известными под названиями огузов и кипчаков: «Памятники говорят о самобытности уйгурской цивилизации. Материальная культура уйгуров имеет глубокие центральноазиатские корни, и именно уйгуры начали серьезно насаждать в центральноазиатских степях и в Южной Сибири оседлую цивилизацию с обширными многоквартальными городами и крепостями» [Кызласов, 1981: 54]. Л.Р. Кызласовым отмечается этнокультурная однородность тюркской и уйгурской традиций, основанных на единой рунической письменности, ментальности воинов-героев, социальном порядке и генеалогических легендах.

Е.И. Кычанов и Д. Синор солидарны с точкой зрения Л.Р. Кызласова и считают условным разделение тюрков и уйгуров на династийно-племенном основании, так как «первые уйгурские правители считали себя продолжателями тюркской традиции и основывали свою легитимность связью с Бумын-каганом, создателем первой империи тюрков. Разница разделения тюрков и уйгуров была чисто политической. Как ясно показали надписи-эпитафии, тюрки и уйгуры говорили на одном языке, использовали одну и ту же руническую письменность и жили на одной и той же территории... Государство уйгуров в Монголии, по сути, Третья империя тюрков» [Sinor, Geng Shimin, Kuchanov, 1998: 192]. Представляется, судя по тексту Селен-

гинского камня, что кочевые уйгуры действительно продолжали этнополитические традиции правящих кланов хунну, о чем свидетельствуют генеалогические истории в изложении китайских хронистов. Они считали тюркский род Ашина «ничтожным», не имевшим права господствовать над харизматичными кланами огузо-уйгурских племен. После крушения Уйгурского каганата уйгурские племена бежали от кыргызов к границам Танской империи и на запад.

Известный археолог Д.Г. Савинов уже отмечался нами как сторонник генерализующей сиро-кипчакской гипотезы происхождения кимако-кипчакской этнической общности. Но в тоже время ученый не отрицает значения уйгурских племен в процессе формирования этнокультурных общностей западнее монгольских степей: «Значение уйгурского периода в этнической истории народов Южной Сибири еще до конца не оценено исследователями. Между тем материалы духовной культуры свидетельствуют, что уйгуры сыграли весьма значительную роль в формировании мировоззрения и культуры населения Саяно-Алтайского нагорья. С распадом Уйгурского каганата связаны два важнейших события в истории народов севера Центральной Азии – широкое расселение енисейских кыргызов в середине IX в. и сложение кимако-кипчакского государственного объединения на Иртыше [Савинов, 1984: 88]. Д.Г. Савинов не исключает организующей роли уйгуров, имевших давние традиции государственности, в образовании кимако-кипчакской конфедерации [Там же: 106]. Генеалогическое предание кимаков, считает ученый, представляет своеобразную историческую легенду, описывающую события, происходившие на протяжении не менее 200 лет, и, связывающей происхождение и развитие государства кимаков с теле-уйгурской-кыпчакской средой [Савинов, 1992: 29]. Основу кимако-кипчакского союза составили *местные* алтае-телеские и уйгурские племена, известные под названием кимако-югуры [Савинов, 1984: 105; *Он же*, 1994: 69]. Д.Г. Савинов допускает вероятность автохтонности кипчаков и кыргызов, сформировавшихся в лесостепных

районах в результате смешения тюркских элементов с носителями северной верхнеобской культуры, мигрировавших на юг Западной Сибири и вступивших в симбиотические связи с пришлыми племенами юга. По мнению ученого, тюркизация представляет многовековой цивилизационный процесс, завершившийся в начале II тыс. н.э. значительной степенью интеграции и культурной ассимиляции южносибирских и западносибирских племен [Савинов, 2011: 17]. В связи с возможностью сложения кипчаков в лесостепной части Южной Сибири Д.Г. Савинов предлагает: «Понятие Дешт-и-Кыпчака (“Кыпчакская степь”) целесообразно распространить на восток вплоть до предгорий Алтая и Кузнецкой котловины, где сохранились наиболее “чистые” с точки зрения этнокультурной атрибуции кыпчакские комплексы» [Там же: 17–18]. Косвенным свидетельством «лесостепного» происхождения кипчаков исследователь считает легенды о рождении прародителя кипчаков в дупле старого дерева. Кыпчаки, как и другие «лесные народы», подчинялись уйгурским правителям и после крушения своих сюзеренов были завоеваны кимаками [Савинов, 1994: 70, 109].

Большой вклад в изучение кипчаков внес Б.Е. Кумеков, на основе анализа комплекса арабо-персидских источников пришедший к выводу о сложении кумано-кыпчакской этнической общности в результате длительного по времени этнокультурного синтеза и смешений огузо-уйгурских, угорских, сарматских и западно-тюркских племен. Б.Е. Кумеков считает, что территория северных евразийских степей со времен сарматов была пронизана хозяйственно-культурными, информационными и политическими связями, формировавшими определенно-го рода устойчивые взаимоотношения, и не только в виде торговли или брачных союзов. Непрестанная борьба за пастбища и взаимные набеги требовали правового урегулирования и создания квази-племенных объединений. Длительные контакты между миром ираноязычных, тюркоязычных и угроязычных кочевников обуславливали формирование полиэтнических номадных политий, интегрировавших разнородные элементы в

новые этнические общности. По мнению казахстанского кыпчаковеда, «структура племенного состава кыпчаков была сложной и неоднородной, вобравшей в себя, помимо собственно кыпчакских, тюркоязычные кимекские, куманские, печенежские, огузские этнокомпоненты, а также тюркизированные элементы ираноязычного этнического пласта [Кумеков, 1990:123].

Казахский востоковед отверг представления об этнической однородности массива кыпчакских племен от Иртыша до Дуная, выдвинув версию о существовании и этническом развитии трех отдельных народов: кыпчаков, куманов и кимаков. Б.Е. Кумеков придерживается мнения, что куманы IX–X вв. обитали на территории Западного Казахстана и составляли западную ветвь трехсоставного объединения племен кимаков, кыпчаков и куманов. Исходным ареалом обитания куманов называется Южная Сибирь, конкретно – область Северного Алтая, где с конца VIII в. значительные группировки кыпчаков и куманов обособились от кимаков и заняли земли к западу от Иртыша вплоть до Южного Приуралья [Кумеков, 2008: 158–159]. В IX – начале XI вв. собственно кимаки преобладали на Иртыше, в Восточном Казахстане и на Западном Алтае. Основным доменом кыпчаков Б.Е. Кумеков признает Центральный Казахстан. Куманов исследователь размещает на территории между северными приуральскими степями и предгорьями Южного Урала. Кыпчаки и куманы, считает казахстанский тюрколог, находились под политическим контролем кимакского кагана [Там же: 159].

Собственно кимаки, или йемеки определяются Б.Е. Кумеквым как «кыпчакоязычная общность», включавшая огузские этнические элементы – баяндуров, эймуrow, татар, считая их присоединившимися к кимакскому этническому ядру [Кумеков, 1990: 114]. Наличие эймуrow в составе кимаков и присырдарьинских огузов объясняется массовыми переселениями уйгурских племен в северо-западном и западном направлениях, с последующим включением в местные племенные союзы [Кумеков, 1972: 31, 38]. Происхождение кимаков-кимеков ученый связывает с племенем яньмо, отмеченным в китайских источ-

никах в связи с событиями VII в. в западнотюркской среде. Б.Е. Кумеков пишет: «Синологи отождествляют яньмо с племенем йемек (имек), которое, как считает большинство исследователей, является фонетической разновидностью имени кимек. Имеющееся мнение исследователей о полном тождестве кимек и кипчаков ошибочно, ибо сведения письменных средневековых источников позволяют однозначно рассматривать их как два отдельных, но родственных тюркоязычных этноса. Яньмо, одно из телеских племен, в начале VII в. обитало в бассейне Кобдо, в северо-западной Монголии. На востоке от них находились огузы, а на юге расселялись тюргеши и карлуки. К середине VII в. имеки (кимеки) откочевали в районы севернее Алтайских гор и в Прииртышье. Обособление этого племени происходит после падения Западнотюркского каганата в 656 г. Скорее всего, именно в это время возникает ядро кимекского племенного союза» [Кумеков, 2008: 172–173].

Б.Е. Кумеков не до конца четко отождествляет кипчаков, считая их отдельным этносом, связанным политически с кимацким племенным союзом в VIII–XI веках. По его мнению, кипчаки отличались от кимаков в экономическом и бытовом отношениях, а также имели различия этнических территорий [Кумеков, 1972: 128]. Но затем он оговаривается: «Кипчаки – западная ветвь кимаков» [Там же]. Под собственно кипчаками казахстанский ориенталист понимает племенной союз шары, считая этнонимы «шары», «куманы», «половцы», «плавки», «хардеш» обозначениями одного и того же народа [Там же: 125]. По мнению исследователя, устойчивость названия «кипчак» на протяжении веков не означало стабильности самой этнической общности. Этноним «кипчак», считает Б.Е. Кумеков, следует рассматривать в двух значениях: «в узком, этническом, применительно к племени, племенному союзу и в широком, этнополитическом, для обозначения покоренных и присоединенных племенных группировок в составе созданного им социально-политического образования. Один и тот же этноним “кипчак” обозначал различное состояние племенного организ-

ма, этноса (племя, ядро племенной конфедерации, союз племен, народность)» [Кумекоев, 2002: 18].

Б.Е. Кумекоевым отмечается наличие мощного мадьярского пласта в составе кыпчаков и аргынов. Последние происходят из среды караханидских тюрок и карлуков. По мнению ученого, длившиеся на протяжении ряда столетий (VIII–XIII вв.) этнополитические контакты кыпчаков с древними мадьярами в Волго-Уральском междуречье, очевидно, в предмонгольскую эпоху завершились инкорпорированием части мадьярских племен в состав кыпчакской конфедерации. В родоплеменной номенклатуре казахов появляются мадьяры. В составе племени «кыпчак» Орта жуза зафиксирован этноним «мадьяр» в качестве родового подразделения, в этом же крыле мадьяры отмечены также и в составе племени аргын. Б.Е. Кумекоев привел пример с исследованиями венгерского ученого Тибора Тота, в 1967 г. изучившего материалы применительно к этнической группе аргын-мадьяр казахского народа. Антропологические исследования позволили ему констатировать большое морфологическое сходство аргын-мадьяр с кыпчаками, обитающими в той же зоне Сары-Копы на Тургае. По всей видимости, мадьяры в среде аргынов появились не ранее XVI в. Дело в том, что на рубеже XIV–XV вв. часть аргынов переселилась с юга на север и начиная с XVI в. обосновалась на Ишиме и Тургае. Очевидно, в этот период, когда наблюдались многосторонние процессы взаимодействия и взаимовлияния между кыпчаками и аргынами, в составе аргынов появились этнические группы мадьяр [Кумекоев, 2008: 68–71].

Таким образом, Б.Е. Кумекоев полагает, что ранние кыпчакские племена были отдельной этнической общностью, отличавшейся от кимекоев, являвшихся представителями огузо-телекских племен, тесно связанных с имперскими уйгурами. Ядром кыпчаков были племена шары. Куманы признаются отдельным этносом, тесно интегрированным с кыпчаками.

Ю.А. Евстигнеев развил гипотезу казахского кыпчакоеда о существовании нескольких кочевых народов, объединяемых

под названием «кипчаки». По его мнению, существовало четыре этнические группы: «1) кипчаки – это группа господствовавших в Дешт-и-Кипчаке племен, говоривших на диалекте западного наречия; 2) куны – племя, родственное древним уйгурам; вначале (IX–X вв.) куны кочевали близ границ Северного Китая, а с 1029 г. – в Джунгарии, говорили на диалекте восточного наречия; 3) сары/половцы – часть тюргешей, бежавших из родных мест (Семиречье), они говорили на диалекте восточного наречия; 4) куманы – одно из племен Приаралья, судя по языку, куманы имели огузо-печенежское происхождение, были вовлечены в миграцию на запад половцами и кунями. Кыпчаки, половцы, куманы и куны – это разные по исходной территории, наречию (хотя и одного – древнетюркского – языка) и самосознанию племена (этносы)» [Евстигнеев, 2009: 56]. Исследователь отождествляет половцев с сары-тюргешами, выдвигая следующие аргументы: «1) одинаковость этнонимов половцев (сары) и части тюргешей; 2) близость или даже тождество их языков – восточное наречие древнетюркского языка; 3) типологическое сходство каменных изваяний и наличие среди них большого количества женских статуй, характерных только для тюргешей и половцев; 4) наличие в языке «Кодекса Куманикус» мусульманских титулов (напр., султан), заимствованных в период жизни Сары среди мусульман, может быть свидетельством того, что исконной территорией половцев было Семиречье» [Евстигнеев, 2011: 123].

Ю.А. Евстигнеев, идентифицировав наиболее ранние группы кипчаков как сары-тюргешей, отталкивался от предположений С.М. Ахинжанова, Б.Е. Кумекова и С.Г. Кляшторного о тождестве кипчаков и шары, шары и басмылов. Под названием шары или сары известна часть тюргешей, которых тюркские эпитафии указывают в числе родственных племен. В надписи Бильге-кагана мы читаем: «Тюргешский каган был наш же тюрк, из нашего же народа» [Малов, 1951: 38]. Тюргеши входили в число «десятистрельных» тюрков и оказали огромное влияние на этническую историю казахов и кыргызов. Сеок

тиргешей входит в число основных подразделений северных алтайцев [Лотанов, 1968: 317]. Согласиться с возможностью отождествления кипчаков, шары и басмылов и сары-тюргешей не позволяют следующие обстоятельства:

1) сведения мусульманских источников, четко говорящих о происхождении харизматического клана кимаков из татар и указывающих на кипчаков как отдельное племя, вышедшее из состава огузо-уйгурских племен, но изначально отличающееся от ранних огузов происхождением из среды южносибирских «лесных» народов;

2) отсутствие в составе более поздних групп кипчаков подразделений с названиями «тюргеш» и «басмылы»;

3) в кипчакском племенном союзе в составе казахов и башкир наряду с сары-кипчаками присутствуют и другие группы с названиями кара-кипчаки, кулан-кипчаки, тор-айгыр и т.д. Эти родоплеменные подразделения фиксируются только у кипчаков, но их нет в составе казахов Старшего жуза, куда вошли потомки западно-тюркских племен, и в составе алтайского сеока тиргешей.

Возвратимся к проблеме идентификации каи и кунов; Б.Е. Кумекоев считает каи отдельным от куманов, кимаков и кипчаков этносом. В то же время непонятны взаимоотношения каи с кимаками и кипчаками. Каи предстают зависимым и родственным кимакам этносом, затем они выступают в качестве воинственных мигрантов с территории Дальнего Востока, под ударами которых рассыпалась кимакская держава, а кипчаки (шары) двинулись на огузов и вытеснили их в восточноевропейские степи [Кумекоев, 1972: 125–128]. Эти разночтения, безусловно, связаны с трудностью интерпретации и скудостью сведений средневековых арабских, сирийских и армянских источников.

Генеалогические предания туркмен связывают происхождение огузского племени каи с другим племенем – баятами. По списку Махмуда аль-Кашгари (XI в.), баяты и каи значатся среди 22 ведущих племен средневековых огузов. Этимология

этнонимов «баяты» и «баяндуры» раскрывается исследователями через древнетюрский язык как «богатые», либо же через кыргызское слово «байыркы», означающее «примитивные» или «стародавние» [Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе, 2010: 334–335]. Вероятно, каи, баяты и баяндуры происходили от раннегузского племени байерку. По информации ан-Насави, баяты считались ветвью йемеков, так же, как и баяндуры. Источники умалчивают об истинных причинах конфликта между доминирующей группой кимаков и подчиненными племенами каи и шары, называя в качестве таковой только миграцию с восточномонгольских степей племен кунов, которых преследовали каи (народ змей). В.В. Бартольд предложил трактовать этноним «куны» как «кури», связывая их с народом курыкан: «Сопоставление с китайскими источниками заставляет отдать предпочтение чтению кури. Мы видели, что в Тан-шу и в орхонских надписях упоминается народ курыкан, живший, по Тан-шу, у Байкала; в более позднем китайском сочинении (Юань-ши, истории монголов) около Ангары помещается народ кули; тот же народ упоминается у писавшего в начале XIV в. персидского историка Рашид ад-дина в местности у Байкала, под названием кури. Есть известие у автора начала XIII в. Ауфи, что народ кури (или кун) подвергся нападению со стороны своего восточного соседа, народа кай, и потому передвинулся на запад, где потеснил другие народы...» [Бартольд, 1963: 497].

В версию гибели кимакской державы от ударов кунов и каи трудно поверить. В прииртышских и пришимских степях традиционно кочуют наиболее сильные племенные союзы, способные противостоять ослабевшим мигрирующим племенам кунов. Куда более могущественные караханидские тюрки, кидани Елюй Даши и найманы не пытались подчинить или изгнать местные племена. Лишь военная мощь объединенных монгольских племен позволила Чингиз-хану установить в начале XIII в. господство над южносибирскими и восточно-казахстанскими степями, используя этот район как плацдарм

для наступления на державу Хорезмшахов. В XVI–XVIII вв. в Прииртышье кочевали наиболее могущественные казахские племенные союзы – арғыны и найманы, боровшиеся за доминирование в казахских землях и успешно противостоявшие натиску могущественных и многочисленных калмыков, двигавшихся на северо-запад, и Джунгарскому государству. Вероятно, крах кимакского союза был связан с традиционным для кочевников внутриэтническим расколом, усугубленным внезапным вторжением каи и кунов. Зная о происхождении каи, баятов и баяндуров из круга родственных огузо-уйгурских племен, мы можем предполагать их конфликт с собственно кипчаками-шары, как представителями западно-тюркских племен. В свою очередь кипчаками был нанесен удар по присырдарьинским огузам, в составе которых также находились баяндур и баяты. Фактически повторилась трагедия двухвековой давности, когда в 840-х годах кровавая борьба между эдизами и яглакарами привела к краху Уйгурского каганата под ударами кыргызов, в результате чего огузо-уйгурские племена ушли далеко на запад, в прииртышские степи. Распад кимакского союза привел к миграциям кипчако-куманских племен в восточноевропейские, южноуральские и западноказахстанские степи.

С гипотезой западнотюркского происхождения кипчаков согласен Ю.С. Худяков. Новосибирский археолог придерживается мнения о многокомпонентном происхождении кимаков и кипчаков, считая, что ядром кимакского союза выступили западные тюрки Тянь-Шаня и Семиречья, а не восточные тюрки Монголии и Саяно-Алтая. Об этом говорят памятники поминального цикла. Для восточных тюрков был характерен культ героев-воинов, у западных тюрков возобладал иной вариант поминальной обрядности, направленный на почтение памяти предков, как мужских, так и женских. Ю.С. Худяков предполагает возможность проникновения части западно-тюркских кочевников из Семиречья и Притяньшанья – центральной территории Западного Тюркского и Тюркешского каганатов. По мнению ученого, западные тюрки представля-

ли прежде доминирующие племена в объединении «десятистрельных» тюрков и огузов, не желавшие подчиняться карлукам, захватившим власть в Семиречье. В середине VIII в. между карлуками и огузами вспыхнула война за тюркешское наследство, приведшая к миграции огузских групп в присырдарьинские степи. В числе тюркских откочевников на север были племена имаков (йемеков) и ими (эймурав), а также баяндур, ставшие основой для формирования новой конфедерации племен и нового государства – Кимацкого каганата. Те же группы баяндурав, эймурав и баятов мигрировали на юг в составе огузских племен.

В середине IX в. с территории Западной Монголии в верховья Иртыша бежала часть уйгуров и союзных им огузов и татар, вслед за которыми проникли их преследователи – кыргызы и зависимые кыштымы, состоящие из племен алатов-бома. Вероятно, уйгуры принесли на новую родину богатые традиции оседло-земледельческой культуры и градостроительства, отличавшие их культуру еще на территории Монголии. Ю.С. Худяков предполагает существование этносоциальных различий между «культурными» оседлыми кимаками и «дикими» кипчакскими племенами кочевников и охотников [Худяков, 2004: 138–153]. Первоначально, предполагает Ю.С. Худяков, «кыпчаками» могли называть коренное для периода VIII–IX вв. н.э. тюркское кочевое население Прииртышья, уступавшее в своем развитии йемекам и эймюрам, западным тюркам, мигрировавшим на Иртыше из наиболее развитых в культурном отношении районов Западного Тюркского и Тюркешского каганатов, Семиречья и Притяньшанья. Впоследствии это название было перенесено на все кочевое население с оттенком пренебрежительности, как «ничтожные» и «дикие кочевники», в то время как кимаками называлась оседлая часть населения и высшая знать. После распада Кимацкой державы этносоциальный термин «кыпчаки» стал политонимом, обозначающим совокупность кочевых тюркских и тюркизированных племен, а термин «кимак» исчез [Там же: 149–150].

Если обратиться к Рашид ад-Дину, то следует обратить внимание на упоминание о племенах, родственных огузам – это карлуки, канглы, кыпчак, карлук, халаджи и агач-ери. Последние средневековым автором характеризуются как ассимилированные огузами местные лесные племена: «Агачери. В старые времена этого имени не было. В то время как племена Огуза пришли в эти области, толпу из них, которая имела юрт в пределах лесов, назвали этим именем, агач-ери, то есть “лесной человек”, подобно тому как людям из монгольских племен, юрт которых был близ леса, положили имя оин ирген, то есть “лесное племя” [Рашид ад-Дин, 1952: 499]. Следовательно, кимако-кипчакское объединение представляло военный союз уйгуро-огузских племен, сместившихся в Прииртышье и смешавшихся с местными тюркизированными группами угорского и самодийского населения.

Рашид ад-Дин пишет о происхождении кипчаков от эпонима Кипчак – так звали мальчика-сироту, рожденного в дупле дерева во время войны Огуз-кагана с народом ит-барак. Мальчик был усыновлен Огуз-каганом, давшим ему имя Кипчак, т.е. «дерево со сгнившей сердцевиной» [Там же: 84]. В информации Рашид ад-Дина исследователи игнорируют факт усыновления прародителя кипчаков повелителем уйгуров Огуз-каганом, что автоматически по обычаям кочевников повышало статус усыновленного мальчика до статуса родных сыновей, за исключением права наследования. Тем самым персидский историк косвенно донес до нас сведения о высоком статусе племен, составивших на Иртыше кипчакский союз, в «материнской» уйгурской этнической общности. В то же время сведения Рашид ад-Дина говорят об очевидной связи и о сильном влиянии южносибирских этнических групп на происхождение кипчаков. Этнографами изучены погребальные обряды таежных сибирских народов, заключающиеся в захоронении шаманов, детей и почтенных стариков в деревянных колодах, – на ветвях или в дуплах деревьев [Ситнянский, 2001: 175–180]. Символически человек рождался в дупле дерева, олицетворявшего жи-

вотворящую силу природы, и возвращался в него после своей кончины. Несомненно, мифологические представления древних сибиряков были инкорпорированы в привнесенную извне культурную традицию кочевников, благодаря смешению автохтонного населения с пришлыми тюркоязычными группами.

Нельзя согласиться с мнением Ю.С. Худякова о влиянии этносоциальной дифференциации между оседлыми кимаками, выходцами из среды культурных западно-тюркских племен Семиречья и Притяньшанья, и «дикими» кочевниками и охотниками кипчаками на крах кимако-кипчакского союза. Изучение социально-политической истории кочевых народов говорит о том, что за каждой доминирующей группой кочевой аристократии стоят близкие племена, связанные с ними родством происхождения и отношениями военного союзничества, вассальной зависимости или брачными узами. В тюркских и уйгурских кочевых империях каганы опирались на харизматические кланы Ашина и Ашидэ, яглакаров и эдизов. Сельджуки и ранние османские турки возвысились благодаря поддержке племен кынык и каи. Возвышение Чингиз-хана было во многом обусловлено его принадлежностью к харизматичному клану кият-борджигинов, считавших себя «природными» монгольскими правителями, и удачным браком на Борте из племени хунгират – традиционного брачного партнера знатных монгольских родов. В этой связи нам представляется, что исчезновение термина кимак-кимек является результатом не исчезновения городской и оседло-земледельческой культуры в Прииртышье и торжества кочевого образа жизни, а больше связано с уходом носителей этого названия на юг и запад вместе с общим потоком огузских племен. Такими носителями были огузо-уйгурские племена йемеков, баяндуров, зймулов и, вероятно, агач-ери.

Ранняя история кипчаков является примером складывания кочевых этносов не на основе изначальной этнической общности, а в результате межэтнических контактов и взаимных адаптаций с последующим смешением пришлых и автохтон-

ных групп населения. В этом смешении участвовали позднехуннские племена ранних огузов-теле, позднесаяньбийские элементы (татары и, вероятно, часть племен теле), самодийские и угорские этнические группы. Ядро кипчако-кимакского союза, судя по названиям эпонимов, составили огузо-уйгурские племена, мигрировавшие в Прииртышье с территории Монголии и принеся на новую родину традиции градостроительства и земледелия. Если обратиться к мифологическим представлениям огузо-уйгурских племен и кипчаков, дошедшим в изложении китайских, сирийских, арабских и древнерусских письменных источников, нельзя не заметить общего поклонения культу Небесного волка – прародителя уйгуров, проводника и предводителя военных походов. Из текста «Хроники» Михаила Сирийца (1126–1199), точно передающего аутентичное генеалогическое предание огузов и куманов, мы можем сделать заключение об этногенетической и этнокультурной общности огузо-уйгурских и кумано-кипчакских этнических общностей. Михаил Сириец сообщает, что и первое домусульманское вторжение тюрков, и второе вторжение огузов-сельджуков возглавлялось «зверем, подобным собаке»: «Он шел впереди их, и они не могли приблизиться к нему. Когда он хотел идти, он возвышал голос и говорил: “Трогай!”, т.е.: “Вставайте!”, и они вставали и шли за ним, пока он не останавливался, и тогда они располагались. И после того, как он вел их много дней, он исчез, и мы больше ничего не читали и не слышали [о нем]...» [*Михаил Сириец*, 1960: 50–51]. Далее сирийский хронист передает типичную для «варварских» обществ картину разделения единого народа, из-за недостатка пастбищ двинувшегося в разные стороны. Судьбу единства огузо-уйгурских племен решал жребий: «Когда их проводник исчез, они увидели, что очутились среди царей и что земли недостаточно для их поселения; и разделились на три части с тем, чтобы каждая часть ушла в одну сторону: на юг, на север и на середину... Они взяли три палки, поместили их и бросили вверх, т.е. туда, где, как они полагают, есть бог. И когда палки упали на землю, те, чья палка на

юг, пошли в сторону верхней Индии. А до этого все поклялись, что каждый из их лагерей, в какую сторону их ни приведет, будет почитать бога, который почитается жителями той страны, и что они примут веру, которую они найдут у людей той страны. Поэтому те, кто пошел на юг, нашли там христиан и язычников и последовали им. И до сегодняшнего дня одни из них христиане, а другие язычники, почитающие идолов. Те, чей жребий был в северную сторону, находились на границе царства греков, на север от них, и назывались куманами, по имени этой земли. И они присоединились к христианскому народу, который нашли в той земле, хотя их нравы были испорчены. Те, которые отошли в западную сторону, посреди обитаемой [земли]... достигли царства арабов, смешались с [ними], признали и приняли их веру...» [Там же: 52]. В карлуко-уйгурской версии преданий об Огуз-кагане мифическому герою служит сивошерстый, сивогривый высокий волк, указывающий войску путь на ромеев-византийцев, на тибетцев и некий народ «чюрчит». В.А. Гордлевский писал: «Для тюрок волк – священное животное, волк – родоначальник тюрок, их предок... Когда Огуз, сильный и могущественный, идет на страну Урум, страну “румов” (греков), в палатку его пробивается свет. То был волк, который явился указать ему путь...» [Гордлевский, 1947: 328]. На наш взгляд, Михаил Сириец зафиксировал наиболее древнее доисламское этногенеалогическое предание о прародителе Огуз-кагане, ставшее основой для более поздних версий, изложенных мусульманскими историками.

Несомненно, набор этнических различий между кимаками, кипчаками, уйгурами, огузами, карлуками, западными и восточными тюрками был минимален. Это определяло условность и подвижность этнических границ между этносами, разговаривавшими на одном древнетюркском (древнеогузском) языке, имевшими общую культуру и генеалогическую историю, зачастую одинаковый родоплеменной состав. Объединяющим моментом для тюркоязычных и монголоязычных этносов был кочевой образ жизни, определявшей схожесть господствующего

социального порядка и ментальные установки, влиявшие непосредственно на противопоставления себя окружающему миру, на практики включения и исключения индивида и этнических коллективов из системы идентифицирования «свой-чужой». Если судить по генеалогическим историям мусульманских хронистов, куманы и кипчаки были «своими» для огузов, вероятно, представляя одно из военных «крыльев» в кочевых империях тюрко-огузских народов. Эти же генеалогические предания говорят и об отличиях кипчаков от родственных племен, заключающихся в происхождении не только из общего круга огузо-уйгурских племен, но и из этнической среды «лесных народов». Последние представляли тюркизированные группы южносибирских народов и степные угорские элементы, в течение длительного времени инкорпорировавшиеся в состав не только кипчаков, но и их конкурентов – аргынов. Вероятно, смешением с угорскими группами объясняется европеоидность антропологического облика части кипчаков.

Этническая консолидация огузо-уйгурских племен и «лесных» племен в кипчакскую этническую общность могла происходить по тому же пути, каким позже шла этническая интеграция северных алтайцев, включивших элементы разноэтнического происхождения. Консолидация происходила между различными родоплеменными компонентами, устойчиво сохранявшимися после распада этнополитических объединений кочевников. Л.П. Потапов так описывает модель этнической консолидации алтайцев: «Все без исключения охарактеризованные выше группы северных алтайцев смешанного происхождения, причем весьма сложного в этническом отношении, сложного настолько, что почти каждая из них включает в себя собственное сочетание различных этнических компонентов. Несмотря на то, что все упомянутые группы северных алтайцев вполне консолидировались в отношении языка, культуры, быта и территории, они еще не утратили следов, свидетельствующих об их сложном этногенезе. Любопытно, что консолидация их из различных по языку и происхождению древних

этнических элементов... протекала по модели, характерной для древнего первобытно-родового общества. В самом деле, ведь кумандинцы, челканцы и тубалары делились на кровно-родственные сеоки-роды, экзогамные и патрилинейные, обладающие своей родовой территорией, имеющие родовые культы и т.п., хотя в древних генерациях их предки были различными» [Потанов, 1969: 78]. Аналогичным образом по мере распространения кипчаков в их состав вливались угорские, огузские, кангаро-печенежские, западно-тюркские и болгарские племена. Этнические границы между кипчаками и некипчакскими элементами были проницаемы в силу кочевого образа жизни и схожего социально-культурного порядка. При этом этноязыковые и антропологические признаки сходства и различий играли второстепенную роль. Аморфный конгломератный характер кипчакских объединений способствовал проникновению в их среду групп нетюркского происхождения (татары, вероятно каи и куны). После завоевания монголами Дашт-и-Кипчака происходит интеграция кипчакских племен с пришлыми монголоязычными группами – киданями-китаями и курлеутами, а также с мадьярскими племенами Южного Урала. В результате появляются племенные объединения кытай-кипчаков, канглы-кипчаков, мадьяр-кипчаков, курлеут-кипчаков.

Отметим следующие факторы, длительное время стабилизовавшие этнокультурную близость кипчаков, огузов и карлуков: 1) этногенетическая общность происхождения кумано-кипчакских, уйгуро-огузских, карлукских и тюркских этнических общностей из круга позднехунских телеских племен; 2) длительность сохранения в их среде древнетюркского (древнеогузского) языка; 3) господство кочевого милитаризованного образа жизни, характерного для ранних огузов монгольских степей. Переходы отдельных подразделений из одной группы племен в другую были обычным явлением в ранней и в более поздней истории кочевых народов.

Какие же этнодифференцирующие факторы способствовали изменению этнического сознания средневековых кочевни-

ков, приведя к окончательному расколу на огузов и кипчаков? Ключ к пониманию этой проблемы мы найдем в той же «Хронике» Михаила Сирийца, описывающего ассимиляцию пришлых тюрков в местной этнокультурной среде окружающих оседло-земледельческих народов. Огузы-сельджуки, двинувшиеся на запад, попали под влияние арабо-персидской цивилизации, приняли в массе своей ислам и превратились в неистовых гази; южные тюрки на границах Индии (вероятно, халаджи и карлуки) остались язычниками или приняли христианство; северные тюрки-куманы приняли христианство. Следовательно, генерализация этногенеза кипчаков и огузов возможна в ключе социокультурном. Пока кочевники сохраняли пастушеский образ жизни и придерживались культурного порядка, основанного на почитании родового культа предков и идеологии воинов-героев (эров, алпов, батыров), огузы и кипчаки оставались самими собой, даже в случае активных межэтнических миксаций с соседними народами. Оседло-земледельческая и городская культура христианской и исламской цивилизаций разрушала былое этнокультурное единство огузов и кипчаков.

Исходя из вышесказанного, можем предполагать, что этнонимы «кипчаки» и «куманы» имели первоначально этническое содержание, обозначая определенные родоплеменные подразделения огузо-уйгурского и западно-тюркского происхождения. Нахождение в составе алтайского этноса родоплеменных групп кипчаков, кумандинцев («куманды», «кубанды», «кууанды», «кувандыг»), челканцев (самоназвание «ку-кижи» («*ku-kiši*»), или «лебединцы»), говорит в пользу версии О. Прицак и Л.П. Потапова о тождественности термина «куман» этнонимам «половец» и «кыпчак» [*Потапов, 1968: 321*]. Успех кипчакской экспансии способствовал превращению этнонима «кипчак» в политоним, обозначавший племена разноэтнического происхождения, объединенные кочевым образом жизни и определенным социокультурным порядком. Термин «куман» мог нести этносоциальный смысл, обозначая совокупную идентичность представителей вольных кочевых племен (так же как термины

«туркман», «узбек», «казак», «татар»), противопоставлявших себя миру оседлых земледельцев и горожан. Католические миссионеры зафиксировали этносоциальную «куманскую» самоидентификацию восточно-европейских кочевников, сменившуюся после завоевания монголами на «татаро-ногайскую» западнее Волги и «казакскую» и «узбекскую» восточнее Волги.

Особенности этнической истории кипчаков определили специфику складывания более поздних тюркских народов. Однако, на наш взгляд, не следует переоценивать их роль в этногенезе ногайцев, казахов, кыргызов и узбеков, в составе которых присутствуют мощные компоненты других тюркоязычных групп, родственных кипчакам. Речь идет о карлуках, уйгурах, огузах, караханидских тюрках, усунях, канглы, найманах, кытай и т.д. В свою очередь, недооценена роль кипчаков в этнической истории огузоязычных тюркских народов – туркмен, турков, азербайджанцев, хорасанских тюрков.

Библиография

Источники:

- Hudud al-Alam*, 1937: *Hudud al-Alam*, The Regions of the World. A Persian Geography, 372 A.H. – 982 A.D. Translated and explained by V. Minorsky. Oxford UP, London, 1937.
- Абу Дулаф, 1960: *Абу Дулаф*. Вторая записка / Пер. П.Г. Булгакова и А.Б. Халидова. М., 1960.
- Абу-л-Гази, 1958: *Абу-л-Гази*. Родословная туркмен. М.; Л., 1958.
- Ал-Марвази, 1959: *Ал-Марвази Шараф ал-Заман Тахир*. Таба'и ал-хайаван («Природа животных»). Глава о тюрках из трактата / Публ., пер. и введ. А. Храковского // Труды сектора Востоковедения АН КазССР. 1959. Т. 1.
- Арабские источники о тюрках, 1993: Арабские источники о тюрках в раннее средневековье / Сост. Ф.М. Асадов. Баку, 1993.
- Ахмед ал-Якуби, 1939: *Ахмед ал-Якуби*. Книга стран (Китаб ал-Булдан) // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.; Л., 1939.
- Бичурин, 1950: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л. 1950. Т. I.

- Бичурин*, 1991: *Бичурин Н.Я. (Иакинф)*. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста, 1991.
- Плано Карпини*, 1997: *Джованни дель Плано Карпини*. История монгалов. *Гильом де Рубрук*. Путешествия в восточные страны. Книга Марко Поло / Сост. и коммент. М.Б. Горнунга. М., 1997.
- Е Лунли*, 1979: *Е Лунли*. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с китайского, коммент. и приложения В.С. Таскина. М., 1979.
- Ибн ал-Факих ал-Хамадани*, 1993: *Ибн ал-Факих ал-Хамадани*. Известия о странах (Ахбар ал-Булдан) // Арабские источники о тюрках в раннее средневековье / Пер. и коммент. Ф.М. Асадов. Баку, 1993.
- Ибн Хордадбех*, 1986: *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. Н.М. Велихановой. Баку, 1986.
- Михаил Сириец*, 1960: Из хроники Михаила Сирийца // Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане / Пер. и коммент. Р.А. Гусейнова. Баку, 1960.
- Бартольд*, 1973: Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар»: Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг.» // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. Работы по источниковедению. М., 1973.
- История Золотой империи, 1998: История Золотой империи / Пер. Г.М. Розова; отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск, 1998.
- Китайские документы, материалы по истории Восточного Туркестана..., 1994: Китайские документы, материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. / Отв. ред. Г.С. Садвакасов. Алматы, 1994.
- Клавихо*, 1881: *Клавихо Рюи Гонсалес*. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. / Под ред. И.И. Срезневского. СПб., 1881.
- Книга Деда Коркута, 1962: Книга Деда Коркута / Пер. и коммент. В.В. Бартольда. М.; Л., 1962.
- Константин Багрянородный*, 1989: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.
- Кюннер*, 1961: *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии, 1973: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.

- Материалы по истории кочевых народов..., 1989: Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. / Предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. Вып. 1. Сюнну. М., 1989.
- Материалы по истории сюнну, 1973: Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. Вып. 2. М., 1973.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939: Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.; Л., 1939.
- Махмуд аль-Кашигари*, 2005: *Махмуд аль-Кашигари*. Диван Лугат ат-Турк / Пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзовой. Алматы, 2005.
- Муизз ал-Ансаб, 2006: Муизз ал-Ансаб // История Казахстана в персидских источниках / Введение, пер., примеч. Ш.Х. Вохидова. Т. 3. Алматы, 2006.
- Мэн-да бэй-лу, 1975: Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер. Н.Ц. Мункуева. М., 1975.
- Ибн-Фадлан*, 1939: Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и комм. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.
- Рашид ад-Дин*, 1952: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. с перс. Л.А. Хетагурова, ред. и примеч. проф. А.А. Семенова. Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952.
- Робер де Клари*, 1986: *Робер де Клари*. Завоевание Константинополя. М., 1986.
- Тизенгаузен*, 1884: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.
- Худуд аль-Алам, 1973: Худуд аль-Алам / Пер. извлечений с перс. З.Н. Ворожейкиной // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
- Шильтбергер*, 1984: *Шильтбергер Иоганн*. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Предисл., коммент. З.М. Бунятова. Баку, 1984.
- Шихаб ад-дин ан-Насави*, 1996: *Шихаб ад-дин ан-Насави*. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны / Пер. З.М. Бунятова. М., 1996.

Литература:

- Авляев*, 1984: *Авляев Г.О.* К вопросу о происхождении керейтов и их участии в этногенезе средневековых ойратов Джунгарии и калмыков Поволжья // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984.

- Агаджанов, 1969: Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.
- Агаджанов, 1973: Агаджанов С.Г.* Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. Ашхабад. 1973.
- Азбелев, электронный ресурс: Азбелев П.П.* Древние кыргызы. Очерки истории и археологии. Электронная монография // <http://kronk.narod.ru>.
- Алексеева, 1993: Алексеева Е.П.* Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. М., 1993.
- Алексеева, 2002: Алексеева Т.И.* Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002.
- Алехин, 1998: Алехин Ю.П.* Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул, 1998.
- Аманжолов, 2001: Аманжолов С.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алматы, 2001.
- Аннинский, 1940: Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. 3.
- Аристов, 1897: Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских народов // Живая старина. Т. 6. Вып. 3–4. 1897.
- Артамонов, 1962: Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
- Асадов, 1993: Асадов Ф.М.* Ибн ал-Факих ал-Хамадани. Известия о странах. (Ахбар ал-Булдан) // Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993.
- Ахинжанов, 1980: Ахинжанов С.М.* Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.
- Ахинжанов, 1989: Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989.
- Валиди, 2010: Ахметзаки Валиди Тоган.* История башкир / Пер. А.М. Юлдашбаева. Уфа, 2010.
- Бернштам, 1951: Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- Бараба в тюркское время, 1988: Бараба в тюркское время /* Под ред. В.И. Молодина. Новосибирск, 1988.
- Бартольд, 1943: Бартольд В.В.* Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1943.

- Бартольд*, 1963: *Бартольд В.В.* Киргизы. Исторический очерк // Соч. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963.
- Бартольд*, 1968а: *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких племен Средней Азии. Соч. Т. 5. 1968.
- Бартольд*, 1968б: *Бартольд В.В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов / Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. М., 1968б.
- Башкирские шежере, 1960: Башкирские шежере / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа, 1960.
- Бернштам*, 1951: *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- Бокищанин*, 1980: *Бокищанин А.А.* Введение // Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. М., 1980.
- Большаков, Халидов*, 1987: *Большаков О.Г., Халидов А.Б.* Предисловие. Ат-Табари как источник для истории народов СССР // История ат-Табари / Пер. В.И. Беляева. Ташкент, 1987.
- Борисенко, Скобелев, Худяков*, 2000: *Борисенко А.Ю., Скобелев С.Г., Худяков Ю.С.* Основные проблемы изучения культуры древних тюрков в Центральной Азии // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000.
- Борисенко, Худяков*, 2002: *Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Изучение средневековых бронзовых бляшек с изображением всадников в Южной Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2002.
- Боровкова*, 1989: *Боровкова Л.А.* Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989.
- Боровкова*, 2001: *Боровкова Л.А.* Царства «западного края» во II–I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М., 2001.
- Булгаков, Халидов*, 1960: *Булгаков П.Г., Халидов А.Б.* Арабский путешественник X века Абу Дулаф и его «Вторая записка» // Абу Дулаф. Вторая записка. М., 1960.
- Бутанаев, Худяков*, 2000: *Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.* История енисейских кыргызов. Абакан, 2000.
- Вадецкая*, 1995: *Вадецкая Э.Б.* Динлино-гяньгуньская гипотеза в истории археологии Сибири // Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 1. Омск, 1995.

- Вадецкая*, 1999: *Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири // *Петербургское востоковедение*. СПб., 1999.
- Вамбери*, 2006: *Вамбери А.* Примитивная культура тюрко-татарского народа // *Немецкие исследователи в Казахстане: История Казахстана в западных источниках XII–XX вв.* / Сост. И.В. Ерофеева. Алматы, 2006.
- Востров, Муқанов*, 1968: *Востров В.В., Муқанов М.С.* Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968.
- Греков, Якубовский*, 1950: *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
- Гаврилова*, 1965: *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Гаврилова*, 1974: *Гаврилова А.А.* Сверкающая чаша с Енисея (к вопросу о памятниках уйгуров в Саяно-Алтае) // *Бронзовый и железный век Сибири: Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь*. Вып. 4. Новосибирск, 1974.
- Галкина*, 2003: *Галкина Е.С.* К проблеме локализации народов Восточной Европы на этнической карте географов «школы ал-Джайхани» // *Ученые записки Центра арабских исследований Института востоковедения РАН*. М., 2003.
- Гальперин*, 2008: *Гальперин Ч.Дж.* Кыпчакский фактор: ильханы, мамлюки и Айн-Джалут // *Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии*. Т. VI. Донецк, 2008.
- Ганиев*, 2006: *Ганиев Р.Т.* Восточно-Тюркский каганат в Южной Сибири и Центральной Азии во второй половине VI – первой половине VIII вв. Автореф. дисс... к.и.н. Екатеринбург, 2006.
- Гаркавец*, 2007: *Гаркавец А.Н.* Codex Cumanicus. Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII–XIV вв / Вступит. статья, тюркологич. транскрипция, коммент. и пер. Гаркавец А.Н. // *Кыпчакское письменное наследие*. Т. II. Алматы, 2007.
- Гаркавец А.Н.* Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. Алма-Ата, 1987.
- Гибб*, 1960: *Гибб Х.А.Р.* Мусульманская историография // *Гибб Х.А.Р. Арабская литература* / Пер. с англ. П.А. Грязневича. М., 1960.
- Голден*, 2004: *Голден П.* Кыпчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // *Монгольская империя и кочевой мир* / Под ред. Б.В. Базарова и др. Улан-Удэ, 2004.

- Голден*, 2008: *Голден П.* Религия кыпчаков средневековой Евразии / Пер. В.П. Костюкова // *Степи Европы в эпоху средневековья / Труды по археологии.* Т. 6. Донецк, 2008.
- Гордлевский*, 1941: *Гордлевский В.А.* Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.; Л., 1941.
- Гордлевский*, 1947: *Гордлевский В.А.* Что такое «босый волк» // *Изв. АН СССР.* 1947. № VI. Вып. 4.
- Грум-Гржимайло*, 1926: *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926.
- Грум-Гржимайло*, 1998: *Грум-Гржимайло Г.Е.* Белокурая раса в Средней Азии // *Гумилев Л.Н. История народа хунну / Сост. и общ. ред. А.И. Куркчи: В 2-х кн. Кн. 1.* М., 1998.
- Груссе*, 2005: *Груссе Р.* Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан. Ч. I // *История Казахстана в западных источниках XII–XX вв.* Т. I. Алматы, 2005.
- Грязнов*, 1956: *Грязнов М.П.* История племен Верхней Оби по материалам раскопок у с. Большая Речка // *Материалы и исследования по археологии СССР.* М.; Л., № 48. 1956.
- Гумилев*, 1959: *Гумилев Л.Н.* Динлинская проблема: Пересмотр гипотезы Г.Е. Грум-Гржимайло в свете новых исторических и археологических материалов // *Изв. Всесоюз. Географич. общества СССР.* 1959. Т. 91. № 1.
- Гумилев*, 1998: *Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1998.
- Дашибалов*, 2007: *Дашибалов Б.Б.* «Алтайская проблема»: К ранним этапам культурогенеза монгольских народов // *Проблемы исторического развития монгольских языков. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2007 г.).* СПб., 2007.
- Деревянко*, 1978: *Деревянко Е.И.* Тюркские элементы в погребальном обряде амурских племен I тыс. н.э. // *Древние культуры Алтая и Западной Сибири.* Новосибирск, 1978.
- Добродомов*, 1978: *Добродомов И.Г.* О половецких этнонимах в древнерусской литературе // *Тюркологический сборник.* 1975. М., 1978.
- Дробышев*, 2010: *Дробышев Ю.И.* Политика киданей в Центральной Азии // *Общество и государство в Китае: XL научная конференция.* / Уч. зап. Отдела Китая ИВ РАН. М., 2010. Вып. 2.
- Евстигнеев*, 2011: *Евстигнеев Ю.А.* Кипчаки, куньы, половцы, куманы – один этнос или четыре? // *Лавровский сборник. Материалы*

- XXXIV и XXXV среднеазиатско-кавказских чтений 2010–2011 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2011.
- Евстигнеев*, 2011: *Евстигнеев Ю.А.* Половцы: кто они? К вопросу об этнической идентичности половцев // Общество. Среда. Развитие. СПб., 2011. № 2.
- Егоров*, 1994: *Егоров В.Л.* Русь и ее южные соседи в X–XIII веках // Отечественная история. 1994. № 6.
- Еремеев*, 1971: *Еремеев Д.Г.* Этногенез турок. М., 1971.
- Жамкочян*, 1979: *Жамкочян А.С.* Книга ал-Булдан. Предисловие // Ибн ал-Факих. Ахбар ал-Булдан (Известия о странах). Ереван, 1979.
- Закиев*, 1995: *Закиев М.* Татары: Проблемы истории и языка. Казань, 1995.
- Зуев*, 1960: *Зуев Ю.А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из китайского сочинения 8–10 вв. «Танхуйао» // Тр. Ин-та Истории, Археологии и Этнографии АН Казахской ССР. Алма-Ата, Т. 8. 1960.
- Зуев*, 1972: *Зуев Ю.А.* «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина как источник по ранней истории джалаиридов // Письменные памятники Востока. 1969. М., 1972.
- Зуев*, 1998: *Зуев Ю.А.* Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 1998. Вып. 2.
- Зуев*, 2004: *Зуев Ю.А.* Каганат се-яньто и кимеки (к Тюркской этнографии Центральной Азии в середине 7 в.) // *Shygys*, 2004. № 2.
- Зуев*, 2004а: *Зуев Ю.А.* Самое сильное племя // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в 13–18 вв. Материалы международного круглого стола, Алматы 2004а.
- Ибрагимов*, 1958: *Ибрагимов С.К.* Махмуд Кашгарский о расселении племен на территории Казахстана в X в. // Вестник АН Каз.ССР. 1958. № 11(164).
- Иванов*, 1937: *Иванов П.П.* Восстание Китай-кипчаков в Бухарском ханстве. 1821–1825 гг. М.; Л., 1937.
- Илюшин*, 2002: *Илюшин А.М.* К дискуссии вокруг понятия «сросткинская культура» // Древности Алтая. 2002. № 8.
- Инков*, 2001: *Инков А.А.* Древняя Русь и половцы во второй половине XI – первой трети XIII века. Дисс. к.и.н. Саранск, 2001.
- Исмагулов*, 1970: *Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970.

- Истомин*, 2000: *Истомин А.А.* Шошоны // Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 2000.
- История Казахстана с древнейших времен, 1996: История Казахстана с древнейших времен / Под ред. М.К. Козыбаева. Алматы, 1996.
- Катанов*, 1893: *Катанов Н.Ф.* Среди тюркских племен // Изв. РГО. СПб., 1893. Т. 29. Вып. 6.
- Киселев*, 1949: *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири: Мат. и исслед. по археологии СССР. М.; Л., 1949. № 9.
- Кляшторный*, 1986: *Кляшторный С.Г.* Кипчаки в рунических памятниках // *Türcologica*, 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л.: 1986.
- Кляшторный*, 1980: *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись // Советская тюркология. М., 1980. № 3. С. 82–95.
- Кляшторный*, 1983: *Кляшторный С.Г.* Тэсинская стела (Предварительная публикация) // Советская тюркология. 1983. № 6.
- Кляшторный*, 1986: *Кляшторный С.Г.* Кипчаки в рунических памятниках // *Türcologica*, 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л.: 1986.
- Кляшторный*, 1993: *Кляшторный С.Г.* Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // *Mongolica*. К 750–летию «Сокровенного сказания». М., 1993.
- Кляшторный*, *Савинов*, 2005: *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Кляшторный*, *Султанов*, 1992: *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы, 1992.
- Кляшторный*, *Султанов*, 2009: *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. СПб., 2009.
- Ковалевский*, 1950: *Ковалевский А.П.* О степени достоверности ибн-Фадлана // Исторические записки. Т. 35. 1950.
- Коновалов*, 1985: *Коновалов П.Б.* Некоторые итоги и задачи изучения хунну // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
- Коновалов*, 2002: *Коновалов П.Б.* Две ветви монгольского этногенеза // VIII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.) Доклады российской делегации. М., 2002. С. 60–66.
- Коновалова*, 2006: *Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М., 2006.

- Кононов*, 1958: *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абул-гази, хана хивинского. М.; Л., 1958.
- Костомаров*, 1903: *Костомаров Н.И.* Черты народной южнорусской истории // Исторические монографии и исследования. Т. 1. СПб, 1903.
- Красовский*, 1868: *Красовский Н.И.* Область сибирских киргизов. Ч. I. СПб., 1868.
- Крачковский*, 2004: *Крачковский И.Я.* Арабская географическая литература. М., 2004.
- Крюков*, 2001: *Крюков М.В.* Сыма Цянь и его «Исторические записки» // Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I / Памятники письменности Востока. XXXII, 1. М., 2001.
- Крюков*, *Малявин*, *Софронов*, 1984: *Крюков М.В.*, *Малявин В.В.*, *Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984.
- Крюков*, *Малявин*, *Софронов*, 1987: *Крюков М.В.*, *Малявин В.В.*, *Софронов М.В.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987.
- Ксенофонов*, 1992: *Ксенофонов Г.В.* Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск, 1992.
- Куббель*, 1960: *Куббель Л.Е.*, *Матвеев В.В.* Ахмед ал-Якуби // Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 1. Арабские источники VII–X вв. М.; Л., 1960.
- Кузеев*, 1974: *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.
- Кузембаев*, 2008: *Кузембаев Н.Е.* История изучения кипчакских племен в России (XVIII–XX вв.). Дисс... к.и.н. Павлодар, 2008.
- Кумекоев*, электронный ресурс: *Кумекоев Б.Е.* Об этнониме и этносе «кипчак» в диахронии. Электронный ресурс. [http: centralasia.boxmail](http://centralasia.boxmail).
- Кумекоев*, 1972: *Кумекоев Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
- Кумекоев*, 1987: *Кумекоев Б.Е.* Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII–XIV вв. Алма-Ата, 1987.
- Кумекоев*, 1990: *Кумекоев Б.Е.* Об этническом составе кипчаков в XI – нач. XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II. М., 1990.

- Кумеков*, 2001: *Кумеков Б.Е.* О триаде этнополитических объединений кипчакского мира по мусульманским источникам // Древнетюркская цивилизация: памятники письменности. Алматы, 2001.
- Кумеков*, 2002: *Кумеков Б.Е.* Кипчаки: этнос и этноним // Право и государство. 2002. №1 (24).
- Кумеков*, 2008: *Кумеков Б.Е.* Казахи и венгры: общие исторические корни // Научный мир Казахстана. Астана; Шымкент, 2008. № 1.
- Кумеков*, 2008а: *Кумеков Б.Е.* Кимекский каганат // Большой атлас истории и культуры Казахстана. Алматы, 2008а.
- Куник*, 1854: *Куник А.* О торкских печенегах и половцах по венгерским источникам // Зап. Академии наук. СПб., 1854. Отд. I, III.
- Кушкумбаев*, 2011: *Кушкумбаев А.К.* Мадыяры, тюрки, кыпчаки: историческая связь сквозь тысячелетие // Иран-наме. 2011. № 3.
- Кызласов*, 1983: *Кызласов И.Л.* Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. // Свод археологических источников. М., 1983. Вып. ЕЗ–18.
- Кызласов*, 1981: *Кызласов Л.Р.* Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981.
- Кычанов*, 1980: *Кычанов Е.И.* Монголы в VI – первой половине VII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.
- Левшин*, 1996: *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких гор и степей. Алматы, 1996.
- Литвинский*, 1990: *Литвинский Б.А.* Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье // Проблемы этногенеза и этнической истории Средней Азии и Казахстана. Вып. I. М., 1990.
- Малов*, 1951: *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951.
- Малов*, 1959: *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.
- Малявкин*, 1981: *Малявкин А.Г.* Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск, 1981.
- Малявкин*, 1983: *Малявкин А.Г.* Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983.
- Малявкин*, 1989: *Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.
- Маркварт*, электронный ресурс: *Маркварт Й.* О происхождении народа куманов / Пер. А. Немировой. <http://steppe.hobi.ru/books/markvart1-00.shtml>.

- Мелихов, 1969: Мелихов Г.В.* «Да Цин личао шулу» как исторический источник // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. М., 1969.
- Могильников, 1981: Могильников В.А.* Кимаки. Сросткинская культура. Карлуки // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981.
- Могильников, 2002: Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002.
- Мункуев, 1965: Мункуев Н.Ц.* Обзор основных китайских источников по истории Монголии и Китая XIII–XIV вв. // Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-Цая. М., 1965.
- Нацагдорж, электронный ресурс: Нацагдорж Б.* Mongγol-un niγuᠠᠳ tobᠿiуаn как источник по истории протомонголов. Электронный ресурс. <http://www.eurasica.ru>.
- Неразик, 1968: Неразик Е.Е.* О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья в IV–VIII вв. // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Петров, 1960: Петров К.И.* Этногенез киргизов и их движение на Тянь-Шань в XIII–XV вв. // Изв. АН Киргизской ССР. Серия обществ. наук. Т. II. Вып. 3 (История). Фрунзе, 1960.
- Петров, 1961: Петров К.И.* К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII–XV вв. Фрунзе, 1961.
- Петров, 1963: Петров К.И.* Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963.
- Плетнева, 2003: Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). Воронеж, 2003.
- Полосьмак, 2005: Полосьмак Н.В.* Пурпур и золото тысячелетий // Наука из первых рук. 2005. № 1(4).
- Потанов, 1966: Потанов Л.П.* Этноним теле и алтайцы // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. М., 1966.
- Потанов, 1968: Потанов Л.П.* Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Потанов, 1969: Потанов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев: Историко-этнографический очерк. Л., 1969.
- Потанов, 1972: Потанов Л.П.* Тюльберы енисейских рунических надписей // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972.

- Потанов, 1972: Потанов Л.П.* Тубалары горного Алтая // Этническая история народов Азии. М., 1972.
- Потанов, 1974: Потанов Л.П.* Заметка о происхождении челканцев-лебединцев // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Потанов, 1978: Потанов Л.П.* Исторические связи Алтае-саянских народов с якутами (по этнографическим материалам) // Советская этнография. 1978. № 5.
- Прозоров, 1980: Прозоров С.М.* Арабская историческая литература в Ираке, Иране и Средней Азии в VII – середине X в. Шиитская историография. М., 1980.
- Радлов, 1893: Радлов В.В.* К вопросу об уйгурах // Из предисловия к изданию Кудатку Билика / Приложение к Т. 72 записок Имп. Академии Наук. СПб., 1893. № 2.
- Радлов, 1989: Радлов В.В.* Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989.
- Рамstedт, 1913: Рамstedт Г.И.* Как был найден Селенгинский камень // Труды Троицко-Кяхтинского отд. РГО. 1913. Т. 15.
- Рассадин, 2007: Рассадин В.И.* О тюркском влиянии на развитие монгольских языков // Проблемы исторического развития монгольских языков: мат-лы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2007 г.). СПб., 2007.
- Румянцев, 1962: Румянцев Г.Н.* Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962.
- Савинов, 1979: Савинов Д.Г.* Зооморфные изображения на оленных камнях // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979.
- Савинов, 1984: Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Савинов, 1992: Савинов Д.Г.* К исторической оценке генеалогической легенды кимаков // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений. 1990–1991. СПб, 1992.
- Савинов, 1994: Савинов Д.Г.* Государство и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994.
- Савинов, 2000: Савинов Д.Г.* Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: 2000.

- Савинов*, 2005: *Савинов Д.Г.* Древнетюркские племена в зеркале археологии // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Савинов*, 2011: *Савинов Д.Г.* Южная и Западная Сибирь в I тыс. н.э. (проблема культурных контактов и взаимодействия) // Тр. II (XVIII) Археологического Съезда. М., 2011. Т. IV (доп.).
- Сагадаев, Октябрьская*, 1990: *Сагадаев А.М., Октябрьская И.В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.
- Ситнянский*, 2001: *Ситнянский Г.Ю.* О происхождении древнего киргизского погребального обряда // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. М., 2001.
- Скржинская*, 2000: *Скржинская Е.Ч.* Половцы. Опыт исторического истолкования этникона // Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000.
- Сокровенное Сказание..., 1941: Сокровенное Сказание. Монгольская хроника 1240 г. / Пер. С. Козина. Том 1. М., 1941.
- Сухбаатар*, 1975: *Сухбаатар Г.* К вопросу об этнической связи между хунну и сяньби // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
- Сухбаатар*, 1976: *Сухбаатар Г.* К вопросу об этнической принадлежности хуннов (сюнну) // Проблемы Дальнего Востока. 1976.
- Таскин*, 1979: *Таскин В.С.* «История государства киданей» как исторический источник // Е Лунли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с китайского, коммент. и прилож. В.С. Таскина. М., 1979.
- Тихонов*, , 1966: *Тихонов Д.И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства. X–XIV века. М.; Л., 1966.
- Толочко*, 2003: *Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003.
- Троицкая*, 1980: *Троицкая Т.Н.* Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1980.
- Троицкая*, 1988: *Троицкая Т.Н.* Верхнеобская культура лесостепного Приобья (V–VIII вв.) // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск, 1988.
- Уманский*, 1974: *Уманский А.П.* Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири: Ма-

- териалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск: 1974.
- Федоров Я.А., Федоров Г.С.*, 1978: *Федоров Я.А., Федоров Г.С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
- Федоров-Давыдов*, 1966: *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Харузин*, 1895: *Харузин А.Н.* К вопросу о происхождении киргизского народа // Этнографическое обозрение. 1895. Вып. XXVI.
- Хенниг*, 1961: *Хенниг Р.* Неизвестные земли. Т. 2. М., 1961.
- Ходжайов*, 1987: *Ходжайов Т.К.* Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (Антропологические исследования). Ташкент, 1987.
- Храпачевский*, 2009: *Храпачевский Р.П.* О китайских и монгольских источниках по истории Восточной Европы в XIII–XIV вв. // Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники. Т. III. М., 2009.
- Худяков*, 2001: *Худяков Ю.С.* Проблемы истории древних кыргызов (первоначальное расселение) // Этнографическое обозрение. 2001. № 5.
- Худяков*, 2004: *Худяков Ю.С.* О Происхождении культуры средневековых кыпчаков // Древности Алтая. Межвузовский сборник научных трудов. Горно-Алтайск, 2004. № 12.
- Худяков, Плотников*, 1995: *Худяков Ю.С., Плотников Ю.А.* Рубящее-колющее оружие кимаков. Кемерово, 1995.
- Цыдендамбаев*, 1972: *Цыдендамбаев Ц.Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.
- Черников*, 1951: *Черников С.С.* Восточноказахстанская экспедиция // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXXVII. М.; Л., 1951.
- Черников*, 1960: *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М., 1960.
- Шаниязов*, 1974: *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории узбекского народа: (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974.
- Шартье*, 2000: *Шартье Р.* Письменная культура и общество. М., 2006.
- Шильтбергер*, 1984: *Шильтбергер Иоганн.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год – Предисловие, комментарии З.М. Буниятова. Баку, 1984.

- Щербак*, 1986: *Щербак А.М.* Тюркско-монгольские языковые связи (К проблеме взаимодействия и смешения языков) // Вопросы языкознания. 1986. № 4. С. 47–59.
- Щербак*, 1997: *Щербак А.М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб., 1997.
- Щербак*, 2005: *Щербак А.М.* Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб., 2005.
- Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе, 2010: Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье) / Под ред. П.Б. Коновалова. Улан-Удэ, 2010.
- Юдин*, 1965: *Юдин В.П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахами и другими соседними народами // Известия АН Казахской ССР. 1965. № 3.
- Allsen*, 1983: *Allsen T.* Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237 // Archivum Eurasiae medii aevi. 1983. № 3.
- Haarmann*, 2002: *Haarmann H.* Kumanisch // Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10. Wieser, Klagenfurt, 2002.
- Pritsak*, 1976: *Pritsak O.* The Pechenegs. A Case of Social and Economic Transformation. Lisse, 1976.
- Pritsak*, 1982: *Pritsak O.* The Polovcians and Rus // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. Vol. 2.
- Pritsak*, 1982a: *Pritsak O.* The Hunnic Language of the Attila Clan // Harvard Ukrainian Studies. Vol. VI. № 4. Massachusetts, 1982a.
- Pritsak*, 2002: *Pritsak O.* The Turko-Slavic Symbiosis: Turkic Nomads of Southeastern Europe // The Turks. Ankara, 2002. Vol. 1.
- Ramstedt*, 1913: *Ramstedt G.J.* Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1913. T. XXX.
- Sinor*; *Geng Shimin*, *Kychanov*, 1998: *Sinor D.*, *Geng Shimin*, *Kychanov Y.I.* The Uighurs, the Kyrgyz and the Tangut (eighth to the thirteenth century) // History of civilizations of Central Asia. Vol. IV. 1998. UNESCO.
- Vasary*, 2005: *Vasary I.* Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005.

**Гагаузы Греции и Бессарабии.
Историко-культурный сравнительный
анализ**

Изучение истории и культуры гагаузов, проживающих в различных странах, позволяет исследовать особенности исторического развития, а также процессы устойчивости или изменчивости исторических и культурных традиций, а также степень сохранения различными группами гагаузов своих этнокультурных особенностей.

В XIX в. в Греции и в Бессарабии сформировались две большие группы гагаузов, имеющие ряд отличий в духовной и материальной культуре. Это происходило на протяжении длительного времени в результате отсутствия контактов и культурных связей, а также проживанием в государствах с различным социально-экономическим уровнем развития, культурой и языками. Формирование каждой группы гагаузов имеет свою специфику, в то же время, им присущи общие моменты и особенности. Русский этнограф В.А. Мошков отмечал, что «задунайские гагаузы далеко не представляют собою сплошной однообразной массы. Кроме того, что они разнятся между собою своими наречиями в зависимости от окружающих их говоров турецкого народа» [Мошков, 2005: 41].

История и культура бессарабских гагаузов за последние столетия изучена достаточно хорошо. В то же время, специальных исследований по истории, культуре, языку греческих гагаузов до настоящего времени не проводилось. Скучные источники, малочисленные публикации создают сложности в исследовании данной темы. Материалы по этой теме собирались во время экспедиций по гагаузским селам Греции, в историко-этнографическом музее города Орестиада, городском музее города Александрополиса, музее города Неа Зихна, в Балканском научном центре в городе Салоники, а также в национальной библиотеке Турции в г. Анкара.

Первое упоминание о том, что бессарабские гагаузы – это болгары, говорящие на турецком языке, в 1854 году сделал русский ученый П. Кеппен [*Коеppen*, 1854: 197]. Первая публикация о гагаузах в периодической печати Османской империи появляется в 1867 г. в издаваемой неким Ivan Petri в Стамбуле на французском языке газете «Courrrient d’Orient». Этот же материал был перепечатан в газете «Науâl» под заголовком «Гагауз» [*Karakartal*, 1997: 166–167]. Данная публикация, небольшая по объему, интересна тем, что это одно из первых упоминаний о гагаузах во второй половине XIX в.

В 1923 г., в соответствии с *Лозаннским соглашением* [СЭС, 1984: 721], произошел греко-турецкий обмен населением по религиозному признаку, и гагаузы, проживавшие в Турции вместе с греческим населением, переселились в Грецию, а турецкое население из Греции – в Турцию. В Турции гагаузы жили до 1923 г. «в 17 селах» [*Мошков*, 2005: 55], к востоку от реки Марица и к северу от реки Эргене, «в казах: Адрианопольской, Демотике, Узун-Кöпрю, Баба-Эскийской и Лозенградской» [Там же: 56]. «В Греции гагаузы обосновались в 26 населенных пунктах, большая часть которых расположена в греческой Фракии» [*Коçаридиç*, 2009: 337]. В 1819 г. бессарабские гагаузы проживали в «26 селениях (колониях)» [Сборник документов, 1957: 542–547], на юге Российской империи, затем основали еще 10 сел [Фотоальбом «Гагаузия», 2009: 314]. Сегодня гагаузы проживают в 36 населенных пунктах (27 населенных пунктов – на территории Республики Молдова, в АТО Гагаузия (Гагауз Ери), 9 сел – на территории Украины).

Впервые по итогам Всероссийской переписи 1897 г. гагаузы были учтены как отдельный этнос. Национальное самосознание гагаузов Бессарабии в конце XIX – начале XX вв. находилось в процессе формирования. В начале XX в. в Бессарабии начали печатать религиозные книги и издавать религиозную газету на гагаузском языке.

Первые сведения о гагаузах, проживавших в Турции, в окрестностях города Эдирне (Андрополя), в конце XIX в.

дает чешский ученый Константин Иречек: «Уголок сургучей я знаю понаслышке. Их становище – 5–6 сел в Одринском округе и несколько поселений в Хафсе и Баба-Ескиси, о пути из Одрина в Царьград. В Кызел-Агаче в Восточной Румелии, в низовье Тундженской долины я слышал, что их называют также Зелевци. Они, должно быть, абсолютно похожи на гагаузов; они – православные христиане, говорят по-турецки и в большинстве своем – виноделы» [Иречек, 1889: 211].

В 1903 г. русский этнограф В.А. Мошков совершил путешествие на Балканский полуостров, побывав у гагаузов-сургучей, о которых упоминал К. Иречек. В.А. Мошкову удалось посетить лишь одно из сел гагаузов-сургучей под названием Кара Касым, собрав за один день пребывания в этом селе «довольно порядочно материала и составил этнографическую карту ближайших окрестностей Адрианополя» (Едирне) [Мошков, 2005: 55]. По подсчетам Мошкова, «из списка сургучских сел видно, что их всего 17» [Там же: 56] в казах (волостях) Андрианополя, Демоника, Узун-Кёпрю, Баба-Эски и Лозенград, в количестве «около 7330 душ обоего пола» [Там же: 56]. В этой местности гагаузы-сургучи жили в селах Азатлы, Кара-Касым, Олпаша, Шараплар, Аслаан, Кулели, Имам Пазар, Османлий, Карасыклий, Татаркиой. Гагаузы жили также в городе Хавса и недалеко от города Димотика в селе Инджекиой. В.А. Мошков отметил, что «сургучей в Андрианополе называют не только этим именем, но еще и гагаузами» [Мошков, 2005: 56]. Относительно языка гагаузов-сургучей Мошков пишет, что он «чрезвычайно близок к наречию болгарских гагаузов» [Градешилев, 1998: 434]. Оставаясь верным себе, Мошков указывает на диалектные отличия языка сургучей. В частности, интересно, что гагаузы-сургучи, отвечая на вопрос утвердительно там, где болгарские гагаузы говорят на болгарском «да», а османы «эввет», сургучи говорят, как немцы, «йа» или «йо». Мошков отметил, что гагаузы-сургучи, живущие в селах вокруг г. Адрианополя (Едирне), ставят на могилу камни, на которых рисуют человеческие фигуры и знаки профессии погребенного. Если

«земледелец, то рисуется плуг, запряженный волами, если скотовод, то человек, гонящий баранов, если женщина, то веретено» [Мошков, 2005: 58]. Такого рода обычай рисовать на могильных камнях рисунок, связанный с профессией усопшего, у гагаузов Бессарабии этнографами не отмечался.

Болгарский исследователь К. Младенов в 1938 г. изучал переселенцев из Турции из села Азатлы, Татаркиой, Олпаша, которые впоследствии поселились в Болгарии. В 1923 г. именно из этих сел часть гагаузов переселилась в Грецию. К. Младенов интересовал также вопрос, кем себя считают переселенцы из этих сел в этническом плане. Переселенцы считали себя гагаузами. Никто из них не назвал себя *сургучом* [Младенов, 1938: 55]. Современные греческие гагаузы идентифицируют себя как гагаузы, и термин «сургуч» [Информатор: Каитас, 1927] в их среде не употребляется. В Бессарабии термин «сургуч» вообще неизвестен гагаузам и окружающим их народам.

Самая большая группа гагаузов поселилась в области Западной Фракия в Греции. Это историческая область на востоке Балканского полуострова, между Эгейским, Черным и Мраморным морями. (Восточная Фракия находится в составе Турции, Западная Фракия – в составе Греции, а Северная Фракия – в составе Болгарии). Эти границы установлены *Лозаннским мирным договором от 1923 г.* [СЭС, 1984: 1422], Ушедшие из Турции гагаузские переселенцы поселились в греческой Фракии, недалеко от турецкой границы. В настоящее время гагаузы проживают [Коçаридиç, 2009: 338–339], в основном, на севере Эвроса, в селах вокруг Орестиады и Дидимотихо. Район Орестиады: села Аммовуно, Арзос, Валтос, Дилофос, Фурио, Кавили, Канадас, Керамос, Клисо, Криос, Кипринос, Лепти, Инои, Орменио, Пали, Плати, Пиргос, Сагини, Саккос, Спилио, Филакио. В районе Дидимотихо: в селах Асвестадес, Евгенико, Кости, Пуля, Савра. Села гагаузов есть и вокруг Комотини, Амфия и Неа Калисти, в Манганах Ксантис, в Хрисохорафа и Новой Зихни Серрес, Лагада, Ираклио, в Периволаки и Калохори Са-

лоник, а также рассеянные семьи в префектуре Килкис и в деревнях в Фессалии.

Гагаузы, как и другие переселенцы из Турции, после переселения в Грецию получили примерно по 28 гектаров земли на семью, одну корову и материальную помощь со стороны правительства для обустройства на новом месте. Гагаузы Бессарабии в 1819 г. получили от правительства Российской империи по 60 десятин земли на семью и статус колонистов.

Город Неа Орестиада также был основан в 1923 г. гагаузскими и другими греческими беженцами из Восточной Фракии. Город расположен в северо-восточном крае области Эврос в Западной Фракии, в долине одноименной реки, недалеко от ее русла и является экономическим и административным центром. Это растущий город, и вместе с 7 его пригородами составляет общую численность населения около 30 тысяч человек. Прибывшие в 1923 г. в Грецию беженцы-гагаузы села Шараплар обосновались на окраине города Неа Орестиада, «основав село Инои. Вскоре село разделилось на два поселения: Като (нижний) Инои и Ано (верхний) Инои, которые в настоящее время являются двумя из семи прилегающих пригорода города Неа Орестиада» [Фольклорно-культурное общество «Красохори», 2007: 2].

Вторая группа гагаузов обосновалась в *греческой Македонии* [Αρχυριαδης, 2002: 173–175], где они основали новое село Хрисохорофа и село Неа Каллисти. Жители этих сел, в основном, переселенцы из Турции, из села Кара Халил, что в окрестностях города Кыркларели (Лозенград). Село Хрисохорофа известно в Греции тем, что местные гагаузы разводят буйволов, из молока которых готовят *сыры* [Информатор: Гонас, 1954].

Центром греческой Македонии является г. Салоники – второй по экономическому значению город Греции. «Македония – историческая область в центральной части Балканского полуострова. В результате Балканских войн 1912–1913 гг. Македония (находившаяся с XIX в. под турецким господством) была разделена между Сербией (Вардарская Македония), Гре-

цией (Эгейская Македония) и Болгарией (Пиринский край)» [СЭС, 1984: 744].

Третья группа гагаузов проживает в греческой Македонии в городе Неа Зихни, но гагаузы, в отличие от первых двух групп гагаузов, являются коренными жителями этой местности. Необходимо пояснить, что в десяти километрах от Неа Зихни находится старинная крепость Зихна, а рядом – развалины села Зихна. В преданиях зихненских гагаузов рассказывается о том, что их предки жили в селе рядом со старинной крепостью и пережили времена османского нашествия и захват самой крепости. Гагаузы, проживающие в городе Неа Зихни, считают себя *«хасыл гагаузами» («настоящие гагаузы»)* [Πραξιοῦτη Δασκαλοῦ, 1998: 165–167]. Некоторые сведения о гагаузах Македонии XIX в. дает тот же В.А. Мошков, при этом ссылаясь на книгу Василя Кунчова «Македония», изданной в Софии в 1900 г., где пишет: «Есть еще горсточка турок-христиан. Они живут в Солунском вилайете Серском санджаке Захненской казе в селах: Зеляхово, Дольна Нуска, Порна, Захна, Орехово, Толос, Старо-Сер, Горна Нуска, Росилово и Эридере. Всего их около 4000 душ. Они принадлежат к греческой церкви и называют себя греками, но греческого языка не знают» [Мошков, 2005: 59].

Бессарабские гагаузы являются потомками переселенцев из Болгарии в XVIII–XIX вв. На формирование бессарабского сообщества гагаузов оказал большое влияние Указ [Сборник документов, 1957: 153–158] от 29 декабря 1819 г., по которому каждая переселенческая семья получала бесплатно 60 десятин казенной земли в вечное потомственное пользование. Им предоставлялось право покупки в собственность земель у помещиков Новороссийских губерний. Переселенцам предоставлялись права заводить фабрики и заниматься ремеслами, продавать свои изделия по всей империи, заниматься торговлей и вступать в гильдии и цехи. Им предоставлялось право перехода из звания колонистов в другие звания. Все переселенцы освобождались от воинской и гражданской службы и от воинского постоя. Территория, отводившаяся задунайским переселенцам,

разделялась в административном отношении на четыре округа. Переселенцы освобождались от уплаты казенных податей и повинностей в зависимости от времени и обстоятельств поселения в Бессарабии. До 1870-х годов задунайские переселенцы пользовались правами колонистов и считались особой категорией крестьян. Льготы и обязанности задунайских переселенцев зафиксированы в «Уставе о колониях иностранцев в империи», выработанном в начале 1840-х годов. В целом, эта категория колонистов [Топузлу, Анцупов, 1993: 27] по своему социально-правовому положению стояла ближе всего к немецким колонистам и находилась в более привилегированных условиях, чем государственные крестьяне и казаки. В Бессарабии сформировался институт колонистской администрации, который занимался размещением колонистов и управлял ими.

А. Скальковский считал, что права, закрепленные за задунайскими переселенцами, обеспечили им возможность превратиться в «образцовое земледельческое народонаселение, которое мы называем «колонистами» и которому равного доселе нет в империи» [Скальковский, 1848: 33]. Интересы переселенцев совпадали с целями царских властей, стремившихся собрать всех переселенцев на одной территории, чтобы управлять вновь созданными колониями и оказывать влияние на их общественную и экономическую жизнь [Маруневич, 1980: 18]. Таким образом, на территории Южной Бессарабии сложилось ядро гагаузских поселений.

Гагаузы сосредоточились в юго-западной части Южной Бессарабии, в долинах речек Ялпуг, Ялпужень, Лунга и их притоков. Гагаузские селения Траян (с 1830 г. – Старый Траян), Дезгинжа, Чок-Майдан, Комрат, Кирсово, Авдарма, Бешалма, Джолтай, Кириет, Конгаз, Баурчи, Гайдары, Томай, Бешгиоз, Казаклия, Чадыр-Лунга, *Еникиой* [Сборник документов, 1957: 546], расположенные на этой территории, стали основой Буджакского округа. Указанные названия за этими селами сохранились до настоящего времени. Следовательно, можно сделать вывод, что характер расселения гагаузов в Бессарабии

в течение XIX в. *почти не изменился* [Маруневич, 1980: 18]. Гагаузские села Чешмекой и Волканешти вошли в I-й Прутский округ; Курчи и Болбока, Етулия – во II-й Прутский округ; Табак, Татар-Копчак, Каракурт, Кубей и Саталык-Хаджи – в *Измаильский округ* [Сборник документов, 1957: 545–546]. А также были созданы новые гагаузские села: Дмитриевка, Карболия, Новая Етулия, Алексеевка, Буджак, Верхний Конгазчик, Котовское, Нижний Конгазчик, Русская Киселия.

Гагаузов Греции и гагаузов Бессарабии разделяет расстояние около 1000 км. Для Северо-Восточной Греции характерно чередование равнин и гор. Климат переходный от умеренного к средиземноморскому. Салоникская низменность – одна из наиболее крупных в Греции плодородных равнин. Влажный мягкий климат. Климат на севере Балканского полуострова умеренный континентальный, характеризуется снежной зимой и жарким и сухим летом.

На территориях, близких к местам проживания гагаузов Греции, протекает три реки – Еврос (Марица), Тунжа, Ардас и ряд маленьких речек, среди которых Ана дере, Бююк дере, Чорулдек дере, Чай дере, Шифтан дере, Девижи дере, и много маленьких озер.

В Южной Бессарабии климат умеренно-континентальный, характеризуется короткой зимой и продолжительным жарким летом. В течение всего года господствуют северо-западные ветры. Зима неустойчивая, часты оттепели. Весна очень изменчивая, направление ветров часто меняется. На территории южной Бессарабии нет больших рек, часто бывают засухи.

В материальной культуре гагаузов Греции и гагаузов Бессарабии имеются общие черты и ряд отличий. В настоящее время в гагаузских селах Греции сохранились дома старой постройки из самана, покрытые красной черепицей, напоминают дома гагаузов Бессарабии начала XX в. Похожей постройки дома были и в селах во время их проживания в Турции. Как писал Мошков: «Быт сургучей, как я уже сказал, очень сходен с бытом гагаузов, но поражает своею первобытностью. Так,

например, плугов железных сургучи не знают и даже уже вышедший из употребления у бессарабских гагаузов, деревянный встречается у них как редкость, землю же пахут чаще всего сохой (сабан)» [*Мошков, 2005: 57*]. В сельском хозяйстве гагаузы Греции занимаются, в основном, выращиванием зерна, хлопка, сахарной свеклы, картофеля, овощей и фруктов. В отличие от бессарабских гагаузов, греческие гагаузы не занимаются виноградарством и виноделием в промышленных масштабах. В начале XX в. было развито животноводство, держали много овец и разводили стада буйволов. Но в дальнейшем, количество овец уменьшилось, а разведение буйволов прекратилось. Единственное стадо буйволов осталось только в селе Хрисохорафа в греческой Македонии.

В этнографическом плане большие различия есть в народном костюме, отличающие греческих и бессарабских гагаузов. Можно сказать, что мужской костюм гагаузов Греции ничем не напоминает костюм бессарабских гагаузов, в то же время, женский костюм гагаузов Греции сохранил элементы, напоминающие женский костюм бессарабских гагаузов. В музее города Александрополиса представлены народные костюмы всех этносов, проживающих во Фракийском регионе. Там же представлены мужские и женские костюмы гагаузов. Эти костюмы, по мнению специалистов историко-этнографического музея г. Александрополиса, характерны для жителей Фракии. Большая коллекция гагаузских народных костюмов собрана в историко-этнографическом музее города Неа Орестиада. Костюмы этнографических танцевальных коллективов из каждого гагаузского села имеют свои особенности: цвет ткани, узоры, вышивка, кружева, покроя и т.д. Богатство и яркость женских костюмов греческих гагаузов разительно отличается от женских костюмов гагаузов Бессарабии, где преобладают сдержанные тона [*Маруневич, 1988: 108*]. В мужском костюме греческих гагаузов привлекает внимание широкие пояса яркой расцветки и ножи в ножнах, которые мужчины носили за поясом. Головной убор «сарык» напоминает головной убор жителей Черномор-

ского побережья Турции. Куртки-безрукавки «елек» носили и греки и гагаузы, головные уборы в форме круглой шапочки не характерны для гагаузов Бессарабии.

При сборе полевого материала у гагаузов Греции выяснилось, что у гагаузов Греции имеются отличия в названии родного языка. В Бессарабии и в современной Молдове и на Украине гагаузы называют свой родной язык «*гагауз дили*» [Гагаузско-русско-молдавский словарь, 1973: 105], «*гагаузча*» или «*бизим-жа*» [Квилинкова, 2007: 397]. В то же время, гагаузы Греции называют свой родной язык «*тюркче*» [Информатор: Чобанидис, 1971]. Гагаузы Греции считают, что турецкий язык, на котором они говорят и говорили их предки в Турции, является языком, навязанным им турками в период проживания в турецком окружении, при этом гагаузы объясняют историческими легендами и приводят в качестве примера народную поговорку: «Язык отдали, но веру не отдали» [Информатор: Чобанидис, 1971]. Подобное объяснение существовало и у бессарабских гагаузов. Гагаузский священник Дмитрий Чакир писал, что в Османский период гагаузы были поставлены перед выбором: «язык свой болгарский переменить на турецкий, а веру свою православную твердо и непоколебимо сохранить» [Чакир Д., 2005: 29]. Об этом писал и гагаузский просветитель Михаил Чакир, который привел аналогичные примеры, основанные на *народных легендах* [Чакир М., 2005: 90]. У гагаузов Греции сложилась двойная самоидентификация. Они называют себя «*урум-гагауз*» или «*грек-гагауз*» [Лука, 2009: 37]. В Османской империи, по существующим правилам, гагаузов причисляли в группу православных христиан «*рум миллети*» [Покровская, 1997: 143]. Самосознание греческих гагаузов формировалось в других условиях исторического развития, чем у гагаузов Бессарабии.

Исследователи гагаузского языка и фольклора отмечали влияние, которому подвергся гагаузский язык в период проживания гагаузов в пределах Османской империи. Ученый В.А. Сычева выявила в современном гагаузском языке более тысячи араб-

ских и персидских слов, признавая при этом самостоятельность гагаузского языка.

Исследователь гагаузского языка Л.А. Покровская исследовала влияние на гагаузский язык караманлийской религиозной литературы и обнаружила группу «религиозных терминов мусульманского происхождения» [Покровская, 1997: 139]. Но при этом она подчеркивает, что, «несмотря на территориальную и лингвистическую близость гагаузских и турецких говоров в северо-восточной Болгарии, трудно предположить, что гагаузы-христиане могли заимствовать арабские и персидские термины устным путем от турок мусульман в процессе непосредственных контактов. Все эти мусульманские термины переосмыслены в гагаузском языке в соответствии с понятиями христианской религии» [Там же]. Анализируя гагаузскую христианскую терминологию, Л.А. Покровская пишет, что «религиозная терминология у караманлийцев и гагаузов почти полностью совпадает», «влияние караманлийской религиозной литературы на гагаузские религиозные термины является бесспорным». Таким образом, можно сделать вывод, что как на Балканах, так и в Бессарабии, проникновение караманлийской литературы в культуру гагаузов, в первую очередь, происходило посредством православной церкви. Если печатная продукция на «караманли» имела ограниченное хождение среди гагаузов, то чтение в церкви молитв, символа веры и других православных текстов, приобщало к караманлийской христианской литературе широкие массы прихожан. «Эту традицию развил протоиерей Михаил Чакир, осуществив перевод всех религиозных текстов, необходимых для богослужений, на гагаузский язык» [Булгар, 2005: 15], который отличается от караманлийского языка как по лексике, так и по синтаксису. Таким образом, у бессарабских гагаузов стал формироваться литературный язык, чего не происходило у греческих гагаузов. Греческие гагаузы пользовались караманлийскими книгами. В настоящее время караманлийские книги в Греции мало кто читает, а служба в церквях проводится на греческом языке.

Региональные особенности гагаузов Фракии проявились в области духовной культуры, которая приобрела характерные для этого фракийского региона особенности. Приведем в качестве примера некоторые особенности православных праздников, отмечаемых как у гагаузов Греции, так и гагаузов Бессарабии. У бессарабских гагаузов на Рождество проводится гораздо больше различных мероприятия и ритуалов, тогда как у греческих – их гораздо меньше. Греческие гагаузы на Рождество колядуют на греческом и гагаузском языках, колядующим дарят сладости «лукум», деньги, молодежь водит по селу манекен наряженного верблюда. Утром в пять часов звонят колокола, все идут в церковь, стреляют из ружей, проводятся гуляния, на площади *танцуют «хору»* [Информатор: Кирьяку, 1940]. У бессарабских гагаузов колядуют на болгарском языке, колядки на гагаузском встречаются редко.

Греческие гагаузы *Пасху* [Информатор: Теохарис, 1958] отмечают следующим образом. Вечером в 11 часов, после звона церковного колокола, все идут в церковь. После произнесения слов «Христос анести!» в церкви все разбивают крашеные яйца, принесенные с собой. На Пасху запекают целиком или козленка или ягненка. В некоторых селах проводятся состязания по борьбе.

В отличие от бессарабских гагаузов, у гагаузов Греции не зафиксированы *«волчьи праздники»* (церковный праздник – 21 ноября). «Введение в храм Пресвятой Богородицы» (по-народному «День хромого волка») *не празднуют* [Информатор: Кирьяку, 1940].

У гагаузов Бессарабии со дня Св. Андрея (Ау Andrey, а по-народному называют «день чеснока») (церковный праздник – 30 ноября) начинались зимние молодежные гуляния. Перед праздником крестьяне совершали определенные ритуалы с надеждой на магические свойства чеснока, которые должны были предохранить людей от злых сил. Вечером перед наступлением дня Св. Андрея бессарабские гагаузы собирались на посиделки. Все, кто приходил в дом, приносили с собой чеснок

и собирали его в одной тарелке. Девушки сажали зубчики этого чеснока в цветочных горшках, по которому гадали о будущем своих близких [*Soroçanı*, 2006: 193]. Греческие гагаузы этот день празднуют по-своему. Гагаузы Греции в день Св. Андрея, варили «Ашуре» (пшеничную крупу с сахаром), сверху крупы в тарелке делали крест из сушеного изюма, освещали в церкви и потом шли за село и разбрасывали эту крупу на поле со словами: «*Берекет олсун!*» [Информатор: Кирьяку, 1940].

Церковный праздник 4 декабря Св. Великомученицы Варвары у гагаузов Бессарабии в народе носит название «*Варвара-Савва-Николай*» [Квилинкова, 2002: 23–24]. На этот праздник в гагаузских селах пекли обрядовую лепешку, ее смазывали медом «баллы пита». У гагаузов Бессарабии существовало поверье, связанное с целительными свойствами обрядовой лепешки. Греческие гагаузы в день *Святой Великомученицы Варвары* [Информатор: Кирьяку, 1940] ходили к соседям с кочергой и говорили «сколько огня в печи, чтобы столько и цыплят было!». Приносили с собой в тарелке вареную крупу и сверху клали изюм, инжир, нохут, сусам, фисташки. По народному поверью, Св. Варвара спросила Богородицу: «Принести крупу?». Крупу с сухофруктами и орешками раздают соседям.

В день церковного праздника *Св. Саввы* [*Soroçanı*, 2006: 195] гагаузам Бессарабии запрещалось работать, а именинники празднуют и готовят угощение «курбан». В Греции день Св. Саввы *не празднуют* [Информатор: Кирьяку, 1940].

Для гагаузов Бессарабии 6 декабря и 9 мая – день *Св. Николая* [Квилинкова, 2002: 25–26] – большой народный праздник. Именинники накрывают столы с угощением и приглашают гостей. Гагаузы Греции не отмечают день *Святого Николая* [Информатор: Кирьяку, 1940].

12 декабря гагаузы Бессарабии отмечают церковный праздник Святителя Спиридона «Спридон». Святой Спиридон считался *целителем от ушибов и порезов* [Квилинкова, 2002; 27]. В Греции гагаузы день Св. Спиридона не отмечают [Информатор: Кирьяку, 1940].

20 декабря гагаузы Бессарабии отмечают церковный праздник *Игнатъев день* [Soroçani, 2006: 195–196]. В этот день готовится кутья «Колива», с которой проводятся действия, связанные с обеспечением плодородия земли, увеличения приплода домашней птицы. У греческих гагаузов не принято отмечать день *Св. Игнатия* [Информатор: Кирьяку, 1940].

У греческих гагаузов организуются и торжественно проводятся храмовые праздники в честь православных святых. Например, общество «Красохори» устраивает 27 августа ежегодный фольклорный фестиваль по случаю престольного праздника часовни Святого Фанурия в Ано Инои, посвященного селу Шараплар (Красохори) в Восточной Фракии, где жили до 1923 г., а также – культурные мероприятия в престольный праздник центрального храма Ано Инои, посвященного Святому Великомученику *Димитрию* [Фольклорно-культурное общество «Красохори», 2007: 2]. В августе 2013 г. на этот праздник в город Орестиада была приглашена делегация из Гагаузской автономии во главе с Башканом Михаилом Формузалом и председателем Народного Собрания Дмитрием Константиновым.

Признанным центром культуры гагаузов Греции является город Орестиада, где проживают около 30 тысяч жителей, большинство из которых – гагаузы. В этом городе создано культурное общество «Гагаузос», руководит которым Янис Пападопулос (Попазоглу), а также священник папа Андон. Именно это общество установило связь с гагаузами Молдовы и в 1996 г. пригласило делегацию гагаузов из Молдовы, а также коллектив «Кадынжа» для участия в фольклорном фестивале в Греции. После установления связей делегация греческих гагаузов побывала с визитом в Молдове. Связи гагаузов Греции и Молдовы окрепли с 1996 по 2013 гг. Различные делегации, студенческие группы, фольклорные коллективы побывали у гагаузов Греции. В 2007 г. в городе Орестиада прошел фестиваль фольклорных коллективов гагаузов Греции, куда была приглашена и делегация из Гагаузской автономии Республики Молдова.

В 1991 г. гагаузы села Ано Инои создали фольклорное культурное общество «Красохори» [Фольклорно-культурное общество «Красохори», 2007: 2], которое назвали так в честь их старого села в Восточной Фракии. Деятельность общества является многогранной и касается, главным образом, защиты и распространения богатого культурного наследия жителей Ано Инои, обычаев и музыкально-танцевальных традиций, фольклора гагаузов. В обществе действуют танцевальные группы для взрослых и детей, которые участвуют на различных фестивалях народных танцев, танцуют и поют народные танцы и песни. Члены общества «Красохори» сохраняют традиционные фракийские гагаузские народные костюмы.

В настоящее время еще одним очагом гагаузской культуры в Греции является село Хрисохорафа, основанное гагаузами-переселенцами из села Кара Халиль в 1923 г. По рассказам старожилов, в селе Кара Халиль жили зажиточные крестьяне, имевшие достаточно земли, занимавшиеся также разведением крупного рогатого скота. Как память о былых традициях, в селе Хрисохорафа сохранилось единственное в Греции поголовье буйволов. По рассказам старожилов, переселенцы искали место для поселения у реки или озера. Так было выбрано *место у озера* [Информатор: Гонас, 1954]. Владелец фермы по разведению буйволов, Гонас Георгиос, один из знатоков гагаузской культуры. У бессарабских гагаузов память о буйволах сохранилась лишь в фольклорных сказках и пословицах.

В 1950-е годы сотни жителей села Хрисохорафа эмигрировали в США. Большинство из иммигрантов обосновалось в пригороде Бостона, став процветающими предпринимателями, по-прежнему «сохраняют связь со своим селом» [Информатор: Василиадис, 1928].

В селе Хрисохорафа создан фольклорный коллектив, хорошо известный в регионе. Коллектив восстановил и исполняет старинные танцы «Талим хавасы», «Калинон», «Пирпириконтта», «Трит пит хавасы», «Нтохили», «Кавал», «Атбик хавасы»,

«Нтеми хавасы», «Топал хавасы», «Рава хавасы», «Пипери», «Тавшан хавасы» [Κοζαρίδης, 2009: 263–279]. Отметим, что у греческих гагаузов репертуар народных песен небольшой. Народные песни, которые бытуют у гагаузов Греции, практически не исполняются у гагаузов Бессарабии. Например, песня «Учурт Георги» и др. В то же время, гагаузы Греции поют песню «Оглан», которая отличается по тексту от бессарабского варианта. Греческие гагаузы поют *турецкие песни* [Там же], например, «Чанак кале» (песня турецкого солдата, воевавшего в первую мировую войну) и др.

Необходимо отметить, что рост национального самосознания гагаузов Греции проявляется также в том, что из их числа появляются исследователи истории, культуры, музыки гагаузов.

Социально-экономическое развитие гагаузов Бессарабии и Греции конца XIX – начала XX вв. характеризуется слабостью национальных элит. Культурно-этнические особенности как гагаузов Бессарабии, так и гагаузов Греции, проявлялись в диалектах гагаузского языка, а также в локальных различиях в духовной и бытовой культуре. В то же время, развитие национального самосознания гагаузов Бессарабии в конце XIX – начале XX вв. привело к тому, что эта группа гагаузов стала осознавать себя как отдельный этнос со своим языком и культурой.

Библиография

Информанты:

- Вурвурис Феопула Кирьяку, 1940 г.р., г. Орестиада, Греция.
Янчиду Хриси Теохарис, 1958 г.р., г. Орестиада, Греция.
Георгиос Гонас, 1954 г.р., с. Хрисохорафа, Греция.
Антониос Каитас, 1927 г.р., г. Орестиада, Греция.
Папа Андон Чобанидис, священник церкви Пророка Ильи, 1971 г.р., г. Орестиада, Греция.
Василиос Василиадис, 1928 г.р., с. Хрисохорафа, Греция – Бостон, США.

Литература:

- Булгар*, 2005: *Булгар С.С.* Из истории литературы гагаузов в XIX – начале XX вв. // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. // Chişinău, 2005.
- Гагаузско-русско-молдавский словарь, 1973: Гагаузско-русско-молдавский словарь / под ред. проф. Н.А. Баскакова. М., 1973.
- Градешилев*, 1998: *Градешилев И.* Гагаузы. Одесса, 1998.
- Иречек К.И.* Няколко бележки върху остатъците от Печенези, Кумани, както и върху тъй наречените народи Гагаузи и Сургучи във днешна България // Периодическо списание на българско книжовно дружество в Средец. Год. VII, Кн. 32–33. Средец, 1889.
- Квилинкова*, 2002: *Квилинкова Е.Н.* Гагаузский народный календарь. Chişinău, 2002.
- Квилинкова*, 2007: *Квилинкова Е.Н.* Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев, 2007.
- Маруневич*, 1980: *Маруневич М.В.* Поселения, жилище и усадьба гагаузов Южной Бессарабии в XIX – начале XX вв. Кишинев, 1980.
- Маруневич*, 1988: *Маруневич М.В.* Материальная культура гагаузов. XIX – начало XX вв. // Кишинев, 1988.
- Младеновъ*, 1938: *Младеновъ К.* Одринскитъ гагаузи // Архивъ за поселищни проучвания // София, 1938.
- Мошков*, 2005: *Мошков В.А.* Турецкие племена на Балканском полуострове. Отчет о поездке на Балканский полуостров летом 1903 г. // Chişinău, 2005.
- Николаос*, 2009: *Николаос Л.* Лука. О происхождении народной религиозной и календарной терминологии наречий гагаузов Бессарабии // Кишинев, 2009.
- Покровская*, 1997: *Покровская Л.А.* Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов // Советская этнография. 1997. № 1.
- Скальковский*, 1848: *Скальковский А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848.
- Советский энциклопедический словарь, 1984: Советский энциклопедический словарь (СЭС). М., 1984.
- Топузлу, Анцупов*, 1993: *Топузлу Г.Н., Анцупов И.А.* Очерки истории гагаузов в XIX в. Кишинев, 1993.
- Устройство задунайских переселенцев..., 1957: Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П. Юшнев-

- ского. Сб. документов, док. «1819 г. декабря 29. Указ Правительствующего сената А.Н. Бахметеву о предоставлении задунайским переселенцам Бессарабии прав иностранных колонистов» // сост. К.П. Крыжановская, Е.М. Руссев. Кишинев, 1957.
- Фотоальбом «Гагаузия», 2009: Фотоальбом «Гагаузия». Chişinău, 2009.
- Фольклорно-культурное общество «Красохори», 2007: Фольклорно-культурное общество «Красохори» с. Ано Инои. Неа Орестиада, Греция, 2007.
- Чакир Д., 2005: *Чакир Д.* Биографический очерк рода и фамилии Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. // Chişinău, 2005.
- Чакир М., 2005: *Чакир М.* История гагаузов Бессарабии // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. // Chişinău. 2005.
- Коеppen, 1854: *Коеppen P.* Die Bulgaren in Bessarabien // Bulletin de la Classe, des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Academie imperiale des sciences de Saint-Petersbourg. T. XI. № 13–14(253–254). Saint-Petersbourg; Leipzig, 1854.
- Оғуз Каракартал, 1997: *Оғуз Каракартал.* Osmanlı Basınında Gagavuz Türklerine Dair Bir Yazı // Türk Dili. № 542. Şubat, 1997.
- Сороçану, 2006: *Сороçану E.* Gagauzların kalendar adetleri. Kişinöv. 2006.
- Αργυριαδης, 2002: *Αργυριαδης Γεωργιος Δασκαλος.* Κατα Χαληα η Χαμενη Πατριδα. Χρισοχωραφα Σεppων, 2002.
- Κοζαριδης, 2009: *Χρηστος Στ. Κοζαριδης.* Εμεις οι Γκαγκαβουζηδες (Ταυτοτητες – Ιστορικες πηγες και η πορεια μας μεσα στο χροωο). ΠΑΡΑΤΗΡΗΤΗΣ. Κομοτηνη, 2009.
- Πραζιουτη, 1998: *Ι.Γ. Πραζιουτη Δασκαλου.* Νεα Ζιχνη δια μεσου των αιωνων. 2η εκδοση. Νεα Ζιχνη, 1998.

Научное издание

**Тюркские народы.
Фрагменты этнических историй**

Ответственный редактор
Михаил Николаевич Губогло

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Компьютерная верстка: Д.В. Громов
Редактор Д.В. Громов
Художник Е.В. Орлова

Подписано к печати 17.11.2014.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 27,6
Тираж 500 экз. Заказ № 33

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский проспект 32а